

С КИ Д И А

Александр Кривцов **Феномен Папанова**

Андрей Молчанов **Канарский вариант**

С турфирмой

"Флегран Турист Сервис"

на остров

ИСКЬЯ

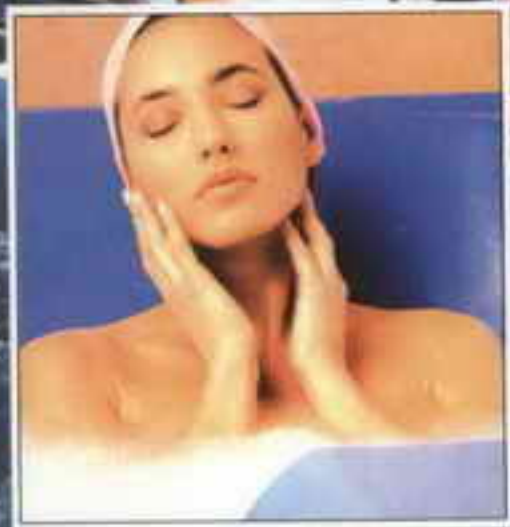
в Неаполитанском заливе

ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ

Целебные грязи и термальные источники

Лечение: ревматизм, полиартрит, ожирение, экземы

Специальной диеты простатит и псориаз, гинекология
и косметика

тел. 912-7360, 912-3979

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1984 года

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИПОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИНЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЖИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВИДОВ

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.06.97.
Подписано к печати 25.07.97.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. фр. отт. 17,84.
Уизд. л. 23,10.
Тираж 52500 экз.
Заявка № 1970

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-38 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832

**Учредитель - коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брана обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

9 (1995) СЕНТЯБРЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 142 *проза* АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ
**КАНАРСКИЙ
ВАРИАНТ**
Детство
- 23 *поэзия* ИЗИСЛАВ ЛИВШИЦ
- 49 ИРИНА ПУТЯЕВА
- 32 *время и место* АЛЕКСАНДР ЕФРЕМОВ
**ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ "МЕНТА"**
- 44 ГАЛИНА БРЫНЦЕВА
**НЕ СМОТРИ
НАСИЛЬНИКУ
В ГЛАЗА...**
- 52 БОРИС БЕССАРАБОВ
44
**ВЕСЕЛЫХ
ЧИЖА**
- 76 ТАТЬЯНА
СМОЛЬЯКОВА
**ЛАСКОВЫЙ
УБИЙЦА**
- 137 ИЛЬЯ РЮМИН
**У БОГАТЫХ
СВОИ ПРИЧУДЫ**
- 4 *ископич и кувезиэра* ИВАН ШЕГЛОВ
**НРАВИТСЯ ЛИ
ВАМ МОСКВА?**
- 57 ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
**ВЛЮБЛЕННЫЕ
ПОД СЕНЬЮ
КРЕСТА**
- 82 ПИТЕР БРАУН,
СТИВЕН ГЕЙНЗ
**ЛЮБОВЬ,
КОТОРУЮ
ТЫ ОТДАЕШЬ**

114 АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ
**ФЕНОМЕН
ПАПАНОВА**

124 ФИРЕНС ГЕВЕРТ
ВАН ДЕЙК

276 АЛЕНА ПИГАРЕВА
КЛЮЧ К УСПЕХУ

■
На 1-й обложке:
фотоотряд ДМИТРИЯ ВОЗДВИЖЕНКОГО
и НИНЫ СВИРИДОВОЙ.

А Н О Ю Н С

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
ДЕНЬГИ
ИЛИ ЗАКОН**

На загородной вилле президента банка Ильи Турова происходит загадочное убийство. Так как убитый - брат Турова, одного из самых богатых людей России, раскрытием преступления занимаются несколько ведомств: контрразведка, угрозыск, прокуратура. Но главными, конечно, становятся полюбившийся читателям герой многих романов Николая Леонова - полковник МУРа Лев Иванович Гуров со своим неизменным другом и помощником Станиславом Нрячно.

РЯДОМ С ГЕНИЕМ

Беседа специального корреспондента журнала с Ириной Николаевной Шимбаревич - многолетним секретарем-помощником великого театрального режиссера Г.А.Товстоногова. Личность, характер, образ мыслей, нравы и привычки человека, создавшего на сцене великое множество спектаклей-шедевров, в которых играли любимые всеми нами актеры, - об этом впервые откровенный рассказ для читателей "Смены".

ИВАН ШЕГЛОВ

ПРАВИТСЯ ЛИ ВАМ МОСКВА?

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОНИЛОВА

Сегодня мы открываем для наших читателей имя писателя, которое когда-то было очень популярно в России, но, к сожалению, незаслуженно забыто. Это Иван Леонтьевич Щеглов, прозванный современниками русским Джеромом. На рубеже веков наши соотечественники зачитывались его юмористическими рассказами. Нарипательным стал легендарный "дачный муж", который был у всех на устах, ему же обязаны и пресловутым "Иван Ивановичем". Настоящая фамилия Ивана Леонтьевича Щеглова Леонтьев. Родился он 6 (18) января 1856 г. в Петербурге. Бедность вынудила родителей отдать сына на воспитание деду – артиллерийскому генералу барону В.К. Клодт фон Юргенсбургу. Брат знаменитого скульптора оказал огромное влияние на становление и формирование личности Леонтьева. Окончив в 1877 году Первое военное Павловское училище, Леонтьев отправляется в действующую армию на Кавказ. На фронте он получил увечье, долго, но безрезультатно лечился в госпитале, поэтому в 1883 году уходит в отставку в чине капитана и полностью посвящает себя литературной работе. Иван Щеглов написал более сотни рассказов и повестей, более 30 пьес, несколько романов, многочисленные статьи об искусстве и народном театре. Настоящая живая жизнь отразилась в его творчестве, характерной чертой которого являются искренность, легкий юмор или горький сарказм. Последние годы его жизни были, можно сказать, сплошным кошмаром: болезни, нищета, одиночество, забвение. Умер И.Л. Щеглов 3 июня 1911 г. в Кисловодске, где и похоронен. Слова, сказанные Щегловым в связи со смертью великой русской актрисы М. Ермоловой в полной мере относятся к самому Ивану Леонтьевичу: «Мы научились хоронить наших лучших людей, но не научились еще их хранить».

Из большой книги "веселых рассказов" "Жизнь вверх ногами" мы выбрали рассказ "Нравится ли вам Москва?" – его особенно интересно читать сегодня, когда столица России отмечает свой 850-летний юбилей.

легко сказать – целых пять лет я не был в Москве!. И вот я снова в патриархальных недрах Замоскворечья, в богоспасаемом “Анкудиновом Подворье”, и – как пять лет тому назад – в том же самом дешевеньком номере надворного флигеля, откуда из окна видны вдали, над горизонтом главного корпуса, золотые маковки церкви Московского Кремля...

“Ах, Москва, Москва, Москва –
Зо-ола-та-ая го-о-лова...”

невольнo вспомнилcя мне патриотический припев, которым умиляли сердца в нашем вагоне, за две станции перед Москвой, какие-то странствующие артисты, оталекая тем внимание от своего талантливoго сотоварища, благополучно успевшего, в момент патриотического воодушевления, обратить в свою собственность мои новые калоши, плед моего соседа-студента и корзину с провизией, принадлежавшую купчихе, севшей в Твери.

Но это маленькое недоразумение не в счет...

Не знаю – нравится ли вам Москва? – а я очень люблю толсто-брюхую старушку, а в Анкудиновом Подворье чувствую себя совсем как в родном гнезде... И, по-моему, эта “Анкудиновка” (как именуют подворье в просторечье), полвека тому назад воздвигнута на берегу реки Москвы известным московским миллионером Кузьмой Анкудиновым, самый умный, так сказать, странноприимный приют, среди многого множества московских гостиниц, подворий и меблированных комнат. Во-первых, номера сравнительно не дороги; а во-вторых, в каждом самом маленьком номерке есть почти все, что нужно, в противоположность обычному типу номеров, где есть решительно все, что нужно, и нет ничего, без чего нельзя обойтись приезжему. Обычные подробности таких обычных меблированных убежищ – представительное трюмо с подзеркальником (со спичечницей без спичек и подсвечником без свечей), пышные массивные гардины на окнах, заслоняющие дневной свет, и над бархатной спинкой дивана, в золоченой раме, олеография более или менее мифологического содержания. Платяной шкаф в таких высококультурных номерах обыкновенно заменяется углой тумбочкой, увенчанной вазой с букетом Макарта; а если на месте, специально назначенном для колченогой этажерки, случайно окажется комод, то в ваше пользование предоставляется лишь один верхний ящик, ибо остальные для своего освобождения давно ожидают содействия искусного слесаря; что же до умывальника, то, как большинство усовершенствованных меблированных умывальников, он страдает хроническим задержанием воды и напоминает скорей Бахчисарайский “Фонтан слез”, чем желанный сосуд для освежения дорожного человека. Излишне при этом добавлять, что стол, предназначенный для питания и писания, по обыкновению, шатается, как неисправимый пьяница, а имеющаяся к услугам чернильница представляет из себя нечто вроде фамильной усыпальницы для местных мух. Очевидно, такого рода меблированные комнаты рассчитаны или на старых кокеток, которые ищут полусвета и не могут обойтись без зеркал, букетов и возбудителей сюжетов, или же обратно – на больших оригиналов, которые относятся равно пренебрежительно ко всякой обстановке, никогда не пишут никому никаких

писем, избегают в чужом городе умыться и нимало не стесняются располагать интимные подробности своего туалета для публичного обозрения.

Не то — старосветская Анкудиновка!.. В ее дешевых номерах (то есть во флигеле, где я жил и живу) ни малейшего признака мишуры и излишней роскоши. Правда, такой анкудиновский номерок наминает по внешности нечто среднее между каютой третьестепенного волжского парохода и спальным отделением вагона третьего класса. Но зато старинного фасона медный умывальник представляет несомненное преимущество для умывания, а внутренние стенные шкапы для платья могут свободно вместить весь ваш наличный гардероб; в свою очередь, простые деревянные столы не качаются, ящики комодов открываются и задвигаются, а незатейливые полотняные шторы отнюдь не скрывают от вас Божьего мира. Кроме того, номерные помещения старозаветной Анкудиновки мудро рассчитаны на семейное и товарищеское начало — за деревянной перегородкой не только полагаются две кровати, но также устроено над кроватями нечто вроде антресоли, равно пригодной для детского ночлега, для размещения студенческой библиотеки или, в крайнем случае, для сна приехавших товарищей. В общем, одному человеку в такой опростелой келье можно устроиться с превеликим удобством — и лет пять тому назад я прогостил здесь целую зиму, и нигде, признаюсь, мне не работалось так покойно и весело. Где как, а в Анкудиновке нет места для скуки... В номере тепло, уютно, а если на вас, невзначай, напала хандра — стоит только отворить дверь в коридор и постоять четверть часа на пороге — и хандры, глядишь, как не бывало!..

8
Коридор — это своего рода Невский проспект Анкудиновки. Верхние этажи, переполненные учащейся молодежью, особенно оживлены; а в третьем — где я живу, — по вечерам импровизируется настоящее гулянье, как на городском бульваре, тем более, что анкудиновские коридоры просторнейшие и длиннейшие — настоящие улицы... Типы гуляющих самые разнообразные: от неизменной влюбленной парочки — студента в поношенной тужурке и барышни с голубой ленточкой, заглеченной в косичку, — до старого, как мир, гимназического трилистника, т.е. трех подруг, сцепившихся между собой крепко-накрепко в знак неразрывной дружбы и каких-то им одним ведомых женских секретов. Отставные полковники, шагающие "в ногу" даже по коридору, вдовы на пенсии, составляющие на коридорных скамьях целый дамский клуб, московские холостяки в синих австрийских куртках и стоптанных туфлях, и розовые, как поросята, гимназисты в серых и черных блузах, подпоясанных ремнем с бляхой — вот остальные непрменные элементы анкудиновского гулянья. Детей — как тараканов. В одном месте, на полу, расселась группа девочек и с затаенным дыханием слушает страшную сказку, которую рассказывает старшая из них; в другом черный, как арабчонок, карапуз в розовой рубашке взобрался на скамью и, держа на голове пустую корзинку от пирожного, неистово басит, подражая местному булочнику: "Хлебы, пироги горячие, калачи"... А в середине коридора победоносно скачет верхом на отцовском чубуке, сокрушая все по пути, другой малыш, с глазами навывкате и в красном вязаном колпаке, и распевает пронзительным дискантом:

"Марш, марш, генерале наш!" – Добавьте сюда появление в разное время булочников и пирожников, торговцев апельсинами и лимонами, яйцами и огурцами, а также старух и молодых с селедками и молоком, клюквой и брюквой, – и вы будете иметь перед собой приблизительную картину местного оживления. Зато и поздравителей здесь в большие праздники хоть отбавляй! Отлично помню, как в мою зимовку в Анкудиновке, в первый день Рождества, кроме обычных мебелированных визитеров, мою мебелированную келью посетили: истопники и банщики, дьячок из соседней церкви, проsvирня и гадалка.

И прислуга здесь тоже особенная, отнюдь не похожая на обычных мебелированных статистов, смотрящих на своих постояльцев, как на какую-то бутафорскую обузу, которую чем скорее сбыть с плеч, тем лучше. Совсем иное дело в Анкудиновке. Живут они здесь подолгу, свыкаются с Анкудиновкой как со второй родиной и входят, так сказать, всем нутром в малейшие привычки и интересы анкудиновских обывателей. Кстати сказать, лакейских фраков здесь, благодаря Богу, и в помине нет; спать ложатся все в одиннадцатом часу вечера, и каждую среду и пятницу повар Анкудиновки отпускает на общую потребу постное кушанье.

В первый мой приезд, в мое зимнее анкудиновское сиденье, прислуживали мне три милых человека: немолодой человек по имени Мелитон, молодой человек – по имени Липат и получеловек – под прозвищем "Юрки". Все трое находились в самой тесной дружбе между собой и все одинаково были премного довольны своей судьбой. Особенно жизнерадостную фигуру представлял из себя Липат – семнадцатилетний смуглый и вихрастый парень, в неизменной голубой рубашке и в черных плисовых шароварах. Его блестящие цыганские глаза постоянно улыбались точно от затаенной неотвязно-смешной мысли, а когда ему приходилось прибирать комнату – мети, трясти, выносить и приносить, черномазая его физиономия сияла такой необъяснимой веселостью и восторгом, точно означенное мебелированное занятие обеспечивало ему какую-нибудь чрезвычайную льготу по воинской повинности. Мелитон, соответственно своим средним летам и кавалерийским белокурым усам, держал себя сдержанно, носил гороховый пиджак и пеструю немецкую рубашку со шнурками и, в противоположность Липату, любителю почесать свой откровенный язычок, изъяснялся больше афоризмами, несколько витиеватыми, но достаточно поучительными и характерными. Что до Юрки, то это был до того подвижной малыш, что за все мое пребывание в Анкудиновке мне даже не удалось разглядеть его как следует. Исполняя при Мелитоне, помимо своей специальности – чистки сапог, – должность чиновника особых поручений, он постоянно находился в бегах, а когда утром стремительно забирал из передней мои сапоги, то я лишь на мгновение мог уловить глазом подол его кумачовой рубашки и левую пятку его стоптанной подошвы.

В мой нынешний приезд, к моему нескрываемому удовольствию, встретили меня те же милые люди (за исключением, впрочем, Юрки, который определился в кондитерскую и был заменен Матюшкой – белоголовым подростком, тонким, как верба, и конфузливым, как институтка) – встретили с тем чисто-родственным радушием, с

каким в старинных повестях добрые крестьяне встречают своего любимого помещика, малодушно пропадавшего в чужих краях. В какие-нибудь четверть часа комната моя была прибрана и переустроена, согласно всем моим мельчайшим привычкам и, в знак особенной любезности, на стене над диваном был пришпилен календарь Генриха Блокка, а перед кроватью, взамен отсутствующего коврика, разостлан старый номер "Московских Ведомостей".

Спасибо, любезный, за все, большое спасибо! — обратился я к Мелитону, когда он зашел в последний раз пожелать покойной ночи.

И вас... чистокровно благодарим на вашей приятности!.. — отпустил медовым голосом Мелитон и почтительно попятился к дверям.

На другой день, ровно в девять часов утра (совсем как пять лет назад) Мелитон постучался тихонько в мою дверь и затем внес поднос с самоваром, с тарелкой маленьких горячих хлебцев, известных в Москве под предосудительным именем "жуликов" и засаленной пачкой номеров "Московского Листка" за целую неделю.

Что-то нового в Москве? — подумал я про себя, принимаясь за чаепитие, и развернул первую газетину сверху, на отделе городской хроники. Каюсь, в Москве я всегда первым делом набрасываюсь на "дневник происшествий", ибо московский дневник происшествий носит всегда ярко бытовую окраску и не имеет ничего общего с тусклой однообразной хроникой Петербурга. Это своего рода поучительнейший московский кинематограф... — Ну, вот, не угодно ли?

"Крестьянин Митрофан Кукушкин, зайдя без всякой надобности в конюшню купчихи Шекоткиной, получил удар в живот от одной из лошадей, вследствие которого вскоре умер".

"Слесарь Емельян Савоськин, поев в день своего ангела рыбьей головизны, купленной в лавке купца Выдрина, к вечеру скончался".

"Мещанин Федор Жаров, проходя мимо лотка с яблоками крестьянина Стриженкова, 15 лет, и вступив с последним в спор по поводу англо-бурской войны, откусил Стриженкову половину левого уха".

"Вчерашнего числа вечером, во время сколки снега, с крыши пятиэтажного дома купца Новодуева, вместе с ледяной глыбой свалились на мостовую: крестьянин Смоленской губернии Леонтий Антошин, 26 лет, и Петр Калошин, 18 лет; а также ушиблен в голову проходивший в это время по панели поручик запаса Николай Нафабрин. Все трое были отправлены в госпиталь, где благополучный исход повреждений признан весьма сомнительным". (Ой, и дешева же в Москве жизнь человеческая!..)

Читаю дальше:

"У Земляного Вала задержан торговец с горячими пышками, Семен Кошкин, 14 лет, который, видя, что товар плохо идет, устроил из пышек публичную лотерею, вследствие чего Семен Кошкин препровожден вместе с пышками и заступавшимся за него учителем городской школы Бюзикиным в ближайший участок".

"У купчихи Анны Кислухиной, проживающей в собственном доме близ Грачевки, похищены из спальни, во время ее послеобеден-

ного сна, неизвестным человеком: лисья шуба, стоящая 750 руб., носильного платья на сумму до 300 руб. И старинные красного дерева часы с кукушкой, стоящие 125 руб. Предполагают, что вор проник внутрь через отворенную форточку".

Ну, крепко же спят в Москве, не дай Бог! Впрочем, это что еще, — а вот полюбуйтесь:

"В ночь на 8-е марта, в Марьиной роще, похищены чугунные ворота, весом в шестьдесят пудов. Ворота спешно заканчивались в слесарной мастерской".

Вы, "петербургские", ну-тко!..

Попадаются и более игривые сюжеты, вроде такой "живой фотографии":

"На Тверской, близ булочной Филиппова, задержан мещанин Восьмигранов, который, вооружившись казацкой нагайкой, бесцеремонно похлестывал последней проходящих мимо дам и девиц — тех из них преимущественно, которые отвечали полным равнодушием на его комплименты. Оригинал, совместно с толпой свидетелей, препровожден в участок, где казацкая нагайка была у него отобрана и составлен подробный протокол".

Или:

"Дворянин Орест Рассыпанов, проходя по Цветному Бульвару, стал настойчиво приставать с любострастными предложениями к жене отставного вахмистра Улите Опенькиной; но не добившись желательного результата, в ожесточении сорвал с нее шляпку, украшенную искусственными полевыми цветами, и стал топтать оную ногами. Делу дан законный ход".

Обычных происшествий, вроде пожаров, драки и подкинутых незаконных младенцев, такое бесчисленное количество, что о них не всегда даже пишут отдельно, а прямо обобщают в одной рубрике, например: "Сего, 9-го марта, в разных местностях Москвы найдены подкинутые мальчики, своевременно отправленные в воспитательный дом" (вероятно, были и девочки, но о них, за излишком незаконного приплода, очевидно, не принято поминать).

Словом, выбирая ежедневно, при досуге, наиболее характерные факты, можно было бы без особенных усилий составить весьма поучительный московский сборник полустатистического, полумористического характера. Но досугу у меня, на беду, в обрез — и, увлекшись московским дневником происшествий, я совсем упустил из виду, что приехал в Москву по делу, и что за чаем засиживаться не приходится...

Спустя четверть часа я совсем готов и выхожу через пресловутые грандиозные ворота Анкудинова подворья на Замоскворецкую набережную. Вид отсюда на московский Кремль восхитительный, но любоваться им умирительно не приходится, так как при первом вашем появлении в воротах вас окружает благодушно-крикливая семья московских извозчиков.

— Ваше здоровье... возьмите меня! — пристаёт один. — Вихрем бы прокатил на резинке!.. Не лошадь в запряжке, а чистый самолет!!

— Не слушайте его, ваше сиятельство! — перебивает другой. — Евоный самолет еще с маслянной сухотку захватил... Уважьте лучше моего чалого, с завода графа Качалова!

– Но-о, вы, броницкие петухи, – осади маленько!! – зычно возглашает третий, высокий рыжий мужик в шапке с малиновым верхом, и, угостив броницких петухов товарищеским подзатыльником, бесцеремонно наступает на меня с явно оскорбленным видом:

– Нехорошо, барин... ах, нехорошо! – лукаво причмокивает он.

– Неужто же забыл старого знакомого – Якова Перезвонова?

С недоумением гляжу на Якова Перезвонова. Но он не унимается:

– Помилуй Бог, лет пяток тому назад, сколько разов ездил с вашим высокородием и к Трухмальным воротам, и в Чикагу, и по всяким прочим – веселым плантациям! Садись, папашенька, со мной – нечего делать подвезу по старой памяти по дешевому тарифу!..

Хотя личность Якова Перезвонова припоминаю весьма смутно и решительно снимаю с себя упрек относительно "веселых плантаций", но самый факт такой народной признательности на протяжении целых пяти лет трогает меня до чрезвычайности, и я без колебания сажусь в пролетку Якова Перезвонова. Но мне вскоре приходится раскаяться за свою излишнюю чувствительность. Сначала маленькая мухортая лошадка Якова плелась как сонная и все шло благополучно; но у самого въезда на Замоскворецкий мост Яков с неожиданной свирепостью хлестнул ее вожжами и без всякой надобности крикнул не своим голосом: "Ну лети, моя малютка!.."

Приняла ли малютка слова его в буквальном смысле или просто испугалась переходивших дорогу трубочистов, но, с своей стороны, совершенно непредвиденно брыкнула задней ногой, махнула кудлатой головой и со всей силой рванулась в левую сторону по направлению к спуску в Москву-реку – словом, не случись по соседству фонаря, остановившего на полдороге безумный порыв, первый мой визит был бы не к известному профессору, а к москворецкому водяному.

– Это черт знает что такое, а не лошады! – выругался я, когда первый перепуг прошел. На что мой возница, каким-то чудом уцелевший на козлах, невозмутимо заметил:

– Знамо дело – молода, в участке не бывала! – И добавил с видимой нежностью по адресу своей полоумной малютки: – Известно, каждая животная тварь радуется, при случае, своей жизни!..

По счастью, остальную дорогу случаев радоваться не представлялось и путешествие совершилось сравнительно благополучно, если не считать губительного поранения, полученного левым колесом пролетки при столкновении с замоскворецким фонарем. По крайней мере, раз шесть во время пути Яков Перезвонов слезал с козел, вынимал из-под кузова какую-то тяжелую железную палицу, вроде гетманской булавы, и изо всей мочи оглушительно колотил ею по больному колесу, причем означенные остановки почему-то пригонялись, по обыкновению, на самых людных перекрестках и задерживали на некоторое время обычное уличное движение. Вдобавок, по окончании экскурсии, старый знакомый испросил у меня субсидию на излечение пострадавшего колеса и, таким образом, дешевый приятельский тариф оказался значительно чувствительнее неприятельского.

А вечером того же дня меня едва не постигла новая катастрофа уже с другим извозчиком, на котором я торопился в театр Корша.

Как раз на Кузнецком Мосту, на углу Петровки, т.е. в самом центре столичного движения, моя возница наскочил на своего встречного и зазевавшегося сотоварища.

- Легче, черт шаршавый! - полетело с одной стороны.

- Осади, чугунный дьявол !! - раздалось с другой...

Глядь - и в мгновение ока у одного... правого колеса как не было, а другого - левая оглобля пополам. Как снег на голову на место крушения появляется городской, и его появление служит как бы условным знаком к началу состязания в наиболее энергичных оборотах русского языка - состязания, приобретающего особый эффект, благодаря сиянию электричества, соседству блестящих выставок, блестящих магазинов и европейскому покрою гуляющей толпы. По счастью, мне удалось вовремя сойти на панель, сохранив при этом в целости обе ноги, и это исключительное обстоятельство ободрило меня продолжить дальнейший путь по образу пешего хождения (к началу спектакля в театре я, разумеется, опоздал). И примеры такой извозчицей расторопности чуть не на каждом шагу. О, московские извозчики, московские извозчики!!

Самый тип московской извозчицей пролетки точно заведомо сочинен для испытания терпения человеческого. В хорошую погоду, когда "верх" пролетки опущен, вы, впрочем, не испытываете особого неудобства, если не считать сиденья экипажа, устроенного для большей прочности по образцу московской мостовой. Но зато раз идет дождь или снег, и "верх" поднят, пролетка сразу преобразуется в подобие доморощенной гильотины, так как при каждом движении лошади этот верх всей своей тяжестью шлепает по спине извозчика в тот самый момент, где начинается шея и кончается спина (а лошадь, как известно, когда бежит, то постоянно движется). Таким образом, сидя во мраке пролетки, вы имеете перед собой символическое зрелище неудачного, но жестокосердного палача, который все время усиленно старается отделить голову вашего возницы от его туловища и, если не преуспевает в этом, то только потому, что московский извозчик имеет шею толстую, и оставленный на ней в дурную погоду зловещий рубец - в хорошую, когда верх опущен, беспрепятственно заживет.

Кроме того, есть еще одно существенное неудобство, даже когда верх опущен, т.е. в самую распрекрасную погоду - это отсутствие кнута - национальная принадлежность, изъятая из рук московского извозчика, как остаток варварства, усилиями дамских гуманитарных кружков. Вследствие этого изъятия, московский извозчик вынужден пользоваться вместо кнута вожжами, которые хлещут гораздо больше кнута, причем удар распределяется совершенно одинаково между седоком и его везущей коняжкой: последней он попадает куда надлежит, т.е. под хвост, а первому перепадает, в силу отдачи, в лоб, в глаз или в голову, смотря по возрасту седока. Поэтому было бы несправедливо думать равно дурно о всех москвичах, которые попадают на улице с синяком или подбитым глазом.

Но так как Москва по преимуществу город контрастов, то означенные изъяны, которые могут быть названы "техническими", с ликвой искупаются дарами, так сказать, "психологическими", кои-ми гг. московские извозчики наделены в изобилии, вследствие че-

го даже окрещены были одним неумеренным патриотом "московскими Шекспирами". Действительно, этого самого "шекспирства" в московском извозчике заложено достаточное количество, и, принимая седока, он не только точно определяет каким-то чисто московским нюхом размер платы, которую можно содрать в данном случае, но сразу входит в самое настроение седока, тонко разыгрывая, как по нотам, самые разнообразнейшие вариации.

Вываливается, положим, из трактира изрядно нагруженный купчина.

- Ваше степенство, садитесь ко мне! - зовет московский Ванька. - У меня все одно, как в люльке, ни одна косточка не помянется!..

Купчина, при помощи половых, лезет в грязную извозничью пролетку и самодовольно отдувается.

- Ну, сел, дурачина - куда ж ты теперь меня повезешь?

Ванька весело встряхивает кудрявой головой.

- Это точно, ваше степенство, что я дурачина, есть малость; а только лошадка у меня больно умница: как раз привезет в самое теплое место!..

Купчина ухмыляется.

- В какое же это такое, примерно, место?..

Ванька искоса заглядывает на седока, чтобы проверить, какое впечатление произвел его маневр, и лукаво уклончиво протягивает:

- Мало ль в Москве распрекрасного полу, который ежели выжидает своей приятной обязанности!..

Купчина окончательно побежден, что так удачно прочтены его тайные мысли, и возбужденно командует:

- Ладно, жарь в пространство! Авось доскачем до города Астраханска!

Нередки случаи, что такой "астраханский седок" загуливает вместе с извозчиком на целые сутки, очищая само собою, последнему изрядный куш.

Или вот "Шекспировский прием" противоположного характера. Подходит, например, к такому московскому Шекспиру интеллигентный господин с постной физиономией и трауром на цилиндре.

- Извозчик, на Ваганьково кладбище!

Извозчик на этот раз торгуется умеренно, но тотчас же, как лошадь двигается, начинает от времени до времени тяжко-претяжко вздыхать.

- Ты это чего вздыхаешь? - спрашивает интеллигентный господин. Возница уныло вытягивает физиономию и сокрушенно докладывает:

- Как же мне, барин, не вздыхать, коли у меня жена в страстную пятницу костью подавилась...

- Померла?

Извозчик, как бы в припадке тоски, хлещет с маху свою лошаденку.

- Известно, отдала Богу душу, оставив на свете сироту Петрушу!!

- А тебя Петром звать?

- Петром, добрый барин...

– А жену как звали? – участливо осведомляется седок, недавно потерявший собственную супругу.

– Жену-то? А Варюшей, Варварой!..

Как-то невзначай выходит, что и супругу господина в цилиндре тоже звали "Варварой". И, в итоге, на обратном пути с кладбища сообразительный Ванька получает солидную прибавку на поминование "рабы Божией Варвары", благополучно, между прочим, здравствующей где-нибудь в Тульской или Рязанской губернии с шестью малолетними будущими Шекспирами.

Иная статья, если садится дама, провинциалка, чем-нибудь, вдобавок, расстроенная... например, дама, у которой накануне вытащили у Иверской часовни кошелек. Только что усевшись на извозчика, дама сейчас же начинает возмущаться Москвой и, слово за слово, рассказывает, как ее очистили у Иверской во время молебна. Извозчик, парень не промах, все время вторит ей в тон:

– Это ты справедливо, милая барыня! Москаль, можно сказать, первый жулик на земном шаре!.. И дохнуть не успеешь, как тебя обмоет в лучшем виде!!

– А ты сам... какой губернии?

Извозчик полусокрушенно качает головой:

– Уж лучше не спрашивай, благодетельница – Московской, накажи меня Бог!!

И глядишь, тот же самый извозчик, эту же самую благодетельницу, спешащую на вокзал или почтамт, куда езды с места ровно четверть часа, таскает добрые полтора часа по разным глухим закоулкам и выгадывает на ее провинциальной простоте вместо законных сорока копеек, добрую пару целковых.

Да что – дама!.. Я сам, на своей собственной шкуре, испытал это "шекспирство", когда, лет двадцать пять тому назад, юным прапорщиком приехал впервые в Москву, о коей не имел тогда ни малейшего понятия... Приехал я поздно вечером, остановился в "Большой Московской гостинице" и наутро, согласно московскому обычаю, решил первым делом навестить Иверскую часовню. Извозчик, которого я имел легкомыслие нанять "к Иверской", сначала помялся, потом поторговался и, содрав с меня полтора целкача, битый час кружил меня по закоулкам и переулкам, прежде чем доставил, наконец, по назначению. Помолившись в часовне, я вышел на паперть, и первое, что мне бросилось в глаза, – огромная вывеска, как раз напротив – "Большая Московская гостиница"...

Как это вам нравится?!

Но, однако, довольно о московских извозчиках – я, кажется, заехал на них чересчур далеко... Что поделаешь, когда сама Москва ни в чем не знает чувства меры – чуть не на каждом шагу самые невозможные контрасты, анекдоты и словесные обороты!.. Москва, в последнем отношении, – какой-то бездонный колодезь... Например, от Анкудинова Подворья до Собачьей Площадки, близ которой обитал мой знакомый профессор, много-много полчаса езды, а каких только курьезов не повстречал я на этом короткохвостом пути...

Так, на Тверской, мне попался ехавший в пролетке вполне солидный господин – в цилиндре, с чиновными баками и сигарой в зубах, но в очень странном одеянии: а именно, укутанный с ног до подбо-

родка, вместо теплой шинели, в красного цвета стеганное ватное одеяло (надо полагать, какой-нибудь чувствительный южанин, подверженный припадкам малярии!). Там же встретился мне обтрепанный московский Ванька с не менее странной лошадейю: белой шерсти, но с мордой ярко-зеленного цвета – были ли то следы московского декадентства или недавнего завтрака в свежее-выкрашенном корыте – по первому впечатлению, конечно, трудно определить... Иначе затрудняюсь назвать двух нарядных и красивых дам, шедших рядом по панели и дружно распевавших на всю улицу дуэт из "Аиды". Очевидно, это были две подруги, вышедшие недавно из Московской консерватории, а, быть может, из московского трактира. Так или иначе, за ними следовала восторженная толпа, по составу, впрочем, напоминающая не столько поклонников классической музыки, сколь страстных любителей полицейского протокола.

А на Арбатской площади разыгралась на моих глазах такого рода интермедия... Громыкает по мостовой широкая четырехместная коляска, в коляске две рыхлые купчихи, жулющие семечки, две приживалки и трое заспанных малолеток – мальчик и две девочки. Как это могло случиться – не понимаю, но как раз на перекрестке, когда купеческая колымага завернула за угол Пречистенки, из нее вывалились на мостовую две шляпные картонки и обе девочки. К счастью, посыльный, стоявший на углу, заметил вовремя катастрофу, окрикнул кучера и обязательно доставил по принадлежности и то, и другое, причем картонки оказались помятыми, а полусонные девочки совершенно невредимыми. Купчихи поохали, поохали и вручили спасителю двух человеческих жизней, каждая с своей материнской стороны, по медному пятаку – очевидная приблизительная стоимость живой московской души.

Самый розыск моего доброго знакомого, московского профессора, не обошелся без анекдота. Найдя не без труда номер дома – ибо в Москве сведения соседей ограничиваются исключительно фамилией домовладельца – я принялся по моей петербургской привычке звонить у ворот в звонок, проведенный в дворницкую. По всему вероятию, я бы прозвонил бесплодно у ворот не только полчаса, но и до самого вечера, если бы мне не пришло в голову заметить мой столичный культурный прием более опростелым, провинциальным, – т.е. без всякой церемонии пихнуть калитку коленкой. Калитка с жалобным визгом отверзлась, и я очутился на обширном и совершенно пустынном дворе. Посреди двора была протянута веревка, и на ней болтались синие военные брюки и коричневая фуфайка; тут же, неподалеку, стоял потухший нечищенный самовар; и при этом кругом, несмотря на тесное соседство трехэтажного дома и двух деревянных флигелей, – нигде ни живой души – обстановка, надо признаться, идеальная для человека более благородной профессии, чем писательская. Мои возгласы и даже вопли не привели решительно ни к чему – и не приключись на мое счастье в одном из флигелей маленькой семейной катастрофы, мне так бы и пришлось удалиться ни с чем... Но, как раз, только я собирался уходить, дверь в одном из флигелей распахнулась, в сенях послышался нехороший женский окрик и чья-то пухлая и красная, как кумачовая подушка, рука выпихнула на двор низенького лысого человека в розовых исподниках и с бабьей кацавейкой на плечах.

Лысый человек, однако, нимало не смутился моим присутствием и, медленно почесав свою спину, философски мне пояснил:

– Ничаво не поделаешь, дядя: у каждого на печи существует своя цензура!..

Я, разумеется, воспользовался поводом осведомиться – не знает ли он, в которой из квартир проживает профессор N (московская знаменитость!).

Лысый философ почему-то ревниво покосился на военные брюки, болтавшиеся посреди двора, и равнодушно промямлил:

– А Господь его ведает, – мы до чужих жизней не касательны!

– А кто же тогда знает?

– А почтарь должон знать! Ен насквозь каждого квартиранта произошел!! – И с этим утешительным сообщением старик поднял, не торопясь, с земли зеленый самовар и направился обратно во флигель, к своей строгой “цензуре”.

Каким-то чудом почтальон как раз столкнулся со мной у ворот, и я, наконец, узнал, что господин профессор проживает в этом самом доме, но только вход в его квартиру с соседнего переулка. Как и следовало ожидать, профессора дома я не застал, так как он уехал в то самое время, пока я беседовал с философом в бабьей кацавейке. Из этого далеко не единичного примера вы видите, что розыск в Москве доброго знакомого сопряжен с некоторыми житейскими нечаянностями.

С досады я отправился шляться по улицам, глаза праздно по сторонам... Записываю две-три сценки, промелькнувшие по дороге. На Арбате из аптеки выходит барышня – малокровная, худая, сухая, общий вид, так сказать, декадентски-унылый; на носу пенсне, под мышкой том стихотворений Бальмонта. Как раз по панели проходят два развеселых подмастерья с новеньким глазетовым гробом на головах.

– Мамзель... не угодно ли?? – галантно пускает по адресу барышни с Бальмонтом под мышкой один из веселых парней, шелкая по крышке гроба.

Не в бровь, а просто в глаз.

На Знаменке, близ Румянцевского музея, другая ироническая сценка. Проходит торопливо, с портфелем под мышкой, чиновник и, видя проезжающего порожнего извозчика, окликает:

– Извозчик – к Земляному Валу?

– Пожалуйста, шесть гривен...

– Четвертак!..

Извозчик придерживает лошадь и с иронической улыбкой приподнимает шапку:

– Вам, барин, может быть, в рассрочку??

Барин на ходу оглядывается и свирепо потрясает зонтиком.

А то, на Моховой, попадаетея мне необыкновенно жизнерадостного нрава мальчуган-подмастерье, босой и с чугуном на голове, танцующий на панели польку; а следом за ним прыгает шершавый шарообразный пес с обрубленным хвостом и лает неистово, до хрипоты, на танцора. Стоящий на крыльце углового дома осанистый швейцар, с военной медалью и фиолетовым носом, нюхает табак и нравоучительно замечает по адресу негодующего песика:

– Смотрите, пожалуйста, какой публицист!!

Что поделаешь, газетная литература делает свое предательское дело!

Заглядываю по старой памяти в Охотный ряд. И здесь не без остроумия, но остроты более грубоватые, в чисто обжорном стиле... В одном месте носатый парень в замазленном картузе торгует мешками для бани и всякой дряни с живописным рисунком, изображающим русскую тройку, запряженную желтыми кошками, и весело распевает:

— Мешок для телячьих кишок... заграничного привозу! Кто купит мешков пару — ставлю тому пару-вару!

А немного далее другой юный охотнорядец, торгующий квасом и стоящий возле мужика с походной кухней, острит по адресу последнего:

— Пожалуйста сюда... хорошие господа!.. Чудеса французской кухни: мышенок в сметане, собаки в маринаде, кошки в томате!!

Забавляются ли они или торгуют — Бог их разберет, — а между тем, глядишь, под шумок красных словечек и вольных прибауток нет да и сходит с рук всякий залежалый товар и сомнительный продукт. И тут же, если только вы будете иметь неосторожность застояться на месте, пред вами, откуда ни возьмись, вырастут точно из театрального люка разные попрошайнические фигуры... Едва я остановился на минуту перед одной посудной лавчонкой, как мне уже перегородила дорогу какая-то слезоточивая монашенка и, протянув книгу за подающим, запричитала: "Чудо неслыханное... икона новоявленная!.. Пожертвуйте на дело благоусердное!" А с боков меня сейчас же осадил — с одной стороны бравый отставной солдат, жаловавшийся на свою супругу, родившую ему накануне тройню; а с другой, — звероподобный оборванец, потерявший, по его словам, в минувшее лето целое состояние на тотализаторе. Не успел я от них отвязаться, как на углу наталкиваюсь на молодую дородную бабу в разорванной ситцевой кофте, которая не без кокетства протягивает мне свою пухлую, обнаженную ручищу:

— Подай, кормилец... выручи бабу — вторую неделю без корсета хожу!

Из обжорного ряда, разумеется, самый непосредственный переход в ресторан Тестова, куда я и направляю, в силу московских традиций, мои стопы.

Хотя к Тестову попадаю я не впервой, но всякий раз, как мне случается заседать в "Большой Московской гостинице" в роскошном зале "Эрмитажа" или Тестовском трактире, меня берет какая-то уничтожительная оторопь при виде моих московских соседей по столу. Боже всемогущий, сколь обильно насыщаются в Москве! Никола многомилостивый, какую уйму люди могут выпить!

Никогда не забуду, между прочим, одного величественного зрелища, коему я был свидетелем в вечер накануне моего отъезда в Петербург, — зрелища, для москвича весьма обыденного, но для меня, петербуржца, довольно невиданного. В боковой комнате ресторана, куда я из скромности уединился, заседала неподалеку от меня за тремя сдвинутыми в ряд столами степенная купеческая компания человек семь-восемь, не более того... Но чего только не было наставлено на этих трех столах! Тарелки с холодной телятиной

и ветчиной, бочонки с паюсной и свежей икрой, сковородки с яичницей и кастрюльки с селянкой, ватрушки и расстегаи, балык и семга, лососина и осетрина, селедка-матушка в разных видах, и всякие сыры и колбасы, мелкие рыбицы и маринованные грибочки. Вдобавок, весь этот пестрый съедобный пейзаж жизнерадостно одушевлялся живописной рошей из разных сортов водок и настоек, начиная от простосердечной "спотыкаловки" до смертоубийственного "сорокотравника" включительно. Словом, если бы какой-нибудь немецкий городок задумал справлять двухсотлетний юбилей своего существования, едва ли бы он смог выставить на свой юбилейный пир такую богатую и разнообразную трапезу. А, меж тем, эта самая сверхюбилейная трапеза уничтожалась с невероятной быстротой тесной купеческой компанией в длиннополых сюртуках и армяках, — компанией, очевидно, непредвиденно сюда толкнувшейся, по самой, так сказать, посторонней причине — не то по случаю вчерашней победы буров над англичанами, не то по случаю предстоящего приезда в Москву Персидского Шаха. И когда на добрые три четверти все съедобное было съедено, а все испиваемое было испито, среди веселой компании наступил некоторый молчаливый, скорбный перерыв, принятый мной, по моей петербургской наивности, за окончание великого пиршества. Каково же было мое изумление, когда один из купчин, лысый, со строгой иконописной бородой — видимо, председатель пира, — подозвав знакомого окаменевшего в почтительном отдалении полового, обратился к присутствующим с таким кратким, но прочувствованным словом:

— Ну-с, господа, — перекусили малость!.. Надо, иначе, основательней обмозговать: что же теперь будем ужинать?!

Наступило новое, на этот раз более продолжительное, торжественно проникновенное молчание.

Я был совершенно подавлен. Можете себе представить, какое глубочайшее презрение должен был питать к моей особе прислуживавший мне русокудрявый половой, подавший мне на ужин маленькую рюмку очищенной, штуфат с макаронами и стакан чаю с лимоном, — очевидно, в его глазах, я был нечто среднее между заезжим чудачком провинциалом и беглецом из приюта для душевнобольных. Так или иначе, решительно не чувствуя себя в силах дать точное понятие о дальнейших кулинарных подвигах моих соседей — гоголевский Петр Петрович Петух и тот, наверно бы, сплюховал в настоящем случае!.. Страннее всего мне показалось то обстоятельство, что, судя по беседе во время ужина, вся честная компания куда-то еще стоваривалась ехать "после" ужина. Этого еще недоставало! Да после этого сверх-ужина впору проспаться двое суток под тем самым столом, за которым ужинаешь, а не то что куда-нибудь ехать, если не заехать ненароком с другом-кондрашкой на тот свет!.. А выпито было столько всякой всячины — не приведи Бог! После такой выпивки, право, трудно ручаться за себя — тут возможно одно из двух: или, выйдя на улицу, убить смаху совершенного постороннего человека или держать на большую сумму пари — совершить путешествие вокруг света на четвереньках. Это же прямо непостижимо, как сильно пьют в Москве — разве только одни сибирские города могут угнаться в этом искусстве с всепьянейшей матушкой-Москвой! В мой прошлый, долговременный наезд в Москву, когда мне пришлось

тщетно рыскать по мелким трактирам и третьестепенным ресторанам в наивных поисках найти дешевый и здоровый стол, я мог убедиться воочию в огульном и бестолковом пьянстве, коему предаются в Москве юность и старость, народ и интеллигенция, купечество и студенчество. Забредут ли в такой низкопробный ресторанчик по дороге из гимназии приятели-педагоги, чтобы посудачить в сотый раз о преимуществе классического и реального образования... попадут ли, по соседству с педагогами, серые торговцы, чтобы наскоро перекусить и побалакать о своих торговых плутнях, да тут же, кстати, поднадуть друг друга на лишний грош... занесет ли сюда же вольным ветром лихую тройку студенческой молодежи, возбужденную горячим спором о последнем произведении Максима Горького или об игре Ермоловой в "Орлеанской Деве", — смотришь, при всех диалогах, возвышенных и жульнических, отвлеченных и практических, мирным посредником является белый графинчик, большой или малый, смотря по состоянию в данную минуту товарищеских карманов... Подчас, когда из такого московского кабака, насыщенного букетом винных паров и крепких русских слов, вырвешься на свежий воздух и оглянешься на мелькающие мимо пролетки с седоками, в глазах спервоначалу рябит — и мне невольно мерещится, что мимо меня треплются на извозчиках не живые, деловые люди, а графины и графинчики, так сказать, большие мерзавцы и просто мерзавчики, приличия ради прикрытые снаружи цилиндрами и котелками, шубами и армяками...

20

Мне даже сдается, что самые дела и делишки, с которыми они беспокойно носятся не суть главные двигатели их грошевицкой жизни, а один только хитрый отвод для шальной мертвецкой выпивки!.. казалось, что могло бы иметь между собою родственного — издания высокотрезвенной книги и кафе-шантан Омона? А я, например, отлично знаю молодого писателя, который для того, чтобы устроить издание своей книги у одного московского книгопродавческого толстосума, вынужден был предварительно промаяться с ним по разным "веселым плантациям", начиная с декадентского Омона до простонародной Грачевки включительно — а книга-то, как на смех, была сплошь начинена проповедью о народной гигиене, целомудрии молодежи и зловредности кабака и алкоголя... Знал я также другого богатея-издателя, имевшего дела с моим другим московским знакомым, пожилым писателем, которому ревнивая супруга строго возбранила таскаться по веселым плантациям. И что ж вы думаете, какую штуку придумал самодур-миллионер? В день, назначенный для переговоров, самолично являлся к скромному писателю на квартиру с коллекцией самых тонких закусок и обильным запасом всякой хмельной одури. И хотя знакомый мой сочинитель занимался исключительно сочинением духовно-нравственных брошюр, но в силу своей земной неопытности, вынужден был принимать на веру безусловное преимущество купеческо-издательской системы. Кстати же, оба богатея-чудодея — оба давно покойные, и о них можно говорить совершенно спокойно, тем более, что даже их могилы увенчаны самыми утешительными памятниками: над первым возвышается художественное изваяние в виде колоссальной порожней урны в декадентском стиле, а над вторым — коленопреклоненная фигура рыдающего ангела.

И это еще все ли!..

И, при всем том, любой москвич, вероятно, обвинит меня в возмутительной ереси, если я публично заявлю, что в Москве... нигде есть!! Оставим на время в стороне трактир Тестова, Большую Московскую гостиницу и ресторан Эрмитажа... Что и говорить – это три самых жирных кита, на которых держится купеческая деловая Москва, и я уверен – поколей неожиданно один из этих китов – иной делец-купец куда тяжелее вздохнет, чем если бы исчез с лица земли Московский Университет, обрушился храм Василия Блаженного или сторела Третьяковская галерея. Я подразумеваю здесь вовсе не купца-толстосума – сверхчеловека в некотором роде, – а самого обыкновенного среднего человека, у которого и карман, и желудок среднего размера, и который желает жить, питаться соответственно своему среднему житейскому достатку. И такой нормальный человек, волея-неволея, наталкивается в Москве на две ошеломляющие крайности... С одной стороны – три кита, в недрах которых порция сельянки обходится четыре рубля, а добрый ужин в доброй приятельской компании пахнет закладом заветного выигрышного билета; а с другой – к вашим услугам нечистоплотная орава мелкотравчатых рестораничков, где после "кокиля из судака" делаются холерные судороги, а после "бутылки бордо" начинается предсмертная икота. Таким образом, среднему приезжему человеку предоставляется на свободный выбор два рода смерти: смерть естественная – от голода, и смерть насильственная – от какого-нибудь дурака-судака!..

Вон в Париже, предприимчивая акционерная компания давно додумалась оцепить город гигиенической цепью дешевых и здоровых рестораничков и, поди, наживает себе изрядные барыши с благополучно завтракающего и обедающего среднего человека... А Москва и знать не хочет о существовании на земле среднего человека – начхать ей на среднего человека! Что до меня, то не напади я случайно на спасительный след двух аккуратных немецких рестораничков, я бы давно, вероятно, разделил кислую участь обыкновенного неопытного приезжего. Ах, немцы, немцы – везде-то они умеют устроиться дешево, чисто и мило! Впрочем, еще Грибоедов напророчил, "что нам без немцев нет спасенья"... Как это ни странно выходит, но нигде иначе, как именно в Москве, научаешься по-настоящему ценить и уважать немца!

Итак, я забрался в алчное чрево первого московского кита, т.е. трактир Тестова. Чрево как чрево, все такое же алчное, но обеденные порции показались мне на этот раз как будто значительно скромнее, и от этого "как будто" мне, как русскому патриоту, сделалось донельзя грустно... Но, очевидно, возможность такого строения предугадана новыми хозяевами, поместившими в соседней зале румынский оркестр – злодейское нововведение, способное, как я убедился на опыте, прогнать одновременно и вашу грусть, и ваш аппетит. Впрочем, остальное все по-прежнему. В красном углу, вместо ожидаемой по нынешнему времени декадентской картины, изображающей зеленую женщину верхом на луне – по-прежнему икона старинного письма с затепленной лампадкой; половые, благодаря Богу, пока еще не во фраках, а в белых русских рубахах... и русского человека, входящего в трактир в русской одежде, пока еще не выгалкивают в шею, как зачумленного.

После обеда я посетил некоторых из моих добрых знакомых и, подавленный многообразнейшими впечатлениями, вернулся после полуночи в мирно спавшую Анкудиновку...

У ворот меня встретил, как и пять лет тому назад, мой давнишний приятель – дворник Агафон, молодой парень огромного роста и умильного простодушия, окрещенный анкудиновцами довольно-таки странным прозвищем “Минин и Пожарский” – по всему вероятно, за свою монументальность и неповоротливость. Агафон был в градусе и фамильярно приветствовал меня на “ты”.

– Откелева, милый барин, приехал этакую рань?

Я не мог не улыбнуться, так как было половина второго ночи.

– Известно, от хороших людей приехал – откуда же иначе!

Агафон сокрушенно покачал своей лохматой головой.

– Никак это невозможно, чтоб от хороших! – полупрезрительно промычал Агафон. – В таком составе от хороших людей, чай, не приезжают...

– А то как же?

Физиономия Агафона сделалась вовсе печальная.

– А так значит – сколько таперича я тебя не ссаживаю с пролетки... и хошь бы живой раз принял тебя нетрезвым? Уважительные ежели господа, ни в жизнь не отпустят приезжего человека в настоящем виде!!

Вот она, чисто московская философия!..

Прохожу швейцарскую и застал совсем непредвиденную картину. Швейцар сидел в одном белье и форменной фуражке, верхом на стуле, и горько плакал, держа перед собою “Московские Полицейские Ведомости”. Несомненно, что он был горько пьян, так как иначе принял бы значительно хладнокровнее напечатанное на первой странице распоряжение московского обер-полицеймейстера относительно очистки выгребных ям. Втайне возблагодарив судьбу, что ключ у меня с собой, а не оставлен на попечении швейцара, поднимаюсь по лестнице в свой этаж... Но еще внизу до меня доносятся издали какие-то непонятные дикие звуки, похожие не то на львиное рыкание в Зоологическом саду, не то на бычачье мычание вблизи скотобойни. Угадайте, что бы это такое? Ни за что не угадаете... Это анкудиновский коридорный! Минувя коридор среднего этажа, вижу – растянулся ничком на скамье взлохмаченный и взопревший парень в задранной кверху красной рубашке, и об одном сапоге – растянулся без памяти и храпит, как добрая рота солдат. Мне и в голову не могло прийти, что с таким мертвецким сном может быть нераздельно соединено такое ответственное звание, как ночной дежурный (что разъяснилось на другой день).

Так запишем для памяти в нашу анкудиновскую хронику: “ночной дежурный это есть человек в красной рубашке и об одном сапоге, который спит вверх тормашки и храпит, на страх недобрым людям, на всю Анкудиновку”. Понятие, признаться, несколько неожиданное, но мало ли на свете завязтых предрассудков, которые перевертываются в Москве вверх тормашками!..

... А все-таки, признайтесь по совести: нравится ли вам Москва?!

СУДЬБА

Скажите, срок какой
 До смерти от рождения?
 Зовем его судьбой.
 В том находя спасение.

Один увидел свет,
 И все. Звезда погасла.
 Второму сотню лет
 Отведено негласно.

А третий, как бутон,
 Расцвет и опадает.
 Чем нам измерить стон,
 Когда людей стреляют...

Судьбой не назовешь
 Насилие над жизнью.
 Из сердца может нож
 Рехой кровавой брызнуть.

За что идут на бой
 Обманутые дети,
 Связавшие собой
 Разорванные сети?

Кто дал приказ убить
 Иль стать самим убитым?
 Могилу брату рыть
 За герб, давно разбитый?

Судьба, опять твердим.
 Как выгодно, неслажно.
 Кто жизнь живет глухим,
 Век проживет, возможно.

ОТВЕТЬ

Ответь не Богу, а себе,
 Ответь в минуту откровения:
 Все, что ты сделал на земле,
 В итоге станет утешением?
 И я подумал: может быть,
 Мне мудрость станет измерением:
 Успел я сына породить,
 И мой итог – его рождение.
 Я дом построил не один
 Себе и людям в упоение.
 Сам раб и сам же господин,
 Руками возводил творения.
 Деревьев рои посадил,
 Чтоб при малейшем дуновении
 Всяк сердцем для себя решил:
 Земля жива, когда в движении.
 Я строки мудрости исполнил
 И все оставил поколению,
 Теперь надеждой перепалнен,
 Что сын мой станет повторением,
 Внук – наше с сыном продолжение.
 Тогда, без всякого сомнения,
 Мой род не подлечит забвению,
 И в час смиренный вознесения
 Я получу его прощение.

ОДИН

С любимыми
не расставайтесь...
Но как быть,
если ушла любовь,
а пустота
заполняется
раздражением,
озлоблением,
страхом.
Что делать
двоим
под одной крышей,
когда уже
нечем дышать —
из воздуха
выкачали кислород
веры, любви
и надежды...

Любовь здесь больше не живет...

Так и представляется: скрипучая дверь на ржавой петле болтается, послушная сивозняку, тоненько "плачет", впуская путника в пустой разоренный дом. Выгорели обои на старых стенах, в углах — паутина, солнечный свет едва пробивает мутные стекла окон... Любовь здесь больше не живет. Или она не живет в душе?

В комнате, где я слушаю Лену, все на своих местах. И потолок не рухнул, и стены не поносились — а дома нет. Дом делится на две части: супруги, промывшие почти двадцать лет вместе, разводятся, разменивают квартиру и разъезжаются. Эта разделительная приставка, как взвизг стекла по стеклу. Разрезанная на две части общая жизнь. Разрезанная любовь.

Я слушаю рассказ Лены. Я не хочу ничего додумывать, пересказывать, излагать. Диктофон, слава Богу, исправно пишет. Полное доверие пленке — тоненькой коричневой ленточке, на которой — надо же! — уместилась целая жизнь.

Жизнь длинной в двадцать лет. От начала и до конца. От рождения до смерти. От любви до ненависти.

Начало

— В то лето я окончила школу, поступила в университет на факультет философии и, не дожидаясь зачисле-

ШАГ

ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ.

Но каким он бывает долгим и мучительным...

ния, поехала в дом отдыха. Его мама там работала главврачом. С ней я познакомилась раньше, чем увидела его. Сначала увидела в окно, а потом на волейбольной площадке.

Я никогда прежде не попадалась на красоту. А тут... Помню, пришла на танцы и ни с кем не танцую – вдруг он придет и увидит меня с другим? Меня приглашали, а я говорила всем, что не танцую. Непонятно было, чего стою...

Часа полтора я так простояла. И он пришел. Пришел – и решительно направляется через весь зал ко мне. Я сразу подумала, что никогда не прошла бы так – через весь зал, когда все стоит, смотрят, танец еще не начался, музыка не играет, и на глазах у всех вот так уверенно подойти... Я бы по стеночке пробралась. Извинилась бы перед каждым. А он так решительно – через зал! Меня это поразило.

Он подошел ко мне. "Наная хорошенькая, – сказал. – И ненакрашенная. Может быть, девушка вальс танцует?"

Я сказала "да" раньше, чем он закончил фразу. И спохватилась, что такая поспешность вроде как неприлична. Меня строго воспитывали...

Потом, через год, когда мы вспоминали эту первую встречу, я ему напомнила, что первые три дня он обращался ко мне на "вы". Он не мог поверить. "Неужели? Я ни с кем на "вы" не разговаривал".

Почему он прошел через зал ко мне? Теперь я думаю, только потому, что все другие были ему знакомы, а я –

новенькая. Он интересовался новенькими. Но тогда меня это не волновало. Меня вообще ничего не пугало. Он каждый вечер был выпившим – меня это совершенно не смущало. Хотя с мальчиками до этого я почти не встречалась. Были ребята, с которыми дружила, была компания на даче, а в ней, конечно, романтические отношения... Но я не позволяла даже провонать себя, не то что поцеловать.

Родители мне внушили: то, что для женщины ничего не значит, – пойти с мужчиной в кино, позволить ему проводить до дома, – для мужчины куда серьезнее. Он видит во всем этом обещание. А я страшно боялась кого-нибудь обмануть. Пока я понастоящему не полюблю, нельзя морочить голову человеку.

Наверное, мне хотелось взрослого друга – не ровесника. Я не могу сказать, что хотела замуж. Я не хотела замуж. Я просто в него влюбилась. Стала таной послушной – слушала его, открыв рот. Мне все говорили, что я сошла с ума. А он назался мне совершенством. Что бы ни делал – мог встречаться с женщинами, пить, мог все что угодно делать – мне назалось, ему все можно.

В детстве я так относилась к красивым девочкам. В классе были таные – я им все прощала. Любые сплетни, любые гадости. Мне назалось, им можно. По праву красоты? Может быть. И ему, мне назалось, простится все!

...Он долго не говорил мне, что любит меня. Мы встречались, и я уже

объявила, что полюбила. И спрашивала: "А ты?" А он отвечал: "Ну что я могу тебе сказать? Сейчас - да, а что будет через три дня - не знаю". И я принимала это как редчайшее счастье.

Временами он был груб, но я считала это проявлением мужественности. Однажды на выходе из метро мы обсуждали, куда пойти. И я зааприсничала: "В кино не хочу, в кино каждый день ходим..." А холодно было. Где встречаться по вечерам? К нему ехать далеко, у меня - родители. Я сказала, что в кино не хочу, и вдруг он встал в этом людском потоке, как снала, и я оказалась к нему прината. Люди в нас утыкаются, ругают, я в полной панике: не люблю быть в центре внимания, готова провалиться сквозь землю. А он выдержал длинную паузу и жестко сказал: "Надень чадру, женщина!"

И больше я уже никогда не спрашивала, куда мы идем, зачем. Он говорил: "Собирайся", - и я собиралась мигом...

Лена сделала паузу. Пауза затягивалась, и лишь чтобы ее заполнить, я спросила: "И тебе это нравилось?"

- Да... Он и в загс привел меня, не спрашивая. Я даже не сразу поняла, куда мы пришли. Был декабрь. Будний день. У Саши был отпуск, а я готовилась к первой сессии - занятий в этот день не было. Он сам заполнил все документы, сказал мне: "Подпиши". Я взяла ручку и поняла, что сейчас произойдет что-то очень важное. "А ты мне собаку купишь?" - спросила на всякий случай. "Хоть двух", - ответил он.

И я подписала.

Его мама меня знала, мы бывали у нее частенько. Както осенью зашел разговор о том, как мы будем зимой встречаться: холодно, ездить-то к нему далеко, как мне в темноте возвращаться? И она сказала: "Леночка, ты напрасно волнуешься. К зиме вы поженитесь".

Сказывается, он уже купил кольца, фату. Он делал это молча, ничего не обсуждая со мной. Он вообще молчаливый. Это для меня слово значит

больше, чем дело. Слово для меня - истина, раз оно произнесено. Я никогда не могла сказать "Я тебя НЕ люблю", потому что мне казалось это страшным. И какой парадокс: впервые я сказала эти слова - страшные! - человеку, которого так любила!

Но это случится позже. Через 20 лет. А тогда - любила. Он брал меня за руку и вел. И я шла за ним. Как бобик. Иногда сама не понимала, почему я так делаю, почему молча за ним иду. Но стоило ему сказать: "Через десять минут иду тебя там-то", - я бегала сломя голову. Только б не опоздать!

Не говорила о нем ни родителям, ни друзьям - никому. И когда уже было подано заявление, тянула до последнего, не говорила. Врала родителям, что иду в университет, а бегала к нему.

- Боялась, что он им не понравится? - уточняю.

- У меня было такое опасение... Мама критически относилась ко всем моим друзьям и подругам, и я понимала, что она непременно отпустит Саше что-нибудь не очень лестное. И что я тогда буду делать? Вдруг он обидится? И уйдет. Что я буду делать? Мама была очень критична. Профессор, в академии наук работала... И меня она не щадила - я все время чувствовала себя недостойной своих родителей.

Когда мне исполнилось 18 лет, мы пришли домой вместе с Сашей. От страха я смутно помню происходящее... Саша сказал, что 24 января мы женимся. Мама ему что-то говорила, предупреждала, что я не приспособлена к жизни. Он что-то отвечал - все было как в тумане. Потом он сказал мне, что щени у меня были красные, а губы - белые. Я пришла в себя, только когда отец обратился ко мне: "Десять минут на сборы - и монешь жить, как хочешь".

В чемодан я пихала лишь игрушки и книги. Плюшевые игрушки до сих пор люблю...

И мы ушли. Он предусмотрительно снял комнату по Невской железной

дороге, станция Солнечная. Господи, какая там Солнечная! Снег лепкал с меня ростом, был вечный мрак – у меня такое чувство, что там вообще никогда света не было. Это потому, что затемно уезжала в университет, затемно возвращалась...

Дом был большой, деревянный, а в нем много-много комнат. Наной-то странный дом. На кухне полно хозяев, меня и плиты не подпсунали. Мы купили двухконфорочную плитку, но если я ее включала, во всем доме вырубался свет. Я боялась выйти, делала вид, что меня нет дома. Я боялась соседок. Они были матерые коммунальщицы, а я в коммуналке никогда не жила, хозяйкой не была никогда, и вообще я была самая молодая, и всем было понятно, что я тут на птичьих правах.

Это черный период... Все время холодно, все время снег и дует из всех щелей. Ночью не могла спать. Сидела и смотрела на Сашу. Думала: "Что я делаю? Было столько людей вокруг: родные, друзья. И я всех оставила. Ради этого человека?..."

Метель за окном, мне страшно, ну почему я здесь? Но я не представлял себе, как бы я жила без него.

Вообще должна признаться, что и накануне свадьбы я не представляла, что делают мунья с женами. Попросила подругу (она старше) просветить меня. И от того, что услышала, пришла в ужас.

Мы сидели в моей комнате, горела только настольная лампа, тень от Юльки, которая почему-то ходила по комнате, металась, как черные крылья птицы. Потом мы долго сидели молча. Я сказала: "Знаешь, с ним я готова дане на это".

Что со мной случилось? Я не думала о счастье, о радости. Просто я должна быть рядом с ним – вот и все.

Я очень любила деда. Может быть, он был единственным человеком, который меня любил. Сильный, уверенный в себе, мужественный. Наверное, мне такого человека недоставало. И я придумала его в Саше...

Родители меня не любили. Теперь их нет, и это не страшно произнести. Я была нежеланным ребенком – о чем узнала уже взрослой. Отец как-то бросил: "Ты – жертва дырявого презерватива". Братьям можно было все, мне – ничего. И я считала, что со мной правильно поступают, ничего другого я не заслуживаю.

Но очень хотелось, чтобы меня любили. Унасно хотелось завоевать любовь родителей. Единственное, что я посмела у них просить, – собаку. Надеялась хоть от нее получить любовь.

Не могу сказать, что в Саше – нешла. Сначала он обращался со мной достаточно жестко. Он меня – взял. Взял – а уже потом появилась нежность...

Он работал на заводе. У него не было ни одного друга – дане на свадьбе свидетелем с его стороны пришлось звать случайного человека. И свадьба была такая: попили у деда чай с тортом и поехали вечером в Ленинград. Дед забронировал нам гостиницу.

Были нутные морозы, я, как идиотка, таскала Сашу по музеям, а ему хотелось скорее прийти в гостиницу и остаться со мной вдвоем.

Потом была та кошмарная комната под Москвой, потом мы снимали другую, уже в Москве – она была чуть дороже, но теплой и светлой. И все стало мягче, и я уже поверила, что он меня любит.

Унасно хотела ребенка. Чтобы он был Сашиним продолжением. И когда родился мальчик, как две капли воды похожий на меня, я отказывалась это признать и убеждала всех, что сын похож на отца.

А ведь мы были женаты уже четыре года...

Начало конца

Еще перед свадьбой он объявил, что у нас в семье будет сухой закон. Я не очень хорошо себе это представляла, так как у нас, в родительском доме, бывали гости и на стол выставля-

лись вина. Но тут возражать не стала – сухой так сухой...

Саша как раз пошел работать в милицию. Стал приходиться домой пьяным. Я еще этого даже не поняла. Потом друзья говорили мне: "Ну как ты не видела? Мы же видели. А ты что – слепая?"

Слепая. Не видела. Я смотрела на него, пьяного, с ужасом, но не понимала, что это значит. Монет, он устал, монет, там работа тяжелая...

Причем пьяным он возвращался, когда уходил на работу в штатском. Он говорил, что бывает и такая работа в милиции, когда требуется гражданская одежда, костюм. Его пьянство пугало меня не само по себе, а лишь потому, что он делался агрессивным. Злым и жестоким.

Вообще-то неприятные вещи я стараюсь не замечать. Когда Саша обижал меня, а обижал – запросто, я придумывала способы борьбы с собственными обидами. Позвонить кому-нибудь из знакомых и рассказать о муже хорошее – какой он замечательный и как мы дружно живем. Или посвящала ему стихи – тоже помогало. Стихи-воспоминания.

А еще был способ – представить себя без него. Вот я сижу одна, в родительском доме, и меня каждый день ругают, и я боюсь сделать что-то не так... И вот я – сегодняшняя. Вот мой дом, мой муж, мой ребенок, мои собаки (он действительно купил двух собак) – какая же я счастливая!

Антону был год. Пренде он не болел. А тут сорвал себе ноготок на пальце. Малышу ужасно больно, и кровь идет. А муж как раз в этот день ушел на работу в штатском. Я позвонить ему не могла, ждала его звонка. Уже узнала адрес травмопункта и собиралась ехать, но колебалась: вдруг он позвонит, нас не будет дома, он будет волноваться. Надо дождаться, сказать ему...

Узнав мужичин за то, что они берут на себя ответственность за семью и несут ее. Потому и была уверена, что

в критический момент Саша бросит все и примчится... И тут он звонит. Я говорю: "Саш, как хорошо, что ты позвонил. У нас такое несчастье!.. Я узнала, где травмопункт, приезжай, поедем вместе". И вдруг он обрывает: "Поезжай одна. У меня работа".

Делать нечего – поехала с сыном. Все обошлось. Но в этот момент что-то во мне все же произошло нехорошее – хотя я не позволяла себе осознать эту перемену...

Потом умирала собака... Сто раз Саша просыпал, опаздывал на работу, звонил и врал, что у него разболелся зуб, поэтому он задерживается. А тут... Я его умоляла: задержишься на полчаса, собака сейчас умрет, я боюсь оставаться одна. "У меня работа", – ответил он. Оделся и ушел.

Дальше – хуже. Я поняла, что он приходит пьяным и уходит из дома... драться.

Я возненавидела его милицию. Я видела, нет, чувствовала: эта она, его работа, делает Сашу таким.

Антон стал называть папу "носолопым" – глядя, как тот все роняет и шатается... А я говорила мальчику, что папа устал.

В праздники, при гостях – только лимонад. У нас ведь сухой закон, это Сашина установка. Я подданивала, врал. Более того, как-то он сказал, что считает унижением говорить кому-либо, что квартира, где мы живем, получена моей бабушкой. И я всем рассказывала, что квартиру получил он. Ему это нравилось. Ложь его не смущала...

Никогда не врал – с ним пришло.

Он рассказывал мне про опасную работу, задержание преступников – я искренне во все верила. Но...

Он приходит, потом уходит и возвращается избитый. Сам явно бил кого-то: все куланы изодраны. Меня пугали эти моменты, но пугали как болезнь любимого человека. Я посвящала ему стихи. Мы десять лет были женаты, а я писала:

*Я знаю, я тебе нужна,
и я живу на свете, значит,
Двадцатый год такая жизнь
в тебя влюбляется иначе.*

Я побилла его безумно — как ненормальная. Когда кто-то из мужчин оказывал мне знаки внимания, в ужасе шарахалась: "Я замужем!" — "Ну и что? — говорили мне. — Я тоже женат". Как это? Для меня тот факт, что я замужем, означал: до меня нельзя никому дотронуться, нельзя взять за руку.

Однажды знакомый парень поцеловал мне руку. Я дернулась так, будто меня тоном ударило. "Я замужняя женщина. Есть только он один. Муж!"

А подружки — то одна, то другая — мне говорили: "Знаешь, я видела твоего Сашу... Он шел с женщиной". А я отвечала: "Тебе показалось. Он не мог быть с женщиной. Он работал". Я была уверена в его честности.

Однажды подруга спросила меня: "Что бы ты сделала, если б муж тебе изменил?" Я ответила, что сделала бы все возможное, чтобы не знать этого. Дале если у него кто-то есть, я предпочитаю бы не знать.

Теперь знаю, что были. Теперь знаю, что он никогда не работал в шатском...

А жизнь шла своим чередом, год за годом. Я работала, защитилась, стала кандидатом философских наук. Антон учился уже во втором классе. Саша каждый вечер возвращался пьяным. Начал меня за волосы таскать. Ударить мог. Запустить тарелкой... Прием сначала все съест (я вкусно готовлю), а потом запустит ее в меня. На лбу шишка, тарелка вдребезги, я утираюсь...

И опять же не обвиняла его, а просто сжечь за него беспокоилась.

Саша уходил в отпуск. А у них в милиции пополнено раз в год проходить медкомиссию. Говорю: "Саша, сжечь тебя прошу, когда придешь к психиатру, раскани ему, что с тобой происходит". Мне казалось, что дело в этом... Он ответил: "Хорошо". Потом ушел в

отпуск, объявив мне, что психиатр действительно назначил ему лечение, что будет ходить к нему во время отпуска. И ходил каждый день. Возвращался пьяный. Я нутно переживала, спрашивала: "Может быть, мне сходить, поговорить с врачом?" Саша запретил.

И все-таки я пошла в его поликлинику. Нашла врача, у которого, как я думала, лечился муж. Врач выслушал меня с недоумением. Никакого лечения он мужу не назначал, его отпустили в отпуск. Вот и все. Мне было ужасно стыдно...

С этого и началось. Саша вышел на работу, а ему оружие не выдают. Открылся мой визит в поликлинику, я во всем призналась. Муж был злой, как черт, кричал, что тот, его психиатр, был частный, а теперь в милиции об этом узнали, его выгонят с работы, а он эту работу любит больше всего на свете и вот из-за меня ее потеряет.

Мне его работа не нравилась. Я считала, что это милиция сделала мужа таким агрессивным. Но никогда не говорила об этом вслух, потому что видела, Саша действительно дорожит своей профессией. И тогда я сказала: "Прости меня. Я пойду к твоему руководству и скажу, что обограла тебя, чтобы тебя уволили". Не могла, мол, миром уговорить — вот и решилась на такой ужасный поступок.

Так и сделала. Переняла позор...

Однажды вечером вышла выгулять собаку. Винку — Саша идет, шатается. И вот тут я наконец позволила себе признаться, да ведь он просто пьяница. Дело не в болезни психики. Пьет — больше никаких объяснений его поведению искать не надо: их нет. И меня бьет только поэтому. Я-то думала, я плохая... А оказывается, он просто пьяница!

От этого открытия я ослепнела. Ни о чем другом думать не могла. И наутро сказала: "Знаешь, Саша, а ведь ты просто пьешь..."

— Лена, — решаюсь ее прервать, чтобы задать самый, быть может, важный в ее судьбе вопрос, — и вот тогда

это с тобой и началось: ощущение, что любовь от тебя уходит?

— Нет! Мне казалось, если мы разойдемся, то я умру. Я не хотела разводиться. Я просто поняла: мой муж пьет. Любимый, безумно любимый муж...

Тогда он объяснил, что вынужден выпивать, потому что какую-то часть приработка он и его коллеги получают на всех, покупают спиртное и вместе пропивают. Не делить же копейки! Я ему объясняла: "Сашка, для меня проблема не в том, что ты пьешь, а в том, что ты обещал мне, что пить не будешь. Ты сам это обещал, я тебя за язык не тянула. Неунели пьянство тебе дороже, чем то, что у нас было, что еще есть?"

Я думала, еще есть...

Однажды ночью он пришел жутко пьяный и начал выяснять со мной отношения. Знала, что это оканчивается побоями, поэтому заранее приготовилась. Сняла крестик, потому что он всегда рвал цепочку — я уже устала новые покупать. Сняла очки — иначе они будут разбиты. И дане оделась соответствующим образом — во что не жалко, если порвет... Бил он меня в основном ногами. Причем не оставалось следов — так, наверное, их учат в милиции...

В ту ночь он бил меня страшно. Я старалась не кричать, чтобы не разбудить Антона. Но он сам проснулся и позвонил в милицию. Он не спрашивал у меня разрешения. Он был уже взрослый мальчик.

Сашу забрали. И когда он вернулся, он мне все рассказал. И про то, что у него всегда были женщины, и про то, что обманывал меня всю жизнь.

А ведь я уверовала когда-то, что нельзя обманывать того, кто тебе верит... У нас в школе был тренер по волейболу. Однажды после игры он сказал нам: "Не вздумайте есть мороженого. Я проверю". Я удивилась: "А как вы проверите? Мы ведь сейчас уйдем, и вы не увидите того, что мы бу-

дем делать". А он ответил: "Но в понедельник я же вас спрошу".

Саша поступал наоборот. Раз я верила — значит меня надо обманывать.

Мне сейчас за все это только стыдно. Ничего, кроме стыда, в душе не осталось. Не жалею о том, что я так любила. Жалею, что своим доверием позволила так воспользоваться...

Конец

— Когда ты все-таки поняла, что больше его не любишь?

— В 92-м умер отец, и с мамой мы примирились. Но оставшись одна, она стала болеть. Я хотела забрать ее к себе, потому что она сделалась абсолютно беспомощной, не вставала, за ней надо было кому-то ухаживать. Спросила Сашу, нельзя ли взять маму к нам? Он отказал. И я стала ездить к ней каждое утро. Дома все приготовлю, оставлю обед Саше и уезжаю. Нормила маму, унолы делала, оставляла унин брату (он жил с ней) и возвращалась домой.

Мама умерла в августе. Я попросила Сашу поехать со мной в морг, потом нести гроб... Он все это выполнил, но на поминки идти отказался. Сказал, что ему надо на работу.

Когда вечером я вернулась домой, то увидела, что ни на какой работе он не был, а сидит дома и наливается. Бутылки кругом, вобла на газетах, колбаса настругана. И какой-то муничок с ним...

И вдруг они стали драться. Все кругом в крови. И я сказала: "или вы уходите, или я уйду". Мне вдруг впервые в жизни стало наплевать, что у нас с ним будет. Или не будет. Мне стало все равно.

Они остались, а я уехала ночевать к подруге. Вернулась в четыре часа дня. В кухне было более-менее прибрано. Тут пришел из школы Антон и вошел в свою комнату. И у него началась истерика.

Оназывается, после того, как они еще раз, уже утром, подрались,

Саша захлопнул собутыльника в комнату сына, и тот спяну все там переломал, закопал кровью. И тогда я начала убирать всю эту грязь, вдруг отчетливо поняла: "Я ЕГО БОЛЬШЕ НЕ ЛЮБЮ". Окончила уборку, отстирала испачканные вещи, что-то выбросила, поменяла белье, успокоила сына... А потом подошла к муну и спокойно сказала: "Я тебя не люблю".

Еще в самом начале нашей совместной жизни мы договорились, что если с кем-то из нас это произойдет — надо сказать. Вот я и сказала. Выполнила договор.

Реакция мужа была следующей: "Ты выгоняешь меня на улицу?" — "Нет, — ответила я. — Но ты должен знать, я тебя не люблю".

На его лице не мелькнуло даже испуга или растерянности. А у меня в душе был один сплошной ужас. Я еще не понимала, как буду теперь жить — без любви.

Год я не встречалась с друзьями. Мне звонили, я ссылаясь на занятость... Я не могла ни с кем говорить: не понимала, кто я. Была любящей женой, а тогда любви не стало — и меня не стало.

Знаете, ведь мне легче было бы продолжать жить с мифом, самой же созданным. Я думала, что могла бы прожить с ним, этим мифом, до конца жизни. Но не хватило сил!

Очень страшно увидеть человека таким, какой он есть. Никогда я этого не хотела, никогда не искала в Саше недостатков. Наоборот, все недостатки превращала в достоинства. Самое поразительное, хотела бы продолжать так жить.

Я считаю, каждый человек вправе поступать так, как ему лучше. Никогда не смогла бы обременить своим нелетом окружающих. Не потому, что я такая хорошая. Просто мне так лучше.

Мне было лучше быть счастливой, и я была счастливой. А когда я разлю-

била — я сделала не то, что для меня лучше. И меня не стало.

— Ты смогла бы полюбить снова?

— Я всегда была готова любить. Антон как-то сказал: "Я очень боюсь, что ты выйдешь замуж за кого попало". Мальчик понимает, что любовь — мое главное воплощение. Преданность, верность, служение муну — это моя суть, содержание.

— Это сегодня редность.

— Не знаю. Таким был мой дед. Его жена — моя бабушка — была женщиной образованная, говорила по-французски. Она была верной спутницей жизни. Но при этом не давала муну, родным нианого тепла, никакой нежности. Она была занята портнихами, паринмахерами, собой!

Как-то, уже будучи замужем, я спросила деда: "С бабушкой очень трудно, вы такие разные люди. Тебе никогда не хотелось с ней разойтись?" А дед ответил: "Вот смешная! Я же сам женился. Не под дулом же пистолета меня под венец поставили?"

Я бы тоже так могла — любить муну всю жизнь. Штамп в паспорте для меня ничего не значит. Но значат слова. Если я сказала: "Я не люблю тебя", — значит, и живу так.

Знаете, чего больше всего я теперь боюсь? Очень боюсь ненависти. Мне кажется, она, как любовь — если всплывает, избавиться очень трудно. А ненависти уже близко.

...Помню, перед самым концом, предчувствуя его, я стала умолять Сашу поехать куда-нибудь отдохнуть. Мне казалось, я еще могу справиться с собой, задержать приближение этой ненависти. Задержать этот долгий шаг — он действительно один — от любви до ненависти.

Саша меня не понял. Не услышал.

...За плотно закрытой дверью слышу шаги. Кто-то прошел коридором, звякнул ключами, вышел. Это он, бывший муж. Ушел, видимо, на работу. Лена не знает, куда он ушел. Он ушел из ее души. И этим все сказано.

...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...

...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ "МЕНТА"

АЛЕКСАНДР ЕФРЕМОВ

...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...

...и в то же время...
...и в то же время...
...и в то же время...

Через третьи руки достались мне "мемуары" бывшего участкового, бывшего следователя и бывшего майора Александра Ефремова. Это был фундаментальный труд: пятьсот с лишним страниц машинописного текста. Я его читал несколько дней. Читал и видел усталых, часто пьяных, всегда матерящихся, дурно одетых наших ментов. Видел и других людей, которых эти менты выслеживали, били, сажали, выселяли из Москвы, спасали. Еще видел московскую окраину: зага-

женные общаги для "лимиты", обшарпанные многоэтажки, вонючие пивнушки...

Потом позвонил Александру. Встретились. Мужик как мужик. Уже не мент. Доработал до пенсии и ушел из милиции. По-прежнему курит только "старорежимные" забористые папиросы. Я испросил разрешения подготовить публикацию... скажем так: по мотивам его мемуаров. Саша согласился. Тогда я предупредил его, что в тексте придется резко сократить количество матерных слов, конми избытует рукопись. Саша согласился и на это, сказав, что без употребления неформальной, выражаясь по-научному, лексики ничего бы не написал - потому что такова жизнь, такова служба, таковы люди...

А за перо взялся именно потому, что захотелось рассказать нам, нормальным людям, какова же эта жизнь, какова служба...

ГЕОРГИЙ ШАРОВ

2 «Семь» 9/97

"Возьми, да и опиши все в натуре..."

В девяносто не помню каном году в пятницу петом вышли мы со знакомым адвокатом из Матросской тишины (были мы там с ним по сугубо слухе надобности). Погода великолепная, и тому мне и вечер еще не наступил. На углу люди из соседней больницы пили пиво. Яков тоне предложил освесниться после прогорных стен и сказал: "Давай зайдем к моей знакомой, недалеко тут живет..."

Пришли мы к знакомой. Я ее где-то видел. Она называется, она в кинофильмах снимается. Стали у нее освещаться. Через час и ней подруга приехала - поэтесса. Блине и ночи поэтессу на лирину потянуло - начала стихи декламировать. Совсем умом ушла... Через несколько минут я ее за стол воротил и принялся рассказывать, как жизнь складывается в действительности. Артистка мне и сказала: "Давай ты будешь нам сценарии писать, а мы спектакли по ним ставить". В душе я глубоко плюнул на эти слова. А утром мне адвокат говорит: "А ведь она подарила тебе хорошую мысль. Ты возьми да и опиши все в натуре. Авось, когда-нибудь опубликуют".

С тех пор я думаю: прослунил человек много лет, никогда ни в каких партиях не состоял, поэтому всю профилактическую, оперативную и следственную работу выполнял своими руками. За это время всякое повидал, в разных ситуациях побывал, с разными встречался людьми - и с живыми, и с мертвыми, во всех видах, позах и разрезах. И ведь это во все не изнанка бытия. Монет, кому-то и хочется, чтобы это было изнанкой. А я, старый уже мент, отслушив четвертной, как и положено медному солдатскому котелку, слышу так: дудни! То, что кто-то назовет изнанкой, и есть бытие. Наше с вами. Там что нечего воротить нос и отводить

глаза. В конце концов, я решил и сел за стол...

Лукич

В милицию я попал сразу после армии. Почему? До сих пор ума не приложу. Та же армия остатки моего школьного романтизма съела напроочь. Одною — попал и попал... Отучился в милицейской школе — и в участковые. Распределился в контору подальше от дома. В район новостроен. Может, думал, квартиру мне там удастся получить. (Кстати, хотя и не сразу, получил...)

Я в тех местах и прантину проходил. Вот тогда, еще прантинантом, я и усвоил первый ментовской урон. Жизненный, хотя все в этом уроне было завязано на смерти...

Заболел как-то мой тогдашний наставник Володька, и пошел я в обход с другим участковым Федором Лукичем. Обслуживал он частный сектор — деревню за железной дорогой. Старый был участковый. Лет пятьдесят ему было в то время. Участник войны. Идем мы с ним по деревенской улице — все с ним здороваются. Вдруг высканивает из-за забора испуганный мундик и лепечет: "Лукич! Пошли скорее... Там, — называет имя, — только что повесился". Я подобрался и начал туда заворачивать. А Федор Лукич как шел своей дорогой неспешно, так и идти продолжает и думает какую-то свою тяннущую думу. Мундик туще пренного разорался, рюмками стал помахиывать и убеждать Лукича, что не врет. А Федор наш Лукич идет себе дальше. И никакого внимания на мундику. "Федор, — говорю, — Лукич. Как не так? Туда надо бечь!" А Лукич мне, как Сухов Петрухе: "Молчать". И мундину: "Не физдипини. Чтобы этот хрен собачий повесился? Никогда не поверю. Иди лучше — похмельись". А мундик по новой: "Правда, Лукич, правда. Повесился. Мы с ним уже похмелялись сегодня. А он

взял и повесился прямо у себя в комнате". Ну, блин, смотри, — говорит Лукич, — нали обманываешь — я тебя сгною".

И вот Федор наш Лукич, как хозяин, входит в дом. Я — за ним. Сенцы проходим. Мундик нам дверь в комнату отрывает. Точно: висит там хрен на веревке. Ноги, как учили, болтаются в воздухе.

"Федор Лукич, — голосит мундик, тот, который живой, — делай что-нибудь скорей!" А самого молотун морозный бьет. И тут замечаю я, что повешенный-то еще жив. Хочу кинуться к нему, чтобы, значит, успеть из петли вынуть, но спотынаюсь о Лукича. Смотрит Лукич на еще живого висельника и выговаривает мунднику: "Не обманул ты меня. Действительно повесился твой друнок. А вот если бы ты меня обманул, то я бы гноил тебя до самой твоей смерти, а так, видно, совесть в тебе пробудилась, никогда не поверил бы, что такой... может повеситься. Ну, ладно. Беги на улицу, позови кого-нибудь в понятия". Мундик из дому высочил...

Пляну я, а повесившийся уже того... откинулся, дошел, стало быть, до кондиции. Вот тут Федор наш Лукич и говорит: "Слава тебе господи! Нанонец-то отмучилась..." "Кто отмучился-то?" — спрашиваю. "Да жена его бедная отмучилась. И дочь." — "Почему?" — "Пил да издевался над ними всю жизнь. Отъявленный был негодяй. Ну и ладно. Садись, пиши протокол. Да пойдя спервоначалу ножик каной на кухне найди, срезать надо этого..." Сбежал я на кухню за ножом. Чиркнул им Лукич по веревке. Плехнулся труп на пол. Что-то в нем даже булькнуло внутри...

Вот и понял я, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь... Не по Гегелю понял — по участковому Лукичу. И не надо мне, смертному менту, брать на себя функции Господа нашего Бога. Не надо вмешиваться в Его промысел. История эта аучу-

лась через несколько лет. Не сама по себе, а другой историей. Точнее, их у меня было множество – тех, что продолжали дело нашего Лунич. Тут важно одно заметить: Федор наш Лунич знал, что творил. Умен был и мудр...

Как я совершил преступление

Так вот. Иду я нанто вечером по участку. Хотел было по пути завернуть кое к кому, но передумал – вдруг муж дома окажется. Эти сомнения и задержали меня на улице и преопределили встречу, после которой я узнал, что совершил преступление, усугубленное служебным положением. Попалась мне на пути женщина... Я ее знал. Год назад поступила мне из Склифа телефонограмма. Там у них один тип срочно собирался одеться в деревянный бушлат, потому как отравился дихлорэтаном. Тип этот был страшным снотом. Жестоким. Жена вечно ходила забитая. Боялась его, как огня. И ребенок рос таким же забитым, в страхе и отцовской злобе. Я до него долго добирался, все ждал момента, чтобы схватить за задницу. Но он меня не дождался, сам принял меры...

Ну что – проверять на предмет возбуждения уголовного дела надо: вдруг там с этим дихлорэтаном чего не так. Пришел к жене. Прошу объяснить. Она и объясняет. Пошел он ночью похмеляться на кухню и перелугал там водку с дихлорэтаном по причине потемон и сумеречного состояния организма. А когда начал слепнуть, то перелугался и сам себе вызвал "снорую". Только ему уже никакая "снорая" помочь не могла. "А где, – спрашиваю, – он дихлорэтан достал и зачем?" Жена отвечает: "Этого я не знаю, он мне про свои дела ничего не рассказывал". Ну так тому и быть: нет оснований для возбуждения уголовного дела. Оформил я со спящей душой отназой материл и с удовольствием забыл про

этого, как раньше говаривали, хралюдола.

И вот встречаю его вдову. И что я вижу! Смотрится она уже совершенно нормальным человеком. Взгляд у нее открытый. Спина распрямилась. Походка свободная. С такой бабой не грех и согрешить, честное слово. Разговорились мы с ней. Порадовались, что жизнь нормально течет... Да... А был бы жив этот, который муч, то она бы давно в гробу сама ленала. И неизвестно, что с ребенком было. Ей бы на этом и остановиться в разговоре-то, а она: "Вот поэтому я и подменила ему водку дихлорэтаном". Сназала и осеклась. Страх ее моментально скрутил. И сделалась она такой же, наной была при "живом понойнине".

Что делать? Рассмеялся я. Может, и не слишком веселым и беззаботным получился мой смех, но баба от него духом окрепла. "Молчи, – говорю я ей. – А то из-за тебя и меня еще привлекут. Ребенок-то не знает об этом?" – "Разве можно" – "Ну, тогда мы с тобой не виделись и не разговаривали ни о чем. Поняла? Тебе в какую сторону? Ну, а я в другую пойду. Будь здорова..."

Лунич, Лунич... Он, когда ходил со мной по поселку, уже доживал ментовской свой век. А вместе с ним доживал свой век тот старый, памятный многим людям из моего поколения участковый, к которому тянулась за помощью в разных делах вся округа, которого вся эта округа знала... Ачисиня не Ачисиня, дядя Степа не дядя Степа, но ирянистый, разумный мужик, вечный третий судья, умеющий в одночасье разрешить любую жизненную коллизия, не довести до греха, не допустить зла, а коли оно случилось, то без умствований встать перед ним. Мы, что помоложе, были уже другими. Мы уже были детьми системы. Нас уже носнулось разложение. Мы вынуждены были жить в нем и дышать его вонью.

Экскурсия в паноптикум

Пойдем, читатель, на мой участок в мой паноптикум. Совершим экскурсию...

Вон там живет злобная баба. Дети у нее под окнами в "классики" играют, так она вся ядом изошла: чуть ли не каждый день требует разогнать их, да еще чтобы родители детишек тех розгами посекли... Говорят, она нем-то при Берии была. А у самой между тем в квартире может срываться родственник, который дернул со строя народного хозяйства — его туда суд загнал. Звоню бабне в дверь. Она из-за двери: "А я вам не отброю, я вас не знаю". Нам же, не знаешь! Весь загрифон проела... Дербальзнул пару раз в дверь плечом. Рухнули препоны. Осмотрел квартиру — нет никого. Баба обрадовалась и злорадно так говорит: "Ну все... Я теперь жаловаться буду, что вы мне дверь сломали". — "Ах ты, старая провонаторша! — ору на нее. — Сама меня позвала, сказала, что кто-то у нее дверь выломал, а теперь на меня говоришь?" На такую наглость она ответить мне не смогла.

Следующий адрес. Тормону на лестнице трех смуглых мужиков. Но не кавказцев. "Давай, — говорю, — документы". А у них паспорта заграничные! Болгары! "Там чего вас к нам занесло?" Один и заявляет, что они у Воблы ночевали. Вот те на! "И куда же вы теперь направляетесь?" Она зывается, им на работу надо, спрашивают, как побыстрее до центра добраться. "Лучше всего, — объясняю, — вам на автобусе доехать до метро, там пересестя на троллейбус и ехать ровно три остановки до венерического диспансера. А там проверяться, проверяться и еще раз проверяться, а заводно сделать профилактику от сифилиса и триппера". — "А что? — спрашивают болгары. — Она плохая женщина?" — "Не пробовал, но знаю".

После болгар пошел я к ней. Она мне не открыла. Тогда я вышиб

дверь и снял с нее, с Воблы, лимитчика. А потом зашел к ней еще раз. И вытряхнул из квартиры народного судью. Правда, из другого района. "Что ж ты к этой падле затесался? Порядочных женщин, что ли, нет?" — "Откуда я знал, что она падла такая!" — "Эх ты... А вице с людьми работаешь, самнешь их, а не видишь, кто под тобой лежит". — "Извини, друг, только не сообщай на работу. Ты никуда не уходи, я сейчас вернусь". — "Не надо мне от тебя ничего. Беги в диспансер. Проверься там со страшной силой".

А на первом этапе, под Воблой, жил не то еврей, не то немец, но выдавал он себя за хохла. Что не мешало ему год отмутузить по 206-й статье за хулиганство и быть законченным пьяницей. На одной с Воблой лестничной площадке жил азербайджанец по кличке Фарман. Жена его всю жизнь занималась спекуляцией. ОБХСС знал об этом, но не трогал. На втором этапе жила Лерне — беспорочная б..., потому как страдала бешенством матки. Муж не выдержал ее бешенства и сбегал куда глаза глядят. Стала Лерне потягивать к себе домой всех мужиков подряд. Прямо при дочери. Потом и дочь у мамочки набралась опыта. А работала она в каком-то медучреждении и воровала там лекарства. Воровала и продавала окрестным бабам с наценкой за риск.

Жила там и директорша обувного магазина. Ходила в золоте.

И жил еще в моем паноптикуме человек по фамилии Алябьев. И не было у Алябьева ног. В Москву его продали из деревни. Мне ведь что всезнающие старухи рассказывали... У Алябьева, как и у остальных, ноги сначала росли. Жил он в деревне. И по молодости да еще после войны перепортил там всех девон и баб. За это его наказал Господь. И устроил ему аварию с транктором. Бежать Алябьев перестал, он стал прятаться. Для прекрасной половины

деревни это оказалось еще хуже. Спрятается, бывало, Алябьев в какую-нибудь нору и ждет там. Никто только увидит бабу на расстоянии вытянутой руки – шасть ее и, как паук, тащит в нору. Сиделись в той несчастной деревне, кто сколько мог, и продали Алябьева в Москву какой-то общей родственнице. Пусть, мол, человек в Москве понимает да полегчает, глядишь, и отрастут у него ноги. А не отрастут, так и хоронить его легче будет. Вот баба-то и польстилась на приданое. Думала, что он не жилец. Но Алябьев помирать не собирался. Пил зверски. И бил всех, до кого только мог дотянуться.

Жили у меня на участке и великое хозяйство два гомосексуалиста. Правда, тихо жили, никому не мешали. Рядом с ними какой-то начальник из арбатского бара "Жигули". У него еще приемник из машины уцрала, а я эту крану раскрыл. В том же подъезде баба, трахнутая на всю голову, писала от руки листовки и расклеивала их по стенам. Потом эта старуха ходила на митинги с Ампиловым и кричала там, что хочет от него ребенка. Был у меня еще мужик прямоком из МВД, от него из-за вечных пьянок сбегала жена. Малолетний гаденыш еще в том же подъезде обретался: промышлял по чердакам. И еще семейная пара, в ЖЭКе работали. Жена нильцам двери поднигала, а потом попала в тюрьму за крану. И еще, еще, еще...

И ведь такие экзemplяры живут на каждом участке. Во всех городах, по всем весям. Выходит, что нормальных семей, нормальных людей насчитывается процентов десять. Думаете, ошибаюсь? Но у меня на участке – точно никак не больше.

Я ходил по квартирам и проверял паспортный режим, вылавливая тех, кто жил без прописки. Кого выгонял, кого санал. Кого с легким сердцем, кого с тяжестью на душе. Ломился в

притоны, в которых видел почерневших от дурной водки бесполок существ – давно уже не людей. Я описывал разлопнившиеся трупы умерших стариков. Лаялся с кановским начальством – воровливым и нахрапистым. Я пил водку во всех окрестных магазинах. И знал всех продавщиц. Я заханивал в гости и одиноким и не так чтобы очень барышням. Врывался в общагу и гноил несчастную и бесправную лимиту, которая ради московской прописки, обещающей более-менее сытую жизнь, готова была на все.

Ипостаси милицейского мордобоя

Я скажу, что без мордобоя обойтись никак невозможно. Ибо это великая панацея, прекрасное профилактическое средство. Иной раз это – единственный аргумент, который только и можно выдвинуть, чтобы решить проблему и забыть ее.

Хотя, оно, конечно, по-разному бывает. С мордобоем. Всякие промашки случаются. Нанто приезжаем мы с моим начальником Володькой по вызову на хуторок. Он, хуторок этот, считается военным, а живут там все, кому не лень. Заходим в баран на второй этаж. Отрывают нам две напуганные бабы – жена, значит, и теща. "Что у вас случилось?" – "Муж пьяный хулиганит. Вот – ее избил, а сам спать улегся". Мы и скажи жене: "Ну и ты его избей, пока он пьяный лежит". "А можно?" "Почему нельзя? Давай". Схватила она тапок и начала лупить по телесам. Тот только во сне мычит и рукой лениво отмахивается. Мы советуем: "Ты не так его бьешь. Ты его по этим... По причинному месту". Изловчилась она и попала нуда надо. Как же, бедный, он взвился! Увидал народ в комнате и давай всех материть, дескать, всех нас он завтра разявляет, что все мы у него пойдём на буну икс и все такое прочее.

"Ах, вот ты наной!" Привезли его в контору. И минут пятнадцать там с ним разбирались по всем правилам процедурного искусства. Совсем шелковым стал мушкетер. И гонор у него пропал. И вежливость появилась. И жаловаться он никому уже не собирался. Оказывается, он просто хотел сказать, что сам является помощником прокурора... Ах, ты... Вот он — наш абзац. Как всегда, подкрался незаметно. Уставились мы на него. Не знаем, что делать. А мушкетер продолжает оправдываться, дескать, все мы правильно сделали, а то он совсем уже облаглел. "Ну, раз правильно, — говорим мы ему, — то не побрезгуй, выпей с нами за знакомство". — "Не, я пить больше не буду". Станан в это время ему уже протягивается. А рука прокурорская к этому станану автоматическим образом тянется. И водка стремительным потоком переливается в прокурорское горло. Часа через два стали мы с ним задыхающимися друзьями. Отвезли его с почетом домой на машине. А на прощание даже целовались.

Хорошим он мушкетером оказался. Все жаловался на тещу и жену, которая ей подвывает. Он потом еще несколько лет в районе судьей работал. Квартиру получил. Да и выбросился с пятого этажа. Насмерть. То ли сам допил до зеленых чертей, то ли жена с тещей довели, то ли выбросил его кто — об этом ничего неизвестно...

Нан-то дежурю я по конторе. И сообщают мне, что погоним этим вечером молодой гнус по кличке Крот на участке у моего коллеги (подпольная кличка Овощной) ножом в сердце убил отпетого раздолбая. А раздолбай этот имел многократно судимого брата. И этот брат, в свою очередь, в тот же самый знаменательный срок отбывал у нас пятнадцать суток. Крот тут же пришел с повинной и даже нож принес. Отправили Крота предупредительно сидеть в другое отделение — подале-

ше от брата убиенного. (Но тот все равно узнал. Что немудрено, поскольку в дежурке нашей все слышно, что творится в намере, а в намере вся дежурка прослушивается замечательно.) А вслед за тем приходит Овощной.

Я ему и рассказываю: так, мол, и так. А он и возрадовался: "Ах, — говорит, как все замечательно получилось, от двух подонков сразу на участке избавился". Вот эти слова и услышал брат убиенного. И немедленно сделал заявление своему соседу по намере: вот выйду, и настанет Овощному абзац, замочу гада. А сосед этот не просто так с ним сидел, потому как был нашим агентом и должен был расколоть брательника на предмет совершения оным неизвестных нам преступлений... Закончился у брата срок. Вышел он из конторы. Мы предлагаем ему сесть в машину. Он говорит: "А вот весь хрен до копейки. Все! Кончился мой срок". — "Ни фиги не все, — отвечаем. — Все будет, когда порем". Впихнули его в машину. Привезли к подъезду, где брата его замочили. Затащили на крышу. Говорим: "Прыгай, твою мать!" — "Да вы что?!" — "Прыгай, тебе говорят!" Сами к краю его подтаскиваем. Забегал по крыше, как таранан ошалелый. Часа два мы его по крыше гоняли и вниз головой сталкивали, пока из него весь дух не вышел. Упал он на руберид и просит пощады. Тогда мы его спрашиваем: "Рассказывай, сука, кого ты за брата хотел замочить?" — "Овощного хотел. Только теперь понял я все". — "Кан ты его хотел замочить?" — "Хотел его после работы подстеречь и ножом запороть". — "А чего ж ты Крота не решил замочить? Садился бы к нему в тюрьму и мочил бы его там". — "Я уже больше никого не смогу замочить, — отвечает. — Сломали вы меня полностью. Отпустите. Я уеду откуда совсем". Видим, он и вправду уже готов. "Уматывай, и чтобы мы

тебя больше не видели здесь!". Пошел он от нас по крыше. Нам показалось, что стал он раза в два меньше ростом. Исчез из Москвы. Несколько лет не появлялся. А ведь кто его знает... Глядишь, и зарезал бы нашего товарища. Поздно было бы тогда лонти нусать. А так: и Овощной жив-здоров, и мушкетер вместо "вышки" за убийство сотрудника милиции отделался легким, в общем-то, испугом...

Все мы ходили под ментовским нашим богом. И был он, когда лумав и коварен, когда благожелателен и милостив.

Колодец

Иной раз приходишь к себе на опорный или домой и думаешь: как не это ты сегодня жив остался? И ничего не можешь придумать. Вроде как все можно списать на случайности. Только таких "случайностей" по несчастью на год приходится... Когда должны были по тебе панихиду заказывать, а ты как-то так вывернулся, что все закончилось станком водни, который ты выпил, чтобы руки дрожать перестали и мысли гудеть.

И ведь не опер ты, не волнодав. Тихий, мирный участковый...

Захожу я как-то в дежурку. Все там движется своим чередом: опер с дежурным о чем-то своем, девичьем, препираются. А тут как раз заходит начальник наш. И надо ж таному случиться – звонит у дежурного телефон. И дежурный точно, как в фильмах, – не снимает, а прямо-таки рвет телефонную трубку. С жаром рвет и с пылом, поскольку видит перед собой суровые глаза начальника отделения. Ему там чего-то в ухо говорят. А он бодро переспрашивает: какой труп, в каком колодце? И ануратно записывает ответы в "черную книгу природы". Потом отвечает: дескать, обязательно приедем,

водитель вот только с обеда вернется. И трубочку вешает...

Начальник, виню, лицом подробился и спрашивает: а в чем, собственно, дело, какой-токой труп на нашей территории может быть в обеденное время? Дежурный докладывает. Забрались к нам на территорию рабочие на предмет обследования газовых люков. Трое пошли с утра пораньше в деревню, а трое шустрили на нашем пустыре, что прищывает к невероятно секретной воинской части (ее прапора со всей округи крали стройматериалы и строительную же технику). Так вот: те, что в деревне работали, к обеду пришли на пустырь, глинули в колодец, а там ихний труп на дне, в том смысле, что их человек из той трицы, которая на пустыре нувырчалась.

Начальник внимательно посмотрел на меня и на опера и сказал, что никакого водителя ему не надо. Он, стало быть, сам машину поведет. А вместе с ним поедет, как и положено, опергруппа – в наших с опером физиономиях. Едем "на труп".

Видим, колодец как колодец. А на дне, и вправду, лежит труп. Мы с опером уже было собрались лезть вниз по снабам, но начальник легонько отстраняет нас в сторону, сидывает пидначком, дает его нам подернать и говорит: "Вы, хлопцы, пока здесь покурите, а раз я начальник, то должен сам все проверить. Вот вытели сам справиться не сумею, тогда вам поручу исполнение". И полез. А глубина приличная. Метров пять вниз и, значит, столько же обратно.

Стоим. Нурим – как и было приказано. Однако слышим, ползет начальник обратно. Мы продолжаем выполнять приказ и ждем, когда он разъяснит нам обстановку. Только что-то долго он поднимается. Вроде как уже у самой поверхности. Но дальше – ни шагу. И дышит совсем не так, как должен дышать начальник – задыхается и даже хрипит.

Тут я и отвалился грубо нарушить его приказ. Сунулся в колодец. И вино: начальник-то наш уже сознание потерял. Бледнеет в колодезном сумраке лицом и оседает вглубь. Не помню, как успел схватить его за руку, которая каким-то чудом еще на скобе задержалась. Успел и вторую руку его зацепить, за нее и вытащил его на белый свет.

Начальник отдышался и сказал, что в колодце вовсе даже не один труп, а целых три. Тут же и версию изложил: нанюхались газу. "И я, — говорит, — тоже, видать, нанюхался, раз такое приключилось..." Сел на машину и газанул с остервенением.

А мы остались. Не поймем, в чем дело. Рабочие к нам подошли. Тоне никакой ясности от них не прибавилось. Глядим, снова поднатыкает начальник. "Сейчас Мосгаз приедет, — говорит. — А до его приезда никаких шагов предпринимать не будем". Ладно: Мосгаз это правильно, кому еще в газах разбираться... Идем. Начальник тем временем желающим рассказывает всякие жуткие газовые истории. Вроде как есть такой газ, который один раз вдохнешь и все — попытка отбрасываешь однозначно. А есть, рассказывает, другой газ. И был с этим, другим, газом в Москве случай, когда в одном месте один раздоблбай принудил от спички, а в другом месте крышка люка улетела за километр, а ее не всякий мужик так просто с места сдвинуть может.

Мосгаз приехал в виде какой-то бабы. Она потырилась, какими-то приборами повертела. Не может определить, что это за газ. Ну, точно — неизвестное науке химическое образование. Хоть стой, хоть падай. Тогда кликнули военных химиков. Те оназились ребятами ушлыми. Сразу додумали, что это ядовитый газ. Стоит, говорят, его два раза вдохнуть — и приемный покой в Склифе монет уже ни о чем не беспокоиться.

Как же это начальнику нашему удалось в газовой атаке выжить?

Приняли так: трупы полезли в колодец в девять утра, а крышка все это время оставалась открытой, воздух и газ прониклись друг к другу диффузией, воздух всю эту ядовитость хорошо разбавил. Мы приехали в половине третьего — время для диффузии было. Все это и спасло начальника. К тому же пил он и курил не больше нас. А евели без шуток, то начальник-то от нас смерть увел. Он там, в глубине, сообразил, что дело пахнет даже не керосином, а гранданской панихидой. Не стал он у трупов гульс измерять, как его и нас в ментовских шнолах учили: понял без того — отходили свое ребята. И полез обратно, чтобы нас туда не пустили. А по идее-то должен был послать нас с опером. Не послал.

К этому времени народу на пустырь стеклось — видимо-невидимо. Милиция народ от колодца отгоняет. Машина еще одних военных привезла. Потом приполз экскаватор. И принялся рыть пологий спуск в колодец. Прорыл. Из военной машины выпростались водолазы с анвалангами на спинах. Нырнули в колодец сбону. Вытащили трупы. Тут как раз и пронурор поднатил радостный. А чего ему не радоваться: вся работа уже сделана. Оставили мы пронурора с трупами возиться — пусть хоть этим займется. А нас несчастные случаи не касаются.

И только потом уже я сообразил: это мне в глаза смерть ненароком заглянула. Да начальник взгляд ее увел в сторону, на себя малость оттянул.

Показательный процесс

Что такое милицейский участок в Москве? Считаю, почти город районного подчинения. До двадцати и больше тысяч населения. И один участковый на опорном своем пункте. Уследи тут...

Жило у меня примерно сто человек, от которых можно было ожидать любую подлянку в любую пого-

ду. Основные "силы зла" концентрировались вокруг магазина. Но главными были семь человек: Володя Хромой, Нарась, Никотин, Штирлиц, Буратино, Фриц и Виталик-номитетчик. К ним примыкали Щуна, Вобла, Наблун и Наташка-Живая Рыба. У всех у них было не по одной ходке за плечами. Только Буратино отсидел один раз. А Виталик пока еще не сидел. Все они были покорежены жизнью. И все они были из жизни вычеркнуты. Но об этом не жалели. И никому не завидовали. Ничего ни у кого не просили. Никого не боялись.

Главарем нашего "организованного преступного формирования" был Володя Хромой — молчаливый, угрюмый музик. В тюрьму он ушел, когда еще Сталин был жив. Отсидел полжизни. Вышел на костылях. И жена его тоже отсидела восемь лет — "за колоски". Он людей видел насквозь. И никогда за своей жертвой по следу не шел. Он заранее знал место в овраге, на который выходил магазин, куда пьяная жертва должна была скатиться от магазинного толковища. Загодя лонился Володя недалеко от заколдованного этого места. Выпивал стаканчик красненького и ждал. Вот нагрузится человек и спускается в овражек отдохнуть. Сядет, приляжет, да и уснет. Володя подползал к нему, как змей к ничего не подозревающей Еве. И сиропупезно счищал все карманы. Проснувшийся музик иной раз сдуру пер в милицию. Ему там говорили: "А хрена ты пьяный пришел? Сам все пропили. Иди отсюда". Поймать Володю было невозможно. Он при посторонних в овраг не заползал. И подсунь ему провонатора, так Володя стал бы его беречь лучше родного дитяти. А какие профилактические меры можно принять к инвалиду? Ничких...

Другие были попроще. Пили вместе с жертвой, раскручивали ее по полной программе, потом кто-нибудь затеивал драку, во время которой у

жертвы пропадало все, что только могло пропасть. А все вместе они удерживали тучи над моей территорией. И ходили эти тучи хмуро. То убийство из них выплескивалось, то разбой, то грабень.

Однако разгонять те тучи — чаще всего нам ни по силам, ни по времени. Потому как вся наша основная работа сводилась к беспорядочному барахтанью в разных заявках, запросах, установках, проверках, бытовых дразгах и вообще хрен знает в чем. "Почему у тебя КП (книга происшествий) не закрыта? Почему нет таких-то показателей? Почему снятых нет?"

К примеру, приезжает начальник к себе в контору. Собирает заместителей. Сидят они и решают: кому бы на совещании листок вставить за плохие показатели в назидание другим? Оперов трогать нельзя — те по лезвию бритвы ходят и преступления прячут. Распистонишь опера, так он сдуру возьмет, да и выдаст все преступления на-гора. Тогда всем сразу, включая начальников, настанет абзац. Музиков из "профилактики" тоже нельзя — их там всего двое: одного не нанакнешь — другой разобидится, и вот вам полез сор из избы. Детских работников, то есть бабу из "детской комнаты" стыдно ругать принародно. Остаются одни участковые. Но этот службач вроде бы пока старается; этот пьет, но зато работает; этот отпор может дать. Тогда давай вот этого назовем: не курит, не пьет, и вообще непонятно, чем он тогда на своем участке занимается. Выговор ему объявим? Ну зачем уж сразу выговор-то? Так, попозорим его слегка перед коллентивом, и хорош. Не злодеи же мы какие-нибудь... А тут, глядишь, и остальные призадумаются.

И так всякий раз. И так какое-то совещание. Так было в те времена. Так продолжается и в нынешние, хотя и слово "партбюро" все помнит давно перестали, и замполитов теперь по-другому называют.

Закрываемость преступлений

У нас ведь главное что? Не раскрыть преступление, а закрыть его, не раскрывая. Чтобы не было его. Чтобы не думать. Чтобы не морочить себе голову. Нет, конечно, если кого-то из высокопоставленных или "новых" богатых оприходуют — опера землю рожот, с участковых последнюю шнуру сдирают. А вот убьют каного-нибудь пенсионера или старуху, слесаря или пятаушника, то...

Попадаются мне оноло дежурки две женщины. В годах уже. Плачут и возмущаются, что милиция никаких мер не принимает. Оказывается, пошел утром мужик в лес собаку выгуливать и увидел там повесившегося человека на дереве. А это их кан раз родственник. "Скорая" труп не забирает без протокола осмотра. А милиция приехала и тут же уехала. Дежурный им объясняет, что это не наша территория, а соседнего отделения милиции. Женщины говорят, что были они уже в соседнем отделении, а их оттуда к нам присылают. И так несколько раз.

В этот момент заходит в дежурку зем по розыску и сообщает женщинам, что с территорией разобрались окончательно и что им нужно идти в другую милицию.

Ушли они. А у меня на душе хорошо сделалось. У людей горе, а их полдня мурыжат из-за каной-то территории. Каное им дело до наших территорий?! "А каное дело, — объясняют мне, — что граница между территориями проходит по лесу, ориентиров там никаких нет. И если им, то есть тому отделению, раз попустить, то люди будут кандый день вешаться на их территории, а мы будем ими заниматься". "А кан территория определители?" — спрашиваю. "Планы кание-то достали, сличили, и получилось, что в метрах полутора на чужой территории труп находится". — "А что же они сразу не стали

им заниматься?" — "А они так же думали, кан и мы, пока им бумагу под нос не сунули".

"А подям-то каново?" — спросил я. — "А причем здесь люди?" — ответили мне.

И так кандый день... И кандый год...

Скорбное участие

Я знал всех на своем участке. Меня знали все. Скажите, а сегодня вы знаете своего участкового? Знаете, что он вообще существует в природе?

Не работаю я уже в милиции. Пришел срок — уволился. И не было во мне сожаления. Горечь разве что... Тут ведь кан можно рассуждать: ну ладно, грязь, вонь, матюги, водня из опилок, беспрестанный мордобой. Только все равно понимал я, что люди на моем участке, канкие бы они ни были, канким бы ни был я, нуждаются во мне. И не во мне кане, а в моем присутствии. Знали, что смогут в случае чего прийти ко мне. И я худо-бедно помогу. Жену у пьяного мужа отобью. Детей в обиду не дам. Иной раз и на работу устрою — и такое бывало. Да и кражу, если кто свой сподобился, раскрою. Вон украла же упомянутая мною Щука у одной старушки задрипанный телевизор марки "Ренорд", так я этот телевизор из пасти у Щуки вырвал, а саму Щуку сажать не стал, потому кан была она несчастным огрызном человека женского рода. Велел ей квартиру менять, чтобы не видеть ее и не слышать...

Надо было мне меть-одиночку тащить за тунейдство в суд, который бы ее и посадил, обязан был я это сделать... А женщина эта была виновата только в том, что не могла пойти работать — двух детишек надо было обиханивать, вот и приторговывала по мелочи. Посадили бы ее, а детей нуда? На помойку?

В детский дом? Не потащил я эту женщину в суд. Велел сидеть и не показываться на глаза. Потом что-то таное с работой для нее устроил.

А уж сколько я с прописной нахимичил! Об одном этом можно целую поэму написать. И уж точно пару десятков нормальных мужиков, которые за гулькин нос загремели в зону, уберег от новой посадки за нарушение паспортного режима – ну негде им было жить, негде! Возвращались они в Москву, к женам и матерям, а их не прописывали, гнали... А если попадались они, то и шли по новой на нары. Мне они попадались... Но не все, слава Богу, шли на нары. Не все...

Но и преступников настоящих я брал. И тащил их в родной свой онолоток, и отправлял дело в суд. И шли они в тюрьму, потому как там и было им самое место.

Да только и без прописки обойтись было нельзя...

Сейчас вот обходятся. И что? Нынче на участках уже не паноптикумы функционируют, а филиалы самых свирепых зон, дочерние предприятия от Бутырки и Матросской тишины. Страшно.

И на все про все, на всю эту нуть – один участковый.

Кое-кто из моих друзей все еще служит в милиции. Не потому, что это им нравится. Но потому, что хотят они честно добить полюбивший им срон – уйти ровно. С сознанием, что накой-никакой, а долг свой выполнили.

Участковый... А прежде называли – онолоточный.

Чудится в этом слово иное – участие. Так и выходит: ведь мы, участковые, нан никто из прочих ментов, участвуем в этой людской жизни, где круто перемешано – грязь и праздник; боль и удача; слезы кровавые и смех.

И все это полной мерой – на участкового...

✓
Равенство находится на кладбище, и только там.

Ж. Левис

Татьяна Мельникова — артистка, которая
работает на сцене театров в течение
30 лет. Она была замужем за артистом
и режиссером Александром Митрополитом.
После его смерти она осталась одна
и воспитывает сына, сына артиста.

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

НЕ СМОТРИ НА СИ

...иногда...
...Пареньки...
...иногда...

...иногда...
...Пареньки...
...иногда...

ФОТО ВИЛЛА МЕЛЬНИКОВА

...иногда...
...Пареньки...
...иногда...

...иногда...
...Пареньки...
...иногда...

ЛЬНИКУ В ГЛАЗА

- Я знаю, спасло меня лишь чудо! Или... Бог? Что это было, что на меня нашло – и сейчас объяснить не могу. Но только когда тот мерзавец уже разорвал на мне кофту и полез под юбку, я вдруг рухнула на колени и стала молиться. Ни разу в жизни до этого даже не перекрестилась, не знала ни одной молитвы, никто меня никогда не учил, а тут вдруг... Я крестилась истово, не останавливаясь ни на секунду. Крестилась и кланялась, крестилась и кланялась... И при этом говорила и говорила какие-то слова. Ни за что сейчас ни одного не вспомню, но это была молитва... Все вместе это походило на безумие – и состояние мое, и сама картина: час ночи, пустая детская площадка с качелями, здоровенный мужик, нувырнувшийся через меня, когда я так резко на колени бухнулась, и я сама – отвешивающая отчаянные поклоны в песочнице...

Этот случай рассказала сорокалетняя школьная учительница, моя знакомая. Я же вспомнила его в разговоре с кандидатом психологических наук Феликсом ШЕЙНО, занимающимся проблемами винтимологии – науки о психологии и поведении жертв преступлений.

Феликс Михайлович не согласился со мной, что счастливое избавление женщины от изнасилования носило характер некоего чуда. Чудесным, сказал он, было лишь то,

что ее страх и отчаяние приняли формы поведения, неадекватного ситуации. И в первую очередь – с точки зрения насильника. Который, если можно так выразиться, был вправе ожидать более нормальную, соответствующую реакции своей жертвы: когда страх и отчаяние рождают паралич воли, лишают человека способности не то что сопротивляться, но вообще что-либо предпринимать для своего спасения. А тут вдруг такой внезапный и яростный взрыв эмоций! Причем настолько мощный и искренний, что сам преступник оказался как бы "выброшенным" за рамки его энергетического поля (вспомните, в каких выражениях описывала жертва нападения собственное состояние: "истово... безумие... экстаз" – в такие минуты орунующее перестает для тебя существовать). И насильник ретировался. Не в силу вмешательства потусторонней силы, а подчинившись обыкновенному инстинкту самосохранения: происходившее его испугало, он поспешил убраться подальше от такого источника опасности.

Случаи, подобные этому, – когда жертве удается устрашить своего палача, заставить его растеряться и отступить от преступного замысла, – в криминалистической практике не такая уж и редность. Иные стали просто хрестоматийными: их приводят в качестве примеров на лекциях студентам в юридических вузах, рас-

сказывают младшим коллегам опытные следователи и оперативники. Многие такие "милицейские байки" (основанные, тем не менее, на достоверных событиях и имеющие реальных прототипов) известны и Феликсу Шейно.

- Для начала давайте подумаем, кто мы такие? Обычные люди, обычные. Простые граждане, не пользующиеся бронированными автомобилями, услугами охранных агентств и не держащие - Боже упаси! - никакого оружия ни дома, ни в карманах брюк или сумочках. Да, мы - мирные, законопослушные. Отнюдь не герои. Но сегодня мы - все без исключения! - являемся потенциальными жертвами криминального разгула. Достаточно сказать, что примерно каждый пятидесятый гражданин России становится нынче жертвой аферы, кражи, грабена, сексуально-го насилия, разбоя, хулиганства...

Но что же, спрашивается, нам, негероям, в сложившейся ситуации делать?

Меня всегда разочаровывали так называемые практические советы - как бороться с напавшим на вас преступником. Женщинам рекомендуют бить его в пах или по голени острым каблуком. От мужчин требуют изучать приемы самбо или нартэ. В большинстве случаев эти советы либо ничего не дают (потому что чаще всего жертва оказывается в психологическом шоке, в коллапсе), либо резко ухудшают положение атакуемого (искусством драки он владеет, разумеется, хуня "профессионала").

Как же уберечь свою честь, достоинство, здоровье и жизнь нанонец? Разве что попытаться воздействовать на преступника психологически. Это не так много. Но... и не так мало.

Прежде всего - и это очень важно - не надо чувствовать себя жертвой. У меня был пациент, ко-

торый несколько раз с пугающим постоянством становился объектом внимания криминального элемента. С него срывали дорогие меховые шапки, грабили в подъездах, избивали. Один из обидчиков, подросток, был задержан подоспевшими милиционерами в момент нападения. Его спросили, почему он выбрал в качестве своей жертвы именно этого человека. Юный бандит ответил: "От него что-то такое исходило, что я сразу понял: с этим можно делать все что угодно, он "готов" заранее".

А потом, когда мы обсудили происшедшее, мой пациент в очередной раз с тоской пытался меня убедить, что "его случай - безнадежен": он постоянно ощущает себя жертвой, постоянно ожидает нападения и - боится. За несколько секунд до грабена мужчина встретился глазами с подростком, который высматривал себе жертву, и... понял, что на него сейчас нападут. Словом, заранее превратился в "кролика".

Вообще это очень важно - не встречаться с подозрительным, вызывающим агрессивные намерения человеком глазами. Автором нехитрой этой рекомендации можно считать замечательного знатока и большого знатока животного мира Конрада Лоренца. Он в своей книге "Нольцо царя Соломона" писал, что при встрече с чужой, незнакомой собакой ни в коем случае нельзя пристально смотреть ей в глаза. Прямой взгляд человека может довести животное до бешенства, до сверхагрессивного исступления.

Преступник же в чем-то подобен животному: часто становится рабом примитивных инстинктов. Рассуждение это, конечно, не может претендовать на оригинальность (еще со времен напрасно забытого Цезаре Ломброзо), но чего уж точно не следует делать, так это идеализировать преступника. Благородные разбой-

ними и галантные насильники – чепуха. Помните: подавляющее большинство преступников – люди достаточно неразвитые, в чем-то обездоленные, страдающие тысячами комплексов, психологически крайне неуравновешенные; злобные, предельно циничные. А потому в противоборстве с ними хороши приемы простые, “бесхитростные”. Вступать в полемику, пытаться взывать к совести, разуму, жалости бандитов – в девяносто девяти случаев из ста дело пустое.

Моему приятелю, тоне психологу, живущему в блинном Подмоскovie и работающему в Москве, приходится регулярно ездить на электричках. Иногда – глубокой ночью, в пустом вагоне. Несколько раз он мог стать жертвой грабителей. В вагон заваливалась группа парней, от которых за километр, как говорится, разлило криминалом. Это были так называемые банды на колесах, “железнодорожные робингуды”. Действуют они, как правило, безнаказанно. Связываться с ними крайне нежелательно, ибо рискуешь быть выброшенным из вагона на полном ходу поезда – а это верная смерть. Психолог не поступал очень просто. Он притворялся спящим и мертвецки пьяным. То есть его как будто не было в вагоне. При этом он понимал, что цель “крутых парней” не только и даже не столько материальная нажива, сколько стремление разрядить свою агрессивность. Им было важно кого-то ударить, избить, увидеть кровь, унижить, покуриваться, позазать свое превосходство – превосходство стаи. И им требовался трепещущий зритель. Пьяный спящий человек оказывался не подходящим для того объектом: оценить их крутизну он был не в состоянии. Пару-тройку раз у приятеля шарили в карманах, потрошили портфель. Но он, допуская такое развитие событий, зная, что в электричках грабят, предусмотрительно

не возил с собой ни крупных сумм денег, ни дорогой нейс.

По собственной “схеме личной безопасности” действует еще одна моя знакомая – режиссер телевидения. Ей частенько приходится возвращаться домой с работы в поздние часы. Женщина выработала для себя такую систему поведения: заведя впереди подозрительного человека или компанию, моя знакомая не замедляет шага, не поворачивает назад, не начинает лихорадочно озираться по сторонам в поисках спасения или случайного попутчика. Она идет навстречу возможным преступникам. При этом не смотрит на них и уж ни в коем случае не вступает с ними в разговор. Они для нее как бы перестают существовать. Она глядит “сназой них”. И идет... По ее словам, результат всегда один и тот же: компания молча расступается, словно признавая ее право пройти мимо, право быть неприкосновенной. Правда, она советует не носить, отправляясь в позднюю и рискованную дорогу, ярких украшений и чересчур изысканных костюмов.

Последнее как будто не требует пояснений, здравый смысл совета очевиден. Сколько раз за последние годы это правило безопасности напоминали нашим милым дамам и работницы правоохранительных органов, и психологи, и журналисты, и учителя. Но...

...Некоторое время тому назад Москву потрясло убийство 26-летней Юлии Плотниковой, репортера журнала “Нрин”, специализировавшейся на криминально-правовой тематике. Нзних только версий не высказывалось газетчиками. Предполагали, будто она распала данные о гибели Александра Меня. Судачили и о любовных мотивах. А все оказалось нуда страшнее. Потому что причины гибели молодой талантливой девушки были банальны и бессмысленны своей нелепой случайно-

стью. Просто совпали – и день, и час, и место. Просто переселись – и пути, и взгляды Юли и незнакомо-го ей водителя случайной машины. Просто "левый-водитель" оказался преступником, насильником-убийцей. Просто пренебрегла криминальный репортер правилом, которое, конечно же, было ей хорошо известно: нельзя в одиночку садиться в машину к неизвестному человеку. Просто не считала обязательным придергиваться и другой меры безопасности: не одеваться слишком броско. В тот роковой день на Юле была рыже-коричневая куртка, коротенькая юбка, черные сапоги-ботфорты.

И все-таки что можно предпринять, когда криминогенная ситуация приняла очевидно угрожающий характер? Позволю себе дать несколько советов.

Изобразите болезнь. Допустим, у вас "начался" сердечный приступ или эпилептический припадок. Вы хватаетесь за грудь, судорожно ловите ртом воздух, слюна начинает стекать по подбородку, вы ищете руками опору, весьма вероятно, что этой "опорой" оказывается именно тот, кто намерен совершить на вас нападение... Ведите себя странно, разговаривайте сами с собой, кричите что-нибудь дикое, хотя бы политические лозунги, читайте стихи... Короче: вы должны быть "не в себе", вы должны чем-то шокировать бандита. Примите это к сведению и имейте в виду: преступник в это время тоже находится в состоянии определенной психологической напряженности. Он подсознательно ждет от вас вполне стереотипного поведения. И вдруг – нечто неожиданное, необычное, даже пугающее!

...В криминалистике описан случай, когда подвергшаяся нападению женщина в момент, когда насильник уже был готов осуществить задуманное, бросилась к нему на

шею с криком: "Боже мой, как я ждала тебя, ты – мой мужчина, ты теперь принадлежишь только мне!" После чего даже попыталась в "приступе дикой страсти" с причитаниями типа "не могу больше ждать" рвать на нем рубашку. Насильник немедленно погрузился в глубочайший шок, вызванный по меньшей мере странным поведением жертвы, и, отпихнув ее со всей силой, бросился прочь. Поймали его, что называется, по горячим следам, через несколько часов после обращения женщины к милиционеру. Надо сказать, это был тот самый преступник, который держал в страхе не большой городок на протяжении полугода. Он насиловал и чаще всего убивал свои жертвы. В местном ОВД уже узнавали его злодеяния "по почерку". Следовательно в первый же час после ареста убийцы-насильника не удержался от вопроса: "Почему свою последнюю жертву вы оставили живой и невредимой?" Маньяк ответил: "Знаешь, начальник, она или дура или больная, а я таких не... Когда я сбил ее с ног и стал сдавливать грудь, чтоб не рыпалась, она с радостью стала кричать "Ура! Ура!" да еще и про то, что я теперь ее навек. Я подумал: а может, она психа какая? А может, СПИДом болеет? Не дай Бог, заражусь. Мне этого не надо, я молодой еще. Хватит и того, что после гонореи полумпотентом стал..."

Добавлю: женщина та была скромной учительницей музыки, вполне счастливой в своей семейной жизни...

...Помните, в повести Гоголя "Вий" Хома Брут остается цел и невредим до тех пор, пока не встречается глазами с чудовищем Вием?..

В мистической этой притче, на взгляд психолога, заключен и очевидный практический, даже бытовой, смысл: не смотрите папалу в глаза.

Мы побывали на кострах.
Мы убывали из столетий.
Вдоль наших спин

гуляли плети,
и выцветал на коже страх.
Утешь меня.
И успокой.
И бой часов расставь по полкам.
Страшны слепцы,
что смотрят волком
и ветку трогают клюкой.
И звездочет не прав.
Он джет
по нарисованному мелом.
Я не встречала истин в белом,
а в черном истина сожжет.
Печаль — как церковь в купалах.
Перекрестись, ко мне идущий.
Мы отразимся в зеркалах
на небесах грядущих.
Нет в смерти зла,
при жизни — славы.
Есть только разные октавы..
и лист на краешке стола.
Поставь во здравие свечу
на камне, брошенном одогонку.
Я знаю, Боже, что — лечу,
губами впишута в иконку..

Мне вдруг почудился февраль
в листве, укрытой паутиной.
По комнате из белой льдины
без черных клавиш
плыл раль.
И музыка роняла свет,
и дирижер стоял во фраке —
как распечатанный конверт,
и палочкой мерил во фраке.
И сотворялась тишина:
смычком свечи огонь влмывался,
и обрывались струны сна,
и проходило время вальса.
Как будет холодно без нас.
Душа — как ниточка в иглке..
И жизни всей — на пару фраз
из тамика на книжной полке.

Я ненавижу жизнь за то,
что оборвет ее однажды
и мне неведомый Никто,
увь, приставленный за каждым.

Я под пятою у Судьбы,
Представь себе без мачты парус!..
Не горизонт вдали,
а — старость,
Мы были юны и глупы.

Забродили июньские грозы
в лыбкой пене февральской метели,
На подушке отчаянья слезы
проступали сквозь иней постели,
И душа,

что пропеть не успела,
целовала немые иконы...
Занавеска,

как женщина в белом,
обреченно бросалась с балкона.

Да здравствуют белые крыши,
гирлянды огней в январе...
Скребуются лопаты, как мыши,
под нашим окном во дворе...

Вот пала ледовая крепость
под натиском дружных ватаг...
Все было: и детство, и верность,
а после все будет не так.

Настанет век сводов и арок,
И будет разрушен вконец
таинственный склеп коммуналок
с живучим понятием "жилец".

Жильца я не помню из "пятой",
из "третьей" забылось лицо...
Не дворник, а время с лопатой
выходит теперь на крыльцо.

Загудела свахой
постная гостинная.
Я вошла без страха —
Господи, прости меня...
И посулам лживым
искренне внимала я,
счастья одолжила
много ли, ни мало ли?..
Только дождик плакал
над березкой галюю,
А постель, как плаха,
где теряешь голову.

Душа обнажалась
открытой раной,

смотрела в зрачок
голубого экрана...
Там мелкие люди
смеялись и лгали,
в азартные игры
с судьбою играли...
С подрезанных крыл
опадала пыльца,
но сладостен плен
золотого тельца,
где выход один –
иль тюрьма,
иль сума,
где будет распят
не сошедший с ума.

Мой черный человек,
ты – неудачник.
Ты перерос дузлей ворожбу.
Ты не способен чувствовать вражду.
Ты в воскресенье веруешь, как дачник,
и расписание держишь поездов
ты в памяти,
а ей нужна карета,
колода карт,
в колоде пять тузов,
и рамка для овального портрета,
одежды белоснежные любви,
и сны немые вовсе без одежды,
и неземная заповедь – "Сорви!",
и памятник по имени "Надежда",
банальные желанья,
свет и тень,
рояль у водопада,
яд в камоде,
холодного курка
святая лень...
И уж поверь
все это будет в моде.

О музыка, сплетни и ссоры!..
О женщины, скрипки и арфы!..
А кто-то придумал узоры
и плаху, и белые шарфы,
огни электричек, туннели...
А я восклицаю: "Боже,
на дырочки от свирели
зачем не хватило кожи?!"
О, что за безумные люди:
на все у них суд да клеймо,
им голову дай – на блюде,
на палочке – эскимо...

4

ВЕСЕЛЫХ ЧИЖА

БОРИС БЕССАРАБОВ,
профессор

Едва ли не в каждой семье есть голуби или суровые бультерьеры, строгие овчарки или красавицы-гуаки; коты – персидские, ангорские или, на худой конец, дворовые...

А я думаю о временах и обычаях прошлого века. Представьте: начало нашей ранней северной весны. Тает снег. Ручьи, первая трава... Благовещенье... Люд высыпает на улицы и в парки. В руках детей клетки, в там – дрозды, удопы, зорянки, синицы и даже воробьи... Их взяли на зиму добрые люди – согреть и подкормить, себя и деток потешить... И вот – раскрываются клетки, веселое лесное племя вылетает в небо... "На волю птичку выпускаю при светлом празднике весны..." – и поэт торжествовал вместе с мальчишками и дворовыми...

Отчего, думаю я, столь легко мы теряем традиции? Вот и отменили походя этот обычай весеннего дарования свободы – хотя бы не себе – малым сим! ("Пусть не себя из неволи и сытости – выпусти, выпусти...")

И немногие нынче держат в доме птиц "отечественного происхождения" – если уж кто и обитает в клетке, так заморский красавец попугай...

Что это мы? Выполнили указание другого великого поэта ("скорей канарейкам голову сверните!"). Или мода так повернулась?

Защита от кошки

Наши "российские мальчуганы-птички" способны подарить столько радости! Говорю об этом не понаслышке. Я много лет занимаюсь птицами – стал доктором ветеринарных наук, профессором Ветеринарной академии, заведующим кафедрой... А начиналось все в послевоенном Самарканде, где я, как и многие мальчишки той поры, держал голубей.

У меня до двухсот птиц было. Вел в тетрадных их родословную, занимался "племенной работой", чтобы

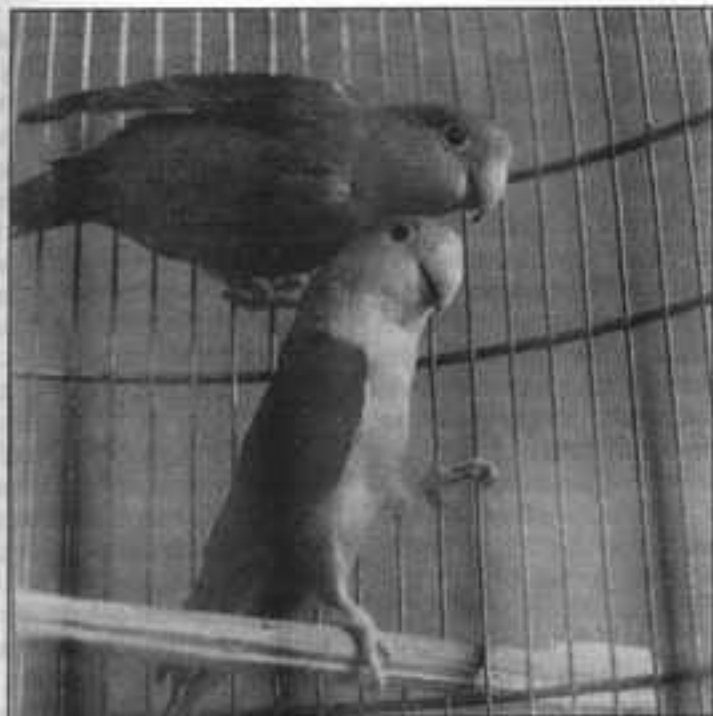

Фото
ВЛАДИМИРА ЧЕЙШЕНГИ

добиться определенных признаков у питомцев...

Голуби и голубятники – это огромный особенный мир. Как эти птицы привязаны к гнезду, к своему хозяину! Те, кто не знает, – могут купить (или, к примеру, выменять) у голубятника птицу. Деньги они потратят впустую – все равно вернется питомец под родную крышу. Бывали даже случаи: связывает новый хозяин голубей попарно – за крылья. Лететь они не могут – но из гнезда все равно уходят и по крышам, по двалам, возвращаются пешком домой...

Когда я в институте учился, была у меня сорона. Я сам ее, изо рта в клюв, вынормил, и она считала меня то ли "мамой", то ли "папой"... Очень была привязана: возвращаюсь я, бывало, из института, а она знает и дорогу, которой я буду идти, и время. Идет меня на дереве, и когда я прохожу, пинирует сверху, садится на плечо, раскрывает клюв...

А галки – ну до чего умные птицы! У голубятников есть такое состязание – в чужую стаю подпускают своего голубя, чтобы он эту компанию завертел и усадил на свою крышу. Моя галка, помню, чужого голубя сразу различала и принималась его гонять...

Всякие птицы интересны. Вот вороны – до чего же хитрющие особы! Недавно я на даче наблюдал: утянула ворона сухарь, кормит им своих воронят. Так она его перед тем, как в клюв вороненку засунуть – в воде размачивает!.

А однажды видел: вышел на прогулку толстый рыжий кот. Стая ворон села на землю, окружила его – и за хвост треплют. С огнем играют. Кот злится, шипит, прыгает – в сделать ничего не может. Удрал в конце концов, поджав хвост...

Ворону тем не менее, при всем уважении к ее уму, я любить не могу. Птица эта для прочей фауны вредная. Сейчас специалисты в один голос утверждают: меньше становится нив-

ности в наших песах. И во многом виноваты вороны: если найдет чужое гнездо – непременно разорит.

Жила у меня однажды сизоворонка – редкая птица, дане в Красную книгу, канется, занесена. Она настолько была на мне привязана, так любила, что дане задицала от... собак и кошек. Она, видать, считала, что эти страшные звери и для меня опасны. Если кошка подходила ко мне близко, она бросалась на нее, как лев: кричала, вздыбливала перья, пыталась отогнать...

Пернатые, словом, – это целый мир. Мир красивый, забавный, трагичный, умный...

Песнь о Прекрасной Гусыне

Те, кто птицам в доме предпочитает другую живность, имеют свои резоны: собака, мол, квартиру охраняет, от кошки – уют... А что птички? Щелбят один!

Но люди, выбирающие в нечестное домашнее любимца птицу, обычно не жалеют. Приходишь с работы – а она радуется, чирикает, садится на плечо... Начинает клювом брови тебе поправлять, причесу... А у одного моего знакомого живет большой попугай – он хозяину талочки и порогу приносит!

Разных "российских птах" дергают сейчас в семьях... Сворцы – услада одиноких. Он, как и попугай, прекрасно воспринимает человеческий голос, произносит целые фразы...

Стальной тнач, не отрывая клюва, поет на шестнадцати нотах, как целый оркестр...

Есть и удивительные увлечения. Но мне приехала женщина из Твери – у нее живет около пятидесяти (!) грачей. На ее участке целый сарай отведен птицам. Зачем они вам, спрашиваю. Оказывается, нравится, что каждую весну грачи прилетают именно к ней: возвращаются – из года в год – в

Тверь из "хондения за три моря" все те же самые птицы, и она различает их по именам...

У "новых русских" – новая забава (и такая же, как они сами, боевая): разводит соколов. Устраивают соколиные охоты: "Круто!"... Эта птица может и зайца взять, и дане тетерева... Хороший сокол до двух тысяч долларов стоит. (Что это – "возвращение и норням"? Крик моды?)

По всему миру, кстати, соколиная охота вдруг снова обрела популярность. Мой друг, профессор, уехал по контракту в Арабские Эмираты – "боевых птиц" лечить. Богатые арабы соколиной охотой увлеклись особо сильно...

Встречаются сейчас другие любители – разводят птиц бойцовых: петухов или, скажем, гусей. Это, как и голубятники, – замкнутая, своеобразная нашта со своими традициями и преданиями... Однажды довелось мне побывать в Узбекистане на петушиных боях. (Не слишком, скажу я вам, гуманное зрелище.) Запомнился мне один эпизод: выводят в круг огромного, мощного петуха – а против него выступает крохотный, вполтину его меньше. Меня спрашивают: как думаешь, кто победит? Большой, конечно, – отвечаю. Нет, говорят, мелкий. И точно: маленький сразу бросился на гиганта да как саданул тому шпорами в грудь – "тяжеловес" тут же из круга убежал. Маленькому, пояснили мне, специально шпоры затачивают да еще жгучим перцем их намазывают...

В России этот "спорт", слава Богу, запрещен. А вот во Франции он столь популярен, что чуть ли не самый восточитраный журнал посвящен "боям". Не случайно французы себя "галлами" – боевыми петухами – называют. ("Галина", кстати, по латыни – курица.)

А в связи с гусиными боями (их тоже кое-где полуподпольно проводят и в нашей стране, и в государствах бывшего Союза) мне любопытную историю рассказали: когда гусана отпра-

теют на соревнование, вместе с ним – арде Прекрасной Дамы! – везут его гусыню. Она поддерживает "рыцаря", болеет за него, словно фанат на футболе: кричит, крыльями машет... Выиграл – радуется вместе с ним; проиграл – утешает...

В нынешние времена дергают птиц к тому же ради прагматических целей. Многие, особо пенсионеры, стали разводить в городских квартирах кур. Получают себе "домашние яйца", а не покупают по пять тысяч за десяток – вот и прибавка к небогатому столу...

Для разведения в "квартирных условиях" еще лучше, чем куры, – перепела. Многие москвичи, я знаю, покупают их на специальной ферме в Подмоскowie. Дергают в обычных клетках для попугаев. Перепелки неприхотливы, едят отходы с вашего стола – хлебные крошки и зачерствевшие булочки. Зато самочка несет триста яиц в год! Яйца хоть и маленькие – 18 граммов, зато каждое содержит столько же микроэлементов и витаминов, как и полноценное куриное. "Перепелиную диету" прописывают порой при нарушении обмена веществ или импотенции...

Тому, кто решил завести дома птицу, надо для начала хорошенько подумать (может быть, у кого-то из ваших домашних на них аллергия?); потом почитать специальные книги. Возьмете в дом пернатого друга, не подготовившись, – загубите живую душу. И если принесли синицу или скворца и видите, что он не привыкает к клетке, – не берите грех на душу, лучше отпустите на волю.

Если вы решили взять "отечественную птицу", клетку для нее лучше притемнить. Верх клетки – обязательно! – сделать матерчатым. (Эта верхняя часть называется красивым старинным словом "мутейна".) Если вы этого не сделаете – птица обречена. Наши птицы любят подпрыгивать – делать "свечу". Два-три раза ударится она головой о железные прутья – погибнет.

Пона птица не привыкла к жизни в неволе – ни в новом случае нельзя брать ее в руки. А начинается она привыкать, когда принимается есть: вот тогда у "птицелова" – первая радость. Значит, есть надежда, что привыкнется, приживется...

С нормой надо быть внимательнее. Многие птицеводы недовольны тем импортным, что своей рекламой набил основному. Я тоже считаю, что лучше использовать нашенскую зерносмесь, которая продается в зоомагазинах. В ее состав входит пять-шесть видов зерна, что идеально подходит "российским птицам". Еще я рекомендую добавлять в норм детскую питательную смесь: сухое молоко и крахмал обеспечивают потребность птицы в белке.

Надо иметь в виду, что у птиц – ярко выраженная сезонность в питании. Летом кормить их следует совсем иначе, чем зимой (как конфетно – об этом написано во всех книгах-рекомендациях). А плотоядных пернатых потчевать к тому же (если вы сами не хотите ловить червяков) – опарышами (они тоже продаются в зоомагазинах). Только не угощайте птицу мясом – можете загубить. Таким едокам мне частенько приходится ставить диагноз: "белковый перенорм" и серьезно лечить.

Соловьи, кстати, не приживаются в клетках (я не знаю ни одного любителя, кто разводил бы этих певчих!) не потому, что, как всякие певцы, любят свободу, – а оттого, что им очень трудно угодить с кормежкой. Соловей – птица плотоядная, к тому же весьма прихотливая. Наних пополю стрекоз-нучное кушанье не будет. Существует, например, такой подвид соловья, что питается исключительно сердцем павшего крупного рогатого скота... Ну как такому "Наруэ" угодишь!..

Если вы решили завести птицу – "отечественную" птаху или "импортного" попугая, вам обязательно надо подумать о санитарных правилах.

Пернатые довольно часто бывают носителями **орнитоза** — тяжелого заболевания, передающегося человеку. У того, кто заболевает орнитозом, в легких образуется очаг (типа пневмопневмонического), и дело часто заканчивается инвалидностью... Поэтому: **категорически** нельзя с пернатыми целоваться, кормить их изо рта в рот... (Бог меня уберет, когда я мальчишкой занимался этим!) Словом: никакой бурной любви, никаких вариаций на тему "Леда и лебедь"...

Клетку **ни в коем случае** нельзя ставить на кухне. Дело в том, что выдохший до состояния пыли помет падает в воздух, а после — в пищу. А вместе с ним — инфекция... Нижнюю часть клетки надо сделать (из тех же соображений) стеклянной. (В старину, птиц содержали более грамотно: клетки стояли в особых стеклянных шкафах.)

И еще об одной болезни пернатых. В последнее время (это вам любой ветеринар-орнитолог скажет) самое распространенное заболевание среди домашних птиц — опухоли. По этому поводу у меня есть гипотеза (подчеркну: не установленный научный факт, а всего лишь гипотеза, которая, правда, подтверждается некоторыми публикациями). Я считаю, что любые опухоли имеют инфекционную природу. И первыми от человека, который еще не ведает о дремлющей в нем болезни, заражаются (как более мелкие и чувствительные организмы) — птицы...

Как в старину канарейка предупреждала шахтеров о сноплении ядовитого газа, так, может быть, и домашняя птица способна своим недугом предупредить человека о надвигающейся страшной болезни?

Пернатым, живущим в доме, будем считать повезло: они, хоть в неволе, да в тепле и сытости... А птицам, живущим в человеческом гнезде — воробьям, синицам, снегирям, трясогузкам... — очень нужна людская помощь. Особенно зимой.

Подкормка зимующих пернатых — не пионерская забава, а реальное спасение меньших наших братьев. В сильные морозы птицы не от холода умирают (как принято считать), а от беснормицы. Обмен веществ у них идет в пять-шесть раз быстрее, чем у млекопитающих. 45 минут — и пища в организме "сгорает". А зимой энергии на обогрев своего тела птица расходует много (вспомните: воробьи хохлятся, надувают перья). Значит, и есть надо чаще, больше... А как найти пищу, когда снег кругом...

Повесьте в морозы в ближайшем лесу кусочек сала — и вы спасете синицу, а может, и не одну...

Иное дело — дикие городские голуби. Их порой называют "летающими крысами". Они роются в мусорных баках, в любое время находят себе что поесть, — и разносят болезни: тот же орнитоз, к примеру.

Санитарные службы кое-где с ними борются — да борются по-варварски: ловят, запикивают в полиэтиленовые мешки... Зачем такая дичность в нашем мире, и без того переполненном нечистотами?!

За рубежом — в Венеции, к примеру, или Амстердаме — с одиночными городскими голубями справляются гуманно: специальные службы подкармливают их, и при этом подмешивают в пищу особые добавки, стерилизующие особей (так регулируют их количество), а также антибиотики, которые вылечивают заболевших "птиц мира"...

...Встаю я обычно рано — "жаворонок". Иду на работу через парк Ветеринарной академии. Особенно хорошо там ранней весной: свежая листва, а в ней заливаются птицы...

Иду и думаю: сколько венов подряд они прилетают сюда — с тех пор еще, когда здесь ни зданий не было, ни асфальтовых дорожек, ни нас, горожан... Выходит, это не они к нам явились, а мы на их исконную территорию подселились...

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ВЛЮБЛЕННЫЕ ПОД СЕНЬЮ КРЕ- СТА

На заре XII века в южной Франции, в Провансе, возникла и постепенно вошла в обиход так называемая куртуазная любовь. Когда — неслыханная прежде вещь — мужчине, чтобы добиться благосклонности женщины, благородной дамы, приходилось долго за ней ухаживать, оказывать всяческие знаки особо пристрастного внимания.

Судьба

То была первая победа, настоящий триумф, одержанный слабым полом в мрачном средневековье. Однако "куртуазную любовь" от "любви свободной" отделяли еще века... И вот первая пара возлюбленных, пошедших на такой неслыханный риск, поплатилась за это, о чем на разные лады трубят вот уже восемь столетий.

Их звали Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер.

Юный философ завоевывает Париж

Пьер дю Палле, известный во всем мире как Абеляр, родился в 1079 году в небольшом городке Палле провинции Бретань. В ту пору Бретань пользовалась еще полной свободой и независимостью, жизнь там протекала спокойно и вольготно, единственно, что ее портило — суровый климат и дикость местных нравов.

Отец будущего знаменитого философа и богослова Беренже и мать — нежная, любящая Люси не только баловали своего первенца, но и старались дать ему хорошее воспитание. Они подготавливали сына к получению рыцарского звания, а затем и прав сеньора, обеспечивавших безбедную жизнь.

В последние годы жизни родители Абеляра решили покинуть "светский мир" и целиком посвятить себя служению Богу и церкви — довольно распространенная практика в ту эпоху. Вероятно, их смелый шаг значительно повлиял на решение Абеляра всерьез заняться изучением религии. Тем более что все школы в стране, все высшие учебные заведения в эпоху средневековья принадлежали церкви. В монастырских богатых библиотеках бережно хранились переписанные монахами от руки учебные фолианты. Абеляр во всем положился на диалектику, эту ученейшую из всех научных дисциплин. Кроме того, он довольно легко овладел риторикой — далеко не рядовым искусством, умением увлеченно, с запалом, вести самые разнообразные философские или схоластические споры, а такой талант больше всего ценился в тогдашней Франции.

С благословения отца, в сопровождении толпы угодливых слуг Абеляр бродил по провинциям, от одной епархиальной школы к другой, отчаянно ввязываясь в споры с видными учеными-схоластами. Те кипели от негодования, когда нагловатый юноша, словно фокусник, ловко передергивал их суждения, подменяя одни слова совершенно другими, отважно перевирая мысли и доводы. Но именно такой мошеннический прием всегда обеспечивал Абеляру громадную аудиторию довольных слушателей.

Поняв наконец что с такими знаниями диалектики и схоластики ему больше нечего делать в провинциальной Бретани, он пешком отправился в Париж, прихватив любимую лютню.

Маленький средневековый городок под названием Париж, ухитрившийся расположиться на одном острове посредине быстро текущей Сены, так называемом Иль-де-ла-Сите, — уже в ту пору считался неоспоримым духовным центром Франции. Абеляр поселился в знаменитом Латинском квартале, который по-

лучил такое название потому, что приезжавшие со всех стран Европы студенты разговаривали между собой на одном, понятном им всем языке — латинском. Все они посещали монашескую школу, расположенную рядом с первой, построенной еще древними римлянами, базиликой Нотр-Дам. Во главе ее стоял знаменитый ученый-богослов Гийом де Шампо, и Абельяр записался в его класс. Все шло хорошо, но вскоре в юном даровании заговорило задремавшее на время тщеславие. Теперь оно не давало ему возможности спокойно выслушивать уверенные, не допускавшие и тени сомнения, автоматически принимаемые на веру рассуждения мудрых учителей-богословов. «Вскоре мое присутствие в классе показалось де Шампо вызывающим, так как я осмелился при всех опровергнуть несколько его идей. Я довольно часто возражал, как правило, одерживая верх в нашем споре. Такая дерзость с моей стороны вызывала осуждение со стороны моих сокурсников, которые, по-видимому, тоже мне завидовали, если учесть, что я начал изучать все дисциплины гораздо позже их. Так начались мои несчастья, не оставляющие меня и по сей пору. Хотя моя репутация ученого постоянно крепла, зависть уже начинала вить рядом со мной свое гнездо...» — жаловался он в автобиографии «История моих бедствий».

Церковные власти с понятной осторожностью относились к этому вундеркинду с севера страны и, дабы не поощрять в дальнейшем свободный разум пытливого студента, бесцеремонно указали ему на дверь.

Однако Абельяр не унывал. Несмотря на противодействие, чинимое Гийомом де Шампо, даже не удосужившись заручиться официальным согласием высших иерархов церкви, самоуверенный двадцатидвухлетний Абельяр создает собственную школу в Мелуне. Местечко в сорока километрах от Парижа привлекало к себе внимание, так как именно в нем находилась одна из резиденций французского короля.

В новую школу Абельяра со всех провинций стайками начали слетаться студенты, жаждущие новых, не заскорузлых, расширяющих кругозор взглядов на христианскую доктрину. В своем сочинении «Да и нет» Абельяр впоследствии писал: «Только подвергая все сомнениям, мы уходим на поиски истины, и только в таком поиске обрящем ее». Таким был его главный принцип, таким стал и главный принцип его слушателей.

Ободренный первым успехом, Абельяр вскоре перенес школу в Корбей, поближе к Парижу, сократив таким образом дистанцию для своих острых, полемических стрел, выпускаемых в единственную заманчивую для него мишень — Гийома де Шампо.

Но сильное переутомление, бесконечные штудии древних трактатов, многочасовые лекции привели молодого ученого-эрудита к полному физическому истощению. Абельяр уехал в родную Бретань, под родительский заботливый кров, чтобы восстановить силы и немного отдохнуть. В Палле он не проявлял никакого интереса к ведению хозяйства, не посещал сельских праздников или развлечений, предпочитая философские рассуждения в полном уединении. Немало красивых девушек засматривалось на смазливом, весьма ученого юношу, но он не обращал ни ма-

лейшего внимания на блеск их озорных, веселых глаз. Главное для него — постоянное накопление знаний...

Вскоре до него дошла весть, что его соперник Гийом де Шампо рукоположен в епископы в одной из крупнейших во Франции епархий в Шалоне, где открыл новую школу. Абельяр от такой новости моментально выздоровел. Как ни в чем не бывало, с присущей ему наглостью Абельяр явился в класс Гийома де Шампо, якобы для того, чтобы перенять искусство изящной риторики. Однако он снова и снова, теряя голову, ввязывался в скандальные споры, пытаясь принизить, осмеять в глазах студентов учителя. Вскоре взбешенный прелат вновь указал ему на дверь. Но это не подействовало на вошедшего в раж Абельяра. Он вернулся в Мелуну, уведя за собой половину учеников ненавистного старшего соперника.

Абельяр прибегал к самым вероломным способам ради того, чтобы усилить свою популярность. И это ему довольно легко удавалось. Из пяти тысяч студентов, обучавшихся в Париже, около трех приходили слушать его лекции. Он на самом деле обладал острейшим умом и всегда в своем "компьютерном" мышлении на несколько ходов опережал любого соперника.

Вскоре он вернулся в Париж, чтобы на сей раз возглавить — вместо своего заклятого врага Гийома, знаменитую школу в Нотр-Даме. Его духовная школа стала весьма усердно посещаемой не только студентами из Франции, но и из других европейских стран. Даже гордый Рим присылал к нему своих учеников. Из этой школы впоследствии вышли один папа, девятнадцать кардиналов, больше пятидесяти епископов и архиепископов. Сам Абельяр, блестяще образованный, яркий, красноречивый, красивый человек, очень скоро разбогател, что, конечно, способствовало лишь обострению его чувства самоуверенности, укреплению гордыни и высокомерия. Он открыто, не стесняясь, называл себя "единственным стоящим чего-то на земле философом". Им восхищались мужчины, его обожали женщины. Но и змей-искуситель уже подстерегал его, беда караулила в доме, расположенном в двухстах шагах от того класса, где Абельяр читал студентам правоучения.

Желанная Минерва в образе Элоизы

В это время в Париже жила милая девушка по имени Элоиза. Родилась она, вероятно, в 1100 году. Ее происхождение остается для историков до конца невыясненным. Ее мать умерла, когда девочка была еще совсем маленькой. Утверждают, что по материнской линии Элоиза восходила к знаменитому во Франции знатному роду Монморанси. О ее отце известно и того меньше. Некоторые исследователи считают, что она незаконнорожденная дочь каноника храма Нотр-Дам Фульбера, хотя существует значительно больше фактов считать его дядюшкой Элоизы.

Доподлинно известно только одно: Элоиза очень рано осиротела, и ее взял на воспитание Фульбер. Они жили в одном из домиков для священнослужителей на территории храма, на кото-

ром до сих пор сохранилась надпись: "Здесь жили Элоиза с Абельяром. Искренние возлюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118".

Дядюшка, однако, все же тяготился присутствием маленького ребенка в доме и вскоре нашел удобный выход из положения — отдал Элоизу на воспитание в женский монастырь Святой Марии в Арженштейе. Монастырь считался одним из самых процветающих во Франции. Славился он еще и тем, что там жили несколько монахинь, обладавших поистине великой эрудицией. И Элоиза получила в монастыре отличное образование. К четырнадцати годам девочка не только читала, но и свободно говорила на латинском, греческом и еще на древнееврейском, что, по словам Абельяра, "уже никак не укладывалось в голове". Тогда на этом языке не разговаривала ни одна француженка в стране.

Слава о невероятных познаниях девочки, живущей в монастыре Арженштейе, достигла Нотр-Дама, вызывая восхищение у студентов. Слухи не прошли мимо ушей и дядюшки Фульбера. Когда Элоизе исполнилось четырнадцать лет, к настоятельнице монастыря поступила просьба от каноника отпустить племянницу погостить у него в доме.

Дядюшка Фульбер, конечно, гордился юной племянницей. Время от времени он приглашал к себе видных отцов Церкви и знаменитых ученых, чтобы продемонстрировать несравненные способности своей ученицы — Элоизы. Не вызывает сомнения, что во время таких бесед ученые мужи называли и имя своего коллеги Абельяра. Кто с восхищением, кто с явным осуждением, но ни один из них не оставался равнодушным к блистательному диалектику и превосходному поэту, к тому же не только красивому, а обворожительно очаровательному молодому человеку.

В это время Абельяр, имя которого у всех на устах, читал лекции в аудитории, расположенной всего в нескольких десятках шагов от ее нынешнего дома на улице де Шантр. Разве не могли они увидеть друг друга издали, когда он прохаживался по монастырскому двору в окружении студентов, объясняя им искусство диалектики? Разве не могла она затеряться среди многочисленных студентов, чтобы самой послушать этого "златоуста"? Разве не могли они встретиться любопытными взглядами в тесном соборе Нотр-Дам во время утренней или вечерней мессы?

Как бы там ни было, но непредсказуемая Судьба уже готовила почву для неизбежной встречи Абельяра с Элоизой. И такая роковая для обоих встреча состоялась.

Страсть побеждает рассудок

Однажды каноник Фульбер пригласил Абельяра к себе домой, дабы продемонстрировать дорогому гостю два своих бесценных сокровища: обширную библиотеку и умницу племянницу, которая по такому случаю надела свой лучший туалет.

За столом, под звон дорогих хрустальных бокалов с легким вином, Абельяр поглядывал на смущенную девушку, не скупился на комплименты дядюшке, просто лопающемуся от гордости.

Выискивая подходы к девичьим скромным чарам, Абельяр основательно изучил характер ее опекуна. Он уже знал, что Фульбер — человек алчный; а самая заветная, не дававшая ему покоя амбиция — расширить и без того поразительный круг знаний племянницы в светских науках, литературе и культуре. “Всячески играя на струнах этих двух его страстишек, я в конечном итоге добился его согласия на то, к чему стремился всей душой”, — писал впоследствии философ.

Он с притворной завистью нахваливал каноника за умение создать в доме такой дышащий покоем уют, посетовав, что у него в комнате постоянно царит настоящий кавардак, ведь для него довольно обременительно содержать слуг. (Он, конечно, лукавил, так как считался одним из самых богатых ученых в Париже!) И словно невзначай осведомился, не сдадут ли ему внаем какую-нибудь спальню. За что обещал неплохо заплатить и к тому же бесплатно стать домашним учителем племянницы, обучив ее многому из того, что она пока не знала. Как же ему повезло! — радовался священнослужитель, не предполагая, что светлым надеждам не суждено осуществиться, а сам он рухнет в мрачную бездну безумия.

К обучению Элоизы новоявленный домашний учитель приступил сразу же, как переехал на новое местожительство. Каноник, считая свою шестнадцатилетнюю племянницу все еще ребенком, просил наставника не стесняться, быть с ней построже, давать уроки в любое время дня и ночи, как только тот освободится от своих главных обязанностей в монастыре. Даже разрешил наказывать племянницу, если она начнет проявлять строптивость, нетерпение или леность. “Так была доверена беззащитная овечка голодному волку”, — признавался потом Абельяр. Хотя он впоследствии и пытался здраво объяснить причины сжигавшего его чувственного пламени, то, что произошло между ними, не заурядное соображение, нет, а взаимная, неожиданно вспыхнувшая любовь.

“Вначале нас соединила общая крыша, а потом уж жаркие сердца! — признавался Пьер. — Под предлогом занятий мы целиком отдавались любви; уроки для нас стали лишь теми минутами, когда нас влекла друг к другу таинственная, непреодолимая сила; в наших беседах сухие ученые слова вытеснялись нежными и любовными, объяснения трудных мест в текстах откладывались из-за страстных поцелуев; мои руки чаще блуждали не по страницам книг, а по ее девственным, упругим грудям...”

Ночью, когда все в доме стихало, а Фульбер дремал в кресле, никто не слышал осторожных шагов влюбленных, направлявшихся по коридору в спальню, где Элоиза, как, собственно, и Абельяр, расстались со своим целомудрием...

“Подчиняясь внутреннему горению, мы с Элоизой прошли через все фазы чувственной любви. Все, что только может изобрести человеческая страсть искреннего, сладостного и возвышенного, мы все исчерпали; чем более неизведанными для нас были эти неожиданные радости, тем с большим восторгом мы им предавались, мы были просто не в силах остановиться, чтобы передохнуть...” — писал Абельяр в “Истории моих бедствий”. А Элоиза

завторила ему в своих письмах, ставших литературными шедеврами XIII века: "Есть ли на всем свете хоть одна королева или принцесса, которая не завидовала бы тем восторгам, которые я испытывала в кровати с ним?"

Абеляр помнил о полной свободе действий, предоставленной ему дядюшкой, и иногда, чтобы отвести подозрения, побивал прилежную во всем ученицу либо линейкой, либо плеткой, и эти телесные наказания в скором времени превратились в острое наслаждение, так как еще сильнее разжигали их страсть. "Они были приятнее любого бальзама!" — признавалась охваченная любовью Элоиза.

Тут мы впервые сталкиваемся с явным проявлением садизма и мазохизма. Неспроста ведь обиженный маркиз де Сад, а за ним и австрийский писатель Л. Захер-Мазох упрекали в этом Абеляра с Элоизой. Еще бы, они осмелились лет на шестьсот опередить их в извращении. Но в этой связи стоит прислушаться к мудрым словам американского писателя и историка конца прошлого века Генри Адамса, который, подвергая беспощадной критике любое проявление пуританства, писал, что "Элоиза была французской женщиной до мозга костей и... стоила дюжину Абеляров".

Абеляр был для Элоизы знаменитым ученым, великим мыслителем, мудрым, красивым, обаятельным человеком — как же не подчиниться его малейшему капризу? Вот что писала она в одном из своих писем: "Мог ли на самом деле существовать на свете король или философ, который смог бы потягаться с тобой, с твоей славой? Когда ты появлялся на людях, кто из окружающих, — спрашиваю я себя, — не стремился к тебе, чтобы поближе тебя разглядеть? Когда ты удалялся, кто не вытягивал шею, не устремлял долгий взгляд тебе вслед? Какая женщина, какая девушка не вспыхивала стыдливой краской, охваченная желанием в твоё отсутствие, и не скрывала своего предательского замешательства, когда ты оказывался рядом?"

Да, она его любит. Это Абеляр еще сомневается в своем чувстве — ведь на него давит груз священства. Сдержанность Абеляра вполне понятна. Когда добивался своего, он ясно сознавал, что намерен совершить двойной грех — лишить девственности доверившуюся ему девушку и нанести тем самым тяжкое оскорбление хозяйну дома, своему другу и коллеге, чьим гостеприимством он так злоупотребил. Но очень скоро он понял, что влюблен так же глубоко и страстно, как и она, его Элоиза. Капкан любви захлопнулся, и оба оказались пленниками, пленниками на всю жизнь.

Такая беспримерная страсть находила и свое литературное отражение. Вот что писала Элоиза: "Вы, кроме всего прочего, обладали еще двумя дополнительными талантами для завоевания женских сердец: талантом поэта и певца — исполнителя своих канцон... Вы сочинили ради меня столько любовных песен, которые из-за совершенства стихов и музыки распевали повсюду в мире. Сладость ваших мелодий просто не дает никакой возможности ни пропустить их мимо ушей, ни забыть. Ваши стихи, в которых вы большей частью воспеваете свою любовь ко мне, сделали известным мое имя во многих чужеземных странах, вызы-

вая вполне объяснимую любовь у женщины". К сожалению, большая часть его любовных стихов до нас не дошла.

Жизнь Абельяра теперь резко изменилась. Днем — работа, вечером — опять работа, только в постели Элоизы. С трудом оторвавшись от сладостного ложа, великий Абельяр смертельно скукал на своих лекциях. Куда девалось его поразительное красноречие, трепетное вдохновение, ошарашивающая всех стальная сила логики? Утомленный ночными боями, он едва доставал на кафедре до вечера. Отложено его сочинение о еврейском пророке Иезекииле. Заброшен давно ожидаемый всеми комментарий к сочинениям Аристотеля. Он сочиняет только любовные песни в честь своей Элоизы, которые распевала вся Франция. Некоторые звучали подчас чересчур откровенно, эротически, а иногда и на грани безвкусыной порнографии. Вскоре студентам стало понятно, почему от лекций учителя веет занудливой скукой, и они добродушно посмеивались над своим мэтром.

Все вокруг уже открыто называли Элоизу "любовницей" Абельяра, но она, как ни странно, этим только гордилась. А какая женщина на ее месте не испытывала бы гордости за связь с таким великим человеком? Она была счастлива от того, что именно ей, круглой сироте, Абельяр отдал предпочтение перед всеми знатными, красивыми женщинами. В Париже теперь все знали, что происходит в доме каноника Фульбера, все, кроме самого хозяина. Он словно оглох и ослеп, тогда как они у всех на устах..." Прошло несколько месяцев, когда наконец у Фульбера открылись глаза на то, чем на самом деле занимаются в его доме ученый постоялец и племянница. Однажды ночью Фульбер застал их, как говорится, в полном "флагранте", когда они, обнаженные, крепко сжимали друг друга в объятиях. Какой стыд! Потрясенный увиденным, дяшка указал совратителю на дверь.

После громкого скандала их ожидала долгая разлука. Теперь, лишившись возможности встречаться, возлюбленные тайно обменивались любовными письмами. Как страдал Абельяр из-за невыносимого положения Элоизы в доме дяди! Тот не спускал с нее глаз и целый день читал нотации о нравственности, называл не иначе как "шлюхой" и нещадно наказывал за малейшую провинность.

Но беда, как известно, не приходит одна — эта гостья не выносит одиночества. Вскоре после того, как Абельяр покинул их злополучный дом, Элоиза поняла, что скоро станет матерью. Она с восторгом сообщила об этом в письме Абельяру, спрашивая, как следует ей поступить. Будущий отец, конечно, понимал, что произойдет с Элоизой, если обо всем узнает ее уже свихнувшийся от горя опекун.

Однажды ночью, когда Фульбера не было дома, Абельяр тайно проник в дом к своей возлюбленной и, обрядив ее в монашескую сутану, увез с собой в Бретань. В большом родовом имении в Палле он отдал Элоизу на попечение своей доброй сестры. Там вскоре родился сын, которому дали весьма оригинальное имя — Астролябий. (Трудно ответить на вопрос, чем особенно привлекло счастливых родителей название навигационного прибора.) После рождения сына ни мать, ни отец больше никогда не увидели своего ребенка.

Элоиза была счастлива в Бретани, тем более что рядом постоянно находился любимый. Однако Абельяру предстояло возвращаться в Париж. Ведь его никто не освобождал от профессорской кафедры в монастыре Нотр-Дам.

Абельяр знал, что после похищения им Элоизы каноник впал в дикую ярость. Угрызения совести, однако, не давали Абельяру покоя. Ведь, по существу, только он один виноват в несчастии старика и нравственном падении его племянницы. Он долго размышлял над тем, как избавиться от тяжкого греха, покуда, укrotив гордость, полгода спустя после рождения сына решил пойти к несчастному, убитому горем канонику и просить прощения за содеянное, предложив каким угодно способом загладить свою вину перед ним.

Призвав на помощь все свое красноречие, он пытался убедить каноника, что ни один мужчина не в силах долго противиться охватившей его страсти, обильно цитируя тексты из священных книг и апокрифов. В заключение Абельяр, дабы "компенсировать" нанесенный урон целомудрию Элоизы, выразил готовность жениться на девушке. Но сделает он это лишь при одном условии: их брак будет сохранен в тайне, в чем должны поклясться опекуны и все те, кто будет присутствовать при обряде тайного венчания.

Старик, прослезившись, согласился принять выдвинутые Абельяром условия. Он даже обнял его и поцеловал в щеку. Но, как выяснится впоследствии, в тот момент искреннего прощения и раскаяния он лишь умело притворялся, не отказываясь от осуществления задуманной мести.

"Я тут же отправился в Бретань, чтобы привести оттуда в Париж свою возлюбленную и заключить с ней брак... сделав своей женой..." Каково же было его изумление, когда Элоиза наотрез отказалась идти с ним под венец, хоть тайно, хоть явно! Там, в Бретани, Элоиза несколько дней и ночей вдалбливала в голову любовнику все возражения против заключения с ним брака. Наверное, никогда еще ни одна женщина с такой холодной рассудочностью не выступала против ритуала, который все женщины на свете считают венцом всех своих желаний, гарантирующим райское счастье и надежную стабильность в этом непредсказуемом мире.

Какую славу принесет она своему мужу, запальчиво возражала Элоиза, если тем самым покроет его бесчестьем и унижит как великого ученого? Элоиза живо нарисовала малопривлекательную картину скучной, повседневной супружеской жизни: грязные, орущие младенцы, вонючие пеленки, постоянные заботы об их пропитании. Разве приземленные домашние хлопоты приличествуют такому великому философу, каким является ее любимый? Его удел — философия. Только она может быть его женой. "Оставить философию даже на краткое мгновение, — поучала мудрая Элоиза, — равносильно расставанию с ней навсегда. Только рискните сделать небольшой перерыв, и больше вы ее не найдете — она покинет вас сама! Не забывайте о достоинстве философа. Подумайте о своей репутации".

Ее любовь, убеждала Элоиза Абельяра, — любовь чистая, и дарится ему по собственной воле, просто так. Она, по сути, особый вид чувственной дружбы, а брачные узы смогут лишь скомпрометировать ее, умертвить. Если их встречи теперь будут более редкими, а продолжительные разлуки учащаться, то и встречи после них окажутся куда более сладостными.

Выдвинутые Элоизой в споре с Абельяром убедительные аргументы будут на протяжении столетий подхвачены многими выдающимися личностями, видевшими в браке лишь тяжкие оковы. Знаменитый женоненавистник, немецкий философ-иррационалист Фридрих Ницше с восхищением использовал их для подтверждения правоты своих взглядов на совместную жизнь мужчины и женщины. А французская писательница Симона де Вовуар (это уже в наше время) в точности последует примеру Элоизы, ответив решительным отказом на предложение молодого, подающего надежды философа и писателя Поля Сартра вступить с ним в брак.

Существовал, однако, и другой мотив, заставивший Элоизу отказаться от законного брака, но его, увы, так и не понял Абельяр. Возвышенный, необычный характер ее любви, любви абсолютной, любви совершенной — вот личная тайна Элоизы, тут главный для нее мотив отказа — любовь ради самой любви, как искусство ради самого искусства. Это было незнакомое еще для ее века чувство только нарождавшейся нежной куртуазной любви. Такая любовь ничего не требует взамен, ей не нужна никакая плата, она — просто дар Господний...

66 Однако ни один из приводимых Элоизой аргументов в пользу отказа от брака не мог заставить Абельяра отказаться от женитьбы на ней, ибо, как замечает французский литературовед Этьен Жильсон, "его любовь была исключительно ревностной, земной, и сама идея, что Элоиза когда-нибудь может принадлежать другому, была для него нестерпимой. К тому же, собираясь сохранить их брак в тайне, он тем самым рассчитывал одним выстрелом подстрелить двух зайцев — сохранить свою "высокую репутацию ученого" и удержать при себе Элоизу, которую любил "больше всего на свете".

Чувствуя, что Абельяр неумолим, Элоиза смирилась с его твердым решением и, разрыдавшись, произнесла весьма пророческую фразу: "Нам ничего другого не остается, но подстерегающий впереди Рок принесет нам такие страдания, которые по своей мучительности могут сравниться только с пережитой нами страстной любовью"...

Они несколько дней добирались от Нанта до Парижа. По приезде Элоиза направилась в дом своего дядюшки, а Абельяр в свою каменную келью в Латинском квартале.

Чтобы как следует подготовиться к священному таинству брака, они подолгу и усердно молились в "одной из церквей" Парижа. И вот однажды, рано утром, когда весь город еще спал, Элоиза с Абельяром обвенчались в присутствии каноника Фульбера и нескольких близких друзей, давших торжественную клятву не разглашать тайну новобрачных. Сразу же после брачной церемонии они расстались. Абельяр возобновил курс лекций в универси-

тете, а Элоиза вновь поселилась у дядюшки. В это время "молодожены" редко встречались, предпринимая все меры осторожности, чтобы, не дай Бог, не открылся их "секрет". Абельяру было уже под сорок, Элоизе даже не исполнилось восемнадцати.

Хотя заключенный брак давал Фульберу определенное моральное удовлетворение, но, как считал каноник, отнюдь не восстанавливал его поруганную честь. Теперь он желал только одного — открытого признания освященного Церковью брака. Скоро все в Париже узнали о тайном браке двух грешников. Возмущенная постыдным поступком дядюшки, Элоиза устроила ему дикую сцену, обвинив в предательстве и клятвopеступлении. В бешенстве она заявила, что поклянется перед всеми, что никакого брака, ни тайного, ни явного, с Абельяром не заключала. Это была последняя капля, переполнившая чашу ненависти безрассудного каноника. Он запер ее в комнате, пригрозив держать там, пока она не научится уважать своего единственного родственника, предоставившего ей, сироте, пищу и кров. С тех пор жизнь Элоизы стала невыносимой.

Абельяр, наконец, понял, что наступило время во второй раз похитить возлюбленную, ставшую теперь его законной женой. Вновь воспользовавшись отсутствием Фульбера, он выкрал Элоизу из дома и отвез в монастырь Святой Марии, где она еще совсем ребенком провела послушницей долгие восемь лет. Он, однако, запретил ей постричься в монахини, и в обители она только носила монашеское облачение. Своим решением Абельяр преследовал двойную цель: во-первых, толстые стены монастыря надежно ограждали его супругу от всяких посягательств со стороны осатаившего дядюшки, а во-вторых, ее якобы монашеский статус мог положить конец слухам об их "тайном браке". Какая же она жена, если поступила в монастырь? — пытался убедить он легковверных.

Время от времени Абельяр наносил тайные визиты в монастырь (что, однако, запрещалось правилами), но сердобольные монахини понимали их чувства и всегда старались оставить надежду... Однажды, по признанию Абельяра, ими так овладела непереносимая страсть, что они пошли на святотатство, совершив акт любви прямо на холодном каменном полу в углу трапезной. "Как бесстыдно мы повели себя в таком святом месте, посвященном небесной Деве!" — сокрушался впоследствии Абельяр. Он долгие годы будет раскаиваться в содеянном, в позорном искушении похотью, но только не Элоиза. Она не видела в том ничего постыдного. Ведь они совершили не акт позора, а акт любви. Бог — любовь, а любовь очищает все на свете...

Хотя слухи о двух "великих грешниках" и их странном "тайном браке" немного поутихли, каноник Фульбер не смирился с похищением племянницы. Узнав, что она находится в Арженштейне и носит облачение Ордена бенедиктинцев, он пришел в ярость. Ему показалось, что Абельяр, опасаясь преждевременного конца церковной и научной карьеры из-за заключенного с Элоизой брака, решил навсегда избавиться от своей дражайшей супруги, заставив ее насильно постричься в монахини, что автоматически аннулировало и брачные узы.

Теперь, по мнению оскорбленного каноника, он мог восстановить свою попорченную честь, лишь уничтожив наглого насильника и обманщика. Трудно себе представить, что разработанный им дьявольский план жестокой мести мог возникнуть в нормальном, не помутившемся рассудке. Однажды ночью, когда Абеляр спал, его подкупленный слуга открыл дверь на условный стук. На пороге стоял Фульбер с тремя своими родственниками и врач-испанец с медицинским сундучком. Слуга проводил заговорщиков в спальню. Набросившись на спящего Абеляра, они привязали его толстыми веревками к кровати и задрали ночную рубашку. В руках испанского хирурга сверкнул острый скальпель. В ту же минуту острейшая боль в паху пронзила Абеляра. Торжествующий Фульбер поднес к его глазам окровавленный половой орган. Вот оно, сатанинское возмездие! Абеляр потерял сознание. Наскоро остановив обильное кровотечение из аняющей раны, злоумышленники поспешили скрыться.

На следующее утро после зверского преступления весь Париж собрался у дома Абеляра. Все были глубоко шокированы быстро разлетевшейся вестью о варварском отщипении Фульбера. По поводу насильственной кастрации настоятель монастыря Дёй Фульк-де-Реклен, который составил историческую хронику семьи Абеляров, писал: "Сам епископ и самые благородные монахи Нотр-Дама пришли в ужас от того, что произошло с Абеляром, и все они искренне оплакивали его судьбу. Женщины, для которых он всегда был идолом, рыдали по нему, как по мужу или любовнику, павшему в бою... Все парижане осуждали позор... навлеченный этими негодьями на их город".

А вот воспоминания самого пострадавшего: "Клирики и, прежде всего, мои ученики, измучили меня своими причитаниями и рыданиями. Их страдания я переносил куда мучительнее, чем боль от раны. Я больше переживал от конфуза... Какая громкая слава совсем недавно сопровождала меня повсюду, и вот в одно мгновение она уничтожена, изгнана прочь. Куда теперь деваться? Как показаться на глаза людям? На меня теперь все будут показывать пальцем, меня будут поносить на всех языках, я стану для всех веселым, уничижительным для себя зрелищем..."

Больше всего его угнетала мысль, что теперь кончилась его блестящая церковная карьера, которой он так дорожил. Ведь по закону Божьему внуки не имеют права переступать порог храма.

Замышляя свой чудовищный акт мести, Фульбер надеялся, что в результате кастрации Абеляр уже никогда не сможет занимать высокую должность в церковной иерархии, но он ошибся. Возмущенные такой дикой расправой, церковные власти сделали для Абеляра исключение, и он в конце жизни даже занял престижный пост аббата монастыря Святого Гильда и служил там мессы.

Преступники были найдены и предстали перед правосудием. Фульбера лишили всех должностей в Церкви, а собственность конфисковали. Говорят, что он еще несколько лет прожил в каком-то приюте для умалишенных, где и умер. С другими соучастниками закон обошелся куда строже. Всех их оскотили точно так, как Абеляра, да к тому же выкололи глаза...

Это преступление радикальным образом изменило жизнь как Абельяра, так и Элоизы. Скорее из-за чувства стыда, чем по крепости веры, он начал подумывать о принятии монашеского пострига и о затворнической жизни в монастыре. Он отослал несчастной, разбитой горем Элоизе письмо, в котором потребовал, чтобы и она постриглась в монахини в Аржентейе. "Да будет на то воля твоя!" — смиренно ответила Элоиза, напомнив, что охотно последует за ним даже "в пламя адово". Некоторые исследователи утверждают, что Абельяр приказал своей возлюбленной принять монашеский сан до того, как сам станет монахом, только из-за приступов ревности. Он не выносил и мысли, что теперь, когда он физически не способен исполнять супружеские обязанности, кто-то другой, вполне здоровый и полноценный, будет обладать ее прекрасным телом. Но, думается, больше он заботился о ее безопасности — мало ли что можно ожидать от ее обезумевшего дядюшки? Несмотря на советы близких друзей отказаться от намерения утратить навсегда свободу в таком раннем возрасте, Элоиза без колебаний подчинилась требованию мужа.

Через несколько недель, когда наконец затянулось его ужасная рана, Абельяр стал монахом в знаменитом монастыре Сен-Дени, расположенном в пяти милях от Парижа. Во Франции в это время не было более почитаемого, более знаменитого аббатства. Абельяр, сделав такой шаг, решительно отказался от всего мирского — от славы, светских удовольствий, известности и богатства. Он отрешился от всего, кроме любви к Элоизе.

На этом кончается история любви — всеохватывающей, земной, физической и краткой, любви, которая длилась от силы два года... Но там, где она внезапно обрывается, начинается другая любовь — духовная, куртуазная, ибо и Абельяр, и Элоиза умели любить друг друга на расстоянии, даже тогда, когда их сексуальные влечения оставались неутоленными.

Здесь мы сталкиваемся с совершенно иной ипостасью любви, которая многим не только недоступна, но и непонятна.

За монастырской стеной

Элоизе исполнилось всего девятнадцать, когда она по требованию Абельяра постриглась в монахини. Всего каких-то жалких восемнадцать месяцев ей было отпущено судьбой, чтобы почувствовать себя настоящей женщиной, вкушать от радостей жизни. Теперь же ей негде укрыться от мятежного сердца — оставалось либо полное долгое затворничество, либо ранняя смерть. А возлюбленный не спешил оказать ей моральную поддержку "ни разговором... ни письмом". Абельяра, конечно, можно понять, — в это время он достиг дна бездны отчаяния. Став на всю жизнь калекой, он теперь искал только одного — спокойствия и забвения. Он готов был навсегда отказаться от всего мирского, но очень скоро понял, что аббатство Сен-Дени совсем не то, к чему стремится его больная душа и изуродованное тело. Это заведение отдавало предпочтение скорее "кесарю, чем Богу". Он переехал в аббатство Мозонсель в графстве Шампань, где начал препода-

вать теологию и философию по системе александрийского христианского философа Оригена (тог, чтобы избежать мирских соблазнов и искушений плотью, во имя полного посвящения науке собственноручно сотворил над собой насилие, нанеся себе точно такое увечье, которое Фульбер с сообщниками нанесли Абельяру в качестве возмездия за поругание девичьей чести).

Там, стараясь забыть Элоизу, Абельяр углубился в мудреный трактат на считавшуюся весьма деликатной тему о триединстве Троицы, но оскорбленная смелыми предположениями Церковь строго осудила его труд. Суассонский церковный собор в 1121 году безжалостно покарал ученого за "ересь", постановив, чтобы он лично сжег свой трактат на костре. Теперь Абельяр стал мишенью для оскорбительных нападок со всех сторон, от чего страдал куда сильнее, чем от физического изъятия.

К счастью, вскоре после собора аббатом королевского монастыря Сен-Дени был назначен Сюже, личный советник и фаворит Людовика VI. Он сумел добиться от монарха отмены запрета на преподавательскую деятельность, наложенного на Абельяра, и разрешил ему основать свою богословскую школу, только подальше от Парижа, чтобы своей популярностью не мозолить глаза церковным властям. Абельяру выделили клочок земли в Ножан-сюр-Сев, где он с помощью добровольцев из прихода Кинсе построил из камыша молельню, покрыв ее соломенной крышей. К нему вновь начали совершать паломничество многочисленные студенты. Там они выстроили для себя несколько хижин из камыша и даже возвели из белого камня просторный зал для ораторских состязаний. Это местечко для поклонения Господу Абельяр назвал Параклет (утешитель - греч.) в честь Святого Духа.

До этого времени, то есть до 1128 года, в его автобиографии "История моих бедствий" имя Элоизы не встречается. Она сама уже стала аббатисой монастыря Аржентей, который под ее водительством богател и процветал. Конечно, Элоиза была обязана подавать во всем пример своим монахиням и не любить никого, кроме Бога. Но... Ни утомительные молитвы, ни насильственное умерщвление плоти не могли утолить ее любви к мужу.

А тучи вновь сгустились над головой Абельяра, проповедовавшего на манер пифагорейцев на открытом воздухе в пустынной местности. Церковники не могли ему простить дерзкой выходки. Подумать только, он назвал свое святилище Параклет, то есть посвятил его Святому Духу, а не Троице, не Сыну Божьему, и даже не самому Отцу! Вновь посыпались со всех сторон оскорбления и угрозы. Через несколько лет ему "предложили" возглавить аббатство Сен-Гильда, расположенное всего в семидесяти милях от его родного дома, на британском побережье, что, по сути, означало ссылку "на самый краешек французской земли". Аббатство было построено на отвесной скале и напоминало не монастырь, а тюрьму, открытую всем леденящим зимним ветрам. "Здесь я поистине увидел землю варваров... дикое, грубое и невежественное население, а среди монашеской братии царили нравы постыдные и разнузданные. Они жили либо с наложницами, либо с подростками, постоянно предавались пьянству..." Сколько раз приходилось Абельяру сожалеть, что он покинул любимый свой Парак-

лет. Возведенная им с таким трудом молельня пустовала, а окружающие ее хижины приходили в запустение. Но вдруг все круто изменилось, словно Господь взял его молитвам.

Настоятелю королевского мужского монастыря Сен-Дени Сюже, тому самому, не раз помогавшему Абельяру в трудную минуту, приглянулся расположенный рядом женский монастырь Святой Марии, где аббатисой служила Элоиза. Будучи человеком, приближенным к Людовику VII, он добился, чтобы монастырь в Аржантейе присоединили к Сен-Дени. Это означало, что все монахини во главе с Элоизой оказывались выброшенными на улицу, где им предстояло превратиться в нищенок и просить у парижских церквей подавание.

Получив от Элоизы известие о происках бывшего благодетеля, Абельяр поспешил на помощь возлюбленной. Он подарил монахиням свою молельню в Параклете вместе с прилегающими к нему участками земли. Даже сам приехал туда, чтобы помочь Элоизе и ее сестрам поудобнее устроиться на новом месте. Впервые за долгие десять лет любовники снова встретились.

Его любовь постепенно преодолевала отчуждение, и его визиты в Параклет участились. Увы, но и эти встречи с любимой вызвали у окружающих подлое подозрение. Абельяру приходилось горестно сокрушаться: "Ненависть моих врагов такова, что, вероятно, не пощадила бы и самого Христа!"

Он стал посещать Параклет все реже, и вскоре его визиты вообще прекратились. Говорят, он не раз признавался Элоизе, что опасается за свою жизнь. Давление на него со стороны Церкви усиливалось, и ему не оставалось ничего другого, как сдаться. Какой теперь из него борец за истинную веру? Он вынужден вернуться в Бретань, в свой монастырь Сен-Гильда. Пытаясь навести там хотя бы относительный порядок, он исключил из этого заведения и даже отлучил от Церкви наиболее разнузданных безправственных монахов, и те открыто угрожали расправиться с настоятелем. "Сколько раз меня пытались отравить", — горестно восклицал он. Однажды в Нанте ему подали тарелку с отравленной едой. Но ее содержимое по ошибке съел сопровождавший его монах, и через пару минут упал в трапезной замертво.

Теперь, после осуждения на Суассонском соборе, Абельяр не ищет славы в мире — он заботится только о спасении своей души и души любимой Элоизы. В августе 1133 года Абельяр, еще сильнее опасаясь за свою жизнь, решил рассказать потомкам о своей любви к Элоизе, о своих несчастьях, терзаниях и мытарствах. Он начал писать автобиографию "История моих бедствий", завершив ее за четыре года. В соответствии с литературной традицией той эпохи она написана в виде "Письма к другу". Абельяр, конечно, пытался скрыть своего истинного адресата — Элоизу, чтобы не ставить ее в неловкое положение.

Книга Абельяра вдохновила Элоизу на написание своего первого проникновенного любовного письма, положившего начало возвышенному эпистолярному жанру в эпоху средневековья.

"Ты, конечно, знаешь, мой возлюбленный, как знают все, что, потеряв тебя, я утратила все... Только ты один на свете в состоянии заставить меня грустить, только ты можешь доставить

мне радость и облегчить страдания. Ты — единственный человек во всем мире, перед которым я чувствую упрямо зовущий меня долг: все твои пожелания я смиренно исполнила... Только тебя я любила, отнюдь не твой недостаток... Звание супруги всегда считалось более убедительным, более святым, но мне всегда было милее звание любовницы, и даже, если только тебя это не шокирует, сожительницы или даже девки. Мне кажется, чем покорнее и послушнее я перед тобой, тем сильнее будет сошедшая на тебя благодать Божия, тем менее я запятнаю твою несравненную репутацию..."

За первым вскоре последовало и второе письмо. В нем она, кажется, выплеснула всю скопившуюся за долгие годы разлуки горечь.

Она берет на себя большую часть вины за те несчастья, которые обрушились на их головы. Разве не Ева соблазнила Адама, доставив ему столько неприятностей? Та, которая создала Господом как помощница, оказалась причиной его развенчания...

В пространным назидательном ответе Абельяр с холодностью ученого-богослова, уверенного в собственной непогрешимости, отвергает все аргументы Элоизы, и делает это с такой христианской ревностью и усердием, словно ведет настоящее сражение с Дьяволом за спасение своей возлюбленной. Даже собственную кастрацию он теперь рассматривает как "факт божественной милости". "По справедливому суду Божию я был уязвлен в те части своего тела, которыми грешил. Я могу доказать тебе не только справедливость, но и полезность того несчастья, которое случилось со мной".

Убедили ли Элоизу аргументы Абельяра? Вряд ли. Она его по-прежнему любила, а тайная страсть к супругу и любовнику горела в ней еще долго-долго, до самой смерти Абельяра.

В 1136 году Абельяр снова оказался в фаворе у церковных властей. Ему разрешили вернуться из холодной Бретани в Париж, где он возобновил с присущими ему красноречием и силой убеждения чтение богословских и философских лекций в Латинском квартале. За четыре года он написал несколько научных трактатов, которые имели широкое хождение во всех европейских странах. Среди них — "Введение в теологию", "Да и нет", "Спрашиваю самого себя", "Диалог между философом, иудеем и христианином". Все было спокойно в церковном мире, покуда Абельяр не написал свой новый трактат "Теология христианства", в котором снова проповедовал свои "ереси" в отношении Троицы, осужденные еще пятнадцать лет назад на Суассонском соборе. Вновь отовсюду стали раздаваться истошные вопли возмущенных церковников. В результате составили подробный список всех "прегрешений" Абельяра и представили его на рассмотрение Санского собора. Собор, как и ожидалось, осудил Абельяра и принял решение просить папу об отлучении его от Церкви.

Больной, разбитый, немощный шестидесятилетний калека, Абельяр пешком отправился в Рим, чтобы лично оспорить решение Санского собора перед папой Иннокентием II. По дороге он останавливался в монастырях, чтобы немного отдохнуть и набраться сил. Он дошел до аббатства Кливи, где его старый друг

Петр Достопочтенный оказал ему теплый прием. Мудрый Петр, видя, в каком тяжелом физическом состоянии находится Абельяр, предложил ему отказаться от безумной затеи — все равно ему не дойти до Рима. Лучше остаться служить в его округе, в одном из монастырей. К тому же вскоре стало известно, что папа, не дожидаясь личных оправданий Абельяра, осудил великого богослова и философа "на вечное молчание". Он приказал сжечь публично все его книги на площади Святого Петра в Риме. От такого удара несчастный Абельяр уже не смог оправиться. Пытаясь помочь пришедшему в отчаяние другу, Петр перевел его в один из своих лучших монастырей на берегу Соны — этот край славился своим мягким целебным климатом.

Но истерзанному, измученному жизнью и великой любовью к Элоизе старику уже ничто не могло помочь. 12 апреля 1142 года смерть наконец обрекла его на "вечное молчание". Наконец Абельяр обрел покой, которого никогда не имел здесь, на грешной земле...

После смерти

Элоизе о смерти ее возлюбленного мужа сообщил по просьбе Петра Достопочтенного монах из Клюни по имени Тибо. Эта скорбная весть ее сразила. Сколько лет она не расставалась с надеждой, пусть и весьма зыбкой, что когда-нибудь снова увидит Абельяра. Теперь все, конец, робкая надежда разрушена смертью. Но что делать с его телом? В своих письмах к ней Абельяр не раз выражал желание, где бы ни застала его костлявая, быть похороненным в Параклете.

По просьбе Элоизы Петр Достопочтенный извлек тело Абельяра из могилы на кладбище Сен-Марсель в Верхней Соны и сам привез друга для захоронения в построенной им часовне в Параклете. Погребальный обряд с исполнением мессы провели в присутствии Элоизы и всех ее 60 монахинь. Петр Достопочтенный положил во гроб Абельяра грамоту об отпущении грехов, которую он добился у епископа.

Элоиза поклялась каждый день молиться за него до самой смерти. Она неукоснительно выполняла данную клятву в течение еще двадцати одного года. Тщательно, с любовью ухаживала за его могилкой, покуда не присоединилась к нему. Она, как и Абельяр, прожила 63 года. Их останки неоднократно переносились из одной могилы в другую, и наконец в 1814 году прах влюбленных перенесли в Париж и предали земле в одной могиле на кладбище Мон-Луи, впоследствии переименованном в Пер-Лашез.

Сохранилась прекрасная легенда об этой замечательной паре вечно влюбленных. Говорят, в тот момент, когда в могилу к супругу опускали тело Элоизы, Абельяр простер к ней руки, чтобы обнять ее. А может, сама Элоиза раскрыла свои объятия, чтобы навсегда принять в них любимого Абельяра. Это мог сделать каждый из них. Кто рискнет измерить на весах истории, чья любовь была сильнее?

«Мемуарная и биографическая литература, воспоминания»

СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ БИОГРАФИИ

Кудрова Н. Гибель Марины Цветаевой. – 1997. – 320 с. – 16000 р.

Книга посвящена последним, наиболее трагическим годам жизни Цветаевой после ее возвращения на Родину и представляет глубоко продуманную и точно выстроенную версию гибели великого поэта.

Саянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – 1997. – 816 с. (в пер.), суперобл. – 31000 р.

Новая книга Анны Саянц рассказывает о личности и судьбе поэта. Уникальные, не обнародованные ранее материалы, значительная часть которых получена автором от дочери Цветаевой – Ариадны Эфрон, – позволяют сделать новые открытия в творчестве великого русского поэта.

Емельянова И.И. Легенды Потаповского переулка. Б. Пастернак. А. Эфрон. В.Шаламов. Воспоминания и письма. – 1997. – 400 с. (в пер.), суперобл. – 19000 р.

Ирина Емельянова рассказывает о Б.Пастернаке, А.Эфрон, В.Шаламове, с которыми ей доводилось встречаться в 50-60-е годы, а также о своей матери О.Ивинской (прототипе образа Лары в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго»), разделившей не только тяжелые испытания в последний период жизни поэта (включая нобелевские дни), но и понесшей суровую накру за эту дружбу. Впервые воспроизводятся уникальные фотоматериалы из личного архива автора.

Нижинская Р. Вацлав Нижинский. – 1996. – 208 с., цв. и ч/б илл., (в пер.), суперобл. – 24000 р.

Книга о великом танцовщике, написанная его женой, о его короткой, яркой, как метеор, творческой жизни и трагической судьбе, дружбе с Сергеем Дягилевым. На русском языке издается впервые.

СЕРИЯ «РОССИЯ В МЕМУАРАХ»

Свешников Н.И. Воспоминания пропавшего человека. – 1996. – 320 с. (в пер.), суперобл., илл., – 21000 р.

Автор, бродячий торговец книгами второй половины XIX в., рассказывает о своей своеобразной и богатой впечатлениями жизни: общение с уголовным миром (ночлежки, притоны, трактиры, тюрьмы), знакомства с известными литераторами (Н.С.Лесков, Г.И.Успенский, А.П.Чехов) и т.д. Впервые напечатанные в 1896 г. воспоминания Свешникова были переизданы в 1930 г. и давно уже стали библиографической редкостью.

Массон Ш. Секретные записки о России. – 1996. – (в пер.), суперобл., илл., – 20000 р.

Воспоминания француза, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, содержат закулисную хронику русской придворной жизни того времени. Демонстрируя незаурядную наблюдательность и осведомленность, автор дает яркие характеристики мудрой

императрицы и ее сумасбродного сына, их фаворитов и придворных. Книга выходила на русском языке в начале XX в. и с тех пор не переиздавалась.

История жизни благородной женщины. – 1996. – 485 с., илл. (в пер.), суперобл. – 26000 р.

Объединенные под одной обложкой воспоминания А.Е. Лавзиной, В.Н. Головиной и Е.А. Сабанеевой охватывают один из самых ярких периодов русской истории от начала царствования Екатерины II до восстания декабристов – время небывалых событий и характеров, блеска и изящества, пышных дворцов, роскошных парков, прекрасных дам и мундштвенных кавалеров. Среди действующих лиц: Екатерина II, Павел I и Александр I; придворные и простые провинциальные нители. На первом плане – личная жизнь: любовь и измены; истовая религиозность и развратная жизнь – все с точки зрения русской женщины конца XVIII – начала XIX вв.

Белый А. Воспоминания о Блоке. – 1995. – 510 с. (в пер.), суперобл. – 15000 р.

Толчком к написанию «Воспоминаний» послужила смерть Блока, с которым Белого связывали многолетние и сложные отношения «дружбы – вражды».

Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В. М. Пискунов. – Рес-публика, 1995. – 591 с. – (в пер.) – 14000 р.

Авторы этой книги – современники одного из крупнейших русских символистов. В книге звучат голоса М. Цветаевой, М. Чехова, З. Гиппиус, Е. Замятина, В. Ходасевича и многих др.

СЕРИЯ: «БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА»

Каждый том серии представляет собой сборник очерков, посвященных художникам, философам, религиозным или политическим деятелям и т.д. В серию вошли те очерки из библиотеки «НЗЛ» Ф.Ф. Павленкова (1839–1900), которые представляют интерес в наше время. Текст сопровождается цветными и черно-белыми иллюстрациями.

Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. – 1995. – 384 с. (в пер.) – 14000 р.

В очередной том серии вошли художественно-биографические очерки о наиболее ярких исторических личностях эпохи Реформации и контрреформации.

Сократ. Платон. Аристотель. Сенека: Биографические очерки. – 1995. – 267 с. (в пер.) – 26000 р.

В книгу включены очерки о жизни и деятельности великих мыслителей древности, впервые опубликованные в конце прошлого века.

Доставку заказов по всем регионам России обеспечивает ТОО «Аллес»,

109548, Москва, а/я 1, ТОО «Аллес» Тел (095) 353-76-11 E-mail: mishax @ redline. ru

В заявке укажите название книги, количество экземпляров, форму оплаты, а также ваш адрес и телефон.

В.М. Пискунов

Дчас Ув

ТАТЬЯНА СМОЛЬЯКОВА

76

«Чума XX века». Проблема ученых-медиков номер один — «Вирус-убийца». Сегодня даже школьник, услышав эти страшные слова, понимает: речь идет о СПИДе. Об унесенной болезни говорят и пишут так много, что в общественном сознании сложился устойчивый стереотип: СПИД — самый злобный, самый роковой диагноз, который может услышать человек. Мы поверили; страшнее для человечества болезни нет.

Поэтому совершенно неожиданным показалось недавнее выступление по радио директора московского Центра профилактики СПИДа Сергея Павлинова. Болезнь номер один в мире по распространенности и по опасности он назвал... вирусный гепатит.

Несколько лет назад в одном очень специальном медицинском журнале был описан случай гибели хирурга, поранившего руку во время операции и заразившегося гепатитом В. Сообщалось, что он провел сотни операций, в том числе у больных СПИДом, и ни од-

на инфекция к нему не пристала. А вот встреча с гепатитом оказалась роковой.

Сравним некоторые параметры двух «выдающихся» вирусов. По данным Всемирной организации здравоохранения, число инфицированных ВИЧ (вирусом иммунодефицита человека) в мире — 19,5 миллиона, а носителей вируса гепатита В (по сути хронических больных) — 350 миллионов. Минимальный объем крови, необходимый для передачи ВИЧ-инфекции, — 0,1 мл., для передачи гепатита В — 0,00004 мл. Риск заражения при использовании игл или хирургических инструментов после инфицированного пациента для ВИЧ составляет 0,5 процента, для гепатита В — до 30 процентов. А если иметь в виду все возможные пути передачи инфекции, то оказывается, что вирус гепатита В в 100 раз более заразен, чем ВИЧ! Добавим, что ежегодно от острого гепатита В и связанных с ним заболеваний печени умирает около двух миллионов человек.

Будьте здоровы!

КОВЫЙ ИЙЦА

Гепатит. Болезнь эта не щадит ни юных, ни стариков: ее ежегодный, страшный "урожай" - **около 2 миллионов жизней.** Есть ли на нее управа?

Как видите, опасность, исходящая от того и другого вируса, несопоставима. Но СПИД пока неизлечим. А с гепатитом В врачи уже научились справляться. Точнее, не с самой болезнью (успехи в ее терапии еще очень скромны), а с вирусом, ее вызывающим: сегодня заболевание гепатитом медицина в силах предупредить. Поэтому Всемирная ассамблея здравоохранения в 1994 году сформулировала задачу: к 2001 году добиться снижения заболеваемости гепатитом В в мире на 80 процентов. А некоторые страны намерены в начале будущего века полностью искоренить эту инфекцию так же, как раньше - чуму, оспу, полиомиелит. Увы, России среди этих стран нет, хотя заболеваемость у нас стремительно растет и за последнее пятилетие увеличилась в два раза.

Болезнь грязных рук

В быту часто путают три разных понятия: желтуха, гепатит, болезнь Бот-

кина. Поэтому небольшой лимфобласт, по-нашему, никому не повредит.

Желтуха означает окраску кожи и слизистых оболочек. Это симптом поражения печени, желчных путей и других органов. При различных типах гепатита желтуха бывает очень часто. Гепатит - общее название болезней печени. Чаще всего встречается вирусный гепатит, или болезнь Боткина. Гепатит может возникнуть в результате отравления организма токсическими веществами, например, алкоголем, дихлорэтаном и другими.

Вирусные гепатиты - инфекционные заболевания печени, которые вызывают как минимум пять различных вирусов (не исключено, что не все открыты). По типу передачи инфекции их принято делить на две группы.

Энтеральные гепатиты А и Е передаются фекально-оральным путем, в основном - через загрязненную нечистотами воду. Их еще называют болезнью грязных рук, что характерно для детей. Примерно 70 процентов населения Рос-

сии благополучно переболели гепатитом А и даже не подозревают об этом.

Дело в том, что в детстве эта болезнь проходит довольно легко. Большинство мам не паникуют, если летом у чада случилось небольшое расстройство желудка или немного поднялась температура. Простейших подручных средств бывает достаточно, чтобы справиться с проблемой без вмешательства врача. Да и не хочется из-за "пустяка" заточать ребенка на три недели в больницу. У малышек до 5 лет болезнь, как правило, вообще протекает бессимптомно. А вот взрослые переносят ее хуже: слабость, тошнота, понос, повышенные температуры... Через 5-7 дней появляется характерный признак - желтуха. Вся болезнь длится две-три недели и заканчивается без особых последствий.

В наших прохладных краях энтеральные гепатиты носят обычно сезонный характер и редко поражают большие группы населения. Достаточно соблюдать элементарные правила гигиены, чтобы не заразиться. Другое дело - солнечные страны, особенно бедные, где водопровод - роскошь, где санитарная культура остается низкой. Сегодня, например, энтеральные гепатиты стали настоящим бедствием в Таджикистане: хлорировать воду оказалось нечем и народ (кто может) спасается тем, что моет руки перед едой... водной.

И наконец - парентеральные гепатиты В, С и D. Чаще всего передаются через медицинские инструменты при переливании крови, инъекциях, операциях и т.д. Именно они и составляют главную проблему. Болезнь часто протекает крайне тяжело, вплоть до летального исхода, нередко переходит в хронические формы. А самый распространенный, злобный и коварный из этой тройки - гепатит В.

Берегись человека

Единственным естественным хозяином вируса гепатита В является человек. То есть заражаемся мы только

друг от друга. Попадая в организм, вирус поселяется в печени и начинает размножаться. Потом - пошел гулять по кровеносной системе. Относительно недавно его обнаружили в сперме и вагинальной жидкости. Стало понятно, почему и как заражаются люди, которым не делали вовсе никаких инъекций, не брали кровь на анализ. Стало понятно и то, почему среди сексуально активного населения болеют не только гомосексуалисты, но и гетеросексуалы.

Вирус прекрасно себя чувствует и "на воле". Он может засохнуть, многие месяцы "проваляться" в пыли, но очнувшись в нужный момент, наброситься на жертву с пренной силой. Из пяти шприцов многократного использования, в которые попал вирус, один обязательно "сработает". Поэтому еще недавно, когда одноразовые шприцы были у нас в диковинку, 66 процентов больных поставляли... больницы. Сегодня, слава Богу, эта цифра-издевка над отечественной медициной снизилась в Москве до 9 процентов (но на фоне цивилизованных стран и она недопустимо высока!).

Есть и более банальные способы передачи инфекции. Например, чужие предметы гигиены: расчески, бритвенные лезвия, зубные щетки, маникюрные приборы и т.п. Достаточно совсем небольшой ранки, чтобы через пару месяцев отправиться в инфекционную больницу.

Как ни странно, но менее всего опасаться можно тех, кто уже свалился и переживает острую болезнь - заражение от них происходит редко. Больше следует остерегаться так называемых вирусоносителей, хроников. Только вот - как? Ведь зачастую эти люди и сами до поры не подозревают, что больны...

Болезнь подступает незаметно, "ношачьим шагом". Инкубационный период может длиться от полутара до шести (!) месяцев. И лишь потом проявляются симптомы: пропадает аппетит, появляется слабость. Затем -

тошнота, рвота, увеличивается и становится болезненной печень, потом желтеет склеры глаз, лицо, становится совсем худо.

При первых же признаках недомогания надо вызывать "скорую". Не надейтесь отлежаться дома. С гепатитом В шутки плохи: ежегодно от его молниеносной формы в мире умирают 100 тысяч человек. А еще полмиллиона – в течение острой инфекции. Врачи с горечью признают: терапевтическое лечение зачастую (в 50 процентах случаев) оказывается неэффективно. Нет еще в распоряжении медиков совершенно надежных средств.

- Мне часто приходится сталкиваться со смертью, – рассказывает профессор И.В. Шахгильдян. – Печень человека при этом тает, как сахар в стакане чая. А ты смотришь – и ничего не можешь поделать. Смерное состояние. Недавно в Первой городской инфекционной больнице Москвы умерла молоденькая медсестра. 26 недель беременности. Бились над ней до последнего. Не вытащили... А сделали бы ей вовремя прививку – две жизни были бы спасены.

По оценкам специалистов, в России от острого гепатита В ежегодно умирают от 10 до 15 тысяч человек. Но благополучно просночить острый период болезни – это еще полдела. Клиницисты заметили: чем легче протекает основное заболевание гепатитом, тем чаще возникают тяжелые осложнения, вплоть до летального исхода. Злосчастный ласковый убийца. Многие больные, несмотря на лечение, становятся впоследствии хрониками. И чем моложе пациент, тем больше вероятность этого. Самый неблагоприятный прогноз – у новорожденных, заразившихся от матери. 50 процентов этих ребятшек болеют всю жизнь. А сколько лет отпущено той жизни, если она заканчивается раном печени или циррозом? Сегодня уже точно установлено, что 80 процентов всех случаев рака печени – прямое следствие гепатита В.

Гепатологи (специалисты по гепатитным заболеваниям) называют четыре крупные группы риска. В них входят гранданы, вероятность заболевания которых очень высока. В первую группу входят новорожденные, появившиеся на свет от больных матерей. Чаще всего они заражаются, проходя по родовым путям, а иногда и внутриутробно, через плаценту.

Вторая группа – младенцы, рожденные на территориях с высоким уровнем вирусносительства. Если Россия в целом относится к странам со средними его показателями, то такие регионы, как Сибирь, Дальний Восток, Тува, Якутия, отличаются очень высокими уровнями – в два-три раза выше среднероссийского.

И еще две группы риска: медработники, контактирующие с кровью (хирурги, реаниматологи, гинекологи, лаборанты), и выпускники медучилищ. Именно с этих категорий грандан предполагается в будущем начать профилактику грозного заболевания. Но пока это, скорее, благое пожелание.

Не стой под иглой

Еще несколько лет назад гепатит В считался болезнью старшего поколения и маленьких детей. Объясняли это тем, что именно они наиболее часто нундаются во всяких медицинских манипуляциях. Было время, когда наши врачи очень увлекались инъекциями. Сназем, при лечении острых респираторно-вирусных инфекций ребенку делали 40 уколов, а при пневмонии – до 75. Ренордсменами в этом смысле были среднеазиатские республики: там каждый ребенок первого года жизни получал от 200 до 400 уколов!

Со временем, когда стало совершенно очевидно, что стерилизация от инфекции не спасает, до минимума сократили количество медицинских манипуляций над детьми и постепенно перешли на одноразовые шприцы и инструменты. В детских лечебных уч-

реждениях, в отличие от взрослых, очень тщательно выполняются противоинфекционные мероприятия. Особый контроль – за безопасностью препаратов крови.

Поистине титанические усилия медиков принесли свои плоды: в Москве среди всех заболевших острым гепатитом В дети до 14 лет составляют лишь 2,4 процента.

Итак, дети и старики потеснились, освободив место для 15–29-летних: именно молодежь сегодня составляет большинство больных, и именно она повинна в победном шествии гепатита В по стране. Внутривенное введение наркотических препаратов и активная беспорядочная половая жизнь – вот на чем держится сегодня эта грозная болезнь. В Санкт-Петербурге в 1991 году среди больных острым гепатитом В наркоманы составляли 5 процентов, а в 1995-м – уже 40 процентов.

Но бывает и хуна. Недавно Институт вирусологии имени Д.И. Ивановского Российской Академии медицинских наук провел обследование, а затем иммунизацию населения города Верхняя Пышма Свердловской области. Почти половина больных там – в возрасте 15–19 лет. Оказалось, российская глубинка колетса не менее активно, чем столицы: 44,7 процента больных в Верхней Пышме заразились при введении наркотиков.

Допустим, мы вымуштруем наших медработников, полностью обеспечим их одноразовым инструментарием и средствами контроля – словом, создадим в лечебно-профилактических учреждениях идеальную обстановку. Это, конечно, чрезвычайно трудно, но достижимо. Однако надеяться на то, что народ опомнится и быстро вернется к нормам строгой морали, совершенно наивно. Выловить всех наркоманов тоже невозможно. Значит, болезнь будет продолжать свой террор? Значит, нет выхода? Есть, отвечают ученые, это профилактические прививки.

Здоровье стоит дорого, нездоровье – дороже

В семействе вирусов гепатит В легализовался сравнительно недавно. Только в 1970 году при помощи электронного микроскопа удалось раскрыть его иногнито. Изучение структуры и свойств вируса показало, что есть теоретическая возможность для создания вакцины.

Во многих лабораториях мира стали работать над этой практической задачей, в том числе у нас. И в 1982 году некоторые страны уже начали серийное производство вакцин и иммунизацию населения. В СССР первые прививки были сделаны в 1983 году, но, увы, не отечественной, а французской вакциной. Наша была не хуже, но мы не сумели запустить ее в промышленное производство.

Первое поколение вакцин изготавливалось на основе плазмы крови. Но потрясший вскоре планету СПИД потребовал создания принципиально новых препаратов, без применения крови. И геновая инженерия выполнила социальный заказ... Сегодня в России зарегистрировано (а значит, разрешено применять в практике) четыре генноинженерные вакцины производства Бельгии, США, Кубы и России.

Как водится, в производстве бесценной вакцины мы оказались на мировых задворках: имея потребность в 12 миллионах ампул в год, выпускаем, по данным Минздрава, только 100 тысяч. Лидирует на нашем рынке бельгийский препарат Энджарико-В. Нет слов, говорят специалисты, – отличная вакцина, но... за дернаву обидно! Впрочем, пациенту, по большому счету, все равно, кто и где произвел лекарство. Главное, чтобы помогло.

Мировой опыт убеждает, что вакцинация против гепатита В дает колоссальный положительный эффект: почти стопроцентная защищенность в течение, по крайней мере, пяти лет. Возможно, иммунитет сохраняется и

дольше, но чтобы это узнать достоверно, требуется время.

В упомянутом уже городе Верхняя Пышма в прошлом году провакцинировали почти всех новорожденных и медработников, а также большую часть подростков. Вот последние данные: заболеваемость в городе снизилась в 1,6 раза. А в целом по Свердловской области, где такая работа не проводилась, она выросла на 20 процентов! В Москве профилактику гепатита В решили начать с медработников. Прививки сделаны уже 12 тысячам человек. Из них впоследствии заболел лишь один.

В России пока не зарегистрированы ни какие-либо осложнения на эти прививки. И теоретически вероятность таких ничтожна. Даже так называемые побочные реакции случаются не столь часто. Например, применение бельгийской Энджерикс-В вызывает сыпь в одном случае из 58 тысяч, головокружение – в одном из 108 тысяч, простудноподобные симптомы – в одном из 138 тысяч.

Хорошо переносят вакцинацию новорожденные, для которых, как уже было сказано, это просто жизненно необходимо.

Однако при достаточно очевидных достоинствах профилактики гепатита В Россия применяет ее очень слабо. Если в мире привито уже более 100 миллионов человек, то в нашем Отечестве этот показатель более чем скромный – несколько десятков тысяч.

Недавно группу российских студентов-медиков пригласили на стажировку в Германию и... не пустили, узнав, что ребята не привиты против гепатита В. Да еще удивлялись: как это наши молодые специалисты соглашаются идти на практику без иммунитета? Это же очень опасно!

В прошлом году Минздрав издал приказ "О введении профилактических прививок против гепатита". Но он предписывает защищать только новорожденных от матерей-носительниц

вируса, а также всех новорожденных тех регионов, где вирусоносители составляют свыше 5 процентов. При этом даже для этих, взрывоопасных для всей страны, территорий не предусмотрены централизованные поставки вакцин. Есть в регионе деньги – пусть понакупают сами, нет – что ж, остается развести руками.

Вот что думает по этому поводу академик Академии естественных наук, профессор Института вирусологии РАН Иосиф Васильевич Шахгильдян:

– Генноинженерные вакцины против гепатита В – это выдающееся достижение человечества. И не использовать его просто неразумно. Сколько людей погибает, которые не должны погибать. Проблему вакцинопрофилактики гепатита В должно решать государство в государственном же масштабе. Сегодняшняя стратегия – иммунизировать только некоторые группы риска и при этом отдать все на усмотрение регионов – ошибочна! Американцы в свое время обогнулись на этом. За шесть лет подобной практики заболеваемость в стране даже выросла. Поэтому единственно правильный путь – иммунизация не только групп риска, но и всех новорожденных и подростков...

Да, цены на вакцину нисколько. Полная вакцинация (три укола) одного ребенка стоит примерно 20 долларов, взрослого – 30. Но эти затраты ничто по сравнению с затратами на лечение, которое обходится в тысячи долларов и при этом малосаффективно. В Италии, стране с низкой заболеваемостью, экономический ущерб от гепатита В составляет 833 миллиона долларов ежегодно, а стоимость вакцинации – 61 миллион долларов. Так может быть, лучше потратиться на профилактику. Когда же мы научимся считать?

Впрочем, те, для кого ответ на этот вопрос очевиден, могут не ждать милости от государства, а обратиться в ближайший прививочный пункт.

ЛЮБОВЬ, ПИТЕР БРАУН СТИВЕН ГЕЙНС КОТОРУЮ

4

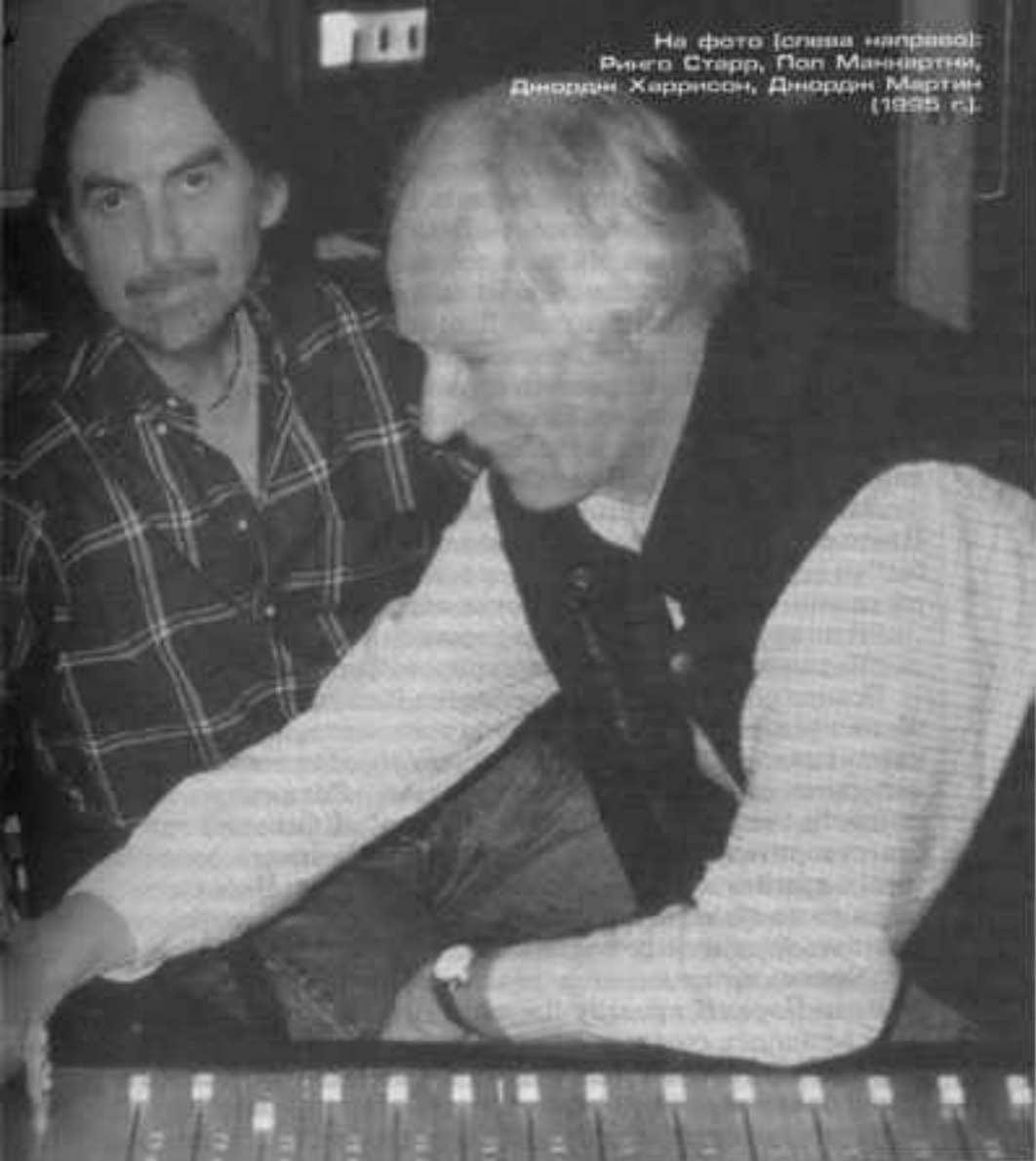
9 октября Йоко срочно доставили в больницу "Кинге-колледж" для переливания крови. Через три дня в прессе незаметно прошло сообщение о втором выкидыше.

Измотанные и угнетенные этой потерей, Джон и Йоко решили отдохнуть в Греции вместе с Чудо-Алексом. Они арендовали небольшую яхту с экипажем и отплыли в открытое море, желая удалиться от этого мира. Джон и Йоко поклялись использовать десятидневный круиз, чтобы очиститься от ядовитых наркотиков и алкоголя, которые они употребляли раньше, и начали голодовку.

* Окончание. Начало в № 8.

Биолампа

На фото (слева направо):
Риго Старр, Пол Маккартни,
Джордж Харрисон, Джордж Мартин
(1995 г.)

ТЫ ОТДАЕШЬ

Пили только воду. Эта мера не только не прибавила им здоровья, скорее наоборот, ухудшила их духовное и физическое состояние. Алекс был свидетелем того, как супруги прибегали к физическому насилию и портили оборудование судна. Несколько раз Джон срывался и давал Йоко хорошего тумака – совсем так же, как делал это с Синтией.

Вернувшись в Лондон, Джон выпустил на "Эпл" "Снадебный альбом".

Чрезмерно перегруженный альбом стоил 9 долларов, в то время как цена обычной пластинки была около четырех. К каждой пластинке прилагались вырезки из газет, пластиковая копия сва-

дебного торта и копии удостоверения о браке. Вскоре после альбома вышел сингл "Gold Turkey".

Утром 26 ноября, читая газеты, в которых рассказывалось о вьетнамской войне и голодающих детях в Биафре, Джон решил, что должен в знак протеста вернуть свой орден Британской империи королеве. Он вызвал шофера Леса Энтони, чтобы поехать в Бурнемаус, где жила тетя Мими, и забрал у нее орден. "Если бы я знала, что хочет сделать Джон, я бы никогда ему этого не позволила".

В офисе "Бэг продакшенс" Джон продиктовал письмо, в котором говорилось: "Ваше величество, я возвращаю орден Британской империи в знак протеста против участия Британии в конфликте между Нигерией и Биафрой, против поддержки Штатов во вьетнамской войне и против низких позиций "Gold Turkey" в хит-парадах. С любовью, Джон Леннон из мешка".

Джон и Йоко сами отвезли орден в Бэкингемский дворец. Пресс-секретарь королевы сказал в интервью, что по иронии судьбы "он вернул орден точно так же, как это сделали первые кавалеры ордена в знак протеста против награждения Джона Леннона".

"Я не думаю, что королева расстроится", — заметил Джон.

"Королева выше этого", — парировал пресс-секретарь.

Вскоре после возвращения ордена Джон устроил свои миротворческие усилия. На этот раз он затеял международную афишную кампанию — в двадцати крупнейших городах мира были расклеены афиши с надписью "Война окончена — Если ты захочешь — Счастливого Рождества от Джона и Йоко". Кампания завершилась благотворительным концертом в пользу Детского фонда ООН, который прошел в театре "Лайсеум" в Лондоне. Через день Джон и Йоко снова вылетели в Торонто, на этот раз с намерениями организовать будущим летом грандиозный бесплатный "концерт мира". Организаторами концерта были Джон Броуер и его компаньон Ричи Йорк. К приезду Джона и Йоко приготовили более тридцати афишных стендов. Канадские газеты описывали каждый их шаг с момента прибытия в страну, а гости не давали им скучать. Они собрали пресс-конференцию в "Онтарио Сеанс Сентр" и объявили, что во время мирного концерта будет проходить всемирное "голосование за мир". Зрителям раздадут специальные бюллетени, а потом Джон и Йоко передадут их "правительству Соединенных Штатов".

Затем они арендовали экскурсионный поезд со стеклянной крышей, который доставил их в Монреаль, где уже дожидался белый "ролле-рой". В Монреале супруги встретились с премьер-министром Пьером Трюдо, оказавшим им огромную поддержку. "Если бы таких лидеров, как господин Трюдо, было больше, — сказал Джон журналистам, — на земле был бы мир". Йоко добавила: "Это была чудесная встреча. Мы получили хороший стимул".

Джон и Йоко вернулись в Титенхерст к Рождеству, 29 декабря полетели в Аальборг, городок в Дании, где теперь жили Тони Кокс и его жена Мелнида. Несколько месяцев Тони добивался, чтобы Йоко позволила ему забрать дочь к себе. В разводе не оговаривалась периодичность встреч. Тони знал, что Джон и Йоко пристрастились к наркотикам, и не хотел, чтобы Киоко видела их в таком состоянии. Он также жутко злился на них за аварию в Шотлан-

дни, в которой Киоко получила серьезные травмы. Джон и Йоко хотели, чтобы весну Киоко провела вместе с ними в Титенхерсте, и приехали в Данию, чтобы убедить в этом Кокса.

Прием оказался весьма холодным. Кокс настоятельно требовал не курить, не глотать "колеса" и наркотики, не пить и заставил их выложить из карманов все "порочные штучки", которые у них были с собой. Кокс был членом группы "Харбингерс", своего рода коммуны, и привлек двоих единоверцев, чтобы те внушили Джону отвращение к табаку. Джон, который не выпускал сигарету из рук, согласился на это. К тому же, чтобы сделать событие более сюрреальным, они с Йоко решили постричься наголо и стали походить на бомжей. Волосы сложили в пластиковый пакет и оставили на память.

Между тем Броуер и его партнер также прилетели в Аальборг, чтобы получить официальное "добро" Джона и Йоко на проведение "концерта мира". Встречей руководил Ален Кляйн. Он приехал в Аальборг, чтобы договориться об условиях переезда Киоко в Титенхерст. Броуеру и Йорку приказали на входе вывернуть карманы и лишь после этого впустили в незатейливую деревенскую кухню. Там сидели лысые Джон и Йоко. Сбитая с толку Киоко уцепилась за пиджак Броуера и бормотала: "Я девочка, я девочка".

Джон и Йоко ознакомились с рекламными материалами, которые Броуер и Йорк привезли с собой. Афиша выглядела так: "Фестиваль мира Джона Леннона. Вход свободный (один доллар). Торонто, 3, 4, 5 июля, начало Мирного Летосчисления. Война окончена, если захочешь".

"Нет-нет-нет! — заорал Джон. — Свободный, так свободный! Никаких там долларов!" Броуер и Йорк заспорили, а Джон пришел в неопишемую ярость. Он отказался давать "добро" на проведение акции до тех пор, пока Броуер и Йорк не дорастут до настоящего бесплатного концерта. Хэмрик и Леонард были назначены агентами Джона в "Карма продакшенс".

Через месяц Джон снова стал курить и приносить в Титенхерст наркотики, Киоко все еще была с Коксом, "концерт мира" умер, так и не родившись. Леонард собрал пресс-конференцию, на которой сообщил, что на концерте появятся летающие тарелки, а Джон с Йоко придут в "воздушном экипаже", приводимом в действие психической энергией. Джон отбил Броуеру и Йорку телеграмму, в которой говорилось: "Мы не хотим иметь ничего общего с вашим фестивалем. Будьте добры не использовать наши имена, идеи и символы. Джон и Йоко Ленноны".

Так для Джона и Йоко закончилась борьба за мир.

Утром 26 января Джон сочинил песню под названием "Instant Karma". Она была скромным предупреждением тем, кто переходит ему дорогу — всех их ожидала заслуженная кара. Продюсером песни согласился стать Фил Спектор. Сингл имел существенный успех, особенно в Америке, где было продано около миллиона экземпляров. Большая часть славы, впрочем, пришлось на долю Фила Спектора, который расширил и обогатил звуковую палитру Джона. В знак благодарности Джон передал Спектору черновые материалы "Let It Be", пылившиеся на полке, и попросил сделать из них альбом.

Есть люди, у которых в трудные минуты жизни находятся верные и любящие друзья, помогающие им словом и делом и вселяющие уверенность. Такие друзья у Джона были, но временами он казался невыносимым. Наделенный несметным богатством и неограниченной властью, Джон не подчинялся никому, наслаждаясь своим положением отверженного.

К сожалению, в начале 70-го года Джон стал такой набившей оскомину карикатурной фигурой, что полностью утратил доверие репортеров. Последней каплей оказалась пресс-конференция, собранная Джоном и Йоко по поводу открытия ими "Черного дома". Это был негритянский культурный центр в Кемден-таун, созданный на деньги Майкла Абдула Малика — одного из неоднозначных и пугающих лидеров движения "Черная пантера" в Лондоне. Усилиями Дерек Тейлора пресса с готовностью собралась на крыше "Черного дома", чтобы лицезреть церемонию передачи Майклу пластиковых пакетов с волосами Джона и Йоко. Майкл намеревался продать это сокровище на аукционе Сотби и передать выручку своим "братьям".

Церемония выглядела и забавной, и грустной одновременно. Журналисты молча глазели, Джон, как обычно, был мрачен, Дерек Тейлор обводил присутствующих взглядом и вдруг понял — здесь все понимают, что такое нынешний Джон Леннон. На следующее утро, впервые в истории "Битлз", в газетах не было ни единой фотографии Джона.

К середине марта 1970 года Йоко опять забеременела. Врачи тут же положили ее в дорогую частную больницу. Никто из "Битлз" и сотрудников "Эпл" не знал об этом. Джона и Йоко тайно посещали немногие верные друзья — Чудо-Алекс, журналист Рэй Конолли и Майкл Экс.

Беременность Йоко продолжалась в Титенхерсте. Она не могла встать с постели из-за плохого самочувствия, и Джону казалось, что стены вокруг него смыкаются. Обширная перестройка дома еще не закончилась, и кругом постоянно что-то прибывали и сверлили. Супруги начали ругаться. И ни один из этих споров не прибавил Йоко здоровья. "Мы были вместе 24 часа в сутки, — рассказывал потом Джон. — Это была наша любовь, и чтобы защитить ее, мы буквально начали душить друг друга... нам было опасно жить, я не знаю, как Зельде и Скотту... Мы бы так долго не протянули, просто не смогли бы выдержать темп, который взяли сначала".

Однажды в Титенхерст прислали по почте книгу под названием "Первичный крик. Первичная терапия: лечение неврозов".

"Само название заставило мое сердце трепетать, — говорил Джон. — Я имею в виду, что Йоко постоянно стонала. Потом и прочитал слова пациентов, знаете, "Я Чарли такой-то и такой-то, я пришел, и со мной случилось вот что". Я думал, ЭТО ПРО МЕНЯ, ПРО МЕНЯ. Хорошо, это не глотать кислоту и кайфовать, так что я подумал, что можно попробовать".

Автор книги Артур Янов был одним из тех многообещающих психотерапевтов, которые расплодились в Калифорнии в конце 60-х. Теория Янова заключалась в том, что в возрасте пяти лет с каждым происходит "первичный случай", своего рода поворотный момент всей жизни. Пациента нужно вернуть обратно в ситуацию

“первичного случая”, чтобы он снова пережил и отрефлексовал травму и избавился от ее последствий. Когда достигалось “первичное состояние”, пациенты истерически вопили и таким образом избавлялись от ненависти и горечи, которую накопили к своим родителям.

Книга стала для Джона своего рода открытием. “Я думал, что это похоже на яблоко Ньютона. Это и есть то самое, что говорил я себе. Но я так ошибался в прошлом, с наркотиками и Махариши, поэтому дал книгу Йоко. Она согласилась со мной, и мы взяли за телефон”.

Фактически терапия Янова была для Джона тем же, что и Махариши, и наркотики, и Чудо-Алексе, то есть еще одной панацеей. Сам Янов почувствовал это, когда говорил с Джоном по телефону, и посоветовал супругам хорошенько подумать. Он также попросил написать подробные отчеты о своем детстве с указанием тех событий, последствия которых следовало лечить с помощью “первичной” терапии. Должно быть, его поразили эти письма, иначе бы через несколько недель он не приехал в Титенхерст к Джоону и Йоко.

Янов приказал, чтобы за 24 часа до его прибытия Джон и Йоко поселились в разных комнатах, не контактировали друг с другом, не употребляли наркотиков и медикаментов, не разговаривали по телефону, не слушали радио и не смотрели телевизор. Сеансы терапии были изнуряющими. Джон лежал, раскинув руки, посреди комнаты, а доктор Янов возвращал его к унижениям и страданиям детства. Леденящие кровь крики доносились по всему дому. Через неделю сеансы терапии были прерваны строительным шумом и продолжились в большом номере отеля в Лондоне. В конце третьей недели, когда Янов предполагал определенный прогресс, он пригласил их в Калифорнию для прохождения в институте терапии четырех- или шестимесячного интенсивного лечения. Янов временно решал проблему Джона с визой, и такой способ въезда в страну устраивал Леннона.

Перед самым отъездом в Калифорнию Янов предположил, что для лечения будет полезно, если Джон припомнит свои чувства к Джулиану, который жил с Синтией и Роберто Басанини. Джон не видел сына с прошлого июля, когда они угодили в аварию. Договорились о встрече, и Джон приехал в Кенсингтон повидать маленького Джулиана. “Он был на удивление приятным, — вспоминает Синтия, — сразу же прошел наверх, в комнату Джулиана, и они несколько часов играли вместе. Я была в восторге, и Джулиан тоже. Потом Джон спустился вниз, чтобы выпить чаю, и рассказал о “первичной” терапии. Йоко он не вспоминал. Тут раздался звонок. Это был мажордом Титенхерста, он не владел собой — Йоко хотела принять смертельную дозу снотворного, потому что Джон проводит слишком много времени со мной и Джулианом. Джон швырнул трубку и заорал: “Подлая сука! С собой она покончит, видите ли!”

После этого всеми встречами с Джулианом занималась исключительно Йоко. Синтия никогда больше не видела Джона.

Вскоре супруги вылетели в Лос-Анджелес, где сняли домик посреди прилизанной лужайки в Беверли-Хиллс. Если верить Йоко,

там у нее произошел третий выкидыш. После нескольких дней, проведенных в постели, она присоединилась к Джону на сеансах "первичной" терапии. Сеансы проходили в течение трех месяцев дважды в неделю. "Мы проводили сеанс, рыдали как следует, а потом шли купаться в бассейне, — рассказывал Джон. — Ощущения были, как после хорошей дозы кислоты или косяка, знаете, вода как иголочками покалывает, и все было замечательно. Но потом все защитные механизмы снова вступали в действие — знаете, действие кислоты и травы заканчивается, — и я возвращался обратно".

Йоко не нуждалась в терапии доктора Янова. Джон позже признался, что она участвовала в сеансах только для того, чтобы поддержать его, полагая, что такая терапия полезна для мужчин.

Но вскоре Джон разочаровался в докторе Янове. Однажды тот принес две 16-миллиметровых камеры. Джон и думать не мог о том, что его будут снимать во время сеансов. "Я не собираюсь участвовать в съемках, — сказал он, — особенно катаясь по полу и рыдая". Янов утверждал, что съемка необходима для лечения, и слава Джона и Йоко тут ни при чем. "Кого вы хотите обмануть, доктор Янов? — спросил Джон. — Именно Джон и Йоко вам и нужны".

"Мы не могли дожидаться, когда все закончится, — вспоминает Йоко. — Однажды сидели в бассейне, смотрели друг на друга и вдруг поняли, что для нас все это уже заканчивается".

В один прекрасный день Джон пришел в Центр первичной терапии и сказал Янову: "Ну, мы вылечились. Спасибо". Супруги покинули Лос-Анджелес.

Если "первичная" терапия и не оказалась чудесным эликсиром, который искал Джон, во всяком случае, она несколько изменила и улучшила его. Сеансы терапии сняли барьер между Джоном и его страхами и антипатиями, избавили от тяжести, которую он влечил за собой всю жизнь. Способность быть на "ты" со своими чувствами означала новый этап в его творчестве. Вернула к холсту и мольберту, чтобы перевести свои переживания на самый понятный ему язык. Результат оказался налицо в первом сольном альбоме Джона, названном "Джон Леннон/Пластик Оно Бэнд". Эта работа является одним из самых мощных автобиографических произведений из когда-либо созданных. Самой известной песней этого альбома стала "God", простая исповедь разочарованного Джона. "Я не верю в Иисуса... Я не верю в Библию... Я не верю в Элвиса... Я не верю в "Битлз"... Я просто верю в себя... Сказка кончилась".

5

Весь этот год Пол с тревогой и отвращением следил за приключениями Джона и Йоко. Джон валял дурака, и для Пола наступило время рубить концы, пока Джон не потянул его за собой на дно. Поскольку думать о новом альбоме "Битлз" было глупо, Пол решил записывать свой собственный альбом. Осенью он забрал жену, детей и собаку Марту и отправился на заброшенную ферму в Шотландии. Пол просто исчез, не предупредив никого, кроме Де-

река и меня. Главной причиной бегства Пола из города был шумный успех последнего альбома "Битлз" "Эби роуд". Эта пластинка — последний шедевр "Битлз", состоящий из 17 песен, каждую из которых можно назвать маленьким чудом. Только за первый год было продано пять миллионов экземпляров — на два миллиона больше, чем "Сержанта Пепера". Невероятная популярность альбома сделала Пола центром внимания, и Пол попытался ускользнуть от лучей славы в Хай-парк.

В марте 70-го года, после почти полугодового отсутствия, Пол вернулся в Лондон с альбомом "Маккартни". Это был приятный альбом с хитами "Maybe I'm Amazed" и "Every Night". Пол импровизировал студийные эффекты домашними средствами, записываясь в ванной и спальне для получения разной реверберации. На некоторых песнях слышно, как хлопает дверь и в соседней комнате играют дети. Пол позвонил Джону. "Я собираюсь сделать то, что вы с Йоко уже сделали, — сказал он. — Я выпускаю сольный альбом и ухожу из группы".

"Хорошо, — ответил Джон. — Значит, мы оба уже решили это для себя".

Пол сообщил мне и Алену Кляйну, что по личным причинам хотел бы выпустить свой альбом 10 апреля на "Эпл". Кляйн ответил, что о 10 апреля не может быть и речи. В апреле выходил альбом "Let It Be", и на 20 мая назначена премьера фильма "Let It Be". Поскольку прокатом фильма занималась "Юнайтед Артистс", перенести премьеру нельзя. К тому же Ринго тоже записал соло-альбом, невинный и сентиментальный, под названием "Сентиментальное путешествие". Альбом Ринго должен был выйти после "Let It Be".

Полу оставалось только ждать своей очереди. Разъяренный, он позвонил сэру Джозефу Локвуду в "И-Эм-Ай". "Меня саботируют, сэр Джо, вот что они со мной делают", — высокопарно заявил Пол. Сэр Джо ответил, что постарается помочь, но в итоге решающее слово за остальными "Битлз".

Как-то вечером Ринго приехал к Полу на Сент Джонс Вуд. Ринго был самый жизнерадостный из битлов и поэтому легко склонил остальных к компромиссу. Он пробыл в доме Пола всего несколько минут, так как Пол разозлился и, по словам Ринго, "вышел из-под всякого контроля". Он тряс пальцем перед лицом Ринго и орал: "Я вас всех урою! Вы за все заплатите!"

Ринго, как самый опытный, сказал остальным, что если для Пола так важно выпустить соло-альбом в апреле, они должны уступить из дружеских соображений. Альбом самого Ринго вышел позже назначенного срока, а "Let It Be" вышел раньше. Как оказалось, вся эта музыка заполнила рынок в течение трех или четырех недель, что было гарантией коммерческого краха.

20 мая, на премьере "Let It Be" в театре Паладиум, "Битлз" не присутствовали. Это был фильм не о записи альбома, а живописные распада группы. Больше того, он показывал превращение дружбы во враждебность и ненависть.

Вечером 20 мая Джордж Харрисон вместе с Филом Спектором приступил к работе над сольным альбомом "All things must pass", которая заняла полгода. Чтобы не отстать от него, Ринго

тоже уединился в студии с продюсером Питом Дрейком для работы над новым альбомом "Beaucoup of blues", которая заняла шесть дней.

17 апреля вышел альбом Пола Маккартни "McCartney". Внутри альбома было интервью, которое он сделал сам с собой, придумав и вопросы и ответы, — самореклама, представлявшая Пола не в лучшем свете. Но в интервью однозначно говорилось, что "Битлз" больше нет.

10 апреля Пол сделал заявление для прессы, которое давно хотел сделать Джон. Он выходил из "Битлз" "из-за личных, деловых и музыкальных разногласий".

6

В течение осени 70-го года Пол и Истманы продолжали вежливо интересоваться, не согласятся ли остальные "Битлз" отпустить Пола. Главной проблемой ликвидации партнерства были непомерные налоги, которые нужно было бы заплатить в случае раздела активов "Битлз". Истманы точно не знали, о какой сумме идет речь, потому что Кляйн якобы не давал им доступа к бухгалтерским документам. "Мне плевать на налоги, — сказал Пол, — но я не хочу, чтобы мной управляла "Эйбикисиоу". Будет странно, если на моих альбомах будет написано "Эйбикисиоу компани", хотя Кляйн не является моим менеджером".

Однажды Пол небрежно бросил Кляйну: "Или я разрываю мой контракт, или подаю на тебя в суд". На Кляйна подавали в суд уже сорок с лишним раз, и он только посмеялся.

Пол еще раз попытался поговорить с каждым из "Битлз", но Джон и Джордж не хотели его слушать. Он пригласил Ринго в свой дом на Кэвэндиш-авеню, чтобы тот еще раз сыграл роль арбитра. "Смотри, — сказал Пол, — речь идет не о вас, просто я не хочу иметь ничего общего с Кляйном. Вся проблема в нем".

"Дело не в одном Кляйне, — объяснил Ринго, — дело еще и в Истманах". Тут у Линды случилась истерика, и Ринго прикусил язык. Каждый раз, когда Ринго пытался защитить Кляйна, Линда ударялась в слезы. Они запутались в спорах, и встреча не принесла никакого результата.

После этого Пол написал длинное письмо Джону, в котором просил его согласиться на формальный распад. В ответ получил открытку со словами: "Не мешай. Пусть остальные распишутся, и тогда я подумаю".

Большую часть ноября и декабря Пол просидел в своем доме на Сент-Джонс Вуд, размышляя, хочет ли он судиться с остальными "Битлз". "Я не могу так сделать. Я не могу судиться с моими корешами. Это погубит мою репутацию. Меня будут считать негодяем. Не могу и с ними судиться..."

Но он смог. И сделал это перед самым Новым годом. 31 декабря 1970 года Джону, Джорджу и Ринго был вручен повестки, и в Верховном суде начались слушания.

В тот же день я подписал заявление об уходе. Пол просил меня не делать этого, потому что я был последним представителем ста-

рой гвардии в "Эпл", но я уже не мог ему ничем помочь. Мой уход был всего лишь делом времени.

Судебное разбирательство началось 10 января 1971 года и продолжалось девять дней. Пол был единственным из "Битлз", кто появился в суде, и выиграл пари в два шиллинга с гардеробщиком, который говорил, что Джон и Йоко тоже приедут, не упустив шанса показаться на публике вместе с Полом. Трое остальных битлов были представлены письменными показаниями. Эти показания зачитали в суде, а подробности появились на следующий день в заголовках газет. Первая порция грязного белья "Битлз" была выстирана на публике, включая перебранки в студии Твикенхэм и то, как Пол вышвырнул Ринго из дома. Адвокаты Пола, которые были очень тщательно подготовлены Истманами, утверждали, что Алан Кляйн нечистоплотен и не вправе представлять интересы Пола. Они поджарили Кляйна на медленном огне, представив суду свидетельство, что Кляйн избегает наказания по ста двадцати приговорам, вынесенным в США. Суд был вынужден назначить судебного исполнителя и заморозить активы "Эпл".

Три участника поп-группы "Битлз" вчера отозвали свою апелляцию в Верховный суд против передачи их фирмы "Эпл" в руки судебного исполнителя. Джон Леннон, Джордж Харрисон и Ринго Стар должны будут оплатить судебные издержки в размере 100 тысяч фунтов стерлингов".

("Таймс" 27 апреля 1971 года)

Глава 8

1

Джордж

Если распад "Битлз" принес кому-то пользу, то этим кем-то был Джордж. Джордж всегда жаловался, что Джон и Пол не дают ему развернуться, и теперь у него появился шанс показать, на что он способен. В течение шести месяцев вместе с Филом Спектором он выхаживал свой первый сольный проект "All things must pass". Прекрасно упакованный набор из трех пластинок на две трети состоял из нового материала, а на одной пластинке был записан джем-сейшен с суперзвездами Эриком Клэптоном, Дэйвом Мэйсоном и Билли Перстоном, которые участвовали в записи всего альбома. Выпущенный накануне Рождества 1970 года альбом стоил целых 14 долларов и стал хитом в Америке и Британии. Наверное со времени "Сержанта Пепера" ни один альбом не получил столько похвал, и это было заслуженно. Джордж раз и навсегда доказал, что он тоже в своем роде музыкальный гений. Богатые оркестровые аранжировки Спектора делали "All things must pass" особенно благозвучным. Как писал "Мелоди Мейкер": "Гарбо заговорила! Джордж Харрисон свободен!".

Несмотря на неожиданное признание и успех, Джордж Харрисон был не более счастлив, чем все остальные экс-битлы, он оказался самым грустным и неудовлетворенным из них.

В 1970 году Джордж купил огромный особняк в Хэнли-Тэмл. Это поместье обошлось ему в 300 тысяч фунтов, называлось оно Фраер-парк и требовало немалого ремонта. Стоимость ремонта явно превосходила стоимость покупки, и с учетом этого можно сказать, что обиталище Джорджа было самым роскошным и необычным в мире.

Джордж без устали продолжал свои духовные искания. Он поддерживал секты кришнантов по всему миру и нашел себе нового гуру Вхактиведеданта Свами, 77-летнего духовного лидера Международного общества Сознания Кришны. Он пригласил гуру и нескольких монахов жить в домике на территории Фраер-парка. Джордж вставал на рассвете, обливался холодной водой и изучал "Бхагавад гиту".

На Патти Харрисон было больно смотреть. После шести лет брака она чувствовала себя невожребованной и подавленной, находилась постоянно в огромном мрачном доме в окружении монашеских голов. Патти мечтала о ребенке, но никак не могла забеременеть. Она хотела даже усыновить кого-нибудь, но Джордж был против. Супруги горячо спорили по этому поводу, и Патти стала избегать Джорджа. Однажды после особенно жаркой перепалки Патти забралась на крышу главного здания Фраер-парка, сорвала символ ОМ, который реял там всегда, и водрузила вместо него пиратский флаг с черепом и костями. Война началась.

92 Тайным оружием Патти в этой войне был не кто иной, как лучший друг Джорджа Эрик Клэптон. Его карьера круто пошла в гору, и он стал одним из самых почитаемых рок-гитаристов по прозвищу "старый сухорук" из-за специфического гнусавого звука гитары. Всем, кто видел Эрика и Патти вместе, было ясно, что Эрик в нее безумно влюблен. Теперь, когда Патти не чувствовала себя счастливой с Джорджем, она поощряла знаки внимания милого романтического рок-гитариста. "Она использовала меня, знаете ли, — признавался позже Клэптон, — а я все сильнее в нее влюблялся".

Всепоглощающая страсть изматывала Эрика. Он удалился в свой баронский особняк Хартвуд-Эдж в Охорсте и начал колоть себе героин, чтобы уменьшить душевные муки. В отчаянии завел интрижку с Элис Ормеби-Гор, дочкой лорда Хэрлеча, которая внешне напоминала Патти. Через несколько месяцев такой жизни героин стал оказывать разрушительное действие. Мы все очень волновались за него.

В течение лета 71-го года Джордж приобрел всемирную известность благодаря концерту для Бангладеш, который состоялся 1 августа в "Мадисон-сквер". Он организовал эту благотворительную акцию, чтобы поддержать деньгами голодающих пакистанцев. Собрал целую плеяду звезд — Ринго, Леона Рассела, Равви Шанкара и даже Боба Дилана. Деньги планировалось выручить не только за концерт, но и от продажи живого альбома и проката документального фильма. Несмотря на плохое самочувствие, в акции участвовал даже Эрик Клэптон. Джордж пригласил всех "Битла", но Пол отказался, не желая искушать публику воссоединением "Битла". Джон принял приглашение Джорджа и прилетел в Нью-Йорк вместе с Йоко. Когда он встретился с Джорджем,

то очень разозлился, узнав, что тот не желает выпускать Йоко на сцену, и первым же рейсом вернулся в Лондон.

Концерт имел явный успех, но эйфория продолжалась недолго. Акция для Бангладеш оказалась не только успехом, но и конфузом. Все музыканты, наскоро подписавшие контракт о выпуске живого альбома и фильма, попали в сети закона, потому что записывались на других фирмах.

Брак Джорджа и Патти подходил к концу. Патти стала вести независимую жизнь и заниматься своей карьерой, вопреки желаниям Джорджа работая манекенщицей и участвуя в показе моделей Ози Кларка. Она завела первую в жизни интрижку с красавчиком Ронам Вудом, гитаристом "Роллинг Стоунз", а вскоре вообще собрала свои вещи и съехала с Фраер-парка. Она сказала Джорджу, что едет в отпуск, и он не спрашивал, куда и с кем. Патти поселилась в Лос-Анджелесе вместе с сестрой Дженни, которая вышла замуж за рок-звезду Мика Флитвуда.

Эрик Кляптон избавился от героиновой зависимости, и это граничло с чудом. Друзья познакомили его с доктором Маргарет Патерсон, которая лечила наркоманию с помощью иглоукалывания. Она не только снимала ломку, но и избавляла от привычки к наркотику.

Воодушевленный слухами о разрыве Джорджа и Патти, Кляптон прошел полный курс лечения и вернулся в Майами, чтобы записать пластинку "461 Ocean Boulevard". Альбом имел шумный успех, который вдохновил Кляптона на гастроли по США и Великобритании. Когда он собрался в дорогу, к нему присоединилась Патти, и с этого момента они больше не расставались. Свадьба состоялась 27 марта 1979 года. Супруги сегодня живут в Хартвуд-Эдж, и их отношения так же романтичны, как и в самом начале. Кляптон продолжает свою успешную карьеру.

Когда Патти уехала, Джордж какое-то время жил с 24-летней Кэти Симондс, в недалеком прошлом подружкой Рода Стюарта. Он стал пить и сделался еще более религиозным, чем прежде. Хотя Джордж считал себя компанейским человеком, на деле он был очень одинок. Пытаясь наладить свои дела, осенью 74-го года он нашёл работу над альбомом "Dark horse", после чего отправился на гастроли в США, первым из экс-битлов проложив дорогу за океан. И альбом, и гастроли оказались катастрофой. Пластинка была очередным религиозным трактатом, а концерты напоминали слет кришнаитов. Молодые зрители, впервые увидевшие на сцене живого битла, сначала вежливо молчали, потом начинали возмущаться.

Затем Джордж потерпел крупнейшее в своей жизни фиаско. Зватоки заметили, что хит "My sweet lord" поразительно напоминает песню Шифона "He's so fine", написанную в начале 60-х годов. В 1976 году издатель "He's so fine" фирма "Брайт тыюз" подала на Джорджа в суд за плагиат. Джордж явился в суд с гитарой и показал, как он сочинил песню. Но суд все же признал его виновным в "бессознательном плагиате" и обязал выплатить 587 тысяч фунтов за ущерб, нанесенный "Брайт тыюз". Самое смешное, что как раз в это время "Брайт тыюз" перекупил Алан Кляйн, и деньги в итоге получил именно он.

Во время частых визитов в "Эй-Энд-Эм рекордз" Джордж познакомился с 27-летней секретаршей Оливией Тринидад Ариас,

смуглой хорошенькой мексиканкой. Впервые Джордж полюбил по-настоящему. Оливия переехала в особняк на Беверли-Хиллс, который снял Джордж, позже они ездили на Гавайи и в Лондон. Через четыре года, 1 августа 1978 года, она родила ему сына, которого назвали Дхани. Месяцем позже Джордж и Оливия поженились.

Для всех друзей Джорджа Оливия оставалась чужой, но он очень ценил их отношения и оберегал их. Супруги вели тихую жизнь во Фраер-парке, именно такую, как всегда хотелось Джорджу. Он проводил массу времени с сыном и работал в саду.

Сейчас Джордж — третий по богатству из "Битлз" и занимается производством фильмов. Одним из самых успешных его проектов стал фильм "Жизнь Бриана", снятый на студии "Монти литон" и собравший 70 миллионов долларов. Широкую известность получили фильмы "Бандиты времени" и "Долгая страстная пятница".

В 1981 году он издал небольшим тиражом шикарную автобиографию в кожаном переплете. Книга была написана для него Дерекком Тейлором. В основном это полноцветные факсимиле текстов его песен, немного фотографий и минимум текста. Вспоминая свои дни с "Битлз", он не говорит ни слова о человеке по имени Джон Леннон, как будто того и не существовало. Когда-то давно молодой Джордж Харрисон так боготворил Джона, что ходил за ним по пятам, теперь же они не представляли друг для друга ровным счетом ничего.

2

Ринго

В то время, как Джон и Пол считались сказочно богатыми, а Джордж приближался к ним, Ринго, хотя и миллионер, был самым бедным из них. Два сольных альбома, являвшиеся для него главным источником дохода, расходились кое-как. Поэтому трое остальных битлов решили помочь ему в записи пластинки. Это было почти что воссоединением, по крайней мере, на пластинке. Превосходный продюсер Ричард Перри руководил записью, а каждый из "Битлз" написал по одной песне. "Ринго" стал одним из самых известных альбомов года, прогремев синглами "Photograph" и "You're 16". Успех пластинки удивил Ринго и вызвал легкую зависть остальных. Джон даже в шутку послал Ринго телеграмму: "Да как ты смел? Почему не написал для меня хит?"

Вдохновленный успехом "Ринго", Ринго стал выпускать по альбому в год, и каждый из них был столь бледным, что ни одна радиостанция не стала бы передавать эти песни, если бы Ринго не был экс-битлом. В 1975 году он организовал собственную фирму "Ринго рэкордз", но вскоре оказалось, что это требует тяжелой работы, не приносящей немедленных результатов, и фирму закрыли. Ринго занимался также дизайном мебели, основав компанию с Робинем Круйкшанком под названием "Ринго, или Робин-лимитед". Они торговали вещами наподобие встроенных баров для "роллс-ройсов" или хромированных каминов. Это начинание тоже потерпело неудачу.

Ринго исполнил несколько эпизодических ролей в кино, но актер из него был никудышный. Он попробовал себя в режиссуре и сыграл звезду рока Марка Болава в концертном фильме "Рожденный для буги", но и этот проект оказался неудачным.

Таков портрет Ринго, артиста без роли. Он был мировой знаменитостью и богатым человеком, но без цели в жизни. Считая себя дамским угодником, Ринго развелся с Морин в 1975 году, оставив ей полмиллиона фунтов с возможностью перечисления больших сумм, если понадобится. Через некоторое время, когда Морин захотела жить в Лондоне, он купил ей особняк за 250 тысяч в "Маленькой Венеции". Он также приобрел Титенхерст-парк у Джона и Йоко и сдавал поместье в аренду как жилье и как звукозаписывающую студию. Затем, уклоняясь от непомерных налогов, он отписал 1,7 миллиона фунтов своим детям. Морин "сохнет" по нему до сего дня, совсем как Синтия по Джону, и мечтает, что однажды Ринго к ней вернется.

Ринго отказался от британского гражданства из-за налогов, приобрел роскошную квартиру в Монте-Карло, стал гражданином этой страны, но на самом деле у него не было ни родины, ни дома. Он стал обращать внимание на молодых женщин и какое-то время провел с американской манекенщицей Нэнси Эндрюс. Вовсю играл в казино и скакал по странам и континентам, как заяц. Казалось, что он вечно летит на какую-то крутую вечеринку. "Да, я живу на лайнерах, — говорил он. — Что бы люди ни думали и что бы ни говорили, я провожу в воздухе половину времени. Куда я прилетаю, там становится жарко, да". Нэнси Эндрюс скоро устала от постоянных переездов и вернулась в свой Лос-Анджелес. Ринго приобрел недвижимость в Амстердаме и Лос-Анджелесе, где снимал дом на Сансет-хиллс и частенько пропадал в излюбленных кабаках типа "On the Rox".

Жизнь на предельной скорости практически сокрушила Ринго в апреле 79-го, когда он попал в больницу Монте-Карло в критическом состоянии. Его слабый желудок, так и не восстановившийся после болезней в детстве, отказывал, и врачи удалили Ринго часть кишечника. Однако после нескольких месяцев отдыха Ринго вернулся к прежней жизни, будто ничего не случилось. Огромное количество свободного времени было его главной проблемой, и зимой 1980-го он поехал в Мексику сниматься в сериале "Пещерный человек". В этом милом и простом фильме почти отсутствовали диалоги — актеры общались с помощью жестов и доисторического жаргона. Главной задачей Ринго была клоунада, и он справился с ней блестяще, получил прекрасные рецензии и чувствовал себя на седьмом небе.

Во время съемок "Пещерного человека" он познакомился с Барбарой Бах, длинноногой пышногрудой актрисой, известной по фильму о Джеймсе Бонде "Шпион, который меня любил". Как и Ринго, она была разведена, имела детей и, несмотря на свой блестящий имидж, казалась хорошей матерью. Они стали встречаться, и месяцем позже Ринго привез ее в Лондон, чтобы познакомиться со своими детьми — к большому беспокойству Морин. Ринго и Барбара попали в аварию и едва не разбились насмерть, когда машина Ринго потеряла управление и протаранила три

фонарных столба, прежде чем остановиться. Ринго заказал золотую оправу для двух кусочков ветрового стекла, и они с Барбарой потом носили их на шее. Как и Джон, Ринго спрессовал свою разбитую машину в куб и показывал ее как скульптуру.

Ринго и Барбара поженились в отделе регистраций Мэрилбоуэ 27 апреля 1981 года. В своем роде это было воссоединение "Битла", поскольку на церемонии присутствовали Джордж и Пол с жевачками. Не хватало только Джона.

3

Пол

Пол Маккартни начал серьезно сомневаться в своем таланте. Причиной тому были не только шпильки Джона, называвшего его "Энгельбертом Хампердингом от рока", но и два первые альбома "McCartney" и "Ram", подвергавшиеся нападкам критиков. Большой частью пишущая братия считала себя вправе от полного восторга переходить к полному охаиванию в случае разочарования. Поскольку Пол (как и Йоко) считался виновником распада "Битла", рецензии на его музыку были столь уничижительными, что срубили бы под корень и менее крепкого музыканта. "Они бросали мне вызов, — рассказывал Пол. — Я думал, что или сдамся, или найду что-то новое".

Теперь был самый подходящий момент для поиска нового. Пол собрал группу практически на пустом месте и назвал ее "Вингз". Музыканты были никому не известными людьми, и он платил им всего лишь 450 фунтов в неделю. Первый новобранец — нью-йоркский барабанщик Дени Сайвел, которого Пол откопал в каком-то грязном подвале. Второй находкой оказался Дени Лейн, бывший вокалист "МУДИ БЛЮЗ", а также талантливый гитарист. Третьим членом группы стала сама миссис Маккартни — на клавишах.

Пол прикинул, что если Джон мог выступать вместе с Йоко, он может это делать вместе с Линдой. Правда, Йоко имела слух и определенные способности, Линда же была фотографом. Однако Пол настаивал на том, чтобы она участвовала в группе. Одно время в Лондоне шутили: "Как называется собака с крыльями — Линда Маккартни".

В начале 1972 года Пол вместе с группой на грузовике отправился на гастроли по сельским районам Британии, совсем как "Битлз" в фургончике Нила Аспинала много-много лет назад. Без предварительной договоренности Пол появился в Ноттингемском университете и спросил, можно ли установить аппаратуру и сыграть один бесплатный концерт для студентов. Он поставил одно условие — не говорить студентам, кто он, и не приглашать прессу. 8 февраля Пол дал концерт для семисот безумно счастливых студентов.

Все лето и осень "Вингз" провели на гастролях, разъезжая по Англии и Европе в двухэтажном автобусе, расписанном радугами и облаками. Обычно они заявлялись в колледж или городок и предлагали сыграть. Питались на ходу — часто только хлебом, сыром и вином — и были похожи на менестрелей. "У нас не было менеджера или агента, — рассказывала Линда в интервью, — только

нас пятеро и дорожные помощники. Мы были просто шайкой музыкантов, которые играют там и тут”.

Как и любая “шайка музыкантов”, они не расставались с марихуаной. Трава оставалась любимым зельем Пола и Линды, и они редко обходились без нее. Супруги проехали по Франции, Швейцарии, Германии и Дании безо всяких проблем, но удача отвернулась от них в Швеции. Местная полиция обнаружила полфунта травы, которую им прислали. Пола, Линду и Дениса Сайвела доставили в полицейский участок прямо из-за кулис “Скандинавизи-холл”, где они только что отыграли. После многочасового допроса они признались, что курят траву, и были оштрафованы на 800 фунтов. Обвинитель сказал, что дело передадут в суд, однако все обошлось. Несколько месяцев спустя констебль Кэмпелтауна обыскал ферму Пола, когда никого не было дома, и нашел в парнике марихуану. Проявив крайнюю снисходительность, суд оштрафовал Пола всего на сто фунтов. Пол сказал, что эти семена прислал ему американский поклонник. И он не знал, что это такое.

Оставаясь трудоголиком, Пол занялся вторым альбомом “Вингз” под названием “Red Rose Speedway”. Хотя он был не особенно хорош, однако стал коммерческим хитом благодаря замечательной, правда, немного слащавой песне Пола “My love”. Пол сочинил также тему для всемирно известного фильма о Джеймсе Бонде “Живи и дай умереть другому”, которую продюсировал Джордж Мартин. Этот сингл стал крупнейшим событием года и получил номинацию на Оскара как лучшая песня к фильму. Весной 1973 года Пол предпринял коммерческие гастроли по Великобритании.

Именно эти гастроли показали, что властная натура Пола снова доставляет ему неприятности. Недовольные его постоянным нажимом музыканты один за другим ушли из группы, и Полу пришлось искать новый состав для “Вингз”.

Следующий год был посвящен гастролям с новой группой. Лето 1974 года Пол провел в Нашвиле, записывая синглы, а в начале 1975 перебрался в Новый Орлеан, где был записан альбом “Venus and Mars”.

После распада “Битлз” Пол пытался держать связь с Джоном, но былой дружбы не было и в помине. Иногда они встречались в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке. Эти встречи продолжались часами и носили частный характер. Последний раз я видел Пола в деревенском доме Уотерфол в девятиста милях к северу от Лондона. Мебель в доме простая и добротная, на полу разбросаны газеты, журналы и детские игрушки. Крутом так много книг и растений в горшках, что рояль для детей заметишь не сразу.

Большую часть времени Пол проводит дома с Линдой и тремя маленькими детьми. Он заботливый и внимательный отец и особенно привязан к младшему сыну Джеймсу. Удивительно смотреть, как он воспитывает своих детей, оставаясь при этом битлом Полом.

Последняя встреча с Джоном произошла перед самым выходом его альбома “Double Fantasy”, первого за пять лет.

Я спросил Пола, действительно ли Джон не пустил его на порог, и он рассказал мне, как было дело. Его мучила ностальгия, и

он решил взять гитару и просто заглянуть к Джону в "Дакоту". Пол прошел через охраняемые ворота, миновал вестибюль и вошел в небольшой офис, отделанный красным деревом, где перед коммутатором сидел другой охранник. Сперва Джон не поверил, что это действительно Пол Маккартни, но когда Пол взял трубку сам, то услышал ледяную тишину на том конце трубки. "Извини, — наконец сказал Джон, — но сейчас нельзя. Просто нельзя запросто заходить к людям в Нью-Йорке так, как ты это делал в Ливерпуле. Былого не вернешь".

Глава 9

1

Когда Джон и Йоко переехали в Нью-Йорк, я уже жил там и был президентом "Роберт Стигвуд организейшен". К тому времени РСО разрослось не хуже "Эпл", а дела ее шли не в пример лучше. Компания включала в себя фирму грамзаписи, телестудию, которая выпускала программу "Фильмы недели" и показывала сериалы "Сэнфрод и сын" и "Вся семья", театральный отдел, занимающийся постановками шоу "Иисус Христос Суперзвезда" и "Оркестр одиноких сердец сержанта Пенера", киностудию, снявшую фильмы "Иисус Христос Суперзвезда" и "Томми". Я постоянно курсировал между Лос-Анджелесом и Лондоном, но считал своим новым домом Нью-Йорк и оставался близким другом всех "Битлз", особенно Джона и Пола, видясь с ними, когда они бывали в Нью-Йорке.

Жизнь в Нью-Йорке открывала новые перспективы перед Джоном и Йоко. Новые люди, возможность начать все заново, город, в котором ты можешь остаться неузнанным, если захочешь, даже если ты — Джон Леннон. Впрочем, в Америке Джон становился особенно уязвимым, будучи противоречивой личностью с противозаконными привычками и наклонностями. Он очертя голову бросился в пучину политического радикализма. Мэр Гринвич-Виллидж Дэвид Пил устроил в честь Джона и Йоко уличный парад. Они часто посещали кафе "Каясас Сити", которое некогда было очень модным клубом, руководимым Энди Уорхолом, а теперь стало пристанищем подпольных рокеров. Джон стал играть там с никому не известной группой "Elephants Memory". "Верховная ставка" находилась в спальне их квартиры на Бэнк-стрит, и супруги превратили ее в салон, который посещали лидеры всех мало-мальски радикальных политических и социальных течений Америки. Независимо, насколько ты был близок к политике, Джон и Йоко принимали тебя с распростертыми объятиями. Они вершили все дела, не вставая с постели, и буквально затаскивали к себе в постель маленького Джери Рубина на глазах изумленного репортера. "Тебе надо играть в группе, — говорил Джон Рубину, — Если ты собираешься с нами работать, то нужно играть в одной группе".

Под опекой Рубина и Хофмана Джон дебютировал как политик. В октябре он выступил на митинге в защиту гражданских прав американских индейцев. В ноябре участвовал в благотвори-

тельном представлении в пользу "Родственников Аттики" в театре "Аполлон" в Гарлеме. Написал статью для подпольного журнала "Sundance" и прошел весь путь до Эй Эрбер, штат Мичиган, чтобы появиться на митинге в защиту Джона Синклера. Синклеру, основателю организации "Белые пантеры", дали десять лет за то, что он продал два "косяка" переодетому полицейскому. Джон также написал статью в сборник "Книга освобождения геев" и открыто высказывался в защиту Анжелы Дэвис, лидера "Черных пантер", которую обвиняли в убийстве.

Потом Джон совершил почти непростительную ошибку — "наехал" прямо на Белый дом. Рубин и Хофман разрабатывали план демонстрации на ежегодном съезде республиканской партии, который должен был пройти в Сан-Диего летом 1972 года. Они хотели организовать рок-концерт, который привлечет всех слушателей и оставит республиканцев без аудитории. Конечно, собрать несколько сот тысяч антивоенных демонстрантов вместе нелегко без подходящей суперзвезды.

Джон Леннон пришелся кстати.

Осенью 71-го года Джон и Йоко участвовали в организационном собрании по поводу этого концерта. Другими участниками были Рубин, Хофман, Ален Гинзбург и Джон Синклер. Вот что говорит Джон: "Когда они выложили нам свои планы, мы переглянулись. Поэты и политики разделились. Гинзбург взял нашу сторону. Он повторял: "Что мы собираемся сделать, еще один Чикаго?" Они этого не хотели. Мы ответили: "Мы на это не купимся. Не желаем собирать детишек вместе, чтобы спровоцировать насилие. Кого вы побеждаете? И с помощью чего?"

100
В администрации Никсона немедленно просекли, что Джон представляет собой угрозу. В январе 1972 года подкомитет национальной безопасности Сената представил сенатору Стрему Сормонду секретную справку о Джоне Ленноне и его жене. В ней было шесть разделов, в которых перечислялись все мероприятия Джона вместе с Джери Рубином, Ренни Дэвисом, Лесли Боном, Джейм Кревенем и "другими". В записке говорилось, что "среди членов группы есть сторонники действий по бойкоту Никсона. Они намереваются организовать рок-концерты в городах с небольшим количеством избирателей для того, чтобы получить доступ к студенчеству, добиваться голосования для 18-летних избирателей, настаивать на легализации марихуаны, изыскивать источники финансирования, вербовать желающих участвовать в бойкоте съезда республиканцев в Сан-Диего в августе 1972 года. Дэвис и его команда пытались использовать Джона Леннона как приманку для проведения рок-концертов и митингов. Источник считает, что вследствие данных действий в карманах левацких группировок оседают большие суммы денег, что, в свою очередь, вызовет столкновения между организованной толпой и законопослушными республиканцами. Источник полагает, что если виза Леннона не будет продлена, то это станет хорошей контрмерой".

29 февраля адвокат Джона подал формальное прошение о продлении гостевой визы Джона еще на полгода. Несколько дней спустя, шестого марта, Джону было отказано в продлении визы. Официальная причина — арест за хранение наркотиков. Джон и Йоко

не догадывались связать отказ со своей политической деятельностью. Они подозревали, что виной всему концерт в "Элис-Талихолл", который они дали без разрешения городского управления по иммиграции и гражданству. Адвокаты Джона подали апелляцию и сумели отложить дату депортации. Поскольку Йоко не арестовывали, то против нее ничего не имели, и Джон стал единственной мишенью.

Интересно, что сначала получение постоянной визы было для Джона и Йоко задачей номер один. Чтобы получить опеку над Киоко, Йоко должна жить в Америке. Несмотря на всю свою политическую занятость, Джон и Йоко не прекращали поиски Киоко. С помощью частных детективов они выяснили, что Коке переехал в Хьюстон, штат Техас, где выросла его вторая жена Мелинда. Теперь история приняла совершенно новый оборот — Коке расстался с Махариши и стал таким же ярым христианином, как прежде был кришнаитом. Он официально изменил имя Киоко на Роомари и подал заявку на официальное опеку.

Узнав об этом в декабре 1971 года, Джон и Йоко тут же вылетели в Хьюстон и предъявили судье Питеру Солитоу свое свидетельство об опеку. Судья Солитоу оказался перед выбором — верить ли Киоко заботам Богом данного отца или передать ее в руки Джона и Йоко. Он выбрал первое. Просто передал опеку над Киоко Тони Коксу. Впрочем, судья добавил, что Джон и Йоко могут видеться с Киоко часто, но только после того, как оплатит задаточную в двадцать тысяч долларов.

Джон и Йоко собрали целую команду лучших юристов, которые предъявили иск Коксу. Когда 22 декабря его арестовывали, он кричал: "Молитесь за меня, верные христиане", после чего был помещен в хьюстонскую тюрьму. На следующий день Кокса освободили под залог в пять тысяч долларов. Накануне Рождества он исчез вместе с Мелиндой и Киоко, и больше их никто не видел.

После этого Джон и Йоко прекратили поиски девочки, которой теперь исполнилось уже двадцать. Начиная с 1972 года Йоко разве что пару раз говорила с ней по телефону. Больше она никогда не видела свою дочь.

2

Всю весну и лето 72-го года Джон чувствовал на своем затылке тепло дыхания "Большого Брата". В телефонной трубке звуки отдавались слишком гулко, слышались шумы от включения магнитофона и присутствие третьего лица. Он начал думать о том, что за ним следят серьезные люди в костюмах и галстуках. Когда он говорил о политике или наркоте в отелях, то включал воду в ванной на тот случай, если комната прослушивалась. Он говорил всем подряд, что с ним происходят странные вещи, что он не мог такое придумать сам, что он стал жертвой какого-то заговора, нити которого тянутся в Овальный кабинет Белого дома. Джон даже появился в передаче "Дик Кэвет шоу", чтобы публично рассказать о том, как его прослушивают, к немалому изумлению Кэвета. Для большинства телезрителей его слова были всего лишь провокационными штучками.

Между тем адвокаты Джона прибегали к различным отсрочкам и апелляциям, чтобы продлить его пребывание в стране. Джон постоянно жил как на иголке, просматривая списки подлежащих депортации каждые два месяца. Не помогло ему и то, что 12 июня вышел его новый двойной альбом "Sometime in New York city", сборник пронзительных, но сырых песен протеста.

Съезд республиканской партии прошел без появления Джона на каких-либо провокационных мероприятиях. Он выступил только на концерте "Один к одному" в "Мадисон-сквер-гарден", где они с Йоко помогли выручить полтора миллиона долларов в пользу детей с задержками развития. К их немалому удовольствию на концерте присутствовали многие известные люди, такие как мэр Нью-Йорка Джон Линдсей, Дик Кавет, художники Ларри Риверс и Рой Лихтенштейн, президент профсоюза автомобильной промышленности Леонард Вудкок, конгрессмен Эк Кох и журналист Пит Хэмил, который написал в старозаветной "Нью-Йорк-пост": "Джон Леннон сделал этот город лучше одним своим появлением".

Но битва была проиграна. Джон превратился в нервную развалюху, безостановочно курил сигареты "Житан" без фильтра, выпивал свою норму и постоянно находился в наркотическом опьянении. Ко всему прочему он стал проявлять недовольство по поводу того, как Ален Кляйн ведет его дела. В июне Джон и Кляйн возбуждали один против другого два иска, обвинения сводились к нарушениям условий контракта и дурному менеджменту. Раньше таких обвинений против Кляйна не выдвигали. В ноябре Пол, Джордж и Ринго присоединились к иску против Кляйна, обвиняя его в присвоении большой суммы в виде комиссионных и мошенничестве. Кляйн ответил встречным иском против всех четверых и против "Эпл" на общую сумму 62 миллиона 461 тысячу 372 доллара 87 центов. В отдельном иске против Пола Кляйн обвинял его в подрыве деловой репутации, требуя компенсации в 34 миллиона. Все это стало еще одним камнем на шее Джона.

Он пытался развлечься работой над новым альбомом, но пластинка "Mind Games", которая вышла к Рождеству 1973 года, оказалась самой слабой работой Джона. Критики назвали ее "набором средних вещичек в духе последних шести лет".

В начале 73-го года Джон и Йоко навестили меня в моей квартире на Сентрал-парк Уэст. Их очаровал вид парка. Через несколько недель мне позвонила Йоко и сказала, что они купили квартиру в здании готического стиля, известном как "Дакота", на углу Сентрал-парк Уэст и Семьдесят второй стрит. Это мрачное строение, с горгульями и зловещими мансардами, было одним из самых престижных жилищ в Верхнем Вестсайте, и там обитали многие знаменитости, включая Леонарда Бернстайна.

Впрочем, Джон поселился в "Дакоте" не сразу. Они с Йоко были вместе слишком уж долго, постоянно пререкались, в частности Йоко ругала Джона за то, что он пьет и колется. Она считает, что, как такового, развода не было, они расстались по-дружески, хотя и неожиданно. "Как-то ночью мы с Джоном лежали в постели в "Дакоте", и Джон все твердил, какой он несчастный, и ему нужно уйти. Я сказала, что мы были вместе 24 часа в сутки на протяже-

ни пятнадцати лет, и мне нужно время, чтобы немного передохнуть. Почему бы Джонку не съездить в Лос-Анджелес?"

"Что я там буду делать?" — спросил Джон. "Записывать альбом. Позови Филу и сделай альбом". "Но с кем я поеду? Я не могу ехать один". Йоко рассказывает, что они обсудили несколько вариантов, в том числе Мэла Эванса, дорожного менеджера и телохранителя "Битлз", и Тони Кинга, близкого друга Джона и Йоко, который работал в "Эпл". Но Джон выбрал Мэй Пан, фигуристую 23-летнюю секретаршу, которая работала на них уже несколько лет. Трудно поверить, но Йоко дала на это свое согласие. Весь следующий год Мэй Пан была единственным утешением для человека, пытавшегося изгнать из себя демонов. Джон называет то время в Лос-Анджелесе "потерянным уик-эндом". "Моя цель — затуманить рассудок так, чтобы я постоянно был не в своем уме, — говорил Джон. — Я думаю, что просто гробил себя или существовал как-то бессознательно". В это время он как никогда был близок к самоубийству. Одного алкоголя, казалось, достаточно, чтобы утробить нормального человека, не говоря уже о возрастающей опасности от смешивания выпивки с наркотиками и кока-колой. "Я был, как слон в зоопарке, знал, что в ловушке, но не мог выбраться оттуда".

Джон поехал в Лос-Анджелес якобы для того, чтобы записать альбом с Филом Спектором. Он собирался записать свои любимые песни, такие как "Be Vor a lula" Джина Винсента и "Stand by me", написанную Беном Кингом. Джон надеялся, что всем будет заправлять Фил Спектор, а он сможет просто сидеть и расслабляться, так как к нему должны относиться, как к студийной суперзвезде. Но когда Джон приехал в Лос-Анджелес, то обнаружил, что Фил позволил своим наклонностям увлечь себя на самое дно. Его странности проявились сразу же после того, как Джон и Мэй Пан появились в его доме на Беверли-Хиллс. Он просто запер их в доме и продержал так девять часов.

В студии Спектор и Леннон тоже не особенно ладили. Фил действовал нахраписто, а голос Джона был слишком испорчен бренди. В один прекрасный день Фил стал палить из револьвера в потолок студии и тут же исчез, захватив с собой все пленки Джона. Когда Джон начал протестовать, говоря, что пленки принадлежат ему, его проинформировали, что Спектор сам оплатил время записи через "Уорнер бразерс", и Джону надо разговаривать лично с Филом, чтобы получить свои пленки обратно. А Фил буквально забаррикадировался в своем доме на Беверли-Хиллс. Когда Джон звонил, слуга говорил ему: "Мистер Спектор болен" или "Мистер Спектор погиб в катастрофе".

"Я дурак и он дурак, — пришел к заключению Джон, — но он дурнее меня". Дело дошло до суда, что удручало Джона еще больше. Казалось, чего бы он ни коснулся, это сразу же превращается в иск. Без студийной дисциплины Джон все больше погружался в уныние и искал спасения в кутежах. Его появление на людях становилось все более развязным, но это скорее походило на вопль о помощи. Все инциденты подробно освещались в прессе. Самым известным стал случай, когда его вышвырнули из "Трубадур", ночного клуба на Сансет-бульвар, за то, что он мешал концерту

“Смозерс Бразерс”. Джон и Гарри Нильсон напали на Брендю Александерса, и Джон не мог удержаться от того, чтобы не прервать концерт проявлением своего остроумия. Их постарались выпроводить из клуба, но они начали потасовку с охранником. Безобразный снимок Нильсона, готового вмазать кулаком фотографу, и Джона, утихомиривавшего его, на следующий день был в редакциях всех газет.

Как-то утром Джон обратился к Гарри Нильсону со словами: “Что мы делаем? Почему бы нам не заняться какой-нибудь работой вместо того, чтобы наживать себе неприятности? Мое имя появляется в газетах, тебя никто не вспоминает, и все шишки валяются на меня, и проблемы с визой тоже у меня — так что давай сделаем что-нибудь полезное!”

Они решили записать альбом для Гарри Нильсона, а Джон взялся продюсировать его. Они арендовали большой дом на пляже в Малибу и переехали туда. Худшего нельзя было и придумать. Гарри почти потерял голос от сигарет и алкоголя, и только усилиями Джона альбом был вообще записан. “Pussycats” выпустили на “Эр-Си-Ай”, и он не получил никаких лавров.

Йоко сделалась в буквальном смысле затворницей. Без защиты злого языка Джона она стала удобной мишенью для враждебной рок-прессы, которая все еще обвиняла ее в распаде “Витлз”. После нескольких месяцев уединения Йоко чуть не силой вытащила себя из квартиры и начала курсировать по антикварным магазинам.

104 Меня тронул ее телефонный звонок той зимой, когда она попросила включить ее в число гостей. Я уверил ее, что она всегда желанный гость в моем доме. Йоко была замечательной, хотя и немного шокирующей гостьей и прекрасной собеседницей. Впрочем, она отклоняла большинство моих приглашений. А когда приходила, то выглядела очень усталой. Люди шептались за ее спиной и гадали, вернется к ней Джон или нет.

Мало кто тогда понимал, что решение предстояло принять Йоко — примет ли она Джона обратно. Она разговаривала с Джоном или с Мэй Пан почти каждый день и давала весьма специфические советы относительно того, как управляться с Джоном в щекотливых ситуациях. Это были очень необычные отношения. Джон часто говорил, что он скучает по “Дакоте” и хочет вернуться назад в Нью-Йорк, но Йоко отговаривала его и советовала завязать с пьянкой и дурью.

В августе 1974-го, после восьми месяцев пребывания в Лос-Анджелесе, Джон вернулся в Нью-Йорк. “Было похоже на то, будто я проснулся, — рассказывал Джон, — все еще немного не в себе, потому что я пил, как лунатик, и во мне было слишком много алкоголя. Так что я закончил ту работу, которая оставалась в Лос-Анджелесе, вернулся в Нью-Йорк, избавился от Гарри Нильсона и его штук и увидел, что я из себя представляю. Первым движением было бросить пьянку и развлечения с парнями, и суть была в том, чтобы закончить со всем тем, что с меня причиталось, а именно — с моей пластинкой и альбомом Гарри Нильсона. Это было очень трудно, потому что все мы были еще, как шальные”.

Джон остановился в отеле “Ридженси”, а потом переехал к Мэй Пан, пока не нашел квартиру на углу Западной 53-й стрит и Ист-

Ривер. Почти в один присест он сочинил песни для нового альбома "Стены и мосты". "Год был самый обычный. Я был рад, что у меня получилось что-то приличное. Песни — про мою жизнь, но они получились не такие дурацкие, как моя жизнь... только пенки остались в "Стенах и мостах". Вместе с Клаусом Форманом, Джимом Келтнером и Ники Хонкинсом Джон записал альбом в студии "Рекордз плэнт". "Стены и мосты" оказались для Джона важной вехой, откровением, в котором он находил общий язык с самим собой. А "Whatever gets you thru the night", один из крупнейших хитов сезона, стал блестящим образцом его жизнерадостной философии. Критики и фаны были в восхищении, и заработать хит номер один с полного нуля для Джона значило очень многое.

За сутки до начала работы над "Стенами и мостами" ему вернули пленки, которые забрал Фил Спектор. Президент "Капитол рекордз" Эл Кури заплатил Спектору 94 тысячи, чтобы тот выпустил "Рок-н-ролл". Джон поставил бобину на магнитофон, стал прослушивать ее и обнаружил, что только четыре вещи что-то из себя представляют. Он не знал, что со всем этим делать. Джон вернулся в студию "Рекордз плэнт" и за пять дней записал еще десять рок-н-рольных стандартов с помощью тех же музыкантов, которые помогали ему в работе над "Стенами и мостами".

Первым действительным свидетельством признания Леннона стал концерт Элтона Джона в "Мэдисон-сквер гарден" на день Благодарения в 1974 году. Это был особенно веселый праздничный концерт, когда Элтон Джон находился на вершине славы, и поговаривали, что на сцену выйдет сам Джон Леннон. Элтон помогал ему во время записи "Whatever gets you thru the night" и взял с него слово, что тот появится на концерте, если "Whatever gets you thru the night" станет хитом номер один. "Я говорю да, — согласился Джон, — потому что знаю — и за миллион лет эта вещь не выйдет на первое место". Теперь ожидали, что Джон появится во втором отделении.

Когда Йоко слышала об этом, она позвонила Тони Кингу, который работал вместе с Элтоном. "Я хочу пойти в "Мэдисон-сквер гарден" и посмотреть на Джона, но не хочу, чтобы Джон знал о моем присутствии, — сказала она Тони. — Я хочу сидеть там, где меня не будет видно".

Перед самым выходом Джона и Элтона на сцену за кулисы доставили две коробки с белыми гардениями. В обеих были записки со словами "Удачи тебе, со всей любовью, Йоко". Джон побежал в гримерную к Элтону: "Вот, посмотри, что мне прислала Йоко!", а Элтон ответил: "И мне прислала!" Они приколотили цветы на свои костюмы. "Слава Богу, что Йоко сегодня не будет, — сказал Джон. — Я бы не смог играть от волнения".

Элтон понимающе улыбнулся. Когда Йоко увидела Элтона с гарденией в петлице, она широко улыбнулась и бешено аплодировала на протяжении всего концерта. Наконец Элтон представил своего неожиданного гостя. В "Гарден" дали полный свет, который залил спящими лучами 22 тысячи зрителей, и на сцене появился Джон. Толпа разразилась овацией, длившейся невероятно

долго. Это проявление любви и уважения могло согреть самое холодное сердце.

Сидя на своем месте, затерянная среди тысяч зрителей, Йоко не могла сдержать слез. Когда концерт закончился, она попросила Тони Кинга провести ее за кулисы к Джону. "Ой, привет, — застенчиво произнес Джон, — ты была на концерте?" Йоко только улыбнулась в ответ.

Мэй Пан, с ног до головы одетая в черное, сидела в углу, как восточная пантера. Ее любовь и работа исчезали на глазах. "Никому не захотелось бы видеть, как все исчезает", — дипломатично комментировала этот инцидент Йоко.

Возвращение Джона в "Дакоту" происходило постепенно. Они торговались и договаривались еще два месяца. Соглашения, к которым они пришли, в основном были старыми — не пить, не употреблять наркотики, придерживаться здоровой диеты.

Глава 10

1

Когда Джон наконец вернулся домой в "Дакоту", он был полностью свободен от наркотиков. Они с Йоко в течение 42 дней питались только жидкой пищей, чтобы избавиться от шлаков в организме. Джон исхудал, как гончая, но был непреклонен.

Благодарный за свое возвращение в лоно семьи, Джон очень заботливо начал относиться к Йоко и мечтал, чтобы она поскорее стала матерью. Йоко посоветовалась с китайским акупунктуристом, который предписал им диету из воды и риса и пообещал, если Йоко будет соблюдать режим, то быстро забеременеет. Так и произошло в конце концов.

Как-то вечером Джон приехал из студии и сказал Йоко: "У меня есть сюрприз для мамочки". (После возвращения Джона они называли друг друга мамой и папой.)

"Что такое, папочка?" — спросила Йоко. "Я собираюсь отложить новый альбом и находиться дома все время, пока ты будешь беременной". "Ой, как хорошо, папочка!" Так начался новый этап в жизни Джона, и он превратился в добропорядочного семьянина. Врачи прописали Йоко полный покой. Джон ухаживал за ней с утра до вечера, а когда ей надоело лежать в постели, возил ее по "Дакоте" в кресле-каталке. Он выполнял всю работу по дому и научился готовить.

Во время беременности Йоко завершилась наконец его долгая битва за вид на жительство. Никсоновская администрация, запятнавшая себя в Уотергейтском скандале, ушла со сцены. Адвокаты обратились к судье Ричарду Оуэнсу с просьбой ознакомиться с содержанием дела Джона Лоннона. В своих письменных показаниях Джон заявил: "Я был объектом незаконного наблюдения со стороны правительства, поэтому мое дело и рассматривалось с долей предубеждения, не связанного с моим иммиграционным статусом". Однако адвокаты Департамента иммиграции настаивали на том, что дело Джона является секретным.

Леннон стал посещать заседания суда самостоятельно, чтобы отстаивать свои права. Он даже коротко постригся и надел галстук. В июне 1975 года адвокаты Джона возбудили иск против бывшего генерального прокурора США Джона Митчела и его заместителя Ричарда Клейнденста, утверждая, что депортация Джона была противозаконной.

7 октября 1975 года апелляционный суд Соединенных Штатов отменил приказ о депортации Джона Леннона. В 30-страничном постановлении суд указал, что "четырёхлетняя борьба Леннона за право жить в Америке является доказательством его веры в американскую мечту".

Через два дня, накануне тридцать пятого дня рождения Джона, у Йоко начались схватки, и ее поместили в больницу. Джон был рядом с ней всю ночь, а утром она родила здорового мальчика весом в восемь фунтов и десять унций. Его назвали Шон Оно Леннон.

Шон дал Джону новую надежду, это был маленький человечек, через которого Джон мог исправить свою жизнь, забыть всю боль, которую пережил в детстве. "Я хотел посвятить ему пять лет полноценного отцовства, — говорил Джон. — Я не видел толком своего первого сына, не видел, как он вырос... меня не было в его детстве. Я был на гастролях. Если я не буду рядом с Шоном первые пять лет его жизни, мне чертовски захочется сделать это, когда ему будет 16. Потому что так должно быть, это как закон Вселенной".

Джон просыпался каждое утро в шесть часов, чтобы сделать работу по дому и приготовить завтрак для Йоко и Шона. Он оказался очень заботливым отцом. Шон просто купался в отцовской любви и материнском комфорте.

В то время, как Джон учился печь хлеб, Йоко стала заниматься делами. Она показала себя осторожным инвестором и успешным дипломатом, вникла во все иски, связанные с "Битлз", и выиграла один из них на шесть миллионов долларов. Клейн относит эту победу целиком на счёт дипломатичности Йоко. Она вложила деньги в простые, но оказавшиеся доходными вещи. Стала скупать квартиры в "Дакоте", когда жильцы выезжали, открыла на первом этаже свой офис под названием "Ленно мьюзик" и каждое утро уходила на работу в кабинет, потолок которого был расписан облаками. Йоко также приобрела ферму в 316 акров и недвижимость в Японии, на Лонг-Айленде и в Палм-бич. Другой выгодной статьёй вложений оказался крупный рогатый скот, и одна из ее коров была продана за 250 тысяч долларов. Йоко увеличила состояние Джона до 250 миллионов долларов.

Но жизнь они вели очень уединенную, почти секретную, отошли от многих друзей и знакомых. Верные друзья их поняли и терпеливо ждали случайного телефонного звонка, остальные чувствовали себя оскорбленными и в гневе разорвали знакомство. Когда Джон не путешествовал и не жил в отелях, он обитал в спальне своей квартиры в "Дакоте". Комната была выкрашена в белый цвет, там стояли белые колонки, была белая лестница, ведущая в стену, огромная белая кровать, кресло-качалка для Йоко и у изголовья Джона — его маленький уголок с пепельницей, сигаретами

и телевизором "Сони стратонастер", который большую часть дня не выключался.

Летом 1980 года Джон совершил "наставительное путешествие" на Бермуды. Ему так понравилось, что он позвонил Йоко и попросил прислать Шона, который вскоре прилетел вместе с ней. Однажды Джон и Шон гуляли по ботаническому саду, где Джон заметил красивый белый цветок "Двойная фантазия". Это необычное имя вдохновило его, и, вернувшись в отель, он позвонил Йоко и наиграл ей по телефону песню. Она сказала, что тоже написала песню, и тоже наиграла ее по телефону. Внезапно Джон понял, что они должны сделать вместе пластинку, первую за шесть лет. Йоко загорелась такой перспективой и тут же стала подыскивать контракт с какой-нибудь серьезной фирмой. Незадолго до дня рождения Джона они подписали контракт с "Гэфен рекордз". И начало осени Джон провел в студии "Рекорд плэнт", записывая песни для "Двойной фантазии".

Новый альбом вызвал большой интерес к Джону и Йоко. "Ньюсуик" напечатал эксклюзивное интервью с ними, "Плейбой" добивался от них большого интервью в новогодний выпуск, а "Эквайр" поместил их фотографию на обложке. Песня "(Just Like) Starting over" вскоре оказалась на вершинах хит-парадов, а сам альбом казался свежим, заводным и был хорошо принят критикой. Лучшего и желать не приходилось. Карьера Джона получила неожиданный валет, он любил свою жену и своего сына и жил в ладу с самим собой. Какое-то время ему казалось, что больше желать нечего.

2

23 октября 1980 года 25-летний Марк Дэвид Чепмен уволился с работы в Гонолулу, где охранял особняк. В заявлении он подписался как "Джон Леннон". "Вам нужна другая работа?" — спросила его хозяйка. "Нет, — ответил он. — У меня уже есть одно дельце".

С виду Марк Чепмен был таким же, как миллионы других парней, которые боготворили "Битлз" и Джона Леннона, когда были моложе. Нельзя сказать, когда именно его сознание раздвоилось, и он стал одновременно собой и Джоном Ленноном и почувствовал необходимость убрать одного из этой парочки. Психологический тип Чепмена очень похож на портреты убийц президентов. Все они имеют низкую самооценку и разочарованы в собственной жизни. Они чувствуют "смертельную близость" между собой и героями, становясь сначала почитателями, потом подражателями, и наконец убийцами.

Чепмен родился 10 мая 1955 года в Форт Ворс, штат Техас. Его отец был сержантом ВВС в отставке. Чепмен рос тихим мальчиком, который интересовался всем, начиная от летающих тарелок и кончая "Битлз". Он обожал "Битлз", носил длинные волосы и учился играть на гитаре. Будучи школьником, играл в местной группе и работал вожатым в местном отделении Союза молодых христиан, мечтая стать директором Союза.

В 1969 году с Чепменом произошла радикальная перемена. Узнав о психоделиках, он стал принимать их все без разбору. Роди-

тели пытались препятствовать этому, но он на две недели убежал из дома. Затем его увлечение так же неожиданно закончилось, и Чепмен превратился в фанатичного христианина. Он продал пластинки "Битлз", постриг волосы, стал носить костюм и галстук, на груди его появился большой деревянный крест. Друзья помнят, как Чепмен цитировал целые страницы из Библии, которая всегда была с ним. На переменах в школе он изучал Библию, а во время одной из молитв развенчал "Битлз" за то, что Джон Леннон сказал, будто они стали популярнее Христа.

Окончив школу, Чепмен поступил в местный колледж, но вскоре был отчислен. Какое-то время он работал в лагере СМХ, а потом кто-то сказал ему, что можно подзаработать в отделении СМХ в Ливане, где он и оказался в июне 1975 года. Однако через две недели началась гражданская война, и всех американцев эвакуировали.

В 1977 году он переехал на Гавайи, где его мать поселилась после развода с отцом. Вскоре он пытался покончить с собой, подсоединив к выхлопной трубе шланг, который выходил в салон автомобиля. Его вовремя нашли и поместили в психиатрическую клинику "Кэстл мемориал", где он пробыл недолго. Позже Чепмен работал в местном отделении СМХ и книжном магазине. В 1979 году отец дал ему немного денег, и Чепмен совершил путешествие, посетив по линии СМХ Токио, Гонконг, Бангкок, Париж и Лондон. После возвращения на Гавайи он женился на Глории Абе, японке, которая была старше его на четыре года и помогла ему совершить это путешествие.

Постепенно Чепмен превратился в пухлого, раздражительного молодого человека. Он грубил, задира товарищей по работе и неожиданно стал интересоваться огнестрельным оружием. Однако ничто не говорило о том, что Марк Дэвид Чепмен собирается убить Джона Леннона.

5 декабря Чепмен приехал в Нью-Йорк. Первую ночь он провел в гостинице СМХ на 73-й стрит, всего в девяти кварталах от "Дакоты", а потом переехал в отель "Шератон" на углу 52-й стрит и Седьмой авеню. На следующий день он отправился к "Дакоте", захватив несколько кассет с песнями "Битлз" и револьвер 38-го калибра. В постоянно меняющейся череде фанов на Чепмена не обратили внимания.

Понедельник 8 декабря в Нью-Йорке выдался на удивление теплым — как раз для того, чтобы ошиваться около "Дакоты" и отлавливать знаменитостей. Около пяти вечера Джон и Йоко отправились в студию, их лимузин стоял на обочине, а не во внутреннем дворе. Чепмен перехватил Джона на пути к машине и сунул ему пластинку "Двойная фантазия" для автографа. Джон с готовностью подписал пластинку: "Джон Леннон, 1980".

Джон и Йоко вернулись в "Дакоту" в 10.50, Джон нес пленки "Walking on the thin ice". Большие ворота были открыты, но лимузин снова остановился на обочине, и Джон вышел на мостовую. Йоко шла впереди него. Как только они вошли в арку, Джон услышал чей-то голос: "Мистер Леннон?" Он обернулся, близоруко шарясь в темноте. В пяти футах от него стоял Марк Чепмен с револьвером наизготовку. Джон не успел что-либо сказать, как раздались сразу пять выстрелов.

Йоко не поняла, что стреляли в Джона, потому что он продолжал двигаться за ней. Потом Джон упал на колени, и она увидела кровь. "Меня ранили!" – закричал он, падая лицом вниз в дверях вестибюля.

Привратник "Дакоты", мощный бородач по имени Джей Гастингс, выбежал из-за стойки и подокачил к Джоу, лежащему на полу. Йоко держала голову Джона, когда Гастингс срывал с себя фирменную куртку, чтобы укрыть его. Джон был еще в сознании, и когда пытался говорить, его рвало. Вызвали полицию, а Гастингс выбежал наружу в поисках стрелявшего.

Чепмен спокойно сидел перед "Дакотой" и читал "Над пропастью во ржи". "Знаешь, что ты наделал?" – спросил его Гастингс. "Я застрелил Джона Леннона", – спокойно ответил Чепмен.

Йоко истерически рыдала до самого приезда полиции. Первым на месте появился патрульный Энтони Пальма. Несмотря на возражения Йоко, он перевернул Джона на спину. "Кроме крови, ничего не вижу. Парень умирает, давайте вынесем его отсюда". В это время подъехала патрульная машина, и Пальма с офицером Джеймсом Мораном перенесли Джона на заднее сиденье. Они

включили сирены и на полной скорости помчались в больницу Рузвельта. Йоко поеха-

ла за ними во второй полицейской машине и непрестанно повторяла: "Это неправда! Скажите мне, что это неправда!"

К тому времени, когда они прибыли в больницу, у Джона вытекло через семь обширных ран в шее и плече 80 процентов крови. Его перенесли в реаниматорскую, и несколько хирургов и медсестер хлопотали над ним на протяжении четверти часа. Потом доктор Стивен Лин, главный реаниматор, сказал: "Мы не можем реанимировать его никакими средствами".

Когда он вышел к Йоко, она спросила: "Где мой муж? Мне нужно быть с ним! Он хочет, чтобы я была с ним!"

"У нас очень плохие новости, — обратился к ней доктор Лин. — К глубокому сожалению, несмотря на все наши усилия, ваш муж умер. Он умер без страданий".

Около полуночи Йоко вернулась в "Дакоту". Одна. В эту ночь она позвонила трем разным людям: Джулиану, потерявшему отца, которого он не знал, тете Мими, потерявшей маленького мальчика, которого считала своим, и Полу, который потерял последний шанс обрести часть своей души.

10 декабря в газетах всего мира появилось письмо от Йоко и Шона. Вот что в нем говорилось. "Я рассказала Шону, что случилось. Показала ему фотографию его отца в газете и объяснила, в чем дело. Я привела его на то место, где застрелили его отца. Шон хотел знать, почему Чепмен застрелил Джона, если любил его. Я объяснила, что он, наверное, был не в себе. Шон сказал, что мы должны выяснить, действительно ли он был не в себе или хотел убить Джона. Я ответила, что это решит суд. Он спросил: "Какой судья — баскетбольный или теннисный?" Потом Шон стал плакать. Он сказал мне еще: "Теперь папа часть Бога. Я думаю, когда ты умрешь, ты будешь большей частью, потому что ты часть всего".

Йоко все еще живет в "Дакоте", хотя многие из ее друзей считают, что очень мучительно каждый день проходить по тому месту, где был убит Джон. Упорная и настойчивая, она ведет продуктивную деловую жизнь. Часто возвращается в студию и работает над записями, которые они сделали вместе с Джоном, или для того, чтобы записать собственные песни. Через несколько месяцев после смерти Джона она подружилась с молодым человеком по имени Сол Габитоу, в прошлом дизайнер и специалист по антиквариату. Некоторое время ходили слухи, что они поженятся или уже женаты, но Йоко все отрицает. Служение памяти Джона стало ее ежедневной работой, и ни один человек не сможет заменить его.

Тень Джона присутствует везде, куда бы она ни пришла. Она говорит о Джоне все время, говорит в настоящем времени, как будто он в соседней комнате и сейчас постучится. На публике она очень философски рассуждает о его смерти. Когда ее спрашивают, почему астрологи и медиумы не предупредили их о том, что может произойти 8 декабря под аркой, она говорит, что предупреждение было. Не на этот именно день, просто в будущем у Джона всегда должна была быть неудача. От судьбы, говорит она, не уйти...

Нет денег на горбушу - приготовим "ножки Буша"

112

Пришла пора вновь отправиться в гости на кухню к "повару для журналистов", а стало быть, и наших читателей – Валерию Ивановичу ОГНЕВУ.

Кулинарной темой нынешней встречи станут известные на всю Россию (не знаю, на всю ли Америку) куриные окорочка, летящие к нам, если верить рекламе, по небу из даленных Соединенных Штатов. Рассказать о них мы решили не случайно. Во-первых, они более чем доступны большинству наших сограждан. Во-вторых, никто толком не знает, что из них можно приготовить, кроме как панарить, отварить или потушить. А это, право слово, надоело. Тем более что блюда из этих самых ножек можно сделать самые разнообразные и весьма изысканные. Ну и, разумеется, вкусные.

Так что, дорогие читатели и читательницы "Смены", доставьте смерзшиеся куриные лапки из холодильника, оттаивайте их и внимайте профессиональным советам Валерия Ивановича.

■ Для заправки давайте приготовим САЛАТ "СТОЛИЧНЫЙ". Для него нам понадобится картошка, соленые огурцы, окорочка, майонез, яйцо и зелень.

Отвариваем картофель в мундире, яйцо и окорочка. Очищаем огурцы от кожуры и семян. Когда все приготовится, нарезаем картошку и огурцы ломтиками (вдоль на четыре части и потом рубим поперек). Огурцы обязательно кладем в отдельную посуду. Куриное мясо отделяется от костей и режется произвольно мелкой соломкой.

Порежем яичко. Все, кроме огурцов, смешивается. Перед тем как ввести огурцы, их нужно как следует отжать рукой, чтобы из них вышел рассол – иначе потом салат расплывется. Еще раз перемешиваем. Соль добавляется по необходимости. Заправляем все

майонезом — он связывает ингредиенты — и соорудим из салата пирамидку. Тонкой стружкой из кондитерского пакета наносим на эту пирамидку майонезную сеточку. На вершину можно положить фигурно вырезанное яйцо или веточку зелени. А можно и самим проявить фантазию, чтобы необычно украсить ваш салат.

■ Еще из "ножек Буша" получаются прекрасные **ПОЖАРСКИЕ КОТЛЕТЫ**.

Отрезаем мякоть от костей и прокручиваем через мясорубку. Берем белый пшеничный хлеб, очищаем от корочек и замачиваем его в воде или молоке, чтобы удалить дрожжевые субстанции. Хлеб отжимаем и смешиваем с куриным фаршем в пропорции один к десяти. Солим и чуть-чуть подперчиваем. Добавляем яйцо, немного молока, перемешиваем и еще раз пропускаем через мясорубку. Консистенция должна получиться такой, чтобы масса не расплзлась в руках. Если расплзается, надо еще добавить яичко и хорошенько взбить, чтобы получилась однородная масса. Затем берем сухой пшеничный хлеб и натираем его на терке. Из фарша делаем шарики грамм по 50 и обваливаем в этих крошках. Придаем им форму котлет. Обжариваем на сковородке и ставим в духовку, чтобы котлеты подошли и не потеряли свою сочность. Чтобы проверить готовность, нужно проткнуть котлеты острием ножа или просто спичкой — если пошел белый сок, значит, котлеты надо вынимать. На гарнир к пожарским котлетам можно подать отварной рис, фрукты маринованные или из компота. Хорошо бы украсить блюдо веточкой зелени. Пустячок, а приятно.

■ Поклонники грузинской кухни могут приготовить **ЧАХОХБИЛИ**.

Рубим ножки на кусочки по 20–30 грамм, солим, перчим и обжариваем с двух сторон до полуготовности. Добавляем пассерованный лук, режем помидоры, мелко порубленный чеснок, зелень, гвоздику и корицу и заливаем бульоном или водой. Ставим в духовку.

Берем муку и сушим ее на сковородке, до золотистого цвета. Добавляем воду или охлажденный бульон, чтобы получилась жидкая кашеобразная консистенция. Заливаем эту массу в чахохбили и даем потушиться еще 5–7 минут. Добавляем шафран, немного мускатного ореха и еще чеснока. Все готово, можно подавать.

■ Может быть, не все знают, но из окорочков можно приготовить очень вкусный и нежный **ШАШЛЫК**.

Куриные окорочка разрубить на три кусочка и положить в миску. Посолить, поперчить, добавить кислого сухого вина типа "Рислинг" или лимонного сока (в крайнем случае 9-процентный уксус) и пошинковать репчатый лук. Все это аккуратно перемешать, чтобы не пораниться об острые кости. Выдержать три часа. Пока доберетесь до дачи, пока разведете костер, все как раз приготовится. Жарить на шампурах над углями, время от времени переворачивая и поливая оставшимся маринадом. Есть лучше с кетчупом. И, конечно, в кругу друзей. Будет что вспомнить холодной зимой.

У озера, на мостках, залиvisto хохотала девчонка. Формально еще дане не антриса, студентка театрального института, она приехала в кино-экспедицию съемочной группы фильма "Холодное лето пятьдесят третьего", огляделась, увидела лица известных антеров, признанных мастеров сцены и экрана, и замкнулась в себе. Ренессанс Александр Прошкин начал испытывать тревогу: вытанет ли роль при таном "заниме"... И вдруг - зтот смех у озера.

- Что там случилось?

- Вчера приехал Папанов. Теперь он ей что-то рассказывает...

Молодая актриса вновь обрела себя: если уж Сам Анатолий Дмитриевич Папанов, антер-легенда при жизни, оказался милым и доступным человеком, к чему же бояться других...

И все же, чтобы достигнуть такого поворота в состоянии замкнувшегося в себе человека, надо обладать душевными качествами Папанова - деликат-

Он, например, приехал в Германию в джинсовом костюме. Ни одному советскому человеку в голову не приходило явиться в таком виде на какой-нибудь прием. Папанов решил эту проблему ловко: он не взял с собой никакого другого костюма. И на весьма респектабельном приеме некое авторитетное лицо из немецкого бомонда радостно приветствовало Анатолия Дмитриевича такими словами:

- Наконец-то мы видим нормально и свободно одетого гостя из России!..

Он легко "вошел" в чужую культуру и в незнакомые правила этикета, оставаясь российским "почвенником". Когда его, зазевавшегося у витрины магазина, укусила сторожевая овчарка, Папанов огорчился, но не утратил при этом юмора:

- Ну ты подумай!.. Я их освободил от Гитлера, а меня кусает немецкая собака!..

При огромном чувстве патриотизма он не был слеп в оценках чужих достоинств. Однороды (было это в США)

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

ФЕНОМЕН

ПАПАНОВА

ностью, тонким чутьем, умением заразить юмором.

- Ты - мастер прикладной психологии, - говорил я.

- Точнее - остряк-самоучка, - поправлял он, в присущей ему манере опуская все превосходные степени до земной простоты.

Его поступки могли показаться ортодоксам слишком эксцентричными или чудаческими, но на поверку они оказывались естественной нормой человеческого поведения.

его жене, Надежде Юрьевне, показалось, что ее коллеги по Московскому театру сатиры слишком уж захваливают преимущества американского бытия.

- Видишь, Толя, - сказала она, - вон стоит человек и ест миленький пирожок. А пирожок этот стоит целый доллар. У нас - всего пять копеек...

Папанов кротко согласился:

- Конечно... Тем более что после съеденного пирожка у нас еще и бесплатная медицинская помощь...

Лиза

Он и на место поставить зарвавшихся умел с помощью все того же особого, мягкого, папановского юмора.

В марте 1963 года случилось мне быть в его обществе во Владимире, на съемках фильма "Живые и мертвые". В первое же воскресенье мы втроем (с нами был еще один актер из театра Советской Армии) взяли свои отрезительные талоны, полученные еще в Москве, и отправились на избирательный участок. Там разыгралась вполне обычная, но тем не менее неприятная сцена.

Лицо Папанова было уже знакомо кинозрителям, хотя всемирные слава и уважение пришли к нему после роли генерала Сергилина, сыгранной в фильме "Живые и мертвые". А пока прайдное любопытство и неправильно понятые ленинские слова "искусство принадлежит народу" вызывали у людей с хамским анамнезом совершенно определенную реакцию. Такую реакцию на нас выдал и председатель местной избирательной комиссии, маленький человек с ядовитым лицом.

- Артисты, что ли? Нино снимаете?

Папанов - сама деликатность - ответил:

- Снимают режиссер с оператором. А мы снимаемся.

- Ну и как? - тоном поверного на манер, "с посылком в публику", продолжал допрашивающий. - Будет хорошая картина или опять трата народных денег?

Анатолий Дмитриевич потемнел и буркнул:

- Стараемся... - И вдруг озарился отеческой нежностью и собеседнику: - За него голосуем? Объясните-на нам, мы не здешние.

Тот растерялся:

- Как? Не знаете? Вы же должны знать в первую очередь! За народного художника Сергея Герасимова!

- Да ну? Разве он - житель Владимира?

- Нет, но...

- А, понимаю! Он тут родился?

- Да нет...

- За что же его так любят?

- Как - за что? Известный человек...

И тут Папанов нанес решающий удар:

- Какие же картины Герасимова особенно понравились владимирцам?

Ревнитель культуры и народных денег этого не знал. Посуетясь, схватил листок с биографией кандидата в депутаты, но понял, что шаргална его добыть. Тут он совсем увял.

- Ну ладно, - миролюбиво завершил Папанов. - Раз вам так дорого творчество известного всем художника, поддержим владимирскую инициативу...

Я начал свой рассказ о великом актере и дорогом мне человеке с его улыбки, отрезанной которую, улыбались все. Но все же, прежде чем перейти к феномену Папанова-художника (я там имел место феномен, я не оговорился!), хочу поближе познакомить читателя с Папановым-личностью.

Он обладал особым даром любить и чтить талант другого. Стоя за кулисами на гастрольных концертах, которые талантливо организовывал ленинградский мастер антрепризы Рудольф Фурманов, Анатолий Дмитриевич заслушивался и до слез радовался успеху номера Владислава Стрельнича или Евгения Леонова.

Стрельнича он просил:

- Слава, почитай сегодня "Медного Всадника". Я сам иногда его читаю, но с тобой мне не равняться!

Леонова обнимал после выхода со сцены:

- Женя, ты - великий актер. Я бы твои никогда не сыграл чеховского Иванова! Ты - лучше меня!

Впрочем, и актерам куда более скромного ранга Папанов помогал уверовать в свое высокое предназначение в искусстве. Я видел и слышал это много раз. Иногда его жена высказывала удивление:

- Не слишком ли ты захваливал того-то?

Анатолий Дмитриевич признавался:

— Оба мы с тобой сами ходим в антроевой шнуре. Разве ты не знаешь, как важно верить в талант, в то, что роль непременно одолеет тот, кому она поручена. И я хочу общаться с коллегами по цеху, как Василий Иванович Началов...

— А как Началов?

— Да было у него однанды... Стоят беседуют два актера. Василий Иванович пародит, говорит одному: "Вы вчера замечательно играли". Тот расцвел. Началов потядел на другого и добавил: "И вы — тоже". Тот смутился: "Василий Иваныч, я вчера не был занят в спектакле". Началов глазом не моргнул: "Но если бы были заняты, то сыграли бы замечательно!"...

Насколько в этой позиции был искренен Папанов, как далека она была от спекулятивного желания быть всем приятным, можете судить сами по одному из наших с ним диалогов.

— Ты не хороший актер. Зачем ушел из театра? — спросил Толя.

Я попытался отшутиться:

— Чтобы у тебя под ногами не вертеться, например.

А у него слезы навернулись на глаза.

Он вообще по-настоящему любил людей. Хотя лучше всего чувствовал себя дома, в кругу жены и дочери. Он был примерным семьянином, даже стеснялся этого, а потому насильно демонстративно, как бы со знанием дела, мог бросить на ходу реплику о женских достоинствах какой-нибудь прохожей. А всерьез поговаривал: "Я однолюб: одна жена, один театр". Ему было не сночно с самим собой. Слово "одиночество" его не отпугивало. И все же он по-настоящему любил людей.

Мне доводилось слышать много рассказов о случайных и при этом счастливых встречах с Папановым. От танкистов, рабочих, студентов, домоладен. Он ведь много концертировал. Скорее надо сказать так: он час-

то выступал на творческих встречах со зрителями.

В день его похорон актер Валерий Золотухин повил танси у Белоусоного вокзала, сказал, что торопится проститься с Папановым. Танкисты тут же слонились, нугили огромный букет цветов, вручили Золотухину:

— Поплонись ему от нас!

Помню вынос гроба на огромную площадь Маяковского, запрученную народом. Люди облепили колонны Концертного зала имени Чайковского, плотной стеной стояли на его ступенях, заняли собой всю проезжую часть. Меня всегда раздражала толпа зеван на похоронах. Как правило, они ведут себя неадекватно событию: обсуждают количество венков, престижность ритуала, появление известных лиц и всякое такое. Но в тот день была другая толпа. Люди молчали. Над площадью нависло облако, сотканное из этого молчаливого потрясения, из шнорби тысяч сердец. Они прощались с человеком, который оказался лично близок каждому: старику, взрослому и ребенку.

А дальше... Стучилось то, что в конечном счете и определяет ценность вклада художника в национальную культуру, в славу своей страны — от года к году интерес к творчеству и личности Анатолия Дмитриевича Папанова не меркнул, а возрастал. Имя его было поставлено рядом с величайшими актерами России.

Папанов, вместе с тем, вовсе не принадлежал к категории артистов "Божией милостью", то есть наделенных едва ли не от рождения всем необходимым для идеального существования на сцене и на экране.

В конце 30-х годов московский парикмахер из простой рабочей семьи, повинувшись невесте отсюда взявшейся страсти, пришел на прием в самодеятельную студию при Доме культуры завода "Научин". Прослушивал новичков руководитель студии, известный вахтанговский актер Василий Нуга. Его смутил вульгарный "белый звук" и аквар-

хия папановской речи. Толя обещал исправить тягелые недостатки, и с этим условием был зачислен. Вскоре, к удивлению педагогов, юноша не только ликвидировал неправильный выговор, но "белый звук" превратил из недостатка в достоинство, по которому впоследствии узнавали неповторимую индивидуальность антера Папанова.

Толя успел сыграть в спонтанле студии. Но вскоре все изменилось. Началась война. При первых же отчаянных бомбенках Москвы погибло здание тватра имени Вахтангова и вместе с ним - дежурный ПВО (противовоздушной обороны), заслуженный артист РСФСР Василий Васильевич Нуза.

В боях за родную Москву был ранен и получил пониженную инвалидность двадцатилетний красноармеец Анатолий Папанов.

Опираясь на палку, хромя, он пришел на приемные экзамены в ГИТИС. Красавица-медсестра, еще недавно сопровождавшая раненых бойцов в санпоезде, Надя Наратаева подумала о том, как не повезло парню - не возьмут таного в антеры. Знаменитый мхатовский антер Михаил Михайлович Тарханов из-за стола комиссии долго и внимательно глядел на трепетного юношу, всеми своими клетками молчаливо вопившего: "Возьмите меня!"

- Я бы тебя взял - ты парень одаренный, - медленно произнес Тарханов. - Но как с ногой-то? Будешь ходить без палки? Сможешь?

Толя пообещал и смог. Надя Наратаева, ставшая его соперницей, сама невольно морщась от боли, видела: он упорно занимается приседаниями то на одной ноге, то на другой, и казалось, что конца этому самоистязанию не будет. Но Толя скоро отбросил палку. К концу четвертого курса он уже танцевал...

Надя познакомила его со своей мамой. Та, вздохнув, заметила:

- Парень-то хороший, добрый... Да уж больно некрасив, Надоша...

Но Надоша видела своего избранника совсем другими глазами. И не

ошиблась: обаянию Папанова с годами поддались все возрасты.

Жили они трудно, практически безбыта. Вначале - в Лиелаве, куда отправился их курс, создав русскую театральную труппу в латышском портовом городе. Толя с успехом сыграл несколько ведущих ролей, стал героем городской молодежи в роли молодого гвардейца Сергея Тюленина и тем немало удивил своих однокашников в институте ему все больше доставались древние старичьи.

Во время отпуска повстречал его в Москве молодой режиссер, уже известный и хорошо знакомый Толе по ГИТИСу Андрей Гончаров. Судьбы их во многом схожи: с первых дней - на фронте, оба получили тягелые ранения, встретились в институте, один - студентом, другой - педагогом. Гончаров предложил Папанову прийти в труппу Московского тватра сатиры. Кто бы не согласился в молодости стать партнером замечательных комедийных антеров Владимира Хеннина, Павла Поля, Надежды Слоновой, Федора Курикина, Дмитрия Нара-Дмитриева? Послевоенные годы были отмечены особой любовью зрителей к комедии, веселой шутке, опереточному наяду.

Папанов надно набросился на новую школу, черпал знания и умение от всех и вся. Жена говорила ему: "Нуда ты идешь? Ты же не занят в спектакле!" "Я должен видеть, как играет Хеннин!" - отвечал он, пробирался за кулисы и оттуда, с ближней дистанции, следил за игрой нарифеев сатирического жанра. А самому ролей долго не давали. И он, как героиня рассказа Н. Лескова "Тупейный художник", "все роли знал "наглядной". Случай не замедлил ливить свое извечное для актеров чудо: заболел антер в водевиле "Лев Гурыч Синичкин", и Папанов в порядке срочной замены сыграл роль тан, что в тватре заговорили о нем как о молодом мастере. С 1949 года его стали активно занимать в разных спонтанчлях, но это были либо не слишком хорошие

льсы, либо не самые интересные роли. Он умел сделать заразительным каждый свой выход на сцену. Придумывал то чуждой грим, то валенки каких-то невероятных размеров, но все эти изобретения несли в себе острый смысл и отличались хорошим вкусом — зрители запоминали персонажи Папанова, как бы их ни называли в программах: констебль, бушмен, шофер, англичанин или Вальсезул. Но были и роли-события: Иван Иванович в постановке Плученка по пьесе Назыма Хивмата "А был ли Иван Иванович?", подпольный миллионер Кореяно в инсценировке романа Ильфа и Петрова "Золотой теленок", Воробьянинов в спектакле "Двенадцать стульев"... В 1969 году, через одиннадцать лет после прихода в труппу Театра сатиры, Анатолию Дмитриевичу выпал на долю еще один "его величество Случай": он сыграл Бонсера в "Дамонковом мече" Хивмата.

Шутили, что у Толи без грима, губки, наклеенных носов или наклеенных ушей и шеи живой человек на сцене не родится, — вспоминает Валентин Николаевич Плученко. — Да и сам он расстроился, когда я сказал, что Бонсера придется играть со своим лицом". Плученко играл Бонсера еще и своим сердцем: в суровом настоятеле жила такая огромная и грустная любовь, что смешное мгновенно становилось почти трагическим.

Приближался уже не случай — перелом в судьбе талантливого актера.

Бонсер был открытием нового Папанова в театре. Плученко подумывал о романтической роли для него.

С кино, казалось, все покончено навсегда. Его приглашали на пробы, после которых никогда не утверждали на роли. Последний удар нанес молодой Эльдар Рязанов: в будущей комедии "Карнавальная ночь" он предложил Папанову попробоваться на роль бородача Огурцова, но пробу решительно забраковали на уровне художественного совета, и фильм вышел со знаменитым Игорем Ильинским, хотя

и повторившим, пожалуй, своего Бывалова из кинокомедии "Волга-Волга". Папанов понял, что кинематограф его органически не приемлет.

Когда в 1961 году Рязанов пригласил его вновь попробоваться на какую-то странную роль в фильме "Человек ниоткуда", Анатолий Дмитриевич предпочел отказать, чтобы не вскрыть начавшую затягиваться рану. Рязанов каким-то образом убедил его рискнуть. Папанова утвердили на четыре роли, объединенные одним именем — Крохалева. Он должен был явиться на экране то вондем племени Толи, то Профессором, то негодяем-актером, то наглым спортсменом-вымогателем. Страх — не лучший союзник на пути "в неизведанное", а для актера — смертный приговор роли. Юрий Яновлев, исполнитель одной из главных ролей в фильме, увидев панический наигрыш и испуганно-невидящий партнеров глаз Папанова, растерялся настолько, что даже спросил Рязанова, всерьез ли он думает снимать работу такого качества. Но после второй и третьей проб Яновлев заметил, как успокаивается его партнер, как раскрепощается и начинает шутить весело и незастенчиво, наконец как это пробуждение незауряднейшей личности стало насыщать роли-маски полнокровной внутренней жизнью.

К сожалению, фильм "Человек ниоткуда" критике разругала за легковесность (как будто комедия может жить в тяжелом весе) и за надуманность ситуации (как будто фантастическая история о человеке из дикого племени, попавшем в большой город современного мира, может не быть выдуманной). Послушный советский обыватель сыграл в реальной жизни сюжет сказки о големом короле: если газеты считают, что фильм легкомысленный и надуманный, он ни за что не признается, что ему многое понравилось. Наступит эпоха "перестройки", и те же кинозрители с удивительным станут смотреть эту картину по телевидению.

Папанов снялся и в романтическом фильме "Человек идет за солнцем" в образе равнодушного к природе и красоте директора парка. За неприятные качества маленький мальчик направил струю из брансбойта прямо в лицо папановскому герою. Зрители дружно посмеялись и запомнили комедийного антера на роли всяческой дряни...

А в это время на "Мосфильме" готовились снимать кинополюс по шумевшему роману Константина Симонова "Живые и мертвые". Александр Стоппер, надежный друг и знаток симоновского творчества, по праву режиссера-постановщика пробовал антеров на ведущие роли. О Папанове ни при какой погоде он бы не вспомнил.

И тут Случай стал стремительно вырастать в Переворот. По дружбе с Назымом Хинметом Симонов приехал смотреть "Дамонлов меч". Как все, он был заворожен папановским Бонсером. Но, кроме того, увидел в актере сходство с погибшим на войне героем, который стал прототипом генерала Серпилина в романе. Константин Михайлович категорически потребовал, чтобы Стоппер посмотрел "Дамонлов меч" с Папановым. Странное совпадение: эти смотрины произошли в день, когда кинохроника затеяла снять короткий сюжет — информацию о спектакле. Папанов в образе Бонсера на сцене и Александр Борисович Стоппер в качестве внимательнейшего зрителя таким образом были увековечены на киноэкране и сохранены в архиве Анатолия Дмитриевича. Так началось восхождение к вершине — всемирному признанию и любви, множеству самых неожиданных ролей в кино, театре, на телевидении...

Хотя все начиналось с почти непреодолимого страха: "Нужда мне — в генералах?! Меня уже узнали — как гротескно-комедийного антера — при одном появлении на экране зрители станут смеяться!" Что ж, эти сомнения не были беспочвенными. Помню фильм "Глинка" с Борисом Чирковым в роли

великого композитора. Популярный Петр Алейников играл Александра Сергеевича Пушкина. Антер, который вся страна называла "Ваней Нурским" по имени одного из его персонажей кино и которого привыкли видеть "своим в доску" комическим шалопаем, в "Глинке" был встречен хохотом, хотя играл серьезно и искренне. Папанов помнил этот жуткий урок...

Серпилин оказался явлением большим, чем художественное событие. В нем увидели идеал военачальника-солдата. Папанова почтительно призывали генералом Серпилиным даже руководители тогдашних генштаба и полиуправления Советской Армии, хотя они начисто не приняли фильм — правду о войне, о первых месяцах ее, с такими последствиями отступления, орудений, жертв, которых могло не быть. Вспоминая о предыдущих ролях Папанова, люди поранкались огромному дефициту его дарования и тончайшей живости в трудной психологической роли. Еще недавно, увидев Папанова в образе Шафера из спектакля "Ноль", известный драматург Алексей Арбузов назвал его "актером-танком". После встречи с Серпилиным он увидел, что такое определение слишком односторонне.

По меткому определению Юрия Яновлева, "Папанову повезло преодолеть барьер привычности, поразить зрителей и залег в роли Серпилина, открывшей для него целую страну, населенную не только комедийными, но и трагическими персонажами".

Нет сомнения в том, что Бонсер открыл Папанову дорогу к генералу Серпилину, и новое открытие, которое сделали в актере зрители и режиссеры, привело к тонко и глубоко воплощенным чеховским образам в фильмах "В городе С.", "Плохой хороший человек", Гаева в спектакле Театра сатиры "Вишневый сад", романтическим героям Бродскому и Сырову в спектаклях "Интервенция" и "У времени в плену" мощно сыгранным классическим персонажам: Городничему ("Ревизор" Го

ле), Фамусову ("Горе от ума" Грибоедова), Хлудову ("Бег" М. Булгакова)...

Рядом с этим расцветал и удивлял «важной краской» легион комедийных персонажей Папанова. На сцене, в кино, на телевидении. Забыть ли Полотера в комедии Турий Львович Синичкин? Соединенными усилиями два друга драматургов-комедиографов, В. Дикольный с М. Слободским и В. Массо с М. Червинским, создали остро по тематике и репризам, хотя и выловатую пьесу, удачно поставленную режиссером М. Туннелем. Папановый персонаж – всего лишь эпизод, но получивший славу центральной роли. Мудрый, с простонародной хитростью, в гриме Льва Толстого с абсолютным портретным сходством, в рубашке-навыпуск, с большими босыми ногами (работа бутафоров), Полотер на своей шее летал по сцене, словно бабочка Одетта. По дороге, между двумя взлетами, он лукаво и уморительно объяснял, почему в доме правления местного Союза писателей никого нет: "Детская литература – в дендрете", и т.п. Успех был настолько велик, что в облики Полотера Папанову пришлось участвовать в телевизионном "Огоньке", приветствуя, в частности, автора "Нивых и мертвых" Константина Симонова...

У Центрального Дома литераторов, перед катафалком с гробом Н.М. Симонова, Толя, до боли снимая мой лодыжку, отрешенно-пихорадожно шептал: "Ведь он – моя судьба. Он сказал Столеру: "Вот – Сергилий! И только этот актер!" И словно мольца из земли выдернул: все по-другому завертелось – вся моя планета... После такой утраты, чувствую, стану другим. Еще не знаю как, но сильно переменюсь... Лишь бы не вылететь из объятий. Уж больно поздно я в нее попал..."

Я понимал его потрясение смертью такого человека, как Константин Симонков – мне тоже был знаком и близок покойный, хотя и не стал в моей судьбе проводником "случая, бога-изобретателя".

В "обойме" Папанова почти нет ролей "отрицательных", так сказать, "в чистом виде". Такие роли остались в досергилийском периоде папановского творчества. Четко проглядываемый "второй план" – работа души актера в роли – дарит нам чеховского доктора Старцева, помогает проследить процесс распада мыслящей личности... Не бандита увидел Папанов в мундирном атамане Ангеле из телесериала "Адъютант его превосходительства", и у нас рождается смешанное чувство отторжения и сострадания при виде этого наивного и неглупого вонана стихийно возникшей на отрогах гражданской войны крестьянской вольницы. В хитроватых глазах Ангела – глубокая печаль. И теперь-то, зная подлинные причинно-следственные связи крестьянских восстаний после 1917 года, мне нет нужды угадывать, отчего глаза "бандита" так печальны... До трагических высот добирается Папанов в образе попа-расстриги Магары в фильме "Виринея". Он мучим неприятием новой жизни и снижающей его изнутри любовью к женщине. И у него в бешено-отчаянных глазах застряла навеки крестьянская грусть... Другие глаза у подпольщика романиста революции Бродского в спектакле "Интервенция", но и они печальны. А уж в одной из знаменитых своих ролей, я бы сказал ролей автобиографической темы – бывшего фронтовика, ныне – мирного бухгалтера Дубинского в фильме "Белорусский вонзал" Папанов – сама печаль, тихая, добрая, даже кроткая. Вместе с тем, "Дубинишка" негибимо принципиальный: печальясь о не свершившемся, о безвременно ушедших, он не идет на компромиссы с совестью, воспитанной во фронтовом товариществе.

Актер без ампулы, Папанов и в комедийном репертуаре вскрывает второй план, никогда не обвиняя персонаж, как бы низко тот ни упал. Он подвергает художественному исследованию явление, которое привело изначально неплохого человека к дурно-

му поступку или подлому образу жизни. Разве что в кинокомедии "Бриллиантовая рука" его персонажу по кличке Механик, кроме очевидной дебильности и сального хамства, не дали материала, чтоб хоть как-то зачерпнуть в глубину. Жаль. Тем более что материал ролей Юрия Никулина и Андрея Миронова позволил им показать разные стороны характеров своих персонажей. Зато какой Папанов в фильме "Одиноким быть одним" режиссера Г. Положи! Его Ваня Харетников задним умом крепон, пришел к давно оставленной семье уставшим от снитаний "перенати-подем". Пришел, да поздно: у хорошей женщины появился достойный спутник, заменивший отца пасынку. Ниному и нигде на земном шаре не пригодился бродячий искатель счастья. Папановский Ваня Харетников — яростно комическое и щемяще несчастное существо...

Очевидным невероятным событием стал папановский Волк в мультипликационном сериале "Ну, погоди!" Феномен заключался в том, что Волк — персонаж рисованный, а Папанов — человек реальный, тем не менее дети узнавали артиста на улицах, радостно приветствуя как Волка. Не могу сказать, что Анатолий Дмитриевича устраивала такая популярность. Он рассказывал, как-то переполюх поднял мальчишка на Новом Арбате, в центре Москвы, среди бела дня зарвав во всю глотку: "Смотрите, Волк! Волк идет!" В самом деле, что тут хорошего?..

Но слава есть слава. Донатилась она и до Болгарии, например. Приехал в один из небольших болгарских городов Московский театр сатиры. Вышли москвичи из поезда, а на площади полно народу, и более всего — пионери. Как водится, на видном месте стоит микрофон, в него говорят приветственные и ответные речи, но толпа как-то странно нетерпелива, особенно дети. Вдруг начинают дружно скандировать: "Ну, погоди!" Сказывается, им наконец хочется услышать

любимого Волка. И Папанов с великопелной находчивостью затевает игру. Подходит к микрофону, кричит: "Ну! Площадь дружно вопит: "Погоди!" Он снова: "Ну!" Те ликуют: "Погоди-и!". Долго так продолжалось, пока друзья-антеры не оттащили Анатолия Дмитриевича от микрофона.

Он мечтал попробовать себя в драматургии. Целое лето, весь отпуск, корпел над пьесой, затем прочитал умному человеку и принял его совет и театральному писательству больше не возвращаться.

Никогда не слышал от него даже намека на то, что ему хотелось бы преподавать. Но заведующему кафедрой актерского мастерства ГИТИСа профессору Владимиру Андрееву каким-то образом удалось обратить его в педагога. Он стал руководителем монгольской студии. Курс был подвижный, иногда азиатский темперамент доводил до драм. Тогда просили Папанова устроить крепкий разговор виновным. Он так не умел. Глядел грустными глазами и тихим голосом упрямал, просил больше так не делать. Студенты готовы были в ноги ему угасть от неловности за то, что принесли огорчение любимому Мастеру. Он всему учил их на собственном примере и опыте. И это оказалось лучшим педагогическим методом для будущих актеров. Теоретизировать Анатолий Дмитриевич терпеть не мог.

Последним его преодолением был шаг в режиссуру. Для постановки он избрал драму М. Горького "Последние". Работал трепетно, дотошно, радуясь малейшему успеху актеров до слез и так же, до слез, переживая их неудачи в репетициях. Спонтанно получился, "Последние" ставит часто, а это значит, что создать оригинальную постановку весьма трудно. Папанов поглядел на старую пьесу по-своему и дал актерам огромный простор, поверив в то, что перед ним — художники, а не ленивые исполнители. Кто из нас, старых режиссеров, не знает, как платят за такое доверие артисты,

если они поняли и полностью разделяют твои замыслы? Спектакль получается не вымученный, а воспитанный в творческом заговоре. До зрителя актеры довели "Последних" уже без Папанова...

Летом 1987 года у него было много хлопот. Театр гастролировал в Прибалтике. Фильм "Холодное лето пятидесят третьего" снимался под Петропавловском. В Москве для него набирали новый курс – монголы с успехом завершили учебу.

На озере, где так заразительно жила девушка от папановских баек, произошло поучительное событие. В разгар съемки кинокамеры зафиксировали необъяснимое: к острову плыла целая флотилия моторных лодок. Их гнали, ругали, угрожали – никакого эффекта. Лодки причалили к берегу. В каждой из них сидели дети и сопровождающие их почтенные люди, бабушки и дедушки. Все вместе просили представить их самому Папанову. Он, разумеется, не перечил – звякнул и ним. Его попросили оставить в ребячьих тетрадках памятные записки – он старательно, не повторяясь, написал добрые слова и напутствия. Если бы знали тогда нарельские ребята, что в руках у них – последние в жизни страни Папанова...

Из киноэкспедиции Анатолий Дмитриевич отправился не в Ригу, что было куда ближе, а в Москву: надо перехватывать места для будущих студентов в общенитии до начала учебного года. В Москве его ожидал заранее купленный мосфильмовцами авиабилет до Риги: завтра вечером там – спектакль с его участием. Дома – никого. Жена – на гастролях с Театром сатиры, дочь – с Театром имени Ермоловой, зять с внуками на даче.

Анатолий Дмитриевич решил принять ванну. Во время этой процедуры сердце остановилось... Он умер на бегу, по-видимому, не уделив никакого внимания внезапному приходу смерти...

Мне судьба – вечно слышать его голос, оживляя давно, в середине 70-х годов записанный диалог.

– Толя, ты кому принадлежишь?

– Баненьке. (Смеется.)

– А себе?

– Где взять время?!

– А народу? Искусство принадлежит народу...

– И чему ты клонишь – не пойму что-то.

– Ну, народу-то принадлежит искусство, или нет?

– В историческом смысле – наверно. А так... Кого считать народом.

– Ну, мне, например, принадлежит твоё искусство?

– Ах, вон ты как! Оно, знаешь, и мне не принадлежит. Чем выше лезешь, тем дальше вершина.

– Но ведь ты-то "проходишь" на все возрасты и социальные группы.

– А хорошо это или плохо? И вообще может ли так быть?

– Почему нет? Вот слышал я мнение одного известного тебе главного режиссера, что Татьяна Ивановна Пельтцер всегда была и остается провинциальной антрисой. А зрители ее любят. И очень дружно.

– Татьяна Ивановна – антриса Баньей милостью. А я, знаешь, всю жизнь воз везу. Нандую роль беру с нуля, нередко, трудно.

– Нет, ты – счастливый. У тебя есть самое дорогое для актера – индивидуальность. Сама по себе она уже притягательна.

– Может, с ней и приходится больше всего воевать. Не угодишь – и живое, природное тут же обернется манерой, штампом. Тогда – пиши пропало: надоешь и зрителям, и себе!

– А популярность? Разве она не помогает?

– Когда как... Иной раз мешает работать.

– Великий шахматист Ботвинник сказал когда-то: "Чемпионаты мешают мне играть в шахматы..."

– Вот видишь!..

ВАН ДЕЙК

Ринальдо и Арлинда. 1629 г. + 6

Трудно представить XVII век без Антониса Ван Дейка. Если бы он провел последнее десятилетие своей жизни в Антверпене, вместо того, чтобы перенести свое тонкое, аристократическое искусство в Лондон, мы, наверное, не знали бы английской живописи, не восхищались бы творениями Генсборо, Лоуренса, знаменитого Рейнольдса, который писал в порыве чисто сыновнего энтузиазма: "Ван Дейк — величайший портретист, который когда-либо существовал".

Ван Дейк родился 22 марта 1599 года. Отец его считался одним из богатейших граждан Антверпена. Мать, Мария Кюйперс, обладала редким талантом вышивальщицы. По словам хроникера Менсерта, она вышила несколько исторических сцен "с таким поразительным пониманием и умением, что мастера этой профессии считали их шедеврами". Она умерла, когда маленькому Ан-

Ван Дейк родился 22 марта 1599 года. Отец его считался одним из богатейших граждан Антверпена. Мать, Мария Кюйперс, обладала редким талантом вышивальщицы. По словам хроникера Менсерта, она вышила несколько исторических сцен "с таким поразительным пониманием и умением, что мастера этой профессии считали их шедеврами". Она умерла, когда маленькому Ан-

тонису было 8 лет, и, следовательно, могла дать сыну первые уроки рисования и заложить в его душе инстинктивное стремление к чисто женскому изяществу.

Несомненно, что молодой Антонис получил блестящее образование. Одаренный восприимчивой натурой, воспитанный в богатой, серьезной, благочестивой среде, вместе с братом, ставшим впоследствии ученым монахом, и сестрами, рано отрекшимися от мира, Ван Дейк, вероятно, без особых усилий достигал успехов в учении. Он говорил на фламандском, испанском, французском, английском, итальянском. С юных лет отличался красотой, изяществом и привлекательностью.

Запись антверпенских корпораций указывает, что молодой Антонис в 1609 году стал учеником Генриха Ван Балена. Сколько времени пробыл Ван Дейк у своего первого учителя, искусного, но лишённого оригинальности мастера, — неизвестно. Хроникер Хейманс предполагает, что с 16 лет Ван Дейк работал вполне самостоятельно, а с 1619 года стал компаньоном Рубенса, членом гильдии св. Луки. Рубенс, называвший Ван Дейка "лучшим из своих учеников", создавал из всех учеников компаньонов и сотрудников. Это несколько не мешало, однако, некоторым из них делать самостоятельную блестящую карьеру. Самому Ван Дейку не было еще двадцати лет, когда знаменитейшие антверпенские художники признали авторитет его нарождающегося гения, выдав диплом на мастера.

Каковы бы ни были отношения между Рубенсом и его юным соперником, — считать ли их отношениями учителя и ученика или патрона и его ближайшего сотрудника, — очевидно, что Ван Дейк подвергся влиянию старого мастера. Да иначе не могло и быть.

126 В тот момент, когда талант Ван Дейка начинал определяться, мастерская Рубенса стала очагом искусства, куда стекались художники, ученые, государи. Античные скульптуры, драгоценная мебель, знаменитые картины украшали дом художника — вернее, дворец, потому что устройство его стоило Рубенсу 60 000 флорин. У Рубенса Ван Дейк встречал не только художников, но и молодых людей из лучших семей, например, Петра Стевенса, родители которого обладали несметными сокровищами, Антониса Корнелиссена, богатейшего любителя искусств и литературы, не говоря уже о знатных друзьях самого Рубенса. Благодаря не по летам развитому уму, Ван Дейк сразу занял совершенно особое положение в этой блестящей толпе. Доказательства тому — прелестные анекдоты, собранные Менсертом и Декампом о молодом художнике. Например, Менсерт рассказывал, как товарищи Ван Дейка поручили ему написать на одной картине Рубенса торс св. Себастьяна, нечаянно стертый одним из учеников в отсутствие учителя. Уступив просьбам друзей, Ван Дейк быстро восстановил холст. Когда Рубенс вернулся, необычайная, глубокая тишина царила в мастерской. Молодой Антонис трепетал. Он ожидал выговора, но вместо этого художник похвалил его и сказал, что Ван Дейку "было бы полезно и необходимо поехать в Италию, эту единственную школу, из которой вышли искуснейшие мастера". После чего, прибавляет Менсерт, "Ван Дейк сказал учителю, что и он желал бы того, но кошелек ему не позволяет, и он боится, как бы не пришлось продать в дороге свою шляпу"...

Известно, что Рубенс считал Ван Дейка искуснейшим из своих учеников. Когда Рубенс работал над огромным декоративным панно, заказанным братством Иисуса — тридцать девять плафонов, то Ван Дейк стал его единственным помощником, упоминаемым в контракте, заключенном Рубенсом с монахами. На этот раз ученик действительно стал компаньоном учителя. К несчастью, почти все эти плафоны погибли через несколько лет во время пожара, кроме трех, сохранившихся в Вене.

Ван Дейк не пользовался славой человека "святого", но его плохая репутация основана скорее на легендах. Есть основания полагать, что атмосфера порочности, присущая мастерской Рубенса, да и всей художественной среде Антверпена, принесла Ван Дейку огромную пользу. Хотя некоторые хроникеры с негодованием рассказывают, что Ван Дейк осмелился поднять глаза на жеку несравненного художника, который стал для него вторым отцом. И что Рубенс даже вынужден был предложить молодому художнику жениться на его дочери, но Ван Дейк отказался, потому что любил ее мать, Изабеллу Брандт. Истории не стоило особенно труда доказать нелепость этой клеветы: у Рубенса не было дочерей от первой жены Изабеллы.

Молодой художник был очень красив, изящен, обладал изысканными манерами. Не в этой ли внешней пленительности и следует искать объяснения многих выдумок? Не смущает ли эта красота Декампа, приписывающего художнику ту "склонность к любви", которую все критики и биографы считали помехой для полного духовного расцвета таланта Ван Дейка, для яркого проявления его гения? Если Ван Дейк и не вел монашеского образа жизни, то мы знаем по крайней мере, что он работал без устали.

В 1620 году знаменитый меценат Томас Говард граф д'Арундель, которого Рубенс называл "евангелистом в мире искусства", уговорил Ван Дейка переехать в Англию. Молодого художника пригласили ко двору Иакова I. Он написал несколько портретов, получил вознаграждение в сто ливров, а 28 января 1621 года "господин Антонис Ван Дейк, слуга его величества", получил паспорт "для путешествия в Италию в течение восьми месяцев в силу разрешения его величества". Из этого можно заключить, что Ван Дейк был достаточно знаменит уже в двадцать два года.

Ван Дейк уехал в Италию. Каких только историй не рассказывалось по поводу этой поездки. Ван Дейк, уверяет одно предание, получил от Рубенса туго набитый кошелек и лошадь. Другие легенды утверждают, что накануне его отъезда Рубенс приревновал своего слишком галантного ученика к своей жене и изобразил их среди грешников на картине "Христос в преддверии рая". В действительности Ван Дейк дружески распростился с Рубенсом, подарив своему учителю три картины: "Се человек", "Христос в масляном саду" и портрет Изабеллы Брандт. К тому же Ван Дейк был богат, он не нуждался в подарках и не боялся, что ему придется продать шляпу в дороге. Не милостыню давал Рубенс своему ученику, он просто платил ему заслуженное вознаграждение.

Роскошно сваряженный в дорогу, честный и сильный духом, полный еще высоких примеров семейной жизни и мудрых советов Рубенса, верящий в свой нарождающийся гений, опьяненный

первой славой, — таким представляется нам Ван Дейк на пути в чудесную Италию, где его творчеству суждено было пережить первый, незабываемый подъем...

Прежде говорили, да и теперь еще повторяют, что Ван Дейк утратил в Италии свои природные способности, свою энергию, фламандскую мощь. Но разве лучше, если бы он продолжал всю жизнь писать "под Иордана" или "под Грейера", как это обещали его первые произведения? Ван Дейк должен был посетить Италию. Знакомство с некоторыми художниками раскрыло ему принципы его же искусства, отнюдь не отнимая у него технической уверенности и точности, приобретенных у Рубенса.

Италия, несмотря на упадок, все еще оставалась наиболее живым и блестящим театром художественной борьбы. В то время, когда Ван Дейк высадился в Генуе, венецианское искусство приходило к концу. Всюду искали новых путей. С 1580 по 1630 годы многочисленные революции потрясли итальянские мастерские. Ван Дейк вдохнул в себя горячую атмосферу этого энтузиазма, увлекся последним великим расцветом итальянского искусства.

Первое посещение молодым художником Генуи было, вопреки общему убеждению, довольно непродолжительным. По всей вероятности, он торопился посетить Рим и Венецию, где его ожидали чудеса прошлого и борьба настоящего.

О пребывании художника в Вечном Городе Беллори рассказывает, что Ван Дейк, с целью обратить на себя внимание, ходил по улицам с огромным пером в шляпе, массивной золотой цепью на шее и в сопровождении толпы слуг. Хотя это и было в то время довольно обычным явлением, но, если верить Беллори, весь Рим был в изумлении. "Все смотрели на художника и называли его "il pittore cavallieresco" (живописный юноша). Фламандские художники и скульпторы, жившие в то время в Риме, осуждали Ван Дейка за его актерство и тщеславное увлечение нарядами и роскошью. По вечерам они собирались в кабачке под названием "Сирена", где устраивали обильные попойки. Ван Дейк отказался от участия в этих вакхических празднествах. Художники не простили ему пренебрежения и стали распускать о нем всякие нелепости. Ван Дейк покинул Рим, "гонимый ненавистью своих соотечественников".

Художник отправился в Венецию, где местная знать забросала его заказами. Затем он вновь побывал в Риме, в Турине и наконец остановился в Генуе. Там его приняли с распростертыми объятиями. Генуэзская аристократия полюбила гениального юношу и не отпускала до тех пор, пока он не запечатлел их образы в бессмертных полотнах. Синьоры и прекрасные патрицианки оспаривали его друг у друга. Хроники рассказывают, что дамы теряли голову от его таланта и красоты. Но пройдем мимо

Портрет Джеймса Стюарта. 1635-36 гг.

Мадонна с Младенцем в окружении св. Розалии,
Петра и Павла. 1629 г.

Портрет Сусанны Фаурман с дочерью Иларой. 1620-21 гг.

Мадонна с Младенцем (деталь). 1621-22 гг.

Портрет Роберта Рича. 1634 г.

Пыльный Силен. 1618-1620 гг.

гих рассказов. Несомненно лишь то, что Ван Дейк в этом городе создал поразительное количество картин и портретов. Один старинный путеводитель по Генуе приписывает ему сорок пять полотен, находящихся в частных коллекциях. И если в Венеции судьба предоставила ему некоторый досуг для изучения шедевров, то в Генуе, где не процветало ни одной художественной школы, ему самому пришлось обогащать дворцы и без устали творить шедевры.

Некоторые из гордых и нервных портретов, находящихся в генуэзских дворцах, к несчастью, повреждены; другие ошибочно приписываются Ван Дейку. Но какого блеска полны его работы! Перед нами маркиз и маркиза де Бриньоль в палаццо Россо. Портрет маркизы — величайший шедевр, ясно отражающий все достоинства, приобретенные Ван Дейком во время пребывания в Италии. Мягкое золото платья, бросающее отблеск на лицо маркизы, может соперничать с редчайшими тонами Тинторетто, и весь портрет окутан той живою свето-тенью, которую открыл Корреджио.

Портрет маркиза производит впечатление написанного несколько поспешно. Но все-таки сколько в нем жизни! На белой лошади Антуан де Бриньоль приветствует зрителей, приподнимая правой рукой шляпу. Еле заметная ироническая улыбка освещает его бледное лицо, обрамленное черными волосами...

К тому же периоду принадлежит портрет Яна Винченца Империял, адмирала Генуи, к несчастью, полотно сильно испорчено реставрациями; портрет Томаса Кариньяна с его гордой гармонией ярких цветов: белая лошадь, красный шарф, блестящий панцирь, зеленая ткань, спадающая с архитектурного украшения. И наконец знаменитый портрет кардинала Вентиволио, написанный в Риме и находящийся теперь в палаццо Питти во Флоренции. Это произведение — прототип всех портретов духовных особ, которые писались впоследствии. Каждый раз изумляешься, когда вспоминаешь, что художнику не было еще двадцати пяти лет, что он находился лишь в начале своей карьеры, когда создал это царственное произведение, изучение которого считают своей обязанностью величайшие художники.

В Антверпен Ван Дейк вернулся в 1626 году и пробыл там до 1632-го. Это время его творческой деятельности принято называть "фламандским периодом". За шесть лет Ван Дейк создал очень много полотен, и слава его приобрела небывалый блеск. Между 1629 и 1630 годами Рубенс уехал на несколько месяцев, и его любимый ученик стал на некоторое время, как верно заметил Гейманс, "первым художником Нидерландов". Теперь Ван Дейк пишет картины религиозного и мифологического содержания, портреты, большое декоративное панно для Брюссельской ратуши (к несчастью, разрушенное пожаром 1695 года, возникшим вследствие бомбардировки маршала Виллерау), наконец исполняет двадцать портретных офортов и начинает издавать свое знаменитое собрание портретов "замечательных людей" при содействии лучших антверпенских граверов XVIII столетия.

Естественно, что по возвращении на родину Ван Дейк работал в области церковной живописи. В ту пору Нидерланды служили

ареной для религиозных волнений, хотя южные провинции и обрели спокойствие на целых полвека. В больших фламандских городах быстро возрастал восстановленный испанцами католический культ. Но церкви, разгромленные иконоборцами, оставались пустыми. Необходимо было как можно скорее украсить их картинами и статуями. Иезуиты оказались в особенности ревностными к делу реставрации и украшения храмов. Благодаря им католическая церковь пользовалась услугами всех художественных сил, какие только существовали во фламандских провинциях. Под влиянием иезуитского ордена архитектура, живопись и скульптура переживали эпоху подъема. Иезуитский дух проник повсюду. Сам Рубенс был учеником иезуитов, а Ван Дейк в 1628 году вступил в "верховное братство холостяков", руководимое орденом.

Лучшим клиентом учителя и ученика оказался орден Игнатия Лойолы. Архитектура и декоративная живопись обновились за это время, создали даже свой "иезуитский стиль", который в Нидерландах называется "стилем Рубенса". Ван Дейк и воплотил для Фландрии художественные вкусы иезуитского ордена. Хотя самые величайшие свои религиозные произведения Ван Дейк оставил на родине. Они все относятся к фламандскому периоду его творчества и хранятся во многих бельгийских церквях.

Несомненно, церковные заказы льстили самолюбию Ван Дейка. Он считал ниже своего достоинства углубляться в портретную живопись, ему хотелось писать большие картины. Но в монументальной живописи он не достиг уровня Рубенса или Иорданса. Вернувшись на родину, Ван Дейк вновь проникается фламандской атмосферой, но он уже разучился понимать дух своего народа. Мощный размах соотечественников не дается Ван Дейку. Онпадает в крайности, подражая манере Рубенса, а когда ему надо едет это подражание, свободно прибегает к чисто итальянской манере.

Наиболее известным и значительным из религиозных произведений Ван Дейка считается "Христос среди двух разбойников", находящийся в соборе Сен-Ромбо в Малине. Рейнольдс оценивает это произведение "наиболее драгоценным из трудов художника как в отношении верности рисунка, так и удачности общего замысла; картиной, которая может считаться одной из первых в мире". Выдержанная в прекрасной гамме темных тонов, напоминающая по композиции "Удар копья" Рубенса, картина полна простоты. Богоматерь очень выразительна, но ее прекрасное тело трепещет под черной тканью чисто физическим волнением, в ней больше страсти, чем скорби.

Если как религиозный художник Ван Дейк занимает неопределенное положение, то как портретист растет непрерывно. Он привез из Италии стремление к обобщениям и изящной идеализации. Его пейзажи и драпировки на фонах портретов, благородные позы, умение еще более подчеркнуть внешнее сходство изображаемого лица гибкой и выразительной одеждой, все, что придает его портретам поэтический отпечаток, перешло к нему от венецианских учителей или внушено обычаями генуэзской аристократии. Даже руки на его портретах, эти божественные руки, созданные

для праздности и властвования, принадлежат высокомерным и сладострастным натурам, чуждым соотечественникам Ван Дейка.

Зато в изображении лиц ни один антверпенец не выказал себя более фламандцем, чем Ван Дейк. Он сам говорил, что в течение одного из периодов своей жизни он писал портреты с особым идеальным старанием. Можно быть уверенным, это был именно фламандский период его творчества.

Ван Дейк писал в то время портреты самых известных личностей: эрцгерцогини Изабеллы, французской королевы-матери Марии Медичи и сына ее Гастона, герцога Орлеанского; Густава-Адольфа Шведского, Альберта Валленштейна... Он создал единственный в своем роде альбом великих людей, теперь уже рассеявшийся по разным странам, каждая страница которого украшает великие музеи, как лучшее сокровище.

Слава Ван Дейка возрастала. Несомненно, в этот период он достиг полного совершенства, его произведения ослепляли толпу и художников; как замечает Рейнольдс, его портреты "вносили солнце в комнату". И все-таки для полноты творчества ему не хватало заключительного штриха. Гений Ван Дейка еще не развернулся во всю ширь, его стесняет добросовестность техники. Не потому ли это происходит, что Ван Дейк постоянно чувствует около себя другого великого художника? В городе Рубенса как будто нет места для другого мастера...

Наконец Ван Дейк покидает Антверпен. Отныне не только его освободившееся творчество будет приносить зрелые плоды, но и его собственная личность, расцветшая на свободе, достигнет высшего обаяния. Как и Рубенс, Ван Дейк возвышается над современной ему школой живописи, становится новатором. Правда, несмотря на известность, Ван Дейк долго оставался недостаточно оцененным. Легенды затемнили умы биографов, разнообразное и неравное по достоинству творчество художника смутило критиков. За ним признают величайшую ловкость кисти, верность глаза, точность рисунка — качества, свойственные и простому ремеслу, а так же признают искусство придавать натурщикам свои собственные внешние признаки: изящество, утонченность, обаятельность. Но у него не признавали заветного идеала, ему не приписывали той пламенной веры, которая помогала художнику находить в избранных им моделях образы вечной красоты.

По нашему мнению, Ван Дейк был не только чудесный виртуоз. Он совершил нечто большее. Господин своего исполнения и своей мысли, он делает нас как бы свидетелями своих бесплотных грез. Это последнее откровение он получил в Англии. Разумеется, и во многих предыдущих его произведениях проявляется все возрастающая зрелость художника, точно так же, как и некоторые его английские портреты оказываются подчас навеянными еще Венецией и Генуей. Нельзя сказать, что все ван-дейковские полотна английского периода — несравненны, а все прежние его портреты лишены высшего вдохновения. Невозможно точно разграничить последовательное развитие человеческого духа, хотя бы и такого ясного, смеющегося, полного доверчивой юношеской силы, как у Ван Дейка. Деление творчества художника на два, три, даже четыре периода, — совершенно произвольно и не дает воз-

возможности прийти к какому-нибудь общему исходному положению.

Это не мешает, однако, считать английский период эпохой расцвета творчества Ван Дейка. В изумительной бальной зале Виндзорского дворца Ван Дейк является единственным в своем роде художником и творцом. Только увидев его портреты, можно понять, как этот многогранный и как будто непостоянный мастер внезапно превратился в несравненного художника, приносящего вместе с обаянием своей царственной судьбы и пример новатора. Ван Дейку было тридцать два года, когда он прибыл в Лондон. За первые годы жизни в Англии его фламандская кровь не только не иссыкла под чуждым небом, но растекалась по жилам еще живее и свободнее. Не забудем, что Ван Дейк переехал в страну, совершенно лишенную художественных традиций. Ван Дейку не было надобности умалять свой талант необходимостью льстить национальному вкусу, и его искусство не боялось ни соперничества, ни сравнений с кем-либо.

Несомненно, в Лондоне высоко ценили талант Ван Дейка. Чтобы угодить Карлу I, Балтазар Джербир — замечательная личность своего времени: архитектор, дипломат, шпион и заговорщик, — подарил королю картину знаменитого Антониса. Вокруг этого полотна разразился скандал, отголоски которого дошли и до нас. Ван Дейк не любил Джербира и заявил, что картина, присланная Карлу I, написана не им. Оспаривая ее подлинность, Ван Дейк тем самым обвинял Джербира в обмане короля. Дело приняло дурной для художника оборот. Дипломат созвал экспертов; сам Рубенс заявил, что полотно написано несомненно его учеником и что Ван Дейк не создавал ничего более красивого, чем эта картина. Составили нотариальный акт и послали его Карлу I. Нужно сознаться, что чтение отрывков, опубликованных Карпентером, заставляет предположить, что необдуманная месть или желание пошутить завлекли Ван Дейка на путь лжи. (Это событие бросит тень на его жизнь, является маленьким пятнышком, которое хотелось бы уничтожить.) Но могущественные покровители художника быстро загладили следы скандала. В конце 1632 года Ван Дейк окончательно поселился в Лондоне, получил звание «главного постоянного художника их величеств», был пожалован в рыцари, сделался владельцем королевской резиденции в Блэкфрайре, и через несколько месяцев перед ним уже заискивали, осыпали милостями, а вельможи одного из самых образованных и пышных дворов Европы обращались с ним, как с равным.

Англия той эпохи, хотя почти и не знала живописи, но была, однако, живым очагом красоты и мысли. Так же, как Карл I, человек образованный, с развитым вкусом, государь-мечтатель, искусство поддерживали и его министры: Букэнгем, Арундель, Портер, Дигби. Нужно ли удивляться той заботливости и дружелюбию, которые все эти люди проявляли в отношении Ван Дейка? Достаточно взглянуть на великолепное полотно, где он изобразил самого себя рядом с сэром Эндимионом Портером, который стал его близким другом, увидеть изящное лицо, тонкую улыбку, простой костюм художника рядом с более солидной фигурой министра, чтобы понять тайну того непреодолимого впечатления, кото-

рое произвел этот гениальный человек на британскую аристократию. Это было какое-то сплошное очарование. Придворные художники Майтенс, Дженсен, Ван Селен отступили на задний план. Все ласки, все заказы перешли к новому любимцу.

17 октября 1633 года король пожаловал Ван Дейку годовую пенсию в 200 ливров и предоставил в его распоряжение свою летнюю резиденцию. В Эльтеме, как и в Блэкфрайре, Ван Дейк с великолепной пышностью принимал заказчиков и друзей. Он держал в своем дворце постоянных музыкантов; "дом его поставлен на роскошную ногу", читаем в "Опыте об английской школе" Грегема, "у него множество эlegantных слуг, а стол настолько роскошен, что немногие государи так принимали гостей, как он". Люди спорили из-за чести быть представленными Ван Дейку. Король отнесся к художнику, как к брату по крови.

Нечего и говорить, что клевета с еще большим ожесточением, чем когда-либо, набросилась на счастливица: великого художника-вельможу она старалась показать как бессовестнейшего ловеласа.

На самом деле Ван Дейк безостановочно работал. Его любовь к работе нисколько не ослабела среди роскоши новой жизни — напротив, увеличилась, его способности изощрились, художник вошел в новую среду, как в свою. У Карла I он нашел ту пышность, которой не хватало слегка провинциальному эрцгерцогскому двору Альберта и Изабеллы, и с удовольствием наслаждался ею. Ведь и творчество Леонардо да Винчи развернулось именно среди блестящей обстановки итальянских дворов. Приведя Ван Дейка в Англию, судьба поставила перед ним новую полную славы задачу.

Менее чем за десять лет — со дня прибытия в Лондон до момента смерти — Ван Дейк написал около трехсот пятидесяти портретов. Более ста английских домов с гордостью показывают его произведения, иногда даже их целые коллекции. В галереях Виндзора оживает, как и в Генуе, целый мир. Тридцать пять портретов Карла I, из которых семь — конных, тридцать пять портретов королевы Генриетты, бесчисленные изображения королевских детей свидетельствуют, как часто обращался король к гению своего художника. Двор подражал королю. С изумительной легкостью и проникновенностью увековечил Ван Дейк ослепительное общество, окружавшее трон Стюартов: министров, посланников, судей, ученых, воинов в блестящих панцырях, полководцев, гарцующих на испанских конях, дворян, изящных и хрупких, в парадных костюмах, важных дам, слегка застывших в громоздких туалетах, прелестных детей, изображенных с тончайшей поэзией...

Особенно выделяются два произведения из этой галереи: "Три этюда головы", изображающие Карла I в профиль, в три четверти, и en face, и "Карл I на охоте".

"Три головы" — это чудо физиономического анализа. Ван Дейк вносит в передачу красок, форм, света такую точность, что король предстает перед зрителем во всей тонкости своих интимных переживаний. Именно таким путем добросовестного изучения внешней оболочки великие мастера средних веков и достигали воспроизведения самой души изображаемых людей. Эти три головы были доставлены Бернини, который, пользуясь ими, вылепил бюст

Карла I. Король так восхитился этим бюстом, что заказал такой же бюст королевы, доставив неаполитанскому мастеру этюды Ван Дейка. Как глубоко должен знать фламандский художник манеру Бернини, чтобы послать ему живописные "документы", способные вдохновить скульптора!

В Лондоне Ван Дейк почти оставил религиозные и мифологические темы. Увлечен сложными композициями, и если раньше ему не удавались, то теперь, в новой обстановке, он приобрел умение создавать целые группы для своих портретов. Особенно это заметно в "Карле I" — портрет как бы превращается в жанровую сцену. Так естественно движение слуги, сдерживающего лошадь с тонкой выгнутой шеей, изящно небрежна поза хрупкого короля, изображенного в профиль среди роскошной природы, столь любезной антверпенским художникам. Мимолетный луч венецианского великолетия словно озаряет царство монарха, тоскующего по своей родине... Весь Ван Дейк сказался в этом шедевре: чудесный техник, истый дворянин, художник, открывающий новые законы светотени, колорита, создающий стиль для портретистов будущего времени.

Возможно, что на творчество Ван Дейка оказал известное влияние испанец Веласкес. Но и сам Веласкес был многим обязан антверпенскому мастеру, произведения которого он видел в Генуе. Таким образом, между мастерами происходил обмен влияний, бесконечно плодотворный для искусства; оба они были равно богаты, но различными дарами; и могли делиться частью своих богатств один с другим, не рискуя обеднеть.

Манера письма Ван Дейка становится все изысканнее, слой красок все тоньше. И невольно задаешь вопрос, как ему удавалось при этом так ясно обозначать рельефы рук или неровности лица, как, например, на портрете Джона и Беригарда Стюартов, где сквозят жемчужные, прозрачные тона просвечивают серый фон. В английских портретах Ван Дейка вокруг фигур витает какая-то ласкающая неуловимая полутьма, озаренная золотистым светом, который словно струится от лиц. Трудно представить себе произведение более гармоничное в этом смысле, чем портрет соблазнительного, загадочного лорда Уортон, это бесценное сокровище Императорского Эрмитажа. Коричневато-серый цвет одежды переходит в драпировку фона, золото шарфа отвечает чудесным тонам лица; черные тени тканей напоминают сумеречные завесы, протянутые в пейзаж. Гениально переданная белизна шемизетки звучит единственной одинокой нотой в этой симфонии грез.

Последние годы Ван Дейк, по свидетельству всех биографов, был истощен излишествами и в удовольствиях, и в работе. Но относительно его походов нет ни одного достоверного указания, относительно же неутомимого творчества имеются точные сведения.

... За год до смерти, в Лондоне, Ван Дейк женился на молодой девушке из знатной семьи, Марии Рутвен, приближенной королевы, внучке графа Гоури. Одна прелестная дама, Маргарита Лемон, которой был неприятен этот брак, попыталась лишить Ван Дейка руки, "чтобы он больше не мог заниматься искусством". Злой замысел раскрыли. Маргарита Лемон переехала во Фланд-

рию, потеряла там друга, который заменил ей Ван Дейка, и покончила с собой. Таким образом, жизнь великого портретиста в последний день разукрашивалась драматическими анекдотами, заимствованными, скорее всего, из модного тогда репертуара Кальдерона и Лопе де Вега.

Во всяком случае, художник недолго наслаждался супружеской жизнью. Скрытая болезнь, причины которой остались неизвестными, уже давно подтачивала его силы. Чрезмерная работа сильнее всего способствовала преждевременному разрушению его от природы нежного организма. Рассказывают, что в последние годы жизни Ван Дейк изучал алхимию. Ливенс посетил художника в Англии и застал его, "слабого и исхудавшего", склоненным над тигелем. Декамп идет еще дальше. Он пишет: "Ван Дейк построил лабораторию, стоившую ему много денег, и скоро увидел, как у него в тигеле появилось то самое золото, которое он до сих пор создавал своей кистью".

Современные биографы подвергли сомнению эти свидетельства. Но следует ли особенно изумляться тому, что Ван Дейк разделял общее увлечение своего времени? Любовь к знанию не превратила его, однако, в некоего Вальтазара Клеца, принесшего в жертву химере все свои богатства. Художник завещал наследникам значительное состояние, никогда расточитель и развратник не мог бы с такой справедливостью распределять сокровища, приобретенные неустанным трудом.

136 Говорили также, что в 1641 году Ван Дейк пытался покинуть Англию с намерением не возвращаться более, так как его картины оставались неоплаченными и революционная буря угрожала трону Стюартов. Но это не верно. Карл I не простил бы Ван Дейку подобной неблагодарности, а между тем, глубоко огорченный болезнью художника, он обещал своему врачу триста ливров, если тот спасет Ван Дейка.

Ван Дейк умер в Блэкфрайре в декабре 1641 года. Он похоронен в старинной церкви Св. Павла. Англия окружила его похороны великолепием и пышностью. Она давала торжественный обет не забывать уроков своего первого учителя и всегда благоговейно преклонялась перед знаменитым основателем английской школы живописи.

Публикация ЛИЛИИ БАЙРАМОВОЙ.

✓
Не почести, титулы, величие составляют для человека реальную ценность, но мнение, которое имеет о них публика.

Педро Кальдерон

У БОГАТЫХ СВОИ ПРИ ЧУДЫ

Анекдоты про
«новых русских»
в последнее
время
изрядно
потеснили байки
про Василия
Ивановича
и Петьку,
а также
все остальные.
Но, как известно,
в каждой шутке
есть доля
истины.
Вот что бывает
с этими самыми
«новыми»
на самом деле.

Вот уже год, как я работаю администратором в одном из тех новомодных медицинских центров, которых в Москве развелось — как грибов после дождя (извините за банальность). Потому что и с медициной у нас теперь тоже как бы без проблем. Все лечатся, кто как может, где может и за сколько может. Хочешь — иди за бесплатно просинивать штаны в очереди в районную поликлинику, не хочешь — можешь заплатить и ходить в ЦНБ или какое-нибудь другое аналогичное заведение. Простых, тихих и скромных кооперативов тоже хоть пруд пруди. Недорого и сердито.

Ну а если ты, к примеру, «новый русский»? Тут уж у соотечественников лечиться как-то неудобно, а по Швейцариям с каждым гриппом не наездишься. И не потому, что денег не хватит, а потому, что времени своего жалко.

Вот для таких-то и существует наша шарашна. Называется она, ну скажем, «Гипертония-минус». И зарабатываем мы себе на хлебушек с инрой тем, что вместо того, чтобы возить «новых русских» ТУДА, привозим им сюда врачей ОТТУДА. Естественно, очень и очень недешево. Но все равно народ так и прет, просто валом валит — то ли все у нас большие поголовно, то ли просто деньги давать некуда.

Вот хочу рассказать только об одном, достаточно обычном дне работы нашего центра — и все станет ясно.

День с самого утра ничего хорошего не предвещал. Над сонными крышами плыли низкие мокрые тучи, и туман стыдливо прикрывал обшарпанные стены городских домов. Словом, погода идеально подходила для ипохондриков и шизофреников.

Да, так оно и есть. Первый же телефонный звонок меня горячо и искренне порадовал.

- Здравствуйте, это клиника?

- Да, чем мы можем вам помочь?

- Да вы знаете, хи-хи-хи... А от вас за деньги можно вызвать «снорую»?

- Да, можно... (От нас за деньги вообще все можно, хоть космический корабль)...

- Вы знаете, хи-хи-хи, у нас во дворе я видела «снорую помощь», такую всю черненькую, с черненькими крестинами... Это случайно не ваша?

(Да, погода, прямо скажем, ожиданий не обманывает. Еще одна шизофреничка...)

- Ой, а вы знаете, тут произошла такая нутная история... Вы знаете, хи-хи-хи... Муж убил жену, а тело закинул в «снорую» и увез... Скажите, а от вас ЭТО нельзя сделать за деньги?

- Простите, что именно?! Убить или увезти?!!

(Нет, это уже совсем нуно. На фиг, на фиг, к психиатру...)

- Девушка, в нашей клинике вас сможет проконсультировать замечательный специалист-психиатр. Он принимает по четвергам. Скажите, в какое время вам было бы удобнее всего подойти на консультацию?

Норотные гудки в трубке. Да, по крайней мере, будет о чем поболтать с народом в нурилке.

А вот это уже, кажется, что-то новенькое. Точнее, более классического новорусского типана я еще не встречал. Малиновый пиджак, на шее болтается золотая цепь в палец толщиной, все руки в кольцах, на поясе лейджер, из кармана сотовый телефон торчит. Чудо зданое в перьях. Подплывает к стойке, небрежно швыряет на нее пачку бенсов здан тысяч на пять и хрипло басит на всю приемную:

- Слышь, командир, ты мне это, доктора нарисуй, только чтоб,

бляха-муха, американ был и этанан его, белый. Негров мне тут не надо...

Да, это уже дане не шизофрения. Деньги есть - ума не надо. Однано клиент есть клиент, надо по вежливей, поулыбчивее и на < > не посылать.

- Извините, пожалуйста, но консультация в нашей клинике стоит 300 долларов. Оплатите их в кассу после осмотра. А сейчас запишитесь, пожалуйста, в журнал посетителей и заполните медицинскую карту...

Интересно, а читать-то он умеет? Да и про кассу, может, я емзря сразу сказал... Надо было деньги в нарман сунуть, а потом сказать: «Братан, еще 300 в кассу, и доктор прибежит!» Ведь заплатил бы нан миленький. И еще хвастал бы потом, за нание крутые бабни полечился...

Все, ушел к врачу. Остается только понелать дону удачи и побольше терпения...

Время стремительно приближается к полудню (а работаем мы с восьми утра и до восьми вечера), можно слегка и расслабиться. Да и народ пошел все больше западный, поспокойнее. Начинаю потихоньку чувствовать себя белым человеком, а не идиотом за стойкой. Еще бы полчаса так продержалось - и можно со спокойной совестью проинструктировать подчиненных девиц и отвалить на обеденный перерыв и послеобеденный перенур.

Никогда не надо расслабляться - сглазишь. Следующий телефонный звонок напрочь убивает все хорошие впечатления и вгоняет в депрессию, сравнимую разве что с зубной болью.

- Але, русский гаварым? Эта прыемная камыссия госанзамана?

- Простите, наного госанзамана?

- Наного-наного! Медицинско-го экзамена на постоянный жительство в Швейцария, во канто-на!

Так, значит, еще один житель солнечного юга решил стать европейцем. А для этого надо медосмотр пройти, и тоже очень не бесплатный...

- Да, пожалуйста. Вы сможете подройти к пяти часам?

- Нанэшно, можем, да...

- Сколько вас человек?

- Двое. Наши фамилии (следует что-то восточное и труднопроизносимое)...

- Хорошо, ждем вас к пяти.

Слава Богу, до пяти время еще есть. Можно спойной поработать и еще постараться что-то для нас, бедных, из начальства западного вынелотить. Например, повышение зарплаты и понижения количества рабочих часов в неделю. Меня, правда, это все равно не коснется, зато девушки спасибо сна-

нут. А то им, бедным, туго приходится – все эти бредни целыми днями выслушивать, да еще и с частотой 3-4 раза в минуту...

Черт, совсем забыл. Сегодня же у нас «Халоуин». Домой всерьез уйти точно не удастся. Почему-то чисто западный праздник у нас в Москве отмечается почти исключительно «новыми русскими». Значит, к вечеру начнут привозить просто пьяных, напоенных клофелином, разбившихся, упавших, подравшихся и все такое прочее.

Да, гуляют уже, начнется, всюю. 16:03 – и первый вызов «скорой». Интересно, кто же стал первой жертвой праздника в этом году?

Оказывается, девушка. Довольно милостивая, правда, пьяная вдрызг. И в тяжелом состоянии. Господи, ведь вроде и деньги есть, и собой хороша, так чего же надо было со стопкой хрустальной играть? Разве нельзя было мужика себе найти? Теперь придется в пожарном порядке резать и доставать мелкие осколки из нежного женского естества. Но это уже забота не наша, а дежурных врачей. Все, что требуется от нас – это открыть двери, бегом везти носилки, довести их до операционной и где-то по дороге не забыть пронатать кредитную карточку и оформить счет. Конечно, при таком состоянии пациента это кошмар, но бизнес есть бизнес. Встретили, отвезли и ждем следующих поступлений – праздник-то продолжается.

Еще один тяжелый случай – и опять девушка. Интересно, сегодня все поголовно неудовлетворенные или как? И вообще я как-то раньше никогда не слышал, чтобы на морюнку надввали презерватив. Вот и доигралась сердечная – поди теперь вытаски сие изделие изнутри. Эту бедолагу – во вторую операционную. И врача из

дома надо по пайднеру вытаскивать, так как свободных из числа дежурных уже не осталось – все заняты предыдущим случаем. Дачует мое сердце – потеть придется сегодня весьма и весьма изрядно.

Так, а это еще что такое? Не сей раз жертва наших отечественных милых дам, проще говоря, тихий очкастый японец, отходящий от последствий отравления клофелином и, начнется, до сих пор еще толком не осмысливший, куда подевались почти все ценные вещи из его квартиры. Бедняга, жалко его. Ну ничего, подождет врача в свободном кабинете на кушетке...

По мере приближения вечера народу все прибывает. Две аварии (один врезался в столб, а другой – в грузовик), пара-тройка пьяных драк и человек пять просто с острым алкогольным отравлением. Платить, правда, никто пока не забывает.

Начнется, пробило пять часов. Самое время ожидать наших гостей с солнечного юга. Слава Богу, на сей раз их всего только двое.

...Сколько раз говорил себе – не нарнай, слгазишь! Подходит толпа человек эдак двадцать. Интересно, откуда...

– Здравствуйте. Вы записывались к нам на прием?

– Конечно. На пять часов на госэкзамен в Швейцария!

(Господи, я что, брену? Я же сам записывал на это время двоим.)

– Будьте любезны, подскажите, пожалуйста, ваши фамилии.

(Не может быть... Фамилии те, но откуда их такая толпа?)

– Простите, но было записано только два человека...

– Два человека – это мы. А это – наши семьи!!!

– Хорошо, только учтите, что вам придется подождать.

(И хорошо, если только час или полтора... Господи, и так полна клиника тяжелых больных, а тут весь аул в полном составе выезжает на ПМН в Швейцарию... Интересно, они в Альпах санли будут строить? Языков не знают, профессии ни у кого нет, читают с трудом, пишут тоже... Хотя все они уверены, что будут заниматься бизнесом, и через месяц у каждого будет своя вилла на Карибах и частный самолет.)

- Будьте любезны заполнить на каждого вот эту форму на двух страницах. Присаживайтесь, пожалуйста. Если возникнут вопросы, подходите, мы будем рады вам помочь.

Слава Аллаху, весь табор двинулся на диван в дальнем углу. Правда, все два десятка форм заполняет один человек. Наверное, единственный грамотный... Боже мой, что это? Вся толпа встает с места и сминается оноло стойки. Наконец через всю толпу к нам пробивается человек с ворохом форм, из которых начата заполнением только одна.

- Снамытэ, а в графа «фамилия» что писать - имя или отчество?

- Пишите фамилию.

(Господи, помилуй!!! Что он будет делать в Европе?!!)

- Харашо. А здесь где «адрес»? Понимаешь, у нас целый три дома и два квартыра!

- Пишите любой из этих адресов.

(Слушай, дорогой, ну не волнуется меня, сколько у тебя домов в ауле. Ну неужели трудно одному пройти и не создавать толпы...)

- Харашо, все написали. Платить здесь?

- Нет, вон там и после визита.

(Да, к шести часам вечера от утренней вежливости и предупредительности мало что остается.

Тут бы дожить до конца дня и уползти отсюда.)

Слава Богу, наконец вся толпа уплыла на медосмотр. Да и время уже потихоньку подходит к восьми. Все, прощаюсь с девушками, здороваюсь с ночной сменой, снабжаю их краткими инструкциями и желаю удачи и терпения. Трудовой день завершен, и до самого завтрашнего утра мне не придется забивать себе голову заботой о частном здравоохранении для богатых.

А на улице уже, оказывается, давно стемнело... И все магазины тоже успели позакрывать. Господи, опять я ничего не успел. Теперь придется тащиться домой в переполненном метро, где-то по дороге ухитриться нанюхать продуктов, и еще к завтрашнему утру быть на посту свежим, бритым и одетым с иголочки. А что поделашь - клиентов надо ублажать, особенно наших.

Ни одна из этих историй не выдумана - все подлинное. А чтобы было совсем смешно, добавлю, что в нашем центре - не самом, кстати, дорогом в Москве - любая пустынная процедура стоит в три раза дороже, чем в самой модной и дорогой клинике Голливуда. А за Голливудом не может угнаться в Америке никто. Про старушню-Европу скромно молчу, там печат в пять раз дешевле, нежели у нас. И, кстати, во столько же раз лучше.

Но у богатых, как известно, свои причуды. И если они готовы платить бешеные деньги за что-то - всегда найдется кто-то, эти деньги получающий. А у меня лично складывается впечатление, что конец света наступает не вообще, а в мозгах отдельно взятых обитателей нашей многострадальной России.

Но это - мое сугубо личное мнение.

АНДРЕЙ МОЛЧАНОВ

ПРОЛОГ

Берег...

Неужели он добрался до него? Неужели сумел?

Он потерянно уставился на дрожащие пальцы со сморщенно-разбухшей, выбеленной морской водой кожей...

Какие-то считанные часы назад он еще находился в торпедном отсеке обреченного корабля, застывшего на грунте, содрогающегося от взрывов глубинных бомб, которыми вслепую гвоздили пучину английские эсминцы-охотники типа "Трайбл" — мощные, маневренные, умеющие терпеливо преследовать свою неповоротливую, хотя и коварную добычу.

Впрочем, один эсминец они торпедировали, однако другой неуверенно мстил за выведенного из строя собрата.

Субмарина, продув балласт, дрожала от напрасных усилий моторов, пытаясь всплыть, сдать на милость победителя, но то ли винты попали в ил, то ли ко дну присосало брюхо, или же вода, пробившаяся через прорехи, тажким грузом заполонила отсеки, как бы там ни было — крейсер беспомощно ерзал по дну, шумы его летели предсмертным отчаянным воплем в гидролокаторы противника, а он, чувствуя себя частицей корабля, отчетливо сознавал: нет, им не подняться наверх, — амба! И единственный шанс на спасение — крохотный, призрачный — попытаться выбраться наружу через торпедный аппарат, благо, глубина составляла пятьдесят метров, и рискнуть стоило.

* Нумеральный вариант

ВАРИАНТ

Накал ламп тускнел, батареи неуклонно садились, выделяя взрывоопасный водород, регенерация воздуха слабела, и духота уже известной стесняла дыхание. Драло горло от едких кислотных паров: через края эбонитовых баков при контузии лодки бомбой, видимо, плеснул электролит.

Капли воды на перегородках сливались в медленные струйки, неуклонно образуя лужицы на полу.

И вдруг — тишина.

Визгливые винты эсминца затихли. То ли опустели стеллажи бомб, то ли начавшийся шторм вынудил капитана дать "дробь атаке", а может, застопорив винты, англичане выжидали повинного всплытия подводного корабля.

И он — решился.

Может, ему повезет опять, как два месяца назад, когда перед ним, русским матросом, тонущим в холодном северном море среди обломков кораблей конвоя, потопленных немцами, внезапно с шипением и гулом возникла из-под воды рубка вот этой сально лоснящейся, как шкура морского котика, субмарины, и он, ухватившись за опоясывающий ее леер, вскарабкался, вжимаясь в скользкий металл обшивки, на спасительную палубу с черным, в белом круге, крестом.

Как во сне раскрылся рубочный люк, мелькнули белые пятна шерстяных свитеров, и его втащили в сырой, заиндевелый отсек.

— Специальность?! Должность?! — донеслось из качающегося полумрака.

— Механик, — вытолкнул он каменным языком из оледеневшего нутра единственное слово.

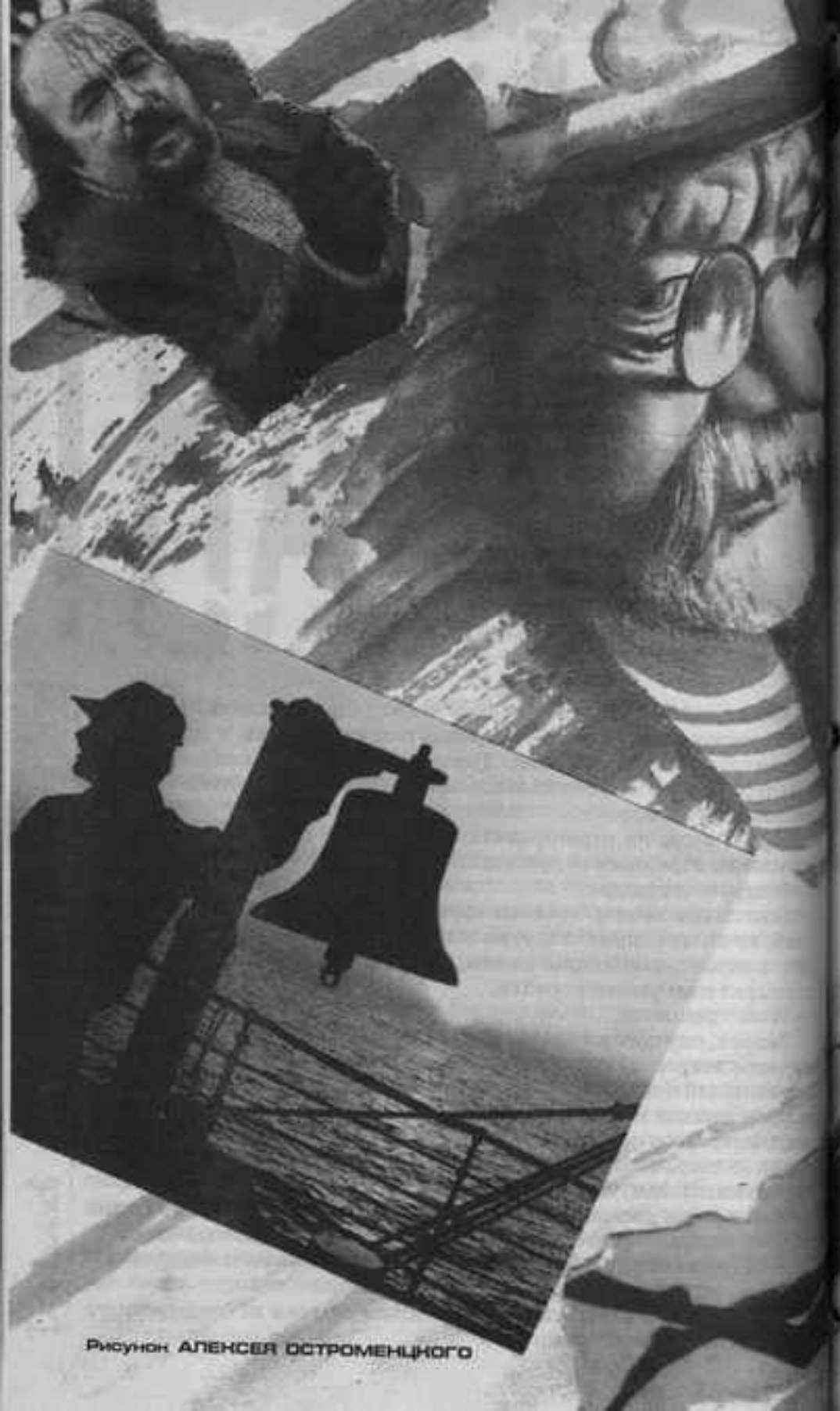
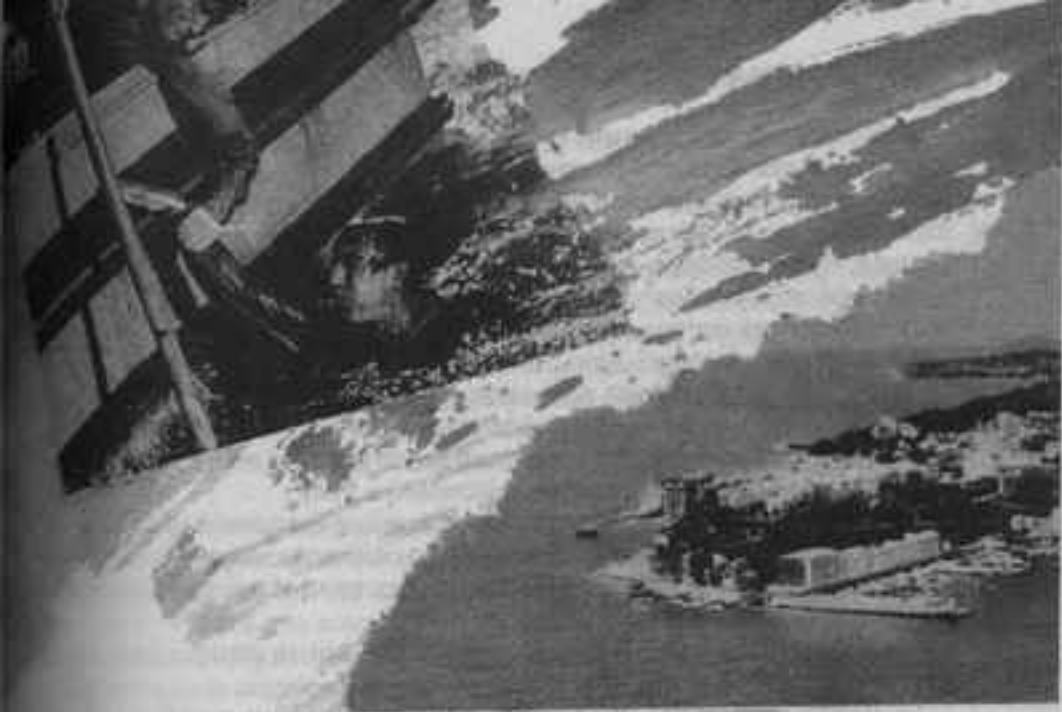

Рисунок АЛЕНСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

И — услышал в довольном хохоте смазанны-сколившись бороз-
тых рож:

— Механики нам нужны! Отмываем его от мазута... Продуть та-
юны! Принять балласт! Погружение!

И — под грохот бронированного тубуса люка — ушлыл в пахну-
щую машинным маслом черноту, уяснив в последнем озарении со-
знания, что — спасен...

Теперь же погибает лодка. В теплых водах Атлантики, у неведо-
мых Канарских островов.

А что там, наверху? День, ночь?

Он утратил ощущение времени.

Скинул с ног форменные войлочные тапочки, маскирующие шум
шагов для "цибелунгов" надводных акустиков, и потянулся за спа-
сательным жилетом, комом валявшимся в углу.

А может, там, на поверхности, его ждут штормовые валы с и-
провальными безднами и многотонными водяными громадами,
вздыхающимися в небеса? Или же — короткая и жесткая пулемет-
ная очередь с палубы эсминца?

Выбора, однако, не было. И спасти его могло лишь одно: узкая
труба торпедного аппарата. Все.

— Ладно, всплытие покажет... — усмехнулся он горько, сжимая
потной ладонью запорный рычаг.

Теперь предстояло затопить отсек, где уже не осталось кормовой
густо смазанной тавотом торпеды и, когда вода подойдет к потолку,
нырнуть, протиснувшись в трубу аппарата. Затем — выдержать режим
неспешного подъема наверх. Пятьдесят метров водяной толщи, кото-
рые надлежало преодолеть, несли в себе угрозу баротравмы легких.

Вода... Злобный, несущий смерть монстр.

Перевитым серебристым канатом она выстрелила из раздранны-
го аппарата, гулко вонзившись в перегородку; окутала, кипя, его
ступни, закачалась у стен, победно пожирая заключенный в сталь
воздушный пузырь, покуда еще спасающий жалкое, барахтающе-
еся существо.

Уткнувшись затылком в потолок, он отдышался и, мысленно пе-
рекрестившись, опустил к полу, ставшему дном.

Протиснулся отчаянным рывком в черный зев трубы...

Потом, как ни старался, он не мог вспомнить, как всплывал в
прорезанной фосфоризирующими точками и штрихами темноте, но
зато вспышкой запечатлелся в памяти миг, когда вынырнул в не-
ожиданную реальность, где была ночь, дождь, молочная пена вода,
слепящие брызги и — звезды в спокойной бездне африканского неба —
удивительно безмятежные и равнодушные.

Они-то, эти бесстрастные ориентиры в окружавшей его темноте и
водяной круговерти, помогли ему. Они и — надувной жилет.

И вот он на берегу.

Вокруг бесконечно расстилался золотой песок, нанесенный сюда
из Сахары подводными течениями.

Ровная его полоса, омываемая прозрачной бирюзой наполненной
солнцем воды, переходила в громадящиеся гряды сопок-дюн, а за
дюнами серо высились бесконечные, однообразные холмы — бывшие
вулканы.

Он вспомнил навигатора, называвшего остров, где им предстояла стоянка.

Как же лейтенант называл его? Фуэртевентура, вот как.

Военно-морская база располагалась на юге.

Но где он, юг? Да и зачем ему эта база? Кто знает, как его встретит там? Русского, взявшегося неизвестно откуда...

Он начал карабкаться по склону дюны и, преодолев его, с некоторым облегчением обнаружил, что вроде бы нашел дорогу: узкая притолпанная полоса хрупкого щебня, петляя, уходила в горы — односторонне серые, из растрескавшегося вулканического камня.

Он двинулся по этой нечеткой, порою теряющейся на выступах голого базальта полосе, упрямо взбираясь вверх, оставляя за спиной утреннюю синь успокоившегося океана, помиловавшего его этой ночью.

Безжизненный, иссушенный камень выветрившихся скал вселял тоску, и внезапно его посетила мысль о том, что, может быть, он умер и находится сейчас в ином мире, вступив на путь неведомых скитаний. Мысль эта показалась не такой уж безумной, ибо расстилавшийся перед ним дикий пейзаж был явно неземным, и только усилием воли и логики он сумел подавить заполняющую его сознание восторгу.

Дорога вывела его на небольшую площадку с отвесно высившимся над головой уступом скалы.

Он повалился на бок, переводя дыхание.

Вдруг на краю обрыва возник черный поджарый ворон. Сел неподалеку, ничуть не боясь человека, пристально и немигающе глядя на него.

Он снял легкую форменную куртку из суровой матросской ткани, обнаружив в ней ломоть подрамокшего походного хлеба, завернутого в фольгу. Протянул ладонь с влажным крошечком птице.

Спокойно приблизившись к нему, ворон принялся этот сухарь склевывать.

Так они и сидели.

Серые горы, перекатывающиеся под ветром комья пепельной травы аулагги, похожей на грязную вату, силуэты диких коз вдалеке, и небо — какого нигде нет на земле.

Он выжил.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

Московская зима — это сволочь!

И куда деться от этого грязного снега, черной морозной жижи, летищей из-под колес замызганных автомобилей и взвесью заполняющей пространство, от однообразных коробок-домов на голых пустырях!

Вероятно, виной подобного ощущения города, в котором я родился и прожил более тридцати лет, стал неизбежный возрастной скептицизм, а может, объехав за постперестроечное десятилетие едва ли не полмира, я уже бессознательно противился тому, что ранее воспринималось как естественная и вполне приемлемая данность бытия. Но в ближайшие три месяца надлежало мне сидеть здесь безвылазно, протирая штаны на уютном кожаном креслице в офисе аме-

риканской компании "Соломон-трейдинг" – посреднической конторке, возглавляемой моим одноименным боссом Соломоном Спектором, активно паразитирующим на российском, а ранее – на советском рынке по направлениям самым разнообразным и порою непредсказуемым.

Соломон – представительный, двухметрового роста мужик, сама вальяжность и обаяние, походил скорее на англосакса, чем на еврея: голубые глаза, светлые реденькие волосы, крупные, однако правильные черты лица. В общении шеф олицетворял собой интеллигентность, покладистость и предупредительность, очаровывая любого собеседника, и сия участь поначалу не минула и меня, но позднее, потеревшись с ним бок о бок в повседневной работе, открыл я основные черты его характера, присущие, кстати, большинству янки: холодный расчет, абсолютное отсутствие глубоких духовных переживаний и – всепоглощающую устремленность к приумножению уже имеющейся денежной массы.

Соломона интересовал исключительно доллар. Все остальное, в том числе – рауты, приглашения в гости и прием гостей у себя, походы на культурные мероприятия и в кабаки, – преследовало если не явную, то подспудную цель выйти на нужных людей и – заработать, заработать, заработать!

Помню, однажды, когда синусоида нашей коммерческой активности начала плавно скатываться к точке замерзания, я, спросив шефа, отчего у него столь удрученный вид, получил ответ на судорожном выдохе, через отчетливый скрежет зубный:

– Очень хочется денег, Гарри! Очень!

Мне, вероятно, дураку-идеалисту, подумалось тогда, что у шефа финансовая мания: ну в самом деле – оправданы ли подобные страдания, когда по банкам европейских стран упританы от налоговой службы США восемь миллионов долларов; когда есть вилла в Нью-Джерси и яхта в Майами, а расходы на жизнь некурящего, непьющего и к тому же разведенного джентльмена, чей взрослый сын работал на приличной должности в компании "Крайслер", мало чем отличались от среднестатистических американских.

В середине восьмидесятых я вышел из зоны, где отбывал срок за незаконные валютные операции, то бишь за продажу малохудожественного полотна и получению за него трехсот долларов, и оказался в затхлой комнатенке одной из обочинных московских коммуналок, милостиво отведенных мне супругой от первого и последнего до сей поры брака.

В течение моего вынужденного отсутствия супруга ловко разместила нашу трехкомнатную квартиру на двухкомнатную и ту конуру, где, благодаря ее жилищно-обменным манипуляциям, я очутился.

Соломон – известный мне по прошлым временам и общим знакомым – при нашей случайной встрече сделал внезапное предложение: мол, готов взять тебя на работу с зарплатой в двести долларов, язык ты знаешь, окончил Иниз и вообще – на роль адъютанта-шестерки и прислуги за все вполне сгодишься. Я, пребывавший во взвешенном финансово-социальном положении, от предложения не отказался и вошел таким образом в коллектив "Соломон-трейдинг", состоящий, впрочем, из двух человек – меня и босса.

Тогда еще компания прочно держалась на плаву, поставляя оборудование в СССР согласно госзаказам, и схема Соломоновых алоделаний была проста, как первородный грех: ответственным чиновникам раздавались подачки и приглашения посетить фирмы-изготовители, а чиновники в свою очередь бестрепетно пересылали казенную валюту на указанные Соломоном счета.

Шеф работал по-крупному, поставляя оборудование для нефтедобычи и газопроводов, деревообрабатывающие станки; сотнями тонн перепродавал российское сырье, и от сумм, предоставленных в его контрактах, иной раз и впадал в транс беспомощного патриота, во глазах которого иноземцы-захватчики устраивают конюшни в шкряках Кремля.

Грянувшая перестройка съежила эту малину, как внезапный мороз, и советские граждане, получившие возможность выезда за рубеж и открытия собственных компаний как на территории отечества, так и вне ее, быстро разобрались, что великолепно могут обойтись без посредников, съездив в те же Штаты с нанятым переводчиком, и, без труда отыскав там любого необходимого партнера, заключить контракт напрямую, получив явную финансовую выгоду.

Прошлые чиновничьи-крохоборы со стонами уходили в неизвестное никуда, хозяйственники на местах обретали независимость, зная рынок, перебирали денежки уже в собственном кармане, а не в государственном, и наша "Соломон-трейдинг" благодаря всеобщей ликвидации коммерческой безграмотности стремительно теряла халашные позиции, предоставленные ей благодушным недоразвитым социалдемом, ратующим за дружбу и взаимопонимание между народами.

Время жирных кусков сменилось для господина Спектора временем подбирания объедков.

Мое же время прислуживания также закончилось.

Многие из прошлых приятелей открыли собственные фирмы, и я мог начать автономное плавание в штормовых волнах российского бизнеса, но решил покаяться в прежней, привычной лодке, принципиально поговорив по данному поводу с потускневшим, хронически грустным Соломошей.

Последние контракты шли уже через мои связи, а потому я решительно потребовал равную долю, сознавая, что даже в ниши среднего бизнеса, вполне доступные для меня, шефу-иноземцу пробиться уже затруднительно.

Постенав и бесполезно поторговавшись, Соломоша меня партнером признал, для варки кофе и уборки офиса нанял секретаршу, и, съехав из Центра международной торговли с непомерно возросшими арендными требованиями, мы сняли помещение в одной из редакций литературно-художественного журнала с резко упавшей по внешним временам популярностью и, соответственно, тиражом.

В отличие от наших соседей по зданию, привычно и счастливо дополняющих российский литературный архив, мы с Соломошей, объединенными усилиями врубаясь в бетонную стену русского бизнеса, день за днем выдалбливали в ней свою нишу, поставляя на рынок уже не промышленные дорогостоящие агрегаты, а всякого рода шелупень, именуемую товарами народного потребления.

И в поисках подходящего товарчика довелось мне порыскать в глубинах Таиланда и Китая, Латинской Америки, Европы и США.

Компаньоном своим я был доволен: Соломоша обладал простым мистическим чувством конъюнктуры, с необыкновенной точностью прогнозируя запросы рынка, и, в принципе, мы не бедствовали, хотя никакими сверхдоходами деятельность компании не отличалась. А лично я к ним и не стремился. Купив приличную квартиру, нормальный "мерседес" и обзаведясь счетом в "Сити-банке", я расценивал себя парнем из среднего класса, для которого деньги — не самоцель, а средство, дающее возможность не унижаться перед жизнью, становившейся день ото дня все более дорогой и изощренно-жесткой.

Хотя, с другой стороны, если застрянет синусоида нашего с Соломошей бизнеса на мертвой отрицательной точке, плюну я, пожалуй, на все и отбуду к лазеровой водичке; сооружу себе шалаш, заведу козу и стану рыбку ловить и помидоры на грядке окучивать...

Наверное, размышления подобного рода имеют под собой ассоциативную почву. Вырос я в Феодосии, откуда родом мой папа, каждое лето проводил у бабки с дедом, чей домик стоял практически на берегу моря; общаясь с местной ребятней, выучился плаванию и подводной охоте, со временем превратившейся в страсть, и, каждую осень возвращаясь в Москву, в школу, безмерно страдал без этой восхитительной сини, что виднелась в окне дедовской мазанки, — солнечно-ультрамариновой, вечной, зовущей в сказку неведомых стран...

Сегодняшняя моя тяга к морю, вероятно, следствие подспудной, отстраненной тоски о детстве. О его невозвратности.

Моя мать погибла в автокатастрофе, и с шестнадцати лет жил я с отцом, на повторную женитьбу не сподобившимся, до пенсии работавшим водолазом в речном хозяйстве столицы — санитаром загрязненного дна московских водоемов.

Я остановил машину у подъезда редакции терпящего финансовые и литературно-художественные недомогания журнала и прошел через холл в наш с Соломошей отсек, состоящий из двух мило обставленных комнаток и маленькой кухоньки, где хлопотала длинноногая секретарша Маша.

На кожаных диванах, стоящих вокруг стеклянного столика, располагались гости — трое респектабельных азербайджанцев, один из которых, Тофик Мустафаев, был мне известен по совместному пребыванию в колонии.

Тофик "парился" за дела, связанные с браконьерством, поставками в столицу "левой" черной икры и балыков, и, замечу, сидя на вазах, имел стабильный подогрев с воли рыбными деликатесами и отменным коньячком.

Азербайджанской "семьи" в зоне не было, Тофик примкнул к той, в которую входил я, и проживание в тягостной неволе здорово нас сблизило.

По выходу на свободу отношений мы не прервали, напротив, крепили их в борьбе за хлебушек насыщенный.

Тофик пользовался немалым авторитетом в своем московском землячестве, в той его части, что именуется мафией; крутил серьезные махинации, и доказательством тому являлись два небритых типа в коже, сидевших в соседней комнате, положив на колени компактные автоматы "Барс-2".

За сегодняшним визитом могло стоять все, что угодно: просьба дать денег в долг, жесткий намек на участие в совместной коммерции и, соответственно, во вкладах в нее...

Однако — обошлось. В данном случае нам делалось выгодное предложение: Тофик просил поставить из Штатов сорок автомобилей "двигольн-таун-кар" по двадцать пять тысяч за каждый, включая доставку. Пробег — не более пяти тысяч миль.

Направление, связанное с автоиндустрией, вел я, Соломоша в технике разбирался слабо и, если брался за поставку авто, то исключительно новеньких, с гарантией, во избежание претензий и капризов со стороны покупателя.

Здесь же речь шла о подержанной технике, подлежащей приведению в товарный вид, о скручивании спидометров в сторону отрицательной величины, а потому решающее слово в переговорах было за мной, человеком в данных вопросах искушенным.

Впрочем, сказать что-либо толковое без предварительного звонка заокеанскому дилеру я не мог.

Дилером являлся мой однокашник Саша Мопсельберг, проживающий ныне в Нью-Йорке и занимающийся продажей подержанных колмагов.

В Штаты Саша попал как политический беженец, предоставив господам из консульства неопровержимые доказательства правомерности такого своего статуса. А именно: копию приговора суда. Судили Сашу за антисоветскую пропаганду и агитацию, выразившуюся в распространении литературы, порочащей государственный и общественный строй. Отчасти это было правдой, отчасти — нет, поскольку в своей антиправительственной деятельности Мопсельберг руководствовался прозаическим коммерческим интересом.

Работая в затхлой снабженческой конторке, Саша размножал на казенном ксероксе разнообразную диссидентскую беллетристику, переплетал ее и продавал втроедорога многочисленным знакомым.

Бизнес, благодаря разветвленной сети стукачей, скалустился через две недели после его трудно выстраданного зачинания. Стал Александр преступником государственного уровня, загребев в зону аж на восемь годков, из которых, благодаря внезапно грянувшей перестройке, оттянул всего полтора, включая период следствия.

Спрыгнув с нар, сразу же ломанулся в американское консульство, весьма благосклонно принявшее благородного правозащитника, тяготеющего к западным идеалам.

Ныне Мопсельберг, обзаведшийся лицензией дилера, мотался по аукционам и адресам частных лиц, продающих свои разорвавшиеся телеги; покупал-продавал и тем пробивался.

К услугам его я прибегал не единожды, осечек не случалось, дефектную технику Сашка не присылал, относясь к делу добросовестно, а потому, пройди с трубкой радиотелефона на кухню, я без колебаний набрал его нью-йоркский номер и услышал сонно-недовольное:

— Ну?

— Говорит Москва, — сказал я. — Московское время...

— Ты изувер, — вздохнули за морями и долами. — Не мог попозже?

– Горячий вопрос. В офисе сидят и подпрыгивают в креслах клиенты.

– Излагай.

Я изложил требования азербайджанской стороны.

– Трудно, – через зевок изрек дилер. – Можно, но трудно. Сорос машин! Отчистим, конечно, отмоем... – Он спохватился. – Но я в деле, учти. Только на этих условиях! И еще. Пусть кто-то на месте такки принимает. А то наживем еще иски...

– Досыпай, – попрощался я. – Будем на связи.

Вернувшись к компании, я доложил, что вопрос в принципе решаем, но покупатель обязан послать в Нью-Йорк своего инспектора во избежание недоразумений.

– У нас есть люди в Нью-Йорке, – отозвался на это Тофик.

– Так почему же они... – начал Соломон, но Тофик его перебил:

– Потому что подписаться на такой контракт сможет не всякий дилер, это раз. Что я, не представляю, как собираются сорок живых машин за указанную цену? Все я представляю. И даже то, что зарабатываете вы за все про все тысяч сто двадцать, а делить придется в троих, вероятно, а? – Он улыбнулся Соломону покровительственным, сузив масляные хитрые глаза.

– Увы! – горестно вздохнул Соломоша. – А кроме того, еще и накладные расходы... – Он обернулся ко мне. – Летишь в Нью-Йорк, Гарри. Без контроля на месте дела не будет... Готовить контракт? – деловито спросил Соломон, обращаясь к Тофику.

– Не надо, – прозвучал ленивый ответ. – Мы – ребята предусмотрительные...

Далее один из соратников Тофика полез в свой портфель, достал уже загодя приготовленные листы с печатями фирмы-покупателя.

Каждая машинка продавалась покупателю – с юридическим адресом в городе Грозном, по тридцать тысяч долларов.

Таким образом, Тофик, выступая посредником в сделке с неизвестными чеченскими коммерсантами, зарабатывал нашими ручками двести тысяч зеленых.

Исторгнув завистливый вздох, мой компаньон достал хромированную машинку и, выдавив с ее помощью на каждом листе контракта печать нашей корпорации, расписался где положено.

– Но хотя бы тысячу двадцать наличными вперед, – проскулил на прасную мольбу.

– Деньги – по ходу пьесы, – последовал бескомпромиссный ответ.

– А если у вас что-то сорвется? – настаивал Соломон. – А мы уже в пути, несем траты... – Он скорбно кивнул на меня.

Тофик, встав с дивана, хищно усмехнулся, продемонстрировав фарфоровую белизну ровных зубов. Еще месяц назад оскал его блистал вульгарными золатыми фиксами.

– Мы, – произнес он веско, – конечно, не считаемся, Соломон, но ты прикинь, какую сумму я сэкономил тебе за один только прошлый год, а?

Это был болезненный намек. Глазки Соломоши растерянно замельтешили по сторонам.

— Вот так-то! — не дождавшись ответа, резюмировал Тофик с победным сарказмом. И неторопливо направился к двери, где уже толпились кожаные небритые субъекты с автоматами под полой.

Возразить что-либо азербайджанцу было невозможно. Да и не стоило дразнить гусей. Оставалось промолчать и — собирать чемодан.

Я завел “мерседес” и двинулся в дымной автомобильной толчее московского будничного дня по знакомому маршруту — к Фрунзенской набережной, размышляя, насколько же непредсказуема жизнь в своих внезапных поворотах, и отдаленно радуясь тому, что вскоре увижу океан, похожу по деревянному настилу набережной на Коки-Айленд, дыша морским чистым воздухом; вообще как-то развеюсь...

СЕРГЕЙ ОДИНЦОВ

Полковник Одинцов, начальник отдела ФСБ, томился в приемной начальника управления, то и дело открывая служебную папку с документами, лежавшую у него на коленях, и перебирая листы бумаги, увенчанной грифами “совершенно секретно”.

Адъютант снял трубку звякнувшего внутреннего телефона. Выслушав указание, небрежно кивнул Одинцову на ведущую в кабинет руководства дверь, приглашая к аудиенции с властительным монстром.

Генерал сидел в уютном кожаном кресле и задумчиво курил сигарету. Некурящий Одинцов, расположившийся на стуле напротив начальника, терпеливо морщился от табачного дыма.

— Ну, докладывай, что там у тебя сверхъестественного...

Одинцов молча протянул папку.

— Давай на словах, — поморщился начальник. — И так все дни, как в библиотеке...

— О новом газопроводе вы, естественно, слышали? — начал Одинцов.

— Западно-европейском?

— Так точно.

— Ну и?..

— Суть такова. Газопровод протянется через территорию России и Европы с созданием сети газохранилищ в Германии. Что широко оглашено в прессе.

— Пусть тянется, туда ему и дорога...

— Товарищ генерал, пока агентура не разъяснила мне некоторые детали, я думал примерно также.

— Давай о деталях, — перебил Одинцова генерал.

— А детали таковы. Газохранилища — это своеобразные конденсаторы. Бывают они двух типов: наземные и подземные. А потому, не имея их, перекрыть кран, лишая ту или иную территорию сырья, невозможно. Дело в том, что возрастает давление газа в трубе...

— А газохранилища?

— Значительно облегчают проблему! — кивнул Одинцов. — Однако наземные имеют ограниченную емкость, а вот подземные — дело иное... И представляют они собою естественные полости, стены которых состоят из пористых пород, создающих эффект губки... И в такие хранилища газ качай и качай...

— Ну-ка... — Генерал, надев очки, раскрыл папку и погрузился в чтение.

Одинцов терпеливо высидивал на стуле, озирая знакомый казенный интерьер кабинета.

— Н-да, материалец, — сказал генерал, закрывая папку. — Забавно. Таким образом, немцы получают колоссальное стратегическое преимущество. А... ты уверен, что на территории России подобные полости также существуют, и версия об их отсутствии — вредоносно-надуманна?

— Только под Ленинградом с гарантией установлены две...

— Под Санкт-Петербургом, полковник.

— Уж как привык, товарищ генерал...

Генерал снял очки, устало потер глаза.

— Кем установлены?

— Независимыми квалифицированными специалистами, — ответил Одинцов. — Довольно авторитетными. А что касается организации, официально отвечающей за геологическую разведку подобных полостей, то руководство ее превосходно себя чувствует, тратя завышенные деньги из бюджета и работая с отрицательным результатом. В данном случае — выгодным. Кому — вы понимаете. А реальные люди, обладающие оригинальными технологиями, способны в десятки раз дешевле произвести аналогичные работы и уже в течение месяца дать необходимые выкладки. Другой вопрос — кто им подобные работы закажет, и вообще, нужны ли подобные работы? Особенно немцам и их здешнему покровителю... По его связям с той стороной и финансовым переговорам определенного рода все задокументировано, имеются записи...

— Сережа! — Генерал встал, прошелся, заложив руки за спину, по кабинету. — Ты — взрослый человек и все понимаешь... Ну, давай откровенно... К кому мы пойдем с этой информацией? Ввел ты меня в курс, спасибо. Но что дальше? Что мы можем? Главному фигуранту необходимы деньги. И не только на удовольствия быстротекущей жизни. Деньги на выборы, на многое, что за кадром... Собственную спецслужбишку человек создал и укрепляет, опять — расходы... На власть ему деньги нужны! А власть — штука самая дорогая. И прозорливая. И тогда она — власть! — когда для подпитки ее есть реально существующие возможности. У него они есть, причем широкое. Значительно перекрывающие наши... Вывод сам сделаешь?

— Но...

— И никаких "но"! Связи он выявил! Записи у него... Тебе кто на них санкцию давал? Голову себе сломать захотел? Ну, ладно... — Генерал вернулся в кресло, уселся, скрестив на груди пухлые пальцы. — Чувствую, неймется тебе... Хорошо. Допустим, стараниями нашими попадает вся эта история с именами и с цифрами в прессу. Очередной скандалчик с компрой. Результат? Нулевой. Скандалчик на следующий же день забывается одуревшим от всего, что творится вокруг, обывателем. Для кого, спрашивается, стараться? Для рыцарей кухонных столов? А уж насчет целесообразности построения газохранилищ за бугром его помощнички десятком правдоподобных версий настрочат, да таких ловких, что пока контраргументы созреют, все обвинители сгинут... Ну, кто сгинет, а кто внезапно разбога-

теет, потеряв интерес к разоблачениям, не несущим, замечу, перспектив дивидендов...

— Но мы же, вроде, занимаемся государственной безопасностью, — безучастно откликнулся Одинцов.

— И занимайся! — горячо поддержал генерал. — Только не путай категории, полковник. И новые веяния анализируй. Ну что мне тебе объяснять? Думаешь, мне не тошно? Тошно! Но что сделаешь? Нам навязали правила, да. Но не играй мы по ним, становишься в позу, сразу будем из игры удалены. Списаны в утиль. Мы с тобой, полковник, откровенно, двадцать лет уже бок о бок толкаемся, пора бы уяснить: дуриного тебе никогда не советовал. Так что...

— Что? — поднял голову Одинцов, с иронией всматриваясь в безмятежное лицо начальника.

— Так что все материалы, — холодно подытожил генерал, — должны сегодня же быть у меня. Все! И... в царство небесное меня не зови, каки дороги до церкви не знаешь! Благодарю за службу.

— Разрешите идти?

— Ступай, милый, ступай... Агентуру, кстати, проинструктируй...

— То есть?

— Ну, насчет этих газовых хранилищ... вообще...

— Само собой, товарищ генерал!

— Вот и дивно! Ну, ступай...

АЛИХАН

Сивозь сонную сладенькую истому постепенно прорезалось желание, унося остатки утренней дремы.

Он обнял спавшую рядом женщину, прижал ее размякшую, горячую к груди, вдыхая запах духов из разметанной копны соломенных волос, и медленно скользнул ладонью по лилейной коже ее бедра, почувствовав волнующе-зовущий жар...

Денег на женщин он не жалел. Да и вообще с презрением относился к скрягам и златолюбцам, полагая, что эти людишки никогда не смогут оценить всю прелесть жизни, испытать ответную благодарность, беззаветную верность и любовь других, ибо начисто, как правило, лишены способностей к поступкам и глубоким чувствам. А старую истину о земных богатствах, которых в могилу не возьмешь, понимал особенно остро, навидавшись в своей жизни столько крови и трупов, что и десятку гробовщиков во снах не привидится...

Он, родившийся в Афганистане, воевал с пяти лет. В четырнадцать стал главой крупной банды, а к двадцати — наверное бы сгинул в череде кровавых стычек, не сведи его судьба с одним русским, авторитетным офицером КГБ.

Тогда его звали не Алихан, а Рашид. Тюркское имя присвоил ему в качестве кодовой клички новый патрон, движимый неизвестно какими соображениями.

Пару лет он выполнял его распоряжения, затем был отправлен в Москву, вернее — в Балашиху, где располагался диверсионный факультет, и, окончив его, получил звание, вновь очутился в Афганистане и безвылазно провел долгие годы войны уже в качестве советского офицера госбезопасности.

Может, сейчас он занимал бы значительный пост во внешней разведке или в ГРУ, не случись срыва: один из ответственных чинов резидентуры — мерзавец и пакостник, постоянно выказывающий ему начальственную дурь и спесь, зарвался в выражениях и обошлось ему вельможное хамство дорого: пулей в лоб. Впрочем, и Алихану недешево этот труп встал, тремя годами кабульской тюрьмы обернулся...

Но все-таки вытащили его из узилища дружки из КГБ, в Союз переправили и, хотя оказался он уже никем, выправили паспорт и с жильем помогли, а там потихонечку в бизнес он втянулся, затем в серьезной охранной фирме поработал, а потом уже сам свою стезю нашел...

Стезю опасную, но именно такую он и желал, именно для такой и был создан...

Ожесточенно растеревшись после холодного душа, Алихан вышел на кухню, выпил стакан молока, припоминая расписание предстоящего дня.

Начиналось расписание со встречи с земляком, должным с минуты на минуту пожаловать в гости.

Земляк, служивший ранее в спецназе правительственных войск, также проживал в Москве, крутился в каких-то деловых кругах, однако результативностью в бизнесе не отличался, как, собственно, практически все ему подобные, привыкшие добывать блага земные стволом и ножом. Теперь же, попав в условия гражданского бытия, соотечественник дергался в нем, как вытасченная на берег щука.

Земляк Фарид, одетый в длинное модное пальто, галантно поцеловал руку замешкавшейся в прихожей девушке, затем проводил даму до лифта и, возвратившись в квартиру, воодушевленно доложил:

— Прибыл с классным коммерческим предложением, Алихан!

— Ты хоть пальто-то сними... Завтракал?

— Да. Так вот. Предложение — подарок судьбы! — Он поднес сложенные в щепотку пальцы к губам и восхищенно причмокнул. — Но потребуется твоя помощь.

— Что надо?

— Два нормальных человека и три "калашиковых".

— Интересное предложение... — Алихан не удержался от кривой усмешки. — Очень коммерческое, это ты точно заметил.

— Ахмеда помнишь? — ничуть не смущаясь, продолжал Фарид. — Шакала этого?

— Ну?..

— Он спер все деньги мира! Большая финансовая шишка в нашем родном правительстве, Афганистан имею в виду... Так вот, на следующей неделе прилетает сюда. Информация точная.

— Дальше.

— А с ним — чемодан баксов.

Алихан угрюмо покачал головой.

— Но почему? — с искренним удивлением воскликнул Фарид.

— Это уже не мое, — произнес Алихан категорическим тоном. — Я дал зарок.

— Но, может, сведешь с людьми....

— Таких людей я не знаю.

– Ты странный... – Фарид в огорчении покачал головой. – Не узнаю... Просто не узнаю тебя! Как ты живешь? – Обвел глазами скромный интерьер стандартной кухни. – Чем занимаешься?!

– Преподаю боевую подготовку, ты знаешь.

– В воинской части?

– Да, меня вполне устраивает...

– И все? На том успокоился?

– Лучше успокоиться самому, нежели тебя успокоит другие.

– Говоришь, как... – Фарид загнулся.

– Как трус, да? – продолжил Алихан. – Ты не прав. Я говорю, как незаинтересованное в подобных предложениях лицо. Если бы он был твой кровник, я бы говорил иначе. И вот что, Фарид. – Алихан потянулся. – Давай так. Нужен тебе будет кров, деньги, хлеб – я всегда помогу. Просто посидеть со мной захочешь, тоже всегда рад буду. Но со своими коммерческими предложениями – не ко мне. А сейчас – пора... – Он взглянул на часы.

– Понял, – Фарид поднялся со стула, прошел в прихожую.

Закрыв за ним дверь, Алихан начал переодеваться. Через час начались его занятия с курсантами в учебном классе. Сегодня он читал лекции.

Через полчаса Алихан, стоя у доски, чертил мелом таблицы, отражающие дальность прямого выстрела из машины по грудным, поясным и по бегущим фигурам, твердя на зубок заученные цифры.

Лекция заканчивалась через двадцать минут, затем он займется с другой группой, а вот пострелять сегодня не удастся, жаль... Уже неделю он не сжигает ни одного патрона, и новая мелкашка с мощной оптикой покуда не пристрелина, а ведь скоро ее предстоит испытать в деле...

Но ничего не поделаешь. Сегодня у него плановый сеанс бесконтактной связи с посредником, и пропуск сеанса исключен. Так что с унылого спецобъекта с бетонным забором надлежит ехать в праздничную респектабельную суету международной выставки, а оттуда – на одну из конспиративных квартир, где предстоит расшифровать сообщение-задание. Далее с помощью тайниковой связи он должен передать заказчику акции свои пожелания и подтвердить готовность. А это означает, что помимо всего предстоит тащиться в заснеженный ночной лес, оставив в обозначенном месте контейнер...

Алихан работал не только на карманную спецслужбу Хозяина. Он выполнял деликатные поручения еще нескольких силовых ведомств. Получая за это те суммы, которые закрывали все его материальные проблемы.

Поручения характеризовались просто: заказные убийства.

СЕРГЕЙ ОДИНЦОВ

Он очнулся в затхлой темноте какого-то неизвестного подъезда, обнаружив себя стоящим на неосвещенной лестничной площадке.

Одичало повел глазами вокруг, соображая, где находится. Лихорадочным жаром пробрал ужас.

“Папка! Где папка с документами?! Нет папки...”

Обшарил карманы.

“Так, бумажник на месте, ключи, служебное удостоверение в тайном, на молнии, кармашке, тоже здесь... Но где папка и пистолет?”

Он присел на подоконник, привявшись перебирать смутно возникающие в памяти события ближайшего прошлого.

Сейчас половина пятого утра. Вчера в семь часов вечера он приехал в МУР, где с хорошо знакомым ему начальником отдела обсудил детали совместной операции; после, часам к девяти, в кабинете собрались приятели-оперы, был открыт несгораемый шкаф, хранивший в своем чреве множество бутылок с качественными алкогольными напитками, недостатка в которых сыскари не ведали даже в суровые времена "сухого" закона, а вот с другой муровской традицией — скудостью закуски, дело также обстояло по-прежнему, что в результате, видимо, и сказалось...

Последняя вспышка памяти донесла до Одинцова событийный фрагмент, не отличающийся информативной ценностью: кто-то протягивал ему полный до краев стакан и дольку подгнившего яблока. А вот что происходило после этого стакана...

"Пили мы до двенадцати... кажется, — размышлял он. — Ага! Вот оно! Я же хотел еще на Лубянку захватить, идиот! Может, действительно туда поперся? На автопилоте? И папка сейчас в сейфе? Или она где-то тут, в подъезде?"

Ощущая медную сухость во рту, свинцовую боль в затылке и чугунную тяжесть в членах, он осторожно присел, слепя вода рукой по полу.

"Нет, ничего..."

Вновь пошарил по карманам, обнаружив в одном из них зажигалку.

Одинцов не курил и потому присутствию зажигалки в своей одежде несколько удивился, тем более, была она явно дамской: изящной, узенькой, зыбко сверкнувшей во тьме самоварным золотом...

Марш за маршем, сантиметр за сантиметром полковник Одинцов исследовал недра незнакомого подъезда, не достигая никаких положительных результатов в поиске совершенно секретных документов. Взопрев от отчаяния, растерянный, как потерявшая хозяйина собака, он, выбежав из подъезда, замер с открытым ртом, не понимая, в каком районе находится, и тут узрел одинокие "Жигули",двигающиеся по темной улице.

Поднял вверх словно отлитую из металла руку, отдаленно ассоциируя себя с памятником:

— Площадь Дзержи... На Лубянку, в общем.

— Сколько?

— Договоримся!

На Лубянке, пройдя мимо клюющих носом прапоров, с видимой неохотой повиновения уставу исследовавших его служебное удостоверение, он вошел в кабинет, открыл сейф и, затравленно перебрав лежавшие в нем бумаги, кинулся к письменному столу, шумно выдвигая из него ящички. Папки в кабинете не было. Затем схватился за телефон, намереваясь позвонить домой муровскому начальнику, но передумал, решив обождать хотя бы до семи часов утра, и погрузился в полубоморочный, неспокойный сон.

Через пару часов, очнувшись от дремы, достал из ящичка стола сотовый телефон, набрал заветный номер.

— Миша? — спросил Одинцов, сглотнув холодную слюну вновь охватившей его паники. — Миша, это я, Сергей. Слушай, первый вопрос: где папка?

- Что?!

- Я говорю: где папка? Ну та, с которой я вчера к тебе...

На том конце провода утомленно вздохнули.

- Да замотал ты меня со своей папкой!

- То есть?

- Вчера же ее в мой сейф положили! Вместе с железом твоим криминальным! Ты откуда звонишь?

- Да я по сотовой, все в порядке...

- Ну, вчера, значит, выходим с тобой из кабинета, ты - хватя себя вод мышку!.. Где, говоришь, документы? Я тебе: в сейф же положили! А ты: покажи! Вернулся, я сейф открыл, показал... Потом в лифте - снова-адорово: где папка? В сейфе! Покажи! Потом та же бодряга на улице... Замотал же, говорю!

Одинцов облегченно прикрыл глаза.

- А чего потом было?

- Чего-чего... Потом вы с Ваней из кадров к каким-то его девчонкам упилили, дальше у него спрашивай.

- Появля, - уже окрепшим голосом повторил Одинцов. - Сам-то как?

- С капельницей лежу, вот как! У меня же язва! Доктор только что ушел!

- Ну, отдыхай-отдыхай!

С генералом Одинцов столкнулся в коридоре управления в восемь часов утра.

- Ты чего какой-то... как из-под танка вылез? - спросил Одинцов выспавшийся, одетый в идеально отглаженный костюм начальник.

Сдерживая дыхание, густо отдающее перегаром, Одинцов поведал, что всю ночь просидел в МУРе, куда снова сейчас собирается.

- Тут из СВР нам подарок преподнесли, - сказал генерал. - "Контрабас" готовится. С территории нашего Большого Друга. Ну... зайдя, что ли, ознакомься... Нет, давай, пожалуй, завтра с утра, а то глаза у тебя, как у ведьмака... Езжай в свой МУР... - Вздохнул попятливо. - Выпей коньячку и отоспись.

И генерал проследовал дальше.

Сокрушенно выдохнув через нос теснивший грудь воздух, отравленный алкогольной поганой перекисью, последовал Одинцов на выход, ощупывая в кармане пивные жестянки, с которыми надлежало расстаться у урн метрополитена.

Вечером, тщательно выбритый, пахнущий дорогим одеколоном и весьма посвежевший, полковник сидел в квартире журналиста, выпивая "Абсолют" с апельсиновым соком и закусывая его севрюгой холодного копчения.

Журналист, парень с острым, дотошным умом, пытался, естественно, выжать из полковника какую-нибудь остренькую инфомашку, но многоопытный Одинцов, видевший в каждом без исключения агента врагов - возможных и нечаянных, - умело уходил от вопросов, выверяя каждое свое слово.

Впрочем, не столько благодаря выпитому, сколько исходя из глубокой личной неудовлетворенности неиспользованной информацией, решил все же полковник хозяину потрафить, поведав про га-

зопровод, утрату страной стратегических сырьевых инициатив и в финансовом механизме вознаграждения за такие злодеяния ответственных негодяев.

Журналист заинтересованно напрягся.

Пикантную фактуру секретнейших банковских тайнств Одинцов в разговоре опустил, но общую их канву изложил, дав заодно координаты специалистов, способных проконсультировать борзописца относительно специфики темы.

Возвращаясь домой, Одинцов еще раз взвесил все им произнесенное. Вроде бы в своей откровенности он не переборщил. Так, дал толчок творчеству. Что бумагомаратель раскопает своими личными усилиями, пускай будет также его личным достижением. Хотя — что он там способен раскопать? Номера швейцарских счетов? Данные на финансовых агентов власть имущих? Ха-ха! Так что — будет прецедентик, очередной пинок хилой пяткой оппозиции в толстую задницу монстра властной коррупции, но большим и не утешисься. Ой, Одинцов, выполнил, исходя из сегодняшних возможностей, свой гражданский долг патриота из подполья, и на том тема для него закрыта.

Вспомнились слова генерала о готовящейся контрабанде из Штатов.

Это представилось интересным, тем более сигнал пришел из СВР. Данный факт вселял некоторую надежду на стандартный исход оперативных мероприятий: преступники арестованы, население о подвигах чекистов извещено, а значит, пошла раздача медалей и звезд.

160 "Если только сверху не потребуют вернуть контрабанду получателю, — уныло подумал Одинцов. — И такое ведь было год назад... И вернули ведь! Как тут не спиться, блин!"

Он вдруг почувствовал себя в этой сегодняшней — хитрой, подлой и жестокой жизни — подобно доживающему свой век черно-белому телевизору, не способному отразить все радостные краски такого пестрого и феерического бытия, захлестывающего страну и мир.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

На практике процедура с покупкой "линкольников" оказалась куда более хлопотной, нежели предполагавшаяся в теории. Однако через две недели ударного труда я доложил Соломоше, что парк "линкольников" укомплектован, его доля у меня на счете и подошло время переезда машин в порт.

В ответ партнер поведал мне неутешительные московские новости: сорвались один за другим три контракта, мы ушли в финансовый минус, проклятая редакция повышает аренду, ибо намеревается заняться изданием поэтических сборников, которыми беден рынок — по причине, как полагает Соломон, их объективной невостребованности, однако, что докажешь этим упертым литературным долдонам? То есть поводов для головокружения от успехов у нас нет, тем более что портфель конструктивных коммерческих идей абсолютно пуст. Надо было срочно возвращаться домой.

На следующее утро случайным чартерным рейсом я отбыл в Москву.

До свидания, Нью-Йорк! Увидимся ли еще?

Встречавший в московском аэропорту Соломон обрушил на меня тону дежнейших чувств, что сразу насторожило, и точно — после влитых восторгов типа “милый друг, наконец-то мы вместе”, мне преподнесли малоприятный сюрприз: во время моего отсутствия осторожный и идумчивый Соломоша попал впросак, ухнув пятьдесят тысяч долларов в безвозвратное никуда. Подвигла же его на совершение данного действия наша старая знакомая Фира Моисеевна, посещавшая офис компании едва ли не каждодневно с инициативными коммерческими предложениями.

Пожилая усатая дама, обремененная семейством, состоящим из сына, работающего официантом в забегаловке, и пяти внуков, являвшихся результатом его четырех расторгнутых браков, проживала в однокомнатной квартире старого московского дома, и случайное посещение данного жилища, помнится, произвело на меня неизгладимое впечатление.

Беды сыпались на Фирю Моисеевну густо и регулярно. Сгорела предназначенная к продаже дача, в неизвестном зарубежье скрывалась две невестки, бросив на чужую бабку плоды своего материнства, физически пострадал сын при выполнении служебных обязанностей...

Тактичный Соломоша, с унынием выслушивающий очередные прожекты деловой женщины, гнать ее за порог все-таки не хотел, говори мне, что относится к общению с подобными типажками, как к игре на рулетке — мол, рано или поздно выпадет цифра, сулящая куш. Я в свою очередь уверял его, что единственный способ выиграть в рулетку — не играть в нее. Соломон же упрямо твердил о заветной цифре.

И вот цифра выпала. И название цифре было “зеро”.

Матерый делец Соломоша угодил-таки в мышеловку!

На сей раз Фира Моисеевна, внезапно заявившаяся в наш офис в меховом манти и с бриллиантами в ушах, заявила, что вступила во владение престижным трехэтажным особняком, в котором намеревается разместить ресторан (третий этаж); казино (второй) и дискотеку (первый).

Затем, потупив взор и слегка зардевшись, поведала и об обширном подвале, предназначенном ее замыслом исполнить роль пикантного салона с молоденькими прелестницами...

Соломоше предъявились документы с лиловыми печатями городских инстанций, разного рода гарантийные письма, и, вероятно, зачарованно представляя, как, отужинав в ресторане, он, одетый в белый костюм, спускается в казино, где выигрывает сотню-другую, а после, порастресся в клубничном тумане дискотеки поглощенные напитки и яства, следует в подвальчик, мой партнер вполне благосклонно отнесся к паевой сумме, определенной в сто тысяч баксов и к предложению о долевом участии в эксплуатации недвижимости.

Далее последовали смотрины особняка, в котором до сего момента располагались какие-то дремучие сантехнические мастерские.

К удивлению Соломоши, на первом этаже уже кипели ремонтно-восстановительные работы: шпаклевались стены, устилался гранит и мрамор, елозили по потолку валики маляров...

— В сто тысяч уложимся! — уверенно комментировала Фира Моисеевна. — Я — в свои, вы — в свои... Но если не хотите — пожалуйста!

Партнеров я найду без труда! Такой дворец и за такие деньги?! Я бы свистнула, да примета плохая... И здесь бы стояла очередь! С чемоданами валюты! Но я просто ценю вас как старого знакомого, Соломон! И как приличного человека! Так что у вас есть на размышление один академический час! Это не ртуть, это реально...

И Соломон дрогнул.

Однако спустя несколько дней, не сумев дозвониться Фире, ведемый неясным чувством совершенной оплошности, он еще раз навестил особняк, и тут взору его предстала удивительная картина: знакомое здание, возле которого он припарковал машину, содрогалось, будто находилось в зоне неблагоприятной сейсмической активности. При этом во всей округе стояла какая-то мистическая канализационная вошь. А вокруг искомого особняка, заставленного машинами дорогих европейских и американских марок, сутились прилично, даже со вкусом одетые люди с портфелями и телефонами сотовой связи.

Истина проявилась в течение последующих десяти минут.

К особняку примыкал комплекс районной канализационной системы, два раза в сутки запускавшей в действие мощнейшие насосы, чьи рабочие характеристики оказывали серьезное влияние как на особняк, так и на атмосферную атрибутику. В паузы между пусками насосов Фира Моисеевна водила сюда экскурсии из своих знакомых бизнесменов, каждому предлагая вступить с ней в долю. Ныне бизнесмены блохами прыгали вокруг строения, солидаризируясь в намерениях неперменного розыска подлой старухи, сумевшей, оказывается, продать свою квартиру и смыться с домочадцами.

– Хорошо, что мы с тобой еще попали на пятьдесят тысяч! – горячо восклицал Соломоша. – Карга непременно требовала все сто! Я сослался на временное отсутствие средств...

– В этом твоя большая заслуга, приятель, – сказал я. – Только при чем тут местоимение “мы”? Ты же замечательно владеешь русским...

– Но...

– Ты советовался со мной? Я давал согласие? Или ты экономил наши общие средства на дорогостоящий звонок в Нью-Йорк?

– Но мы же компаньоны! – выпучил светящиеся негодованием глаза Соломон. – И наша сила в готовности к попаданию, ты сам говорил...

– Соломон, – сказал я, поморщившись. – Здесь не сцена, аплодисментов не предвидится, а посему, будь добр, сделай одолжение...

– Какое?

– Поставь меня на свое место, а себя на мое. И представь, каким бы в таком случае получился разговор. Только объективно представь... Ага? – Я пожал его мертвую руку. – Пока. Очень хочу спать. Перелет меня доконал. Что касается тебя – умолчу.

Тут я не без некоторого даже удовлетворения вспомнил, что доля партнера за операцию с “ликольнами” находится на моем личном счету, и до нее ему не добраться.

Спустя полторы недели мы трое: Соломон, Тофик и я, прибыли в питерский порт за доставленными туда автомобилями.

В зале толкалась целая рота водил и охранников, составлявших, как я сразу уяснил, боевую когорту кавказской группировки – казачика лимузинов.

Необыкновенно любезный таможенник, в чьей ладони буквально растаяла стодолларовая купюра, заверил нас, что все документы в порядке; лебезя, раскланялся с Тофиком, выстулавшим в роли получателя, затем осведомился, кто такой я, и, услышав, что, дескать, отправитель, заулыбался еще лучезарнее, предлагая нам поставить подписи на паспорте прибывшего груза и незамедлительно осмотреть его комплектность и целостность.

Далее нас пригласили пройти в недра каких-то служебных помещений через обнесенный сеткой дворик с кофейного цвета лужами, замыгавными дворнягами, сидевшей на табурете у обшарпанной, задертой метлой двери и сонно взиравшей на мир сторожихой-бабулей, одетой в черную, с зелеными петлицами шинель и в валенки с талопами.

Эта идиллическая картина на общем фоне солнечного мартовского дня сменилась последовавшими за ней кадрами некоего детективного кино, чей сюжет стремительно развился за той самой облезлой дверью: мы очутились в помещении, напоминавшем некий склад, где стояли два "линкольна" с распахнутыми, лишенными обшивок дверьми; в одной из машин храпел, откинув загривок на подголовник, грузный тип с короткой стрижкой, из наплечной кобуры которого вылезала рукоять пистолета; щелкала фотовспышка, на передвижных столиках громоздилась неизвестного, но наверняка специального назначения аппаратура, толпились лица в милицейской, таможенной и военной униформах, и до меня сразу же дошло: западня!

Попали!

Далее нам с Тофиком объяснили, что российскими компетентными органами задержана находящаяся в бензобаках двух машин контрабанда в виде двадцати килограммов качественного кокаина, которая будет предъявлена нам для ознакомления в присутствии повятых.

Я поискал взглядом испарившегося в никуда приторного таможенника, содравшего с нас взятку. Особой неприязни к нему я не испытывал. Парень, в конце концов, обслужил нас вне очереди. А сто долларов не являлись причиной, способной противоречить его основному бизнесу — то есть быть блюстителем закона.

От своей причастности к перевозке наркотиков мы с Тофиком категорически отреклись, легко выдержав поверхностное дознание на месте изъятия криминального груза.

Затем нас развели по отдельным кабинетам портовой таможни, где начался активный допрос.

— Вы отправляли машины? — напирал на меня следователь.

— Да.

— При каких обстоятельствах в них могла быть заложена контрабанда?

— Ну, на станции, например, при инспекции...

— На какой станции?

— Не знаю, машины собирал и проверял дилер, я ни при чем...

— Имя дилера!

— Алик Рабинович.

— Молодой человек, здесь не вечер сатиры и юмора...

— Он так представился. Но если вам не нравится это имя, я знаю много других...

- Адрес! Телефон!
- Дилера?
- Ну ваш-то известен...
- Надо поискать, возможно, я выбросил... Впрочем... — Я дал ему телефон питейного заведения со стриптизом под названием "Titty twister", что в вольном переводе означало "Веселые сиськи".
- Это — домашний? — спросил следователь деловито.
- По крайней мере его подзывали практически круглосуточно...
- Так. Значит, вы хотите сказать, что машины вам поставлял совершенно неизвестный человек? Ранее с вами незнакомый?
- Совершенно в "десятку". А какая мне разница, кто пригонит машины? Пригнал, я заплатил и — гуд бай! Кстати, может, в те "ливкольные" еще до него кто-то дурное заложил... А потом спалился, положим, на ином жизненном вопросе, оставив наследство... Вы же американское кино смотрите, там такое сплошь и рядом... А вдруг кто-то из морячков чего учудил? Машины шли в трюме, доступ к ним был свободным...
- Судимы?
- По упраздненным для наказания ситуациям.
- Но эта не упразднена, не надейтесь!
- Правильно говорите! Согласен. Наркотики — зло.

Промурывив меня расспросами, следователь протянул мне на подпись подписку о невыезде и выпустил на свободу — то бишь в за ожидания морского порта, где томился взволнованный Соломоша, сообщивший, что тоже подвергся допросу, что он в шоке, и, спрашивается, как все случившееся воспринимать?

— Где Тофик? — задал я немаловажный вопрос.

Из дальнейших Соломоновых откровений выяснилось, что нашего азербайджанского друга увезли в каталажку, бригада водил испарилась в предчувствии неприятностей, замечательно у них развитом; а мы же подвисли в Питере на неопределенный срок, и все, что теперь остается — ехать в гостиницу и заливать горю крепкими алкогольными напитками.

СЕРГЕЙ ОДИНЦОВ

Вернувшись из командировки в Санкт-Петербург, Одинцов сразу же с вокзала поехал на Лубянку, начальство ожидало его доклад.

Сигнал о контрабанде кокаина, поступивший из СВР, реализовался, хотя результатом операции полковник был неудовлетворен. Он предлагал проследить путь наркотика к его заказчикам, взять преступников с поличным, но руководство привело иные доводы: за заказчиками, как следовало из оперативной информации, стояли мощные опекуны, противостояние которым не виделось целесообразным; кроме того, машины могли уйти от наблюдения, заехав на территорию какого-нибудь военного объекта, а арест подставного механика, кому поручат снять баки, вряд ли бы принес что-либо толкового.

Решили начать тщательную разработку наркодельцов агентурно-оперативными методами, связавшись с МВД, а кокаин попросту конфисковать в качестве бесхозной контрабанды, проведя формальное следствие.

Войдя в свой кабинет на Лубянке, Одинцов сразу же погрузился в сутерму текущих дел. Из командировки он должен был приехать еще вчера, назначив встречу в гостинице с одним из своих агентов — международным аферистом, прилетевшим с какой-то важной информацией из Австрии, где проживал постоянно.

Агент напрасно дожидался его вчера весь вечер в холле гостиницы, и теперь предстояло извиниться перед ценным и уважаемым сексотом за вынужденное опоздание.

Доволившись до гостиничного коммутатора, полковник попросил телефонистку:

— Соедините с номером триста пять, что-то там со связью, все время занято...

— Минуту...

В следующее мгновение в трубке зазвучал мужской голос:

— Слушаю...

— Мне нужен господин Альтштейн, — произнес Одинцов.

— А кто его спрашивает?

— Сергей Петрович Иванов.

— Так... А вы не могли бы приехать сюда, Сергей Петрович?

— А... с кем имею честь?

Собеседник на миг замешкался.

— Я... — произнес с неохотой, — следователь прокуратуры. У вашего товарища некоторые проблемы...

Одинцов отключил связь.

Через полчаса по оперативным каналам он узнал новости: дожидавшийся его в фойе, расположенном на втором этаже, агент сидел, почитывая газетку, в уютном кресле, и тут проходивший мимо него молодой человек внезапно вытащил пистолет, нацелив оружие агенту в голову. Пистолет дал осечку, но молодой человек хладнокровно извлек свободной рукой запасной ствол и произвел два выстрела в лоб жертве, после чего спокойно направился по лестнице к выходу.

Бежавшей навстречу ему милиции он рекомендовал поспешить — дескать, у вас там стреляют, ребята...

Полковнику срочно пришлось отзванивать в прокуратуру доверенному человеку, ибо записная книжка покойного подлежала незамедлительной конфискации из материалов возбужденного уголовного дела и дальнейшему перемещению в его, Одинцова, сейф.

Получив гарантии от прокурорского деятеля, полковник направился к генералу с докладом.

Выслушав его, тот произнес:

— Ладно, действуй по плану, но учти: на тебе еще операция прикрытия. Компания у этих контрабандистов суровая, наверняка не успокоится, пока не найдут причину провала, а, значит, под удар подставлен агент СВР. А если его хлопнут, нам это разведчики не простят.

— А кто он? Вам-то хотя бы известно?

— Глупый вопрос, полковник. Даже не ожидал... Задача стоит такая: никто на территории США не должен пострадать, вот и все. Ты хочешь знать, какой я вижу операцию прикрытия? А вот такой: этот парень, как его... Ну, который у американца подвизается...

— Володин.

— Да, он. По имеющимся материалам был в том нью-йоркском гараже, где стояли машины со снятыми баками. Факт, заинтересованным

лицам известный. Так вот. Как только после проработки таможенными офицерами выйдут наши оппоненты на следствие, а они на него выйдут, надо на Володина этого дать намек... Ты со следователем переговоров, он толковый мальчик... Деньги будут давать, пусть возьмет.

— Убьют же парня!

— Володина? А он что, очень нам нужен? Или мы благотворительная организация? Нет, Сережа, этот... валютчик бывший, мразь. Кстати, американец, его шеф, с нами сотрудничал одно время. Он вообще-то нулевой тип, на фарцу в основном давал информацию и на внешнеторговских чиновников. Ну, мы ему содействовали, естественно... А, вот что! Этого Володина с его подачи за валютную махинацию когда-то и законопатили. Подними все данные, может, стоит реанимировать отношения... Послезавтра доложишь.

— Так что же, этот Володин, выходит...

— Выходит, чертовски смахивает на ангела! — раздраженно произнес генерал. — Невинная жертва, выходит... Ты о чем? Приказ разучился понимать? Свободен!

Провожая долгим взором спину удалявшегося к двери полковника, генерал вспоминал вчерашний свой разговор с Хозяином.

— Твои люди — сволочи! — орал Хозяин, с размаху шмякая на стол перед собой какие-то документы. — Ты говорил, что с газопроводом все замято?! А вот мои люди... — Он подчеркнул это "мои", сверляще вонзившиеся генералу в мозг. — Они перехватили материал в газете, и действительно грамотно сработали! Грамотно, — повторил, хлебнув из стакана минеральной водички. — Во-первых, выявили источник: твой начальник отдела, Одинцов некий... Он под меня копал, так?

Генералу ничего не оставалось, как сокрушенно кивнуть.

— Во-от. Так решил, понимаешь, нагадить в вентилятор! Писма этот в командировку отправился, в солнечный Таджикистан, понял? А куда твой трепач отправится, а? Ну, слушаю предложения.

— Я... проведу беседу...

— Уже проводил! Хватит! Свободен! Сам разберусь!

— Но я...

Хозяин погрозил пальцем.

— В следующий раз!... Ну, ты понял.

Генерал покорно качнул головой.

— В следующий раз... Это — хорошо, это — надежда, его покуда не списывают, его прощают, а, вернее, он все-таки еще нужен...

А Одинцов? Сам виноват. К тому же был жестко предупрежден, чего людям неймется?

Жалко, конечно, парня. Но это так, личное".

АЛИХАН

На сей раз это было задание, входящее в исполнение обязанностей по службе.

Устранению подлежал объект, чем-то, видимо, насоливший Хозяину. На предварительной беседе Алихану сказали, что объект — боевой офицер ФСБ, занимающий должность в среднем звене организации, а посему акцию надлежит провести ювелирно — то есть клиент может упасть с лестницы, сломав себе шею, отравиться ве-

качественной водкой, застрелить себя при неосторожном обращении с табельным оружием, или, как заметил начальник отдела ликвидации, — пусть, мол, его скорбный путь по земле, путь человека, ищущего правду и справедливость, пересечется с путем грузового автомобиля "ЗИЛ-130".

Предлагаемая работа требовала известной изобретательности и осторожности, но многоопытного Алихана это не смущало, однако когда он открыл папочку с установочными данными будущей жертвы, то с трудом переборол досаду и раздражение.

Убрать надлежало Сережу Одинцова, с кем он полгода воевал в Афганистане, кто оказал участие в вызволении его из одиночки кабульской тюрьмы и кто помог с получением московской квартиры.

Это был прокол спецслужбы, прокол, вызванный этапом ее становления, недостатком базы данных, поверхностной проработкой прошлых связей сотрудников.

При всей срочности поступившего заказа куратором учитывались факторы особой тщательности реализации акции, а потому исполнителю, Алихану, для подготовки отводилось десять дней. Еще три-четыре дня отсрочки он мог выхлопотать дополнительно.

Сидя на кухне с чашкой крепко заваренного зеленого чая, Алихан утрумо раздумывал над сложившейся ситуацией.

Ясно, что отказаться от выполнения приказа было нелепостью и влекло за собой негативные выводы руководства. Но! Что для него значит все это руководство? Вот кого бы он перестрелял, и не задумываясь! Здесь же речь шла о боевом товарище, отмеченном к тому же такими чертами характера, как честность и бескорыстие.

"Всю жизнь я изворачивался под пулями, убивал, ходил по лезвию над пропастью, служа тем сытым и высокомерным тварям, кто воспринимал меня как свой послушный инструмент, расходный материал... — думал Алихан. — Задача проста: надо выйти на Одинцова. Осторожно и чисто, не попав в поле зрения тех, кто, вероятно, держит меня на втором, страхующем прицеле".

Они встретились в вестибюле станции метро "Полянка", и Алихан, глядя на приятеля, которого не видел уже год, мгновенно отметил, что тот здорово сдал: в лице появилась нездоровая одутловатость, прибавилось седины, повыцвели глаза, безучастно и тоскливо взирающие на свующую в зале толпу...

— Ты извини, — начал Алихан, — что пришлось конспирацию с нашим свиданием разводить, но таковы обстоятельства.

— У тебя неприятности?

— Да. Связанные с тобой. Но мои — второго плана, а твои — первого. Значит, Серега, такое вот дело...

Одинцов выслушивал его бесстрастно, хотя и морщился порой в каком-то тигрином раздумье. В итоге спросил:

— Твои соображения, представитель заказчика?

— Закинь начальству рапорт об отставке по выслуге и срочно — на дню. Думаю, годик-другой перекантуешься, а там, глядишь, все уладится. А может, и раньше... Твою ситуацию каждый день по телевизору отслеживать можно. Идет Хозяин наверх, значит, вжимайся в дню. А скovyрнут его оппоненты, можно и перья расправить...

— Крылья, Алихан. Перья чистят, вроде как...

– Ну, и то, и другое, ты понял.

– Я понял грустную вещь, – сказал Одинцов. – Понял, что идти за поддержкой – значит идти в пасть дракона.

– Соратников имеешь в виду? Или генерала своего?

– Его, многомудрого.

– Но у тебя с ним, вроде, хорошие отношения?

– Что значит – “хорошие”? – вздохнул Одинцов. – Покуда и жив вот и все отношения.

– Странно, я думал, он мужик порядочный...

– Ага, всех по порядку!

– Неделю тебе еще гарантирую. – Алихан помедлил. – Теперь так. Нужен мотив твоего исчезновения. Мотив меня бы устроил любой: послезавтра подошлю к тебе уголовничков через своего человека. Грабителей. Все всерьез будет, так что готовься. Учти тебя, думаю, не надо, что наиболее опасные бытовые ситуации – вход, подъезд и выход из него. Полагаю, нападут на тебя на площадке перед лифтом. Стрелять они не станут, им шум ни к чему, так что все тактические преимущества – твои...

– Это ясно. Но где здесь мотив? И зачем такая крутая схема?

– Этих персонажей мне надо убрать со сцены, – ответил Алихан. – Не откажешь в ответной любезности? Тогда соединим малоприятное с полезным. Ты их уложишь, пожертвуешь каким-нибудь подложным пистолетиком, чтобы оборона была адекватна нападению, и так далее... А дальше – рапорт и в кусты. Оброни, кому надо, что грабителей ты угрохал, а наверняка подосланных убийц! Вот и мотив: издерганные нервы, мания преследования...

– У меня-то?

– А почему нет? У каждого есть свои тараканы... – Алихан покрутил в воздухе кистью руки.

– В смысле?

– Ну, в башке...

– Возможно, ты прав.

Алихан рассмеялся, показав жемчужные, не испорченные табком зубы.

– Ну, бывай! Отлежаться-то есть где?

– Найду.

Оставшись один, Сергей задумчиво стоял в центре зала и смотрел, как пожилая уборщица в оранжевой синтетической безрукавке старательно выжимает в ведро грязную мешковину, снятую со швабры – серую, ветхую ткань.

И отчего-то представилась Одинцову его нынешняя жизнь, с выхолощенным, напрочь утраченным смыслом, сродни этой половой тряпке, пропустившей через себя пуды метрополитеновской грязи.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

В Питере я проторчал неделю, каждодневно навещая следственные органы государственной безопасности, интересовавшиеся вопросами, на удивление далекими от существа возбужденного уголовного дела, а именно: в чем состоит мой сегодняшний бизнес, какое у меня мнение об американском партнере Соломоне, с кем из

представителей русскоязычной эмиграции общаюсь, что представляют собой род их занятий и образ жизни, звонил ли мне кто-нибудь в гостиницу из Москвы или из Америки? Да, и такой вопрос звучал из уст следователя – молодого интеллигентного человека со скучным лицом и голосом, в котором преобладали небрежные интонации, неприятно воздействующие на сознание.

То ли гобешники считали меня за дурака, то ли сознательно перенгивали, так или иначе, я уяснил, что интерес к моей персоне у них угасает, и вскоре меня отпустят с миром.

Вероятно, им удалось выйти на живой и горячий след, а оттого процедура моих допросов становилась все более формальной и даже задуманной.

Тофика, по словам следователя, освободили, он уехал в Москву, и данный факт царапнул мое сознание, ибо кавказский друг, зная, что я торчу в гостинице, даже не удосужился на телефонный звонок мне, попавшему благодаря его вольным или невольным аферам, в глубокую и вонючую лужу. С другой стороны, такая его позиция поселяла неосознанную тревогу и подозрения.

Мне отзвонил Соломон, сказав, что наклюнулось какое-то дельце, и он отбывает на неделю в Тамбов, но вот закавыка: ему нужны наличные, и не мог бы я попросить своих друзей одолжить ему сумму в размере причитающейся доли за “линкольны”?

Просьба показалась мне странной, и я ответил отказом.

Впрочем, вся эта странность разъяснилась сразу же по моему прибытию в родной город, куда наконец меня отпустили питерские гобешники: незамедлительно отправившись с вокзала в офис, я обнаружил там по-хозяйски расположившихся незнакомцев, активно пользующих нашу оргтехнику, кухонную посуду и мебель.

Секретарша Мария, покорно прислуживающая наглым пришельцам, воззрилась на меня, как на воскресшего мертвеца.

Из ее объяснений, происходивших на фоне щелкающего факса, попискивающих компьютеров и трезвонивших телефонов, следовало, что Соломоша, заявив ей, будто меня посадили на пятнадцать лет, спешно сдал офис в аренду какой-то фирме, содрал с нее плату за два года вперед, впарил до кучи вселенцам наше имущество и – отбыл в Соединенные Штаты. По мнению Маши, сохранившей за собой прежнюю должность, – навсегда!

Я вернулся домой и сразу услышал знакомый гул токарного станка: папаян занимался трудами праведными.

Выйдя на пенсию, он установил на лоджии двойные рамы, соорудил стены из пенопластовых блоков, обшив их лакированной вагонкой, затем вывел в образовавшуюся комнатку дополнительную батарею и устроил себе теплую комфортабельную мастерскую с точилом, миниатюрными токарным и фрезерным станками, инструментальным стеллажом и кучей разнообразных слесарных приспособлений.

Звоня отцу из Питера, я умалчивал о постигших меня неприятностях, но теперь настала пора поделиться ими, выслушав совет искушенного в превратностях судьбы человека.

– Дурак ты! – вздохнул папа, дослушав мою печальную историю. – Я бы сразу паленое учуял. И мне почему не позвонил? Пришли бы еще с обыском...

– И чего?

— Володька на рыбалку собрался, просил меня кое-что достать. "Кое-что" являло собой двухсотграммовые тротилловые шашки с детонаторами и бикфордовым шнуром, лежавшие в гардеробе. Мой двоюродный братец Вова был заядлым рыбаком и часто пользовался взрывчаткой.

Некоторое время мы с папой препирались на тему, чья дурость его или моя — приведет нас на каторгу, а в итоге вялой пикировка закончившейся ничью, родитель молвил:

— Ты сейчас не ментов бойся, сынок, а разбойников.

— Так, — сказал я. — Это здраво. Но все-таки поясни.

— А чего пояснять? — пожал плечами папа, разгладив седые волосы на испещренной шрамами голове. — Если будут искать стукача да не найдут, начнутся поиски номер два: козла отпущения. А ты кто таков, чтоб тебя не напрячь? Что, не знаешь, как оно конструируется?

— И выводы?

— Пересидеть нам с тобой где-то надо, — сказал папа. — Консервируем хату, садимся в "мерседес" и — привет. Финансовый кислород в баллонах под давлением, перекантуемся. У Володьки, например. Его рыцарский замок, надеюсь, не засветил?

— Как можно, папа...

Брат Вова помимо квартиры владел домом в Люберцах, стоявшим над огромным подмосковным карьером, в живописном местечке, имевшем просто-таки швейцарский ландшафт благодаря голубой воде, белому песочку, островам с валунами и хвойным лесом, окружавшим этот дивный уголок чудом уцелевшей природы.

— Тогда обедай и иди в гараж, — вынес отец резюме. — Оружие бы тебе...

— Не драматизируй, — отмахнулся я. — Есть еще время, мать после шухера не устоялась, а потому, если в стратегии ты прав, то в тактике мы порем горячку.

— Ты можешь пойти мне навстречу?

— Могу.

— Тогда иди. В гараж. И пистолет возьми. Патроны от мелкашка — в сортире, в шкафу.

— Еще один криминал, — уныло вздохнул я, разогревая в микроволновке тарелку с борщом.

Папа конструировал подводные пистолеты, гарпун из которых вылетал благодаря пороховым газам из мелкокалиберных гильз, замазанных в целях гидроизоляции пластилином. Помимо холостых патронов, в пистолет могли заряжаться и боевые: длинный тридцатисантиметровый ствол хотя и был лишен нарезки, выплевывал свинец довольно-таки мощно и кучно.

Я зарядил полную обойму, сунул громоздкое оружие под дубленку и побрел, опасливо озираясь, в сторону гаражей.

В этот утренний час буднего дня стоянка была пуста, и в моем закутке буксовал, застряв в снегу, какой-то неизвестный "олдсмобиль" с затемненными стеклами, подталкиваемый сзади двумя раскрасневшимися от усилий лицами кавказской, как принято называть, национальности.

— Друг, помоги!

Прижимая рукой выскальзывающее из-под дубленки оружие, я направился в сторону багажника, запершего выезд автомобиля, но

тут открылась его задняя дверца, и, прежде чем успел оказать должное сопротивление, я оказался в тисках втаскивающих меня в салон рук, а после запытая мои больно сдавили узенькие наручники, на рот легла липкая лента, и "олдсмобиль" уверенно, без пробуксовки, тронулся с места.

Человек, сидевший рядом с шофером, не торопясь обернулся в мою сторону.

Это был Тофик. И взгляд его — брезгливо-ледяной, ненавидящий, не предвещал ничего хорошего.

ОДИНЦОВ

Ранним утром, сдав адъютанту генерала рапорт с просьбой о своем увольнении по выслуге лет и "собачий" номерной жетон на цепочке, Одинцов сел в свою старую, полусгнившую "Волгу" и, с трудом включив передачу, покотился домой.

Входя в подъезд, он невольно подобрался, готовый к любой неожиданности. Под ушанкой, защищая темя, был пристроен резиновый пупсик-амортизатор, пуленепробиваемый жилет не стеснял движений, а бесшумная "стрелка" в рукаве пальто была готова к действию.

Надеялся Одинцов, впрочем, не на пупсик и не на жилет, легко прошиваемый выстрелом из того же "ТТ", а на испытанное спецоружие, которым неплохо владел.

Лифт потянулся вверх.

Затем створки раскрылись, и Одинцов шагнул на лестничную площадку.

"Вот оно..."

Из двери, ведущей на лестничный марш, выскочил здоровенный бутай, одетый в просторную, не стесняющую движений куртку.

Одной рукой он поправил напяленную на голову маску с прорезями для глаз, а другой заносил для удара толстый арматурный штырь.

Два раза еле слышно хлопнула "стрелка".

Штырь скользнул по ушанке, не причинив Одинцову никакого вреда, но массивное тело уже мертвого противника, обладавшее значительной инерцией, сбilo его на пол.

Он не успел выпростаться из-под навалившейся на него туши, как тут на лестнице появился второй мерзавец — стройный, высокий парень со стремительными, выверенными движениями. В руке у парня была милицейская дубинка, готовая с коротким косым замком влететь полковнику в лицо.

Вновь сработала "стрелка".

Из-под подбородка у парня брызнула разорвавшимся волдырем вязкая тяжелая кровь, и он, захрипев, потерянно шагнул назад, схватился, уронив дубинку, за горло и вдруг, будто в мгновение одеревенев, навзничь повалился на выщербленный бетонный пол.

Одинцов поднялся на ноги. Достал из кармана "Макаров". Затем, приседая и качая корпусом из стороны в сторону, заглянул на лестничный марш, обнаружив на нем две пустые спортивные сумки грабителей, видимо, предназначенные для добычи.

Справляясь с невольной дрожью, натянул нитяные перчатки, обер пистолет носовым платком и, склонившись над трупом первого нападавшего, быстренько запечатлел на оружии отпечатки пальцев его обеих рук, не забыв про обойму и ствол.

Собрал сумки, закинув в одну из них дубинку; убедившись, что лифт стоит на этаже, пальнул из "Макарова" в его кабину.

Вложив пистолет в руку убитого грабителя, открыл дверь тамбура, не без удовлетворения отмечая, что выстрел не побеспокоил соседей по этажу, и обернулся на лужицу крови, растекающуюся на бетоне.

Войдя в квартиру, Одинцов сунул сумки в шкаф, а после, отзвонив в милицию, уселся пить кофе, не удосужась снять с себя жилет.

Жилет, впрочем, сегодня еще мог сослужить ему, не дай Бог, полезную службу.

Милицейских прибыло четверо: два сержанта с автоматами, дознаватель и опер в штатском.

Следом в квартиру ввалились эксперты, следователь прокуратуры и любопытствующие санитары с трупоперевозки.

Одинцов, предъявив служебное удостоверение, выложил на стол "стрелку", с большим профессиональным любопытством исследованную милицией, и дал показания: так, мол, и так, было нападение, адекватно отраженное; мотив нападения, вероятно, связан с его секретной служебной деятельностью.

Трупы увезли, но полковнику пришлось проследовать в отделение для дачи показаний под официальный протокол.

В кабинете, куда его ввели, сидел какой-то потасканный, с воспаленным лицом капитан, жадно хлебавший пиво из горлышка бутылки.

Капитана, как забредшую в магазин дворнягу, с позором из кабинета изгнали, после чего потянулся муторный процесс дознания.

Отвечая на вопросы, Одинцов то и дело хватался за телефон — сегодня ему предстояла серьезная операция, подготовиться к которой мешали эти чертовы уголовнички, и единственное, на что оставалось уповать — на парней из РУОП, данную операцию обеспечивающих.

Впрочем, он, Одинцов, еще успевал...

— Ребята, — обратился, прижав руку к груди, к милицейским чинам.

— Дело ясное, чего морочиться? Времени нет, у меня сегодня запар...

— Ничего себе, — присвистнул один из прокурорских. — Запар!

Два трупа, а он как ни в чем не бывало...

— Возможно, сегодня еще парочка приплюсуется, — смиренно доложил Одинцов. — День только в начале.

В дискуссию вступил милицейский чин:

— Товарищ, мы все понимаем, но мы же тоже не можем...

— Ладно, полковник, гуляй, — произнес другой прокурорский. — Выполняй план, не отвлекайся.

Через пятнадцать минут Одинцов принимал из рук старшего группы РУОП пистолет-пулемет "Клин" легкого класса, засовывая его за воюющую дворницкую доху, выданную в качестве спецодежды. В тесном помещении толпились рослые, уверенные в себе бойцы...

Скрипя галошами на съезженном оттепелями и ночным морозом насте, Одинцов, с ланчей потягиваясь, направился к шлагбауму, у которого замер обтекаемый полуспортивный "олдсмобиль".

Он, в данную минуту сторож гаражного кооператива, постучал пальцем в затемненное оконце, наклонился, спросив заискивающе уязвобно зыркнувшего на него водителя:

— А из какого гаражника будете?

Стекло мягко съехало вниз.

— Ты чего, друг, вам же бабки дали, мы тут на эстакаду заезжали...

Короткий ствол "Клива" уперся водителю в висок.

— РУОШ — грозно произнес Одинцов, боковым зрением отмечая, как возникшие словно бы из ниоткуда бойцы в камуфляже бьют боковые стекла машины, вытягивая из ее оконных проемов опешивших бандитов. — Ну, руки, мразы! На выход!

Бедолага Володин был спасен.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

"С моим везением мне бы сейчас прямиком в Монте-Карло", — размышлял я, мало что понимая в сути случившегося и глядя, как Тофика и компанию укладывают споровистые ребята разбитыми мордами в снег.

Сторож, стягивающий с себя доху, поглядел на меня оценивающе, затем, усмехнувшись, процедил:

— Вылезти-то сам сможешь?

Я, отчаянно мыча через заклепанные лентой губы, заерзал на сиденье.

Сторож, не очень-то торопясь, оказал мне первую помощь, освободив от наручников неудобно сведенные за спиной руки и сдернув с моих уст моих проклятую липучку с частью суточной щетины, потом провел в вонючую теплую сторожку.

— Ну, привет, — сказал мне, протянув руку, мой освободитель. — Пора знакомиться, Сергей меня зовут, значит...

— А...

— А тебя — Игорь, знаю. — Он взглянул в окно, где виднелась милицейская машина, куда без особых церемоний впахивали кавказских группировщиков. — Вот, значит, друзей твоих сейчас доставят по назначению, вменят им статейку за незаконное ношение оружия, если ты, конечно, не заявишь дополнительно о претензиях... Но ты не заявишь, тем более — понимаешь: сейчас другие проблемы надо решать, так?

Я кивнул.

— Ну а эти орлы через месячишко, которого у тебя, кстати, нет, уже снова на свободе разгуливать будут...

— Если уже не сегодня, — вставил я.

— Абсолютно верно. Поэтому, Игорь, заводи свой "мерседес", они его, кстати, вечером хотели забрать, полагая — справедливо, между прочим, полагая! — что тебе он больше не пригодится. И... поехали, пожалуй. По дороге объяснимся.

Пока машина разогревалась, я укомплектовал багажник необходимыми аксессуарами, понимая, что вряд ли в ближайшее время навещу свой металлический бокс на стоянке. После, уже в качестве вольного водителя, вновь оказался у шлагбаума, где меня дожидался спаситель-незнакомец.

— Ко мне домой? — спросил я.

— Давай к тебе... — безразлично согласился он.

Вскоре мы втроем — папа, Сергей и я — сидели на кухне, пили чай и обсуждали безрадостный текущий момент.

— Значит, по порядку, — говорил Сергей. — На органы вы не молитесь, тут имеет место лично моя инициатива. Продиктованная определенными соображениями, скажем так. Тебя, Игорек, подставила, конечно, а после сегодняшнего эпизода на стоянке могу твердо гарантировать, что ты в ближайшие стукачи определен, а посему — пора сдерживать... Надеться тебе на мою помощь уже нельзя, я с сегодняшнего дня и часа — отставник. Более того, находящийся в бегах.

— Хорошая у нас компашка! — крикнул папаня.

— Теперь вот что еще, — продолжил опальный чекист. — Денег я ни с кого никогда не брал, посему трудные и голодные мне бега предстоят, и вот вопрос: могу ли рассчитывать на материальное вознаграждение? За известный тебе эпизод?

— Да без... — сказал я.

— По-моему, я прав, — продолжил он. — Кстати. Знаешь, какое уведомление после исполнения смертного приговора ближайшим родственникам убиенного отсылают?

— Ну?

— "Убыл по назначению согласно приговора". Вот точно такое же сегодня насчет тебя пришло бы к заинтересованным лицам.

— А где бегать-то собираешься? — спросил гостя папаня.

— Да есть, в общем-то, места...

— А может, в нашем коллективе отсидишься?

— Это где? На вашей даче под Скопным?

Отец рассмеялся, отмахнувшись.

— Дача! Дом деревенский, сдуру купленный! Уже три года там не показывались! У нас поближе норка есть.

— Натуральный замок, — сказал я. — Едем? А, всезнайка?

— Едем! — последовал ответ с ноткой беспешачности. — Только домой загляну, соберу рюкзачок. Завтра ко мне уже арендаторы вселяются. Дай ключи от машины, кстати. Проверяться придется. И вообще мне сегодня на "мерседесе" очень даже полезно будет прокатиться, дорогие товарищи. По несчастью.

— На рынок еще заглянуть требуется, — заметил папаня, одеваясь. — У Вовки в холодильнике если и есть что, так это — четыре килограмма чистого холода, не поврежденного запахом пищи.

— Да и сухенького бы я сегодня выпил, — добавил я.

— А я бы лучше чего-нибудь мокренького, — отозвался чекист, взирая задумчиво в глубины своего рваного, но явно не от избытка денег, бумажника.

— Не беспокойтесь, — сказал я ему, — мы угощаем. А с иными меркантильными вопросами разберемся завтра. В банке. Кстати, назовите сумму.

— Человеческая жизнь бесценна, — заметил чекист.

— Значит, я разорен?

— Не переживай, разберемся.

Забив машину жратвой и выпивкой, уже под вечер мы прибыли в студеную тишину подмосковных Люберец, остановив "мерседес" у высокого забора, обгораживающего земельладение брата Вовы.

Я нажал на кнопку звонка, прислушиваясь не без опаски, не раздается ли за забором учащенное собачье дыхание – участок охранял кохматый и здоровенный, как медведь, кавказец, который пуце сосисок и говядины предпочитал отведать человеческого мяса, проявляя в этом своем стремлении такое хитроумие и изобретательность, что Вова, горюя, как-то заметил, что вполне мог бы податься в товароведа, ибо, заимев пса, узнал все оптовые и розничные цены на плащи, куртки, дубленки и прочую верхнюю и нижнюю одежду, предназначенную для обоих полов.

– Кого принесло? – донесся голос грубого Вовы, и глухая калитка, предусмотрительно придерживаемая моими усилиями, растворилась на необходимую для общения щель, в которую я сообщил братцу о прибытии его дальних, однако, надеюсь, любимых родственников. Хотя в первую очередь я справился о местонахождении лютого пса.

– В клетке сидит, – успокоил меня Вова. – Вчера, сволочь, последнюю цепь порвал.

Я загнал “мерседес” во двор, и мы принялись разгружать багажник, почтительно глядя на лохматого людоеда, грызшего, истекая пузырящейся на клыках слюной, мешавшую ему добраться до нас сетку вольера.

Я тщательно запер внутренний засов двери, ведущей в дом. При всем своем сегодняшнем везении в неприятных приключениях, в дополнительных испытаниях судьбы я не нуждался.

– Ну, молодцы, ну потрафили! – выговаривал тем временем Вова, взвешивая на широкой ладони тяжелый пакет с розовой шашлычной мякотью. – Ща заделаем деликатес! Прямо в камине!

Мы спустились в подвал, также облицованный камнем, где располагались бар со стойкой, кожаные кресла и камин, сработанный местными печниками-искусниками.

Вова чиркнул спичкой, осторожно прикрывая огонек согнутой ладонью другой руки, поднес его к сухим ломким ветвям, сложенным в закопченном кирпичном зеве.

Дерево потихоньку занялось, огонь разбегался в ворохе сучьев, сливаясь своими синими и золотистыми язычками, и, наконец, затрещал победно, взвив частую россыпь искр.

Сухим и душистым теплом сгорающей ольхи потянуло по подвалу.

Над столом, отличавшимся обилием закуски, сошлись, звякнув гранеными боками, стаканчики.

После я поведал братцу историю злоключений.

– Просим, короче, политического убежища, – нывел резюме.

– Да по мне хоть всю жизнь тут перебивайтесь, – сказал Владимир, поддевая вилкой сопливый маринованный гриб. – Я сейчас без работы, могу выполнять роль сторожа-кинолога...

– Опять уволили? – вздохнул папая, хорошо знавший характер шалопута-племянничка.

– Да, освободили вот... от обязанностей.

– А ты их исполнял?

– Не надо, дядя, я старался...

– А кишка твоя как? Шипит, небось, ледащая?

Папая, следующий вульгарному определению образа, “кишкой” именовал супругу Володьки – бывшую фотомоделю, длинную и

тощую блондинку, иначе, в великосветском понятии – высокую и изящную. Жена Вовы отличалась правом капризным и непредсказуемым, взбалмошность ее и претенциозность не знали границ, однако пофигист и грубиян братец управлялся с ней запросто, воспринимая женские истерики и колкости на уровне ультразвуковых частот.

– Кишка шипит, это ее работа, – невозмутимо ответил Вова. – Часть супружеского долга. Но здесь она не возникает, боится пса.

В дверь поскреблись.

– О, прибыл мой друг! – сказал Володя. – Входи, располагайся.

В подвал вошел, деловито осматриваясь по сторонам, здоровенный рогатый козел.

Козла, вернее козленка, три года назад Вовке подарил по пьянке его приятель сириец Азиз, убедив, что это – особь женского пола, способная каждодневно давать целебное молоко, легко снимающее похмельные недомогания, и новый постоялец был прописан в вольере со свирепым кавказцем, любовно выпестовавшим псевдокозу, оказавшуюся при дальнейшем разочарованном рассмотрении глухим рогатым самцом.

Козла Вова назвал Николаем Азизовичем, присвоив ему отчество дарителя, отчего приятель сильно на Вову надудся и не разговаривал с ним едва ли не полгода.

Николай Азизович считал дом своей собственностью, вел себя вызывающе, прекрасно понимая обращенные к нему ругательные слова, незамедлительно на них реагировал, принимаясь активно бодаться, а чуть что – прятался за защитника-пса, с кем с недавних пор имел какие-то отвратительные сексуальные отношения, глядя на которые фотомодель плевалась, а циничный Вова, заходясь, ржал.

К изумлению чекиста, козел, осмотревшись в помещении, неторопливо уселся на стул, указав братцу вытянутым копытом на водку.

– Вот, черт! – крикнул папаня.

Козел, укоризненно на него посмотрев, потянулся к протянутому Вовой стакану с водкой и, лихо запрокинув назад рогатую башку, привычно поглотил поднесенный к его спутанной бороде алкоголь.

– Цирк! – заметил Сергей.

Козел снова выразительно поглядел на бутылку.

– Все, корефан, отвали, – сказал Вова, протягивая нашему косматому собутельнику пару сигарет, которые тот в качестве закуски с удовольствием стрескал. Пояснил нам: – Много дашь, с утра изведет... Неси ему опохмел, и все тут!

– Опохмеляется?! – недоверчиво спросил чекист.

– А как же! Пиво, ликерчик... Летом тут пляж, так он как породачный – поплавает, потом обсушится и – пошел по компаниям выпрашивать... Вечером нажрется в умат, копыта подкосится, я его на телегу, пса впрягу, и только так домой доставляем. А с пляжа его калачом не заманишь. Рога выставит – не подойди! Все понимает, зараза! “Сидеть”, “рядом”, “фас”... – Услышав последнее слово, козел обвел нас настороженным взором, в котором угадывалась отчетливая готовность к агрессии.

– Ты это... потише, – опасливо глянув на парнокопытного пьяницу, сказал папаня. – Осторожнее в выражениях.

Козел угрожающе заблеял, упершись в меня стальным взглядом нетрезвых глаз.

— Пшел! — отмахнулся я, случайно задев кистью руки козью морду.

Оскорбленный Николай Азизович внезапно приподнялся на задние ноги, нависнув надо мной. Огромный, косматый чертака, он едва не доставал рогами до потолка.

Я заполошно подскочил со стула, но уйти из зоны атаки не успел, получив такой удар козлиным лобешником и рогами в грудь, что едва не улетел в камин.

Николай Азизович встал надо мною, свирепо блея.

— Место, паскуда! — заорал Володька, пиная козлищу ногой в бок. — Место, говорю!

Меня подняли с пола, козла, приманив стаканом с пивом, удалили из подвала, и трапеза продолжилась.

Папа стал рассказывать нашему гостю о своих военно-морских приключениях.

— Значит, разгромили козвой, бутыхаюсь я в водице один-одинешенек, от холода сознание утрачиваю, и тут прямо передо мной из лучины рубка появляется... Черная, как салом натертая... Очнулся уже на подлодке, весь — нежно-лилового цвета, в мазуте, вокруг вемпы. Вот. Ну да... У них матрос погиб и они решили меня на его место...

— Русского? — удивился Сергей.

— Объясняю, почему. Тогда все сурово было, каждый член экипажа чуть ли не круглосуточно пахал, все расписывалось плотно, до деталей... И если два человека из экипажа гибли, гибла и лодка. Вот так. А Гиммлер еще послабление дал, сказал, что если один русский танкист будет находиться в команде с танкистами немецкими — это, мол, даже отлично, и никакой угрозы тут нет. Главное, второго русского не брать, а то эти парни между собой снохаются. Не, войдут в сговор! — вот как сказал. Да к тому же к концу войны уже такие потери немцы несли, что даже в СС славян брали. У них же целая казачья дивизия имелась. Наших, да, русаков, эсэсовцев. Вот и у меня интересное положеньице создалось. Не хочешь служить — пожалте за борт, это легко. Не хочешь за борт — упирайся. Выбора никакого. А с подводной лодки, как известно, не тиканешь...

— В общем, дед встал на путь предательства, — изрек Вова.

— Тебе, герою, просто судить, — смиренно отозвался папа. — Козел дрессировщик. — И замолчал обиженно.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Сергей.

— Ну вот... Приходим, мы, значит, в город Киль, в порт. И дается вам пять дней на отдых. Это вместо положенных-то двадцати семи! В порту — мандраж, суета, конец войны близок, — апрель сорок пятого на носу; немцы на нервах... Лодку — под железобетонный навес, от английских фугасов защищающий, к ней — шланги с водой, паром, электричеством и — пошли приборки-ремонт. После команда за город уехала с талонами на проститутку в публичный дом для подводников, а меня, сирого в другой дом терпимости — в гестапо.

— Что за талоны? — спросил Сергей.

— Ну, обыкновенные талоны. Как хлебные карточки. Отоварился — привет! Ну, гестапо, значит. Отвечаю на вопросы, не выпендрива-

178

юсь... Как этот вот, — кивнул на племянника. — С таким бы там быстро разобрались... и-да. И, как понимаю, капитан за меня заступился, я обязанности четко выполнял, все на лету схватывал... В общем, в застенки меня не повели, а отправили обратно на борт. А там сюрприз: идем, говорят, в Латинскую Америку. Ну, покрались мы воровски в Атлантику. Именно — воровски, хотя и встречали американские торговые суда, не топили их, на рожон не лезли. Мы в только две забортные штатные торпеды не взяли, но и в отсеки всего шесть штук загрузили вместо положенных двенадцати. Выполняли задание, думаю, по перевозке ящиков, может, и с золотишком. Вы вообще-то представляете, что такое субмарина сороковых годов? Наверное, думаете, мы под водой плыли? Нет, в основном — по поверхности. Ну а когда локатор что-то подозрительное унюхивал — под водой, а выхлоп дизельный наружу шел, через трубу специальную с поплавком, шнорхель называется. Как и дыхательная трубка ныряльщика, кстати. А возле Канарских островов, где передышка предполагалась, все-таки нарвались на эсминцы союзников. И напали они на нас, как оголодавшие петухи на курицу. Пришлось вступить в бой. Выпалили мы все торпеды, двумя — особо ценными, акустическими, на электроходу, "даункениг" они назывались, эсминцы продырявили, но и зря, думаю: озлобили верхних, и начали англичане долбить нас бомбами, как заведенные. Грамотно их клали, два раза точную глубину поставили. Главное, до островов-то уже рукой подать было... Легли на грунт. Нас на банку загнали, они в тех местах редкие, вулканическая зона, пучины немеряные... Ну, легли. Глубина — около пятидесяти метров. Лодка повреждена, "намокла", с перегородок течет; при кормовом дифференте масло из подшипников вылилось, электролитом из ям плеснуло; навигатор и инженер ранены, то есть шансов у субмарины выжить никаких. Духотища... Дырявые отсеки задраили. Кто в них оказался, тому крышка. Хоть ори, хоть волком вой, тебя не раздроят. Закон. И под него я тоже попал. Сижу в кормовом торпедном отсеке, кукую. Жую сухую картошку с апельсинами и чувствую: лежим мы на грунте плотно, аккумуляторы сдыхают помаленьку, а всплыть — стараемся, но не можем. Ко дну присосало. То ли в ил угодили, то ли еще что... Так что и рады бы сдать, но не выходит. Тут бомбежка утихла. Шторм начался. И вот понимаю, что если кто с лодки и вынырнет, то только я со своей черноморской закалочкой... Те, кто у носовых торпедных аппаратов находились, тоже шансы имели, но, как выяснилось впоследствии, если и вынырнули, до суши не добрались. Так вот, прикидываю, значит, что не в худшем отсеке я тяжкую свою думу думаю...

— В удачном месте в неудачное время папа оказался, — подал я реплику.

— Вынырнуть с пятидесяти метров? — недоверчиво прищурился Сергей.

— Можно, — вдумчиво кивнул Володя. Он тоже отслужил на флоте и в состоянии был оценить морские критические ситуации.

— Можно, да сложно, — вздохнул папа. — Тем более, оправдался штормовой прогноз. Да и вообще минусов многовато обнаруживалось: тут и баротравма маячила, и пуля с эсминца... Приплюсуй еще к минусам трудности ориентировки в ночном океане, акул, опять-

тани – баллы... А теперь о хорошем: до берега было около семи миль, температура воды составляла плюс девятнадцать–двадцать один. Так что шансы выжить имелись.

– Наливай! – сказал Сергей.

Мы выпили и закусили ароматным шашлычком.

– Ну, напустил я водички, – продолжил папая, – поплававком к зотолку она меня подняла, отдышался... И – в трубу! А она узкая, сволочь, и – бесконечная!.. Потом чувствую всем телом – свобода! Череп как обручем давит, вокруг чернота морозная в огоньках голубых, но кончилась труба, а значит, рано или поздно всплыву! В каком только качестве – вопрос. Ну, как к воздуху добрался, не помню. Эсмвинцы ушли, вокруг только волны гуляли, я – полусдохший, пытался куда-то там выгребать, по звездам ориентируюсь, ну и выгреб... К утру. Хорошо, жилет спасательный в отсеке был, без него бы – кранты! Ткнулся башкой в золотой песочек и не верю, что жив. Океан успокоился, ласковый такой стал, бирюзовый... Вокруг – дюны. А за ними – сопки вулканические. Я через дювы пошел, вижу – дорожка вьется, в горы уходит. Двинулся по ней. Вокруг базальт искрошенный, ни травинки. Добрел до обрыва, присел. И вдруг ворон прилетел. Сел рядом со мной, смотрит на меня. Как я ему, ворону, обрадовался! Нашел сухарь размокший в кармане, скормил... А он, как ручной, прямо с руки брал... Вот так мы и сидели... А потом – здарсьте: два немецких солдата с автоматиками.

– А что за остров был? – спросил Сергей.

– Фуэртевентура. “Сильный ветер” в переводе с испанского. Там военно-морская база располагалась. Ну притопа! я на нее под конвоем. Меня в гестапо: кто, чего, как... Рассказал. Где лодка, правда, не расколосся.

– А что, вы знали, где лодка?

– Ну, примерно...

– А почему...

– А я так рассудил, – сказал папая. – Войне конец, я в Испании, а вот что мы в ящиках везли, может, мне и пригодится в итоге...

– И?..

– Не пригодилось, как видишь. Проверили меня, определили в подсобный персонал, а тут и войне конец. Союзнички на испанцев поднажали, те нацистов депортировали в Чили, базу немецкую обратно национализировали... Ну, а меня пинком под зад во Францию, в лагерь. А там америкашки говорят: это – транзит! И прямым намылили к представителям Красной Армии. Дальше я и очухаться не успел, как оказался в контрразведке...

– В какой еще контрразведке? – недоуменно сощурился профессионал Серега.

– Ну, в СМЕРШе этом...

– Какая же это контрразведка? Это гестапо! Допрос–расстрел.

– С гестапо у меня как раз легко обошлось, – возразил папа. – А вот со СМЕРШем этим – да!.. Били месяц. Двадцать четыре часа в сутки. Но не казнили. То ли война кончилась, то ли я интерес какой вызвал похождениями своими, но переправили меня прямым в столицу. В самый ее центр. Не в Кремль, конечно, но рядышком – на Лубянку. Так что, Серега, не один ты бывал в этом заведении из

нашей компании... Ну, следствие, то-се... А в итоге – четвертой срока. Отсидел десять. Такая вот Фуэртевентура получилась.

– А дальше? Лодка? Ящики? – перебил Сергей.

– Воз и поныне там, – ответил папа словами баснописца.

– А может, ее давно подняли, – сказал Володя. – Со всеми отлутыми в бруски короночками узников концлагерей.

– А чего тут гадать? – вставил я. – Все проще простого. Вышел из компьютерной сети в базу данных, и через час у тебя вся архивная информация. Надо знать только номер лодки.

– Во! – Вова в очередной раз наполнил стаканы. – Есть дело. Поехали искать лодку.

Я хохотнул.

– А что, – произнес Сергей, обращаясь к отцу. – Вы бы сподобились на такое предприятие?

– Хоть завтра! – последовал категоричный ответ. – Если бы мы предложили... Да! Хоть завтра! Тем более что в мои годы не стоит терять время.

– А ведь вкусная тема... – зачарованно прищурился чекист.

– Ну, Вова, едем? – спросил папа. – За границу? Золото не найдем, так хоть погуляем, а?

– На что гулять-то? Не, я люблю приехать за границу так, чтобы твердая валюта оттопыривала карман... Причем не один, а все. М-да. Включая внутренние.

– Вот для этого и стоит поработать, – сказал папа. – Понимать. Как там, кстати, наши гидрокостюмы и акваланги?

Оборудование для подводной охоты мы хранили у Вовы в замке, не обременяя громоздкими тюками ограниченную площадь московской квартиры.

Володя не ответил, впав во внезапную задумчивость.

– Климат там, как в Эмиратах? – спросил вдруг настороженно.

– Там выше тридцати не поднимается, а ниже двадцати не опускается. Устраивает?

– Все дело в спонсоре, – кивнул на меня братец.

– Свою долю я вношу, – молвил чекист.

– Кто “за” – поднимаем руки, – подытожил папая, подняв вверх ладонь.

Подвыпившие Серега и Вова, охваченные благодаря “Смирновской” романтикой поиска сокровищ, последовали его дурному примеру.

– Единоголосно, – высказался я, не поднимая руки.

Пора было укладываться спать. Чтобы завтра, на свежую голову, всерьез задуматься о реальности положения. Реальности тягостной. Весьма далекой от бредовых радужных идей подводных изысканий золотого запаса третьего рейха в субтропических водах близ африканского материка, находящихся под юрисдикцией цивилизованной Испании.

СЫСН

Аслана переполняли ненависть и стыд. Вчера, в офисе Куди Баргулова, расположенном на уважаемой пятой авеню в Манхэттене, его два часа томили в приемной, не предложив даже чай, а по-

сле, когда он прошел в кабинет, указали в самый дальний угол, не жезая, видимо, чтобы он приблизился к начальственному столу, за которым в пухлом, вишневой кожи кресле сидел, вперив в него ястребиный непреклонный взор, грозный патрон, его дядя, два года назад соблаговоливший вытащить сюда, за океан, племянника из глухого чеченского села.

— Слушай, ты... — процедил старший родственник сквозь зубы. — Эта кобра уползла. Вчера его хотели взять наши парни, но он их опять подставил в засаду. Где он — не знаю. Узнаешь ты. Поедешь к его пафу-американцу, поговоришь с ним... А потом полетишь в Россию. Кто с тобой эти "линкольны" в гараж ставил?

— Джамбик...

— Вот вместе русака и отыщете. Когда закончите работу, и ушли его ише на стол положишь, тогда думать будем, как с вами быть. Все.

— Но я же...

Дядя в гневе приподнялся из кресла.

— Запомни! — произнес с глухой яростью. — Есть три типа мужчин... Один — говорит и не делает. Другой — говорит и делает. Третий — делает и не говорит! Теперь думай, кто ты? И кем тебе надо стать!

Аслан почтительно поклонился.

На следующий день, получив установочную информацию, Аслан вместе с толстым круглолицым Джамбиком, сонно щурившим глаза, ехал в соседний штат Нью-Джерси к одному из маленьких охраняемых поселков — оазису, в чьей тиши пребывали состоятельные, не признающие дешевой городской суеты американцы, отгороженные от мира гонящихся за жалкими крохами смердов из асфальто-каменных вавилонов, заборами, вооруженной охраной и стенами своих роскошных вилл.

Да, это был иной мир... Чистого лесного воздуха, подстриженных лужаек и вечнозеленых кустарников, полей для гольфа, бассейнов с подогревом, теннисных кортов, дорогих изысканных ресторанчиков и вышколенной прислуги.

Из машины Аслан позвонил объекту домой. Тот снял трубку, проформотал на просьбу позвать мистера Джексона — "wrong number..." — и Аслан, мрачно и удовлетворенно кивнув сам себе, притопил педаль акселератора, заставив "кадиллак" резко рвануться вперед.

Торопиться, впрочем, не следовало. По территории поселка безостановочно кружили "фордики" внутренней охраны, и их, явных чужаков, сразу же могли взять на заметку.

Перекусив в забегаловке, они уселись в машину и, включив магнитола, молча застыли, глядя в пространство и слушая заезженную пленку с чеченскими песнями.

Постепенно темнело, на видневшемся вдалеке ажурном мосту, перекинутом через реку, засверкали фары автомобилей, показались первые неясные крапинки звезд, и воздух, тянувшийся в щель приоткрытого оконца, стал сырым и студеным.

— Пошли, — произнес Аслан, выключая магнитола. — Кусачки возьми, не забудь.

— А ты проверь: стеклорез, отмычки... — Невозмутимый Джамбик, достав из потайной ниши пистолет, накрутил на ствол глушитель.

По лесной тропке они двинулись вдоль высокого сетчатого забора, увенчанного гирляндами металлической ленты с торчащими из нее бритвенными гарпунами лезвий.

— Вот, — сказал Джамбик, остановившись. — Тут у камеры мерная зона, давай ползком...

Они поползли по ветхой прошлогодней листве — осклизло-мердой, липнущей к джинсам, податливо вминавшейся локтями в рамокшую от стаявшего снега почву.

Аслан, не торопясь, защелкал кусачками, вырезая в сетке аккуратную прямоугольную прореху.

Неслышно скользя мимо зарослей причудливо подстриженного кустарника и туй, подобрался к дому.

Первоначально Аслан задумывал пролезть внутрь виллы, вырезав подвальное оконце, не защищенное сеткой. Стекло обклеилось полосами липкой ленты с пропущенной под ними бечевкой — выдавливалось вовнутрь.

Однако тайного проникновения не понадобилось: входная дверь оказалась незапертой, и они без труда вошли в просторную прихожую, миновав которую, очутились в гостиной.

Жилище впечатляло ухоженным, любовно спланированным интерьером.

Широкий деревянный паркет красного дерева — навощенный, без пылинки... Антикварная мебель, люстры из горного хрусталя, рыцарские доспехи, плотно подогнанные дубовые панели, застывшие стены...

В огромном велюровом кресле с резными подлокотниками, напротив приглушенно работавшего телевизора, стоявшего на тумбе мощного динамика, беспечно посапывал хозяин дома, уронив на колени ненавруженные руки, державшие пульт.

Снились ему, наверное, любимые доллары.

Аслан хищно улыбнулся, склонившись над бесповоротно и глупо утратившим бдительность обывателем.

Как он ненавидел и презирал его! Вообще всех этих холеных, зажавшихся индюков, выросших в кружевных манишечках, на свежей клубничке, севших в свой собственный "кадиллак" в каких-нибудь шестнадцать сопливых лет и не находя в данном факте ничего выдающегося.

А что ему, Аслану, подарили в шестнадцать лет? Наган. Настоящий наган. Подарил дядя. И как он ликовал от такого подарка! Ну что же... Каждому свое. А ему, Аслану, сетовать на судьбу не стоит: в конце концов старый наган превратился в мощную "Беретту", которая сейчас у него в руке, он тоже ездит на "кадиллаке", тоже живет в этой поганой Америке, видевшейся раньше неким раем, недостижимой мечтой и легендой, и может без труда подвесить на красивой люстре этого жирного болвана, способного лишь заклинать, умолять и унижаться...

— Эй, ты! — Джамбик потряс спящего за плечо. — С добрым утром, мистер!

— А?! — Хозяин оторопело моргал, не соображая, где именно пребывает — в яви или еще во сне? В нехорошем, даже страшном сне... Нет, это явь! Жуткая, ирреальная...

Здоровенный мужик, уронив пульт, затрясся всем телом, отвалив к груди массивную челюсть.

- Соломон, - утвердительно произнес Аслан.

- Да, я... Соломон...

- Не бойся, Соломон, - продолжил Аслан, с удовольствием закурил. - Мы убьем тебя не сейчас, позже...

- То есть?... - Собеседник вжимался в кресло, на глазах уменьшаясь в габаритах, как снеговик под ясным солнышком. - То есть... за что?!

- Конечно, если будет за что, - поправился Аслан. - Мы же не малявки, мы разумные люди.

- Но я... Слушаю вас...

- Вопрос у нас один, - сказал Аслан. - Где этот твой... Игорь?

- Понятия не имею...

- Это плохо, что не имеешь. За это, кстати, мы и можем убить.

- Но... подождите... сейчас... - Собеседник тряс головой, будто пытаясь справиться с наваждением. - Я... уехал из Москвы, потому что...

- Потому что испугался.

- Да... Я вообще не хочу иметь с ним дело!

- Правильно рассуждаешь, - внезапно подал голос Джамбик.

- Конечно! Он - жулик! Не отдал мне деньги за машины, вообще...

- Ну, это ваши разборки, - сказал Аслан. - Хотя... мы тебе, если хочешь, поможем. Хочешь?

- Э-э-э...

- Все, поможем! - Аслан хлопнул жертву по безвольному жирному плечу. - Но и ты помоги! - добавил внушительно. - А то видишь, как получается? Тебя он обманул, нас очень обманул, разве прощать будем плохому человеку?

- Да-да, вы безусловно правы...

- Правы? - Аслан прошелся по комнате. - Хорошо говоришь! - Качнул головой. - Очень хорошо говоришь! Но видишь, какая у нас с тобой беда случилась: скрылся наш враг...

- К-куда?

- А вот давай подумаем, куда. Кого из родственников его знаешь, из друзей, а?

- У него отец... Э-э...

- Женщина есть, да?

- Это я не в курсе... Честно! Он никогда...

- Не делился с тобой, да? - Аслан захохотал. - Ни женщинами не делился, ни деньгами... Плохой какой парень, слышишь!

- Друзей, да, кое-кого знаю, - торопливо продолжал Соломон. - У меня есть телефоны... Можно взять записную книжку?

- Бери! - великодушно согласился Аслан.

- Вот... Северцев Олег, потом вот - Митя... Авторучку взять можно? Я вам все запишу...

- Пиши. А... он тебе не звонил?

- Нет, что вы, я бы вам сразу же... сказал...

- Так. - Аслан помрачнел. - Вот что, Соломон, у тебя определитель номера есть?

- Нет, мне как-то...

- Ясно. - Аслан кивнул Джамбику, вытащившему из сумки, висевшей на плече, компактную картонную коробку. - Вот тебе определитель. Сейчас же подключишь его в сеть.

– Несомненно...

– И вот еще... – Достав из кармана карточку, Аслан сунул ее в деревянные пальцы Соломона. – Телефон и факс нашей фирмы. Одной из наших фирм, – поправился значительно. – Разговор запишешь, привезешь нам кассету. И определитель привезешь. Все понял? А теперь я тебе объясню, за что мы тебя убивать будем.

– Но я же...

– Молчи! Я говорю! Убивать будем, если финтить начнешь! Мы все равно узнаем, звонил он тебе или нет. И еще. Узнаем, каких его дружков или родственников, тебе известных, от нас скрыл!

– Если я что-то вспомню...

– Да, – благосклонно согласился Аслан. – Если что-то вспомнишь, звони. Сразу звони! Гуд бай. – Аслан с наслаждением затушил каблук окурков. Сунул за пояс "Беретту".

Выйдя на лесную тропу, бандиты, удовлетворенные импровизацией, многозначительно переглянулись. Настроение у Аслана заметно поднялось. И даже предстоящая тягостная поездка в Россию не виделась наказанием.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

Эти выжившие из ума авантюристы во главе с чекистом Сергеем, составлявшие отныне сферу моего общения, надели на меня столь плотно и агрессивно в своем неперемennom стремлении найти затонувшую немецкую "ушку", что приходилось отбиваться от них, как от своры голодных псов. К тому же Серега сказал, что если я наотрез отказываюсь от предприятия, он просит у меня десять тысяч зеленых, берет в охапку папаню, и с поставленной задачей они успешно справятся без моего участия. Им вторил и Вова, уже договорившийся сдать свой замок в аренду какому-то корешку из люберецких группировщиков вместе с козлом и собакой.

Чекист, отлучившись в город, вернулся с компьютерной распечаткой немецких военных карт Атлантики и с данными, касающимися подводной лодки, считавшейся с апреля сорок пятого пропавшей без вести.

Я танул резину вялого несоглашательства еще пару дней, и когда уже твердо определился с отказом, Сергей, в очередной раз прикативший под вечер из города, молча положил на стол четыре паспорта, среди которых находился и мой, видимо, переданный чекисту спихавшимся с ним папаней.

Раскрыв паспорт, я узрел в нем выданную консульством Испании зелененькую визу стран Содружества.

– Ну?! – нависла надо мной пиратская троица.

И я устало отмахнулся:

– Хрен с вами! Втянули в аферу в конце концов!..

– В конце концов – отдать концы! – скаламбурил Володя, накануне смертельно разругавшийся с женой, протестовавшей против внезапной разлуки с супругом.

Средством доставки нас на Канарские острова был избран мой "мерседес". Как убедил меня Сергей, на месте машину все равно пришлось бы покупать, а пересечение границы России через кордоны в аэропортах было чревато для нас вероятными неприятностями.

Прозрачные же белорусские рубежи легко миновались через известные контрразведчику проселки.

Ранним утром, сдав Вовкиному корешку – личности третьей и битой – на ответственное хранение люберецкую виллу с ее опасным зоопарком, мы тронулись в путь. Замечу, что фамилия кореша соответствовала его облику – Кровопусков. Имя же было мягкое, лирическое – Федя.

В рассветных сумерках возле немецкой границы, изучив наши паспорта, офицер потребовал открыть для досмотра багажник.

Узрев акваланги, компактный компрессор и гидрокостюмы с ластами, офицер обомлел.

– Куда вы едете? – спросил, морща лоб и еще раз пролистывая наши паспорта. – Зачем вам... – Затем в невинном контексте мне слышалось слово “диверсанты”.

Но тут в дело вступил папаша, на отменном немецком языке поведав опешившему официальному лицу о своем прошлом ветерана вермахта, о розысках сгнувших в водах Атлантики сослуживцах, и подозрительность обступившей нашу машину пограничной стражи сменилась уважительным восхищением.

Нам даже не удосужились поставить в паспорта соответствующие отметки, доверительно объяснив, что таким образом действия наших виз продлеваются на значительный срок.

Передохнуть мы решили в Берлине.

Там жил мой флотский дружок Вася, съехавший из страны Советов еще на первых этапах становления российского капитализма, во времена кооперативной вакханалии и начала появления прорех в железном занавесе. Причина съезда – поиски лучшей доли в волшебных заграничных даях, где наверняка способны оценить его дар непризнанного отчизной живописца-модерниста.

На Запад, а точнее в Америку, Вася прибыл с ворохом своих полотен, беспрепятственно допущенных к вывозу.

Взглянув на произведения, таможенники даже помогли Васе с их погрузкой в сдаваемый пассажирами багаж.

Помимо личных шедевров Вася вывозил из страны скромный портфельчик с туалетными принадлежностями и сто сэкономленных долларов, полагая, что на первых порах данной суммы ему хватит с избытком. Получение же какой-нибудь шнобелевской премии, закрывающей все материальные проблемы, он полагал делом решенным и несомненно скорым.

По прибытии в Нью-Йорк Вася уверенно отправился на русскоязычный Брайтон-Бич, к заждавшимся его признания и спонсорской помощи в виде пиццы и крова, однако прагматическое, категорически несклонное к благотворительности народонаселение, водящееся в данной местности, шарахалось от нищего живописца как от чумного, и только самый добрый человек на Брайтоне – румынский эмигрант, сидевший в будке местной Союзпечати, оказал Васе неслыханную по тамошним меркам услугу – приняв на хранение его полотна.

Первую ночь переселенец провел в сабвее, путешествуя туда-сюда по маршруту “Бруклин–Бронкс” в течение долгой ночи.

С утра, сполоснув лицо океанской водичкой, он снова шатался по Брайтону, уже лихорадочно отыскивая хоть какую-нибудь работен-

ку, но предложение не рождало ни малейшего спроса, и ночью सबसे пришлось повторить.

Так продолжалось в течение месяца, пока Василий не устроился на работу продавцом в один из мясных магазинов китайского квартала, снял комнатенку в Бруклине, а через неделю хозяин магазина сделал ему предложение, сказав, что может устроить его на аналогичную должность в аналогичную торговую точку к своему брату, чей бизнес располагался в двух шагах от обретенного Васей жилья.

— Где же это? — спросил Василий начальника.

— На Брайтон-Бич, — ответил китаец.

— Как?!

Да, это был единственный, кроме, пожалуй, ликерного, магазин на Брайтоне, принадлежавший представителям самой многочисленной нации планеты. И только в этот магазин не заглянул Вася в поисках работы, ибо отчего-то постеснялся узкоглазого, очень иностранного и потому даже загадочного персонала, занятого виртуозными манипуляциями по разделке рыбных и мясных туш.

Проработав у китайцев с полгода, приобретя подержанный автомобиль и модные ковбойские сапоги, Вася, познакомившись со странствующей ослепительной блондинкой, подался с ней в Майами, где занялся, вспомнив, наконец, о своем художественном даровании, самостоятельным бизнесом — производством фальшивых американских двадцаток.

Двадцатки получались откровенно неважного качества и разменивались либо в полумраке ночных такси, либо в барах. Порой их с возмущением отвергали, и тогда Вася, извиняясь и ахая, врал, что ему всучили такую, мол, сдачу при покупке бриллиантового кольца для жены...

След Васи, на какое-то время затерявшись в американских тропиках, неожиданно обнаружился в Берлине, откуда он позвонил мне в Москву, сказав, что в настоящий момент провожает Советскую Армию, занимаясь ее продовольственным снабжением, и приглашал в гости, дав номер своего телефона.

И вот, с опозданием в три года, я в гости наведалься, не очень-то, впрочем, надеясь застигнуть на немецкой земле неутомимого путешественника.

Набрал, зайдя в телефон-автомат, уже затершийся на странице записной книжки номер.

Неприятный женский голос, в котором угадывались характерные интонации покинутой любовницы, сообщил, что "Вася" здесь больше не проживает, и новый его номер телефона такой-то.

— Где это? — спросил я, записывая длинный ряд цифр.

— Это — Тенерифе, — ответила собеседница и брякнула трубку.

Канарские острова?

Мне осталось только растерянно усмехнуться, усматривая в этом совпадении определенного рода символичность...

— Вася?

— Игорек?! Ты откуда?

— Из Берлина.

— Чего там делать, в Берлине-то? Армия же ушла...

— Я проездом. На Канары.

- Ты гонишь!
- Точно. Адрес дашь?
- А нету, бомжуем пока...
- А что у тебя за номер телефона какой-то чудной? Банковский над просто...

- Сотовый. Здесь это дешевле стационарного. Ну, появишься на островах, звони.

Ночь мы провели в западной части города, в дешевом отеле "Триант" казарменного типа, в номере с десятью спальными местами. Отель, вероятно, был ориентирован на определенную категорию туристов, к которой относилась и наша компания.

На следующий день, промчавшись автобусами Германии с их желтыми и синими табло указателей, с полосатыми красно-белыми сачками, определяющими направление ветра, мы въехали в мвету плотных парижских пробок, а вскоре, миновав условные границы Содружества и климатические зоны, мы катили по теплой земле Испании, где уже вовсю хозяйничала весна.

Вот и Тенерифе. Остров...

Но уже через час пребывания на нем, я не мог отделаться от ощущения, будто нахожусь на материке. Скоростные дороги, многочисленные городки, бесконечные террасы отелей на побережье...

На смотровой площадке у подножия заснувшего вулкана нам предложил услуги частного фотографа бородатый, небрежно одетый человек с "Полярондом", в котором узнался бывший матрос советского Краснознаменного флота Вася.

- И в раю надо работать! - посетовал он по окончании первоначальных восторгов, связанных с неожиданной встречей. - Щас, отщелкаю расходный материал, и я - ваш!

Двумя часами позже, сидя на открытой террасе ресторанчика и мшивая кровавый стейк темно-вишневым тинто, Вася повествовал о своих похождениях.

На данный момент Вася жил на своем катере, оснащенном мощным двигателем системы "Ямаха", ловил тунцов, продавая их в рестораны, и подрабатывал с помощью "Поляронда" у живописных склонов вулкана.

- Наш человек! - заметил Вова, выслушав рассказ соотечественника.

- А вы тут чего? - спросил Вася. - Отдохнуть или как?

- Дело у нас, - сказал я. - Но не здесь, на Фуэртевентуре. Бывал там?

- Довелось, - кисло ответил Вася.

- А почему нет энтузиазма в голосе?

- Планета Марс. Один дождь в год, ландшафт катастрофический, вода стоит дорого, приходится опреснять морскую, а опреснители, как и электростанции, работают на нефти, что тоже, как понимаешь... Местные говорят: у нас тут рай бесполезного и ад полезного. Все, естественно, привозное. Но свой кайф там тоже имеется. В смысле экзотики. Недаром на Канарах "Звездные войны" снимались. А живут там, кстати, толстосумы из Англии и Германии. У них даже отдельные поселки, куда испанцы - ни ногой. А вам-то там что ловить?

- Ну... есть дело, - осторожно сказал Сергей.

– Может, и я впрягусь? – предложил Вася. – Глядите... Катер ют у меня...

– Катер – штука полезительная, – согласился папая.

– Обсудим. – Я встал из-за стола, решив совершить в ожидании десерта променад по пляжу, воле которого располагался ресторан и машинально забрел под прозрачный колпак, установленный на телефонном агрегате.

Опустил в прорезь пару монет.

– Хэллоу? – ответил знакомый вкрадчивый голос моего американского партнера.

– Чего же ты смылся, Соломоша? – спросил я.

– Ты откуда, Гарри?

– Из Африки. Ну, что скажешь?

– В Америку не собираешься?

– Ни в коем случае.

– Извини, Гарри, но ты же понимаешь...

– Значит, с Россией завязано, да?

Ответить Соломон не успел. Лимит оплаченного времени закончился, и связь прервалась.

Собственно, все и без его слов было ясно. И даже без этого ностальгического звонка.

Прошлая жизнь кончилась. Новая начиналась. Вот и все.

ЧЕЧЕНСКИЙ СЫСК

В Москву Аслан и Джамбик прилетели самолетом компании “Красноярские линии”, взяв самые дешевые билеты.

В аэропорту их встречал троюродный брат Аслана – Иса, оксший в столице России еще в середине восьмидесятых годов и сумевший возглавить одну из крупных чеченских группировок, контролировавшую игорный бизнес и несколько банков.

Даже чеченская война, сильно подорвавшая позиции практически всех группировок, состоящих из его соплеменников, обошла Иса в минимальные уступки славянской братве и незначительные материальные потери.

Иса поселил прибывших из Америки опальных командированных в один из своих загородных домов – бывшую госдачу, некогда приписанную к канувшему в небытие советскому министерству, и дал гостям ключи от потрепанной “девятки”.

Предоставление ему подобного средства передвижения Аслан воспринял как умышленное оскорбление, но, переборов гнев, на рожон не полез, сказав родственнику, что, увы, отвык от управления механической коробкой передач – причудой американских богачей, и нижайше просит подыскать иную машину, с обыкновенной автоматической трансмиссией.

Смерив учтивого братца долгим и пристальным взором, Иса, холодно усмехнувшись, согласился.

– Дам тебе “БМВ”, – изрек с неохотой. – Но учти: за тачку отвечаешь.

Вручая Аслану пару ненадежных китайских “ТТ”, Иса рассказал, что не без труда высвободил подставленных РУОПу русакам бойцов, что сейчас идут разборки с Тофиком, на кого он повесил от-

ветственность за конфискованный кокаин — знай, мол, с кем дружить! — но от претензий азербайджанцы увиливают и, возможно, готовятся к войне.

Впрочем, это Аслана не касалось. Ему был нужен стукач. Вернее, уши стукача.

Иса был уверен, что страну стукач не покинул, а отсиживается где-то поблизости, а потому надо выявить его родственников и знакомых, способных дать какую-либо наводящую информацию.

И — повезло!

Сосед по лестничной площадке, с кем провел душевную беседу Джамбик, разыскивающий, дескать, приятеля, которого не видел пять лет, сказал, что у объекта поисков есть деревенский дом под городом Скопным в Рязанской области, используемый как летняя дача, и он как-то на этой даче побывал.

Сосед в деталях рассказал, как именно до дома добраться, и вскоре воодушевленные Аслан и Джамбик катили на "БМВ" Исы по узкому Волгоградскому шоссе, тянувшемуся по длинным склонам просевших низменных холмов.

Мартовская снежная крупа липла к лобовому стеклу; истаявая, плавала ленивыми водяными дорожками, мутно размазываемыми "дворниками"; мерно гудел двигатель, шуршала, уверенно рассекая застывшую асфальт льдистую жижу, широкая тяжелая резина колес.

Наконец показались редкие огоньки искомой деревни.

Налетевшая метель скрыла едва угадываемую тропку, ведущую к далекому покосившимся хатам, и, сбившись с нее, по пояс в снегу, Аслан с Джамбиком побрели, слепо ориентируясь в неприветливом пространстве, на заветные источники электрического света, мутно плавающие в ошалевших глазах. Машину они оставили на полустанке, вытащив из тайников в креслах боевое оружие.

У первой хаты остановились, подойдя к окну, всмотрелись в глубь небольшой комнаты, где сидел возле стола с самоваром на табурете какой-то согбенный дедок, попивающий чай с баранками.

— Пошли! — просипел Джамбик.

Через незапертую входную дверь они проникли в темные сени, воявшие кислой капустой, и остановились перед дверью, ведущей в комнату, обитую потертым дерматином, с торчащей из его трещин грязной ватой.

Аслан раскрыл дверь и размашисто шагнул в тепло помещения.

— Друга ищем, — сказал, оглядывая углы комнаты.

— Какого еще друга? — осведомился дедок, дую на дымящееся блюдо с желтенькой жидкостью.

— Игорем зовут. Из Москвы. Дом у него тут...

— Хе, — сказал дедок, шмыгнув носом. — Он уж тут года три не показывался, Игорь этот. Купил хату сдуру, да и забыл о ней. К тому ж, сгорела хата-то. Бродяги в ней какие-то переночевать устроились и — запылили по пьяному делу.

Джамбик устало опустился на свободный табурет.

— Переночевать пустишь, отец?

— Гляди-ка, родственник! — ответил, качнув головой, дедок.

— Мы заплатим.

— Ладно, лезьте на печь, грейтесь. Чай, через сугробы перлись?

- Да дороги же нет! - произнес Аслан злобно.
- Как нет? - удивился дед. - От полустанка-то? Есть дорога. Чистим ее. Не разглядели, видать... А дорога есть.
- И машина проедет? - Джамбик закашлялся.
- И машина!
- Шайтан! - скрипнул Аслан крепкими зубами.

Помятые, взъерошенные и угрюмые, они, глотая утром безвкусиный пресный чай, рассуждали, как выбираться из мертвой зыби снегов. Аслан убеждал Джамбика сходить к переезду и нанять там трактор, способный проложить в сугробах необходимый для продвижения к цивилизации окоп.

Одолжив у деда воюющие валенки и кургузую солдатскую ушанку, Джамбик, сквернослова, начал собираться в путь.

Тут выяснилось, что вчера на трудной дороге в деревню он где-то выронил пистолет.

Аслан, встревоженный ответственностью перед Исой за утрату боевого оружия, разразился истерическими ругательствами, и Джамбик поспешил ретироваться прочь.

Стоя у переезда и вытирая рукавом пальто неумоимо текущую из носа жидкость, Джамбик ловил трактор, с удивлением уясняя, что данное гусеничное средство передвижения если и водится на здешних дорогах, то в экземплярах редчайших.

Прошел час, после - другой, однако трактора на горизонте не обнаруживалось.

Продрогший Джамбик уже подумывал о возвращении назад, редактируя мысленно аргументы в пользу возвращения на "БМВ" во узкоколейке, но тут в облаке чада возник ширококолесный "Кировец" с притороченной к нему бочкой с фекалиями.

- Эй! - слабо воскликнул простуженным голосом Джамбик, замахав неповинуящимися руками. - Стой, брат!

- Чего? - высунулась из кабины лунолицая пропитая физиономия. Джамбик сбивчиво объяснил ситуацию.

Не утрудившись раздумьем, водитель "Кировца" спросил:

- Литруху ставишь?

- Две!

- Залезай! Будет тебе колея! Вытащу! Трос есть, прицепишься к корме...

И, вихляя бочкой с дерьмом, "Кировец" отважно ринулся в заснеженный простор.

- Машина мощная, прорвемся! - энергично восклицал водитель, дыша в сторону пассажира похмельными ароматами.

Джамбик, подпрыгивая на продавленном неудобном сиденье, долбил теменем потолок кабины, завороченно глядя на приближающиеся хаты.

На подъезде к деревне оптимизм водителя начал стремительно угасать: мощные колеса с трудом преодолевали рыхлый и вязкий наст, подступающий к капоту; двигатель возмущенно ревел, а проклятая тяжелая бочка оседала в колею, волочась следом, как гири на ноге арестанта. В деревне притормозивший "Кировец" забуксовал, выплевывая из-под колес пуды снега, однако уверенно погружаясь в его податливую зыбь.

Высыпавшие из домов бабки, составлявшие население деревеньки, пытались помочь напрасным усилиям попавшего в снежный плен "Кировца", кидая под его колеса головешки с пожарища, некогда бывшего загородной резиденцией гада-русака.

Через час, выбрасывая из-под горячей резины обугленную древесную труху, "Кировец" совершил подобие направленного движения в обратную от деревни сторону, и, побледнев сосредоточенным лицом, тракторист постепенно начал выводить тяжелую машину на желанный маршрут.

- Э-э! - орали Джамбик и Аслан, бегущие за болтавшейся и подсакивающей бочкой, распространявшей зловоние. - Э-э! Погоди, мы прицепимся!

- На хрен! - орал в ответ перепуганный водила.

- А литруха?!

- На хрен вашу литруху!

Колея, проложенная трактором, все же изрядно подсобила в дальнейшем движении "БМВ" от полустанка к основной дороге.

Подталкиваемая старухами машина, часто и трудно буксуя, к вечеру выбралась-таки из снегов на твердый грунт.

Чихая, кашляя и отплевываясь, дыша нежно на сбитые пальцы, перемазанные, в мятой одежде, страдальцы трокулись в обратный путь.

Уже на подъезде к Москве завершал телефон сотовой связи, взятый напрокат у Исы.

- Ну? - услышал Аслан голос брата. - Какие дела?

- Нет его там...

- А мои парни кое-что нарыли... У него родственник под Люберцами живет. Дом стоит прямо над карьером. Вы где сейчас?

- На Волгоградском.

- Так это ж рядом... Езжайте, гляньте, что к чему... А в двенадцать к театру "Современник" подгребайте, я там сегодня спектакль смотрю.

- О! - искренне удивился Аслан, не предполагавший в родственнике ни малейшего устремления к каким-либо культурным мероприятиям.

- Там сегодня банкет, нужных людей много, - успокоил его Иса. - В общем, к двенадцати жду. Обсудим дела.

Пересказав Джамбику указания местного патрона, Аслан предупредил:

- О пушке пока молчи. Едем в Люберцы. Если он там, трудную смерть примет...

И - надал, скрежетнув зубами, газку.

Дом они нашли без труда. За плотно занавешенными окнами горел свет, слышалась музыка.

Перемахнув через высокий забор, Аслан, держа в вытанутой руке пистолет, поднялся на крыльцо, потянул на себя дверную ручку.

Дверь оказалась запертой.

- Через окно залезем, - хриплым шепотом предложил Джамбик. - Давай в обход!

Огибая дом, они свернули за угол, как вдруг в размытом свете луны перед ними возник здоровенный рогатый черт.

Черт, торжествующе бляя, навис над ними, и, прежде чем Аслан успел уяснить, что это — упитанный козлище, он получил удар в грудь твердыми крутыми рогами и упал, ударившись головой о водосборную металлическую бочку.

Ринувшийся ему на помощь Джамбик также внезапно был сбит с ног иным огромным мохнатым монстром, составившим компанию козлу, устремленному на повторную атаку.

Монстр, утробно рыча, трепал свою жертву, с хрустом смыкая челюсти на беспорядочно мельтешащих в воздухе руках поверженного Джамбика, а когда, найдя черневший в снегу пистолет, Аслан потянулся к оружию, пес мигом переключился на него, вцепившись в плечо и легко прокусив толстое пальто мощными, как у вепря, клыками.

Аслан, извернувшись, ухватил собаку за шею, пытаясь сжать ее горло, но с таким же успехом он мог попытаться задушить матерого медведя.

Пес, весивший более ста килограммов, с необыкновенной юркостью метался от одного противника к другому, нанося жуткие покусывания и не давая приподняться с земли.

Его сладострастному рыку вторило насмешливое бляение бодавшегося козла.

Собаку унял вышедший во двор коренастый парень, одетый в распахнутую дубленку.

Держа яростно рвущуюся к окровавленным жертвам овчарку за стальной ошейник, парень недобро глядел на ночных гостей, с трудом пытающихся встать на ноги.

— Вы хозяин? — тяжело дыша, спросил Аслан.

— В отъезде хозяин, за границей.

— А брат его?..

— И брат.

— Где... за границей?

— Где надо, — сказал парень. — Чего сюда приперлись, спрашиваю?

Аслан поднял с земли пистолет.

— Пушку на грунт! — донеслось грозно, и из-под полы дубленки сноровисто вынырнул, уставившись в незваных гостей, зрачок "Калашникова".

Аслан посмотрел в жесткое лицо обладателя грозного автомата, затем узрел перстни-татуировки на пальцах, уверенно сжимавших рукоять. И — бросил пистолет себе под ноги.

— Ладно тебе, мужик...

— Мужики поле пашут! — донесся ответ. — Отвечай, кто такие, иначе покрошу!

— Мы не в претензии, — промямлил Джамбик. — Нам бы Игоря...

— Говорю же, за границу они подались. Надолго.

— А куда именно? — попытался настоять Аслан.

— Заладил, чурбан! Куда надо, еще раз повторяю.

— Слушай, друг, — осторожно произнес Джамбик. — Ты свой пацан, я вижу... И потому пойми: все равно расколется придется. Забиваем стрелку. На завтра.

— Чего? — презрительно сузил парень глаза. — Ты с кем базаришь, в натуре? Ты откуда свалился? Вали в свою шарагу, пока цел, и

спроси про Федюню Балашихинского у авторитетов своих, баклан мальтанутый! Две минуты даю на свал! Ну, прочь с проезжей части, пжоны! Не загораживайте дорогу тяжелому транспорту! — Он чуть подтравил оскалившего страшную пасть пса, рванувшего, хрипя в шейнике, на еще недотраченные жертвы. — А пушку не трожь! — продолжил твердо Федюня. — За ней пусть солидный человек под-
требает!

К полуночи Аслан и Джамбик подъехали к театру, пытаюсь припарковаться среди черных, с голубыми чашками фонарей на крышах, "мерседесов" и джипов — в заведение культуры, видимо, пожаловала какая-то важная шишка.

Они были растеряны и унижены, не представляя, как — оборванные, грязные, в коросте засохшей крови — предстанут перед Исой.

Аслан вздрогнул от настойчивого милицейского свиста: к "БМВ", размахивая полосатой палкой, устремился взволнованный гаишник.

— Убрать автомобили! — отрываясь от свистка, заорал малый милицейский чин в щель слегка приоткрытого Асланом окна. — Не видите, какие машины рядом стоят!

Всемогущий Иса был где-то здесь, рядом, а потому озлобленный Аслан процедил:

— Не свисти, денег не будет. — И закрыл оконце.

Гаишник в задумчивости постоял, затем произнес:

— Ах, так? Очень хорошо! — И, развернувшись, пошел к одному из джипов, постучал согнутым пальцем в стекло и коротко пояснил что-то находящимся в автомобиле людям.

Люди — пятеро двухметровых верзил в камуфляже — мгновенно выпрыгнули из джипа, и через мгновение Аслан и Джамбик, закрыв головы руками, морщились от летящего в стороны под ударами автоматных прикладов остекления "БМВ".

Затем машина качнулась под напором дружно ухвативших ее за короб рук и — перевернулась на крышу.

Вечером следующего дня их, молчаливо сидевших на кухне загородного дома, навестил мрачный Иса.

Вчера, вызволив их из отделения милиции и кипя от негодования, он предъявил им кругленький счет за ремонт "БМВ", а, выслушав невнятную историю о похождениях охотников за стукачом и об утрате ими пистолета, почернел смуглым лицом и уехал, обреченно махнув рукой.

Пройдя на кухню, Иса уселся на стул. Не глядя на побитые физиономии собеседников, процедил:

— Ну... в Люберцы эти не надо больше ездить.

Аслан с пониманием кивнул. Желание повторно встретиться с Федюней и подведомственными ему животными у него отсутствовало.

— Где вторая пушка? — спросил Иса, видимо, убедивший вчерашнего конфискатора вернуть ему "ГТ".

— Так вчера же, менты эти... — нашелся Аслан.

— Это охрана жены президента! — возмущенно сказал Иса.

— Кто же знал...

— Так где пушка?

— Они и забрали, — вздохнул Джамбик.

Недоверчиво на него взглянув, Иса угрюмо продолжил:

— Сегодня едете в Польшу. Оттуда — в Германию. В Берлине купите оружие. У кого — наводку дадут. А оттуда — на Канары. Все ясно? — И, не дожидаясь вопросов, пояснил: — Звонили из Нью-Йорка. Русак на Тенерифе. Проявился. — Глядя на нашлепку пластыря на удрученной физиономии Джамбика, усмехнулся с пренебрежением: — Утратили вы форму в своей Америке... Недаром старики говорят: посади овчарку на цепь у сытной миски, брехло будет, а не собака... Ключи положите под крыльцо, — буркнул, направляясь к двери. — На поезд не опаздывайте!

ИГОРЬ ВОЛОДИН

Посоветовавшись, мы все-таки решили посвятить Василия в наши кладоискательские планы, осуществление которых предполагало фрахт судна и нуждалось в серьезных и квалифицированных затратах. А море мой флотский приятель знал.

Нам предстояло не только найти банку, где лежала "немка", но каким-то образом проникнуть в отсеки подводного корабля. Впрочем, каким именно образом это следует делать, мне пояснил папая, с гордостью продемонстрировавший тротилловые шашки, контрабандой вывезенные им из Москвы.

Подремав пару часов в четырехкочном номере дешевой гостиницы "El Cortijo", оккупированной английскими студентами, подрабатывающими на Тенерифе, в сумерках ночи мы тронулись в путь.

Я и Вова покатали к причалу, загнав "мерседес" в чрево океанского парома, после чего с комфортом разместились в одном из ресторанов огромного судна.

Нам было куда легче, нежели Сергею, папаяне и Василию, отправившимся к Фуэртевентуре на катере.

Покидая Тенерифе, я даже и представить не мог, сколь необычной будет моя встреча с соседним островом.

Сойдя с парома, мы растерянно уставились на расстилавшуюся вокруг безжизненную землю, серые однообразные сопки и редкие припортовые строения.

"Мерседес" покатила на север острова по узкой, петляющей по склонам вулканических сопки дороге.

Выйдя на безлюдный берег, тянувшийся солнечной песчаной делью, мы тихо и счастливо дурели от прозрачности воды на пропешивших прибрежных вымоинах и сочетаний сини, зелени, золота, соревнующихся между собой в своем утверждении...

К вечеру прибыли наши мореходы.

Папая, хотя и ощутимо подустал, находился в приподнятом настроении, и мы понимали его: он возвратился в прошлое, он стал тем, кем был более полувека назад — молодым парнем, ступившим, избежав страшной гибели, на незнакомую землю, на берег, что ныне именовался пляжем...

Между тем быт есть быт, и теперь перед нами остро встала проблема жилья.

Снять в городе квартиру оказалось задачей практически невыполнимой. Со свободными апартаментами на островах дело обстояло

до того. Чужеземцам предлагалась альтернатива поселения в отеле или же – покупки собственного дома. И то и другое по причине договоризны нас не устраивало. Третий вариант – жизнь в палатке на берегу не привлекал своим избыточным романтизмом и отсутствием элементарных удобств. Так что на первый ночлег пришлось устроиться в гостинице.

Поутру вместе с Василием и Вовой я отправился в супермаркет за продуктами и водичкой.

Дама в панаме и в темных очках, выгружавшая у кассы из сетчатой тележки гору разнообразной провизии, показалась мне странно знакомой, и, присмотревшись к ее облику, я закусил, сдерживая первую усмешку, губу: в дебрях Канарского архипелага, оказывается, ныне проживала скрывающаяся от одуроченных кредиторов Фира Моисеевна Луниц!

Сблизившись с компаньонами, я шепотом произнес:

– Видите старуху в панаме? Уникальный экземпляр! Она кинула “Соломон-трейдинг” на пятьдесят штук!

– Наши действия? – сосредоточенно оживился Василий.

– Отслеживаем фарватер!

Фира Моисеевна, загрузив провиант в маленький автомобильчик, беспешно покатила в сторону побережья, остановившись на узенькой улочке, где за забором, сложенным из тесаных разноцветных булыжников, выглядывали беленькие виллы с аккуратными крышами из малиновой черепицы.

Неряшливо одетый мужик средних лет, почесывая брюшко, выступающее из-под короткой, заляпанной желтыми пищевыми пятнами майки, в пузырящихся на коленях штанах, раскрыл кованые черные ворота, и автомобильчик въехал во внутренний дворик, где резвились, играя в мяч, детишки.

Привратник, чей нос опоясывал округлый шрам, был идентифицирован мной, как пострадавший в дискуссии с юдофобами сын-официант.

Узрев российский номер на бампере нашего “мерседеса”, официант окаменел, мгновенно сообразив, что это – категорически не к добру, а потому я, решив использовать момент внезапности, вышел из машины, небрежной походкой направившись к воротам дивной виллы.

Василий и Вова, в чьих глазах появился подобающий ситуации стальной гангстерский блеск, последовали моему примеру.

Отодвинув створкой ворот опешившего официанта, мы подошли к автомобильчику, из багажника которого Фирой Моисеевной извлекались продовольственные товары.

– Ну вот, – произнес я в затылок старухе. – Как радостно встретить делового партнера на чужбине! Очень дорогого партнера! Не угостите нас кофе, золотая вы наша Фира Моисеевна?

Очки старухи медленно сползли на кончик угреватого носа.

Я понимал: остановившееся мгновение обреченного узнавания моей персоны было для старой мошенницы своего рода ужасным откровением.

– А в чем, собственно... – пискнул с нервным пафосом официант, но тут же и зашнулся, пригвожденный к месту грозными взорами моих компаньонов.

Фира Моисеевна, впрочем, быстро от шока оправилась и, подбоченясь, довольно-таки бойко затараторила:

— Какой еще кофе, молодой человек? Мы не имели желаний принимать сегодня гостей! Или вы приехали с претензией? Но тогда мы знаем, как вести такие переговоры! — Она уже потихоньку наступала на меня. — И нечего пугать меня своей публикой с бандитскими выражениями морд! Я буду смотреть, как их морды изменятся в полицейском участке...

— О, — сказал я. — Насчет полиции — очень хорошая мысль! Главное — здравая!

— То есть? — с подозрением спросила Фира.

— То есть, — продолжил я импровизацию, — вы имеете мысль, будто вас преследует мафия с намерениями причинения вам физического и материального ущерба. А это не совсем так. То есть оно, может быть, и так, но в вашем клиническом случае мафии полиция не страшна. Напротив, здесь существует благодатная почва для сотрудничества между силовыми структурами. Цивилизованного сотрудничества, — подчеркнул я. — Ну, теперь вы понимаете, откуда дует сегодня сильный ветер на Фуэртевентуру? Если нет, поясню, — добавил доверительно. — Вы объявлены в розыск как мошенница и аферистка. Совершившая экономическое преступление против российских и — самое главное! — иностранных компаний. А это, — кивнул я на Василия и Вову, — представители частных сыскных агентства, уполномоченных московским представительством Интерпола связаться с правоохранительными сферами Испании... До вас дошло? У вас упало в мозг?

— Но...

— Я все-таки настаиваю на кофе. Но если мы вам так неприятны, то — разрешите ненадолго откланяться.

— Встретимся в инстанциях, — вставил Вова безразлично.

— Если вы уж так тяготеете к защите властей... — прокомментировал, в свою очередь, Василий. — Да, они вас действительно будут охранять. Двадцать четыре часа в сутки. Они любят таких, как вы: бесплатно кормят, меняют белье на нарах...

— Сеня, пожалуй, я не против выпить с молодыми людьми кофе, — произнесла Фира Моисеевна задумчиво. — Только, молодые люди, оставьте свой садизм, я старый человек, и моей нервной системе неприятны ваши инсинуации...

Попивая кофе, я не спешил с какими-либо выводами, глубоко-мысленно замечая, что приобретенная Фирой вилла — весьма мила и просторна, хотя интерьер ее в чем-то напомнил мне незабвенную московскую комнатенку старухи: те же самодельные детские нары, голая лампочка и разномастная, явно с помойки, мебель.

— Стараюсь ради детей! Кладу на них жизни! — не уставала повторять хозяйка. — А за это меня приезжают сюда убивать!

— Кто? — холодно спросил Володя.

— Морально... — уклончиво ответила Фира.

— Дом двухэтажный? — деловито осведомился Василий.

— Да, второй этаж хотим сдавать...

— Ну, — сказал я, — это навряд ли получится.

Повисла напряженная пауза. Итог паузы мне все-таки удалось выиграть, Фира не выдержала.

— Ваши условия? — выдохнула она.

- Вам не нужна реклама своего места жительства среди московской деловой публики? - спросил я.

- Вы знаете ответ...

- Второй этаж, - проронил я.

- Вы хотите его снять?

- Нет, купить в собственность, - сказал я. - За хорошую цену.

- Назовите...

- Цену? Она складывается из пятидесяти тысяч долларов вашего долга, плюс - процентов, плюс - нашего молчания, - довел я до сведения продавца.

- Ох, я умираю, - обмякла Фира, закатывая глаза и хватаясь за морщинистое горло.

- В случае вашей смерти, - бесстрастно заметил ей Вова, - дальнейшие переговоры вы завещаете вести с вашими наследниками?

- Хорошо, - молвила старуха убито. - Когда вы въезжаете?

- Въезд состоялся, неужели вы не заметили? - изрек Василий.

- Вы садист! - ответила ему старуха. - Вам надо в охрану концлагеря!

- Кстати, об охране, - кивнул Василий. - Считайте, что теперь она у вас есть. Круглосуточная и бесплатная, между прочим. Вам бы радоваться... Жить будем дружно, Фира Моисеевна станет готовить нам рыбу-фиш, сырьем мы ее снабдим. Вы умеете готовить рыбу-фиш, Фира Моисеевна?

- Но здесь нет щуки...

- Сойдет барракуда, - высказался старожил Василий.

Так мы решили проблему с жильем. И уже вечером сидели, попивая вино, на балкончике собственного дома с резными перилами из канарской сосны в неуклонно чернеющих сумерках, растворяющих в себе горы и океан; глядя в сторону городского центра Пуэрто Дел Розарио, мерцавшего малиновым туманцем неоновых огней в сгушавшейся над островом ночи.

МОСКОВСКАЯ МЯСОРУБКА

Сидя в кабинете своего офиса, располагавшегося на одном из этажей научно-исследовательского института, Тофик, подравнивая ногти пилочкой, со скукой выслушивал томившегося на стульчике директора-академика, чей бывший кабинет он теперь занимал. Директор канючил о необходимости повышения аренды.

"Отжировали свое эти чертежники и ботаники!" - без какого-либо сочувствия думал Тофик.

Итог разговора был ему превосходно известен, жужжание академика настраивало на сентиментально-философский лад, но мысли внешнего хозяина кабинета были весьма далеки от нужд оборонной науки; думал он о вещах куда более важных и актуальных, а именно - о своих отношениях с группировкой Исы.

Проклятый чечен требовал компенсации за проваленную операцию с кокаином, обвиняя в провале его, Тофика.

Володин скрылся, хотя Иса утверждал, что след его отыскан, возмездие близко, и враг непременно будет казнен. Однако с тем же упорством, с каким размышлял осведомителя, чечен настаивал на

сто процентной компенсации группировкой Тофика понесенных потерь, причем с учетом упущенной выгоды!

Такое требование приводило Тофика, упрямо отнекивающегося от ответственности, в ярость. Чечен обнаглел! Но, с другой стороны, оспаривать его вождения было нелегко: Иса занимал куда более сильные позиции в криминальном мире столицы, нежели Тофик.

Зазвонил прямой телефон, известный исключительно избранным.

– Тофик? – услышал он бесстрастный, твердый голос. – Это – Константин Иванович, как бы встретиться?

– В любое время... – пробормотал Тофик.

– Через час сможешь?

– Где обычно?

– Да.

Тофик положил трубку, задумчиво прищурившись, поглядел в серый провал окна.

Константин Иванович – полковник, деловой мент из центрального аппарата, с кем Тофик был знаком более трех лет, только что отмазал его от РУОПа, получив за очередную услугу щедрую плату, и нынешний звонок его мог оказаться весьма кстати – порой мент предупреждал Тофика и о тайных происках своих коллег, и о замыслах арагов из криминального мира.

Естественно, Тофик не ведал, что полковник играет с ним, как кот с опасной крысой, проводя долгосрочную операцию по осуществлению многопланового контроля за деятельностью столичных преступных группировок. Он не знал, что ФСБ, взяв его персону на особый контроль после завалившейся операции с кокаином, готовит, выйдя на заинтересованных коллег из Министерства внутренних дел, собственную акцию по развалу оживившихся после войны чеченских бандитских формирований, день за днем укрепляющихся в преступном мире России.

Слякотным мартовским полднем Тофик стоял, зябко вобрав голову в приподнятый воротник пальто, у памятника великому поэту Пушкину, несколько строк из творчества которого когда-то он даже знал.

Сейчас Тофик пытался вспомнить эти строки.

Из глубин памяти тяжело поднимались на поверхность слова:

“Мой дядя самых чистых “правил”... Э... Как там про телку? “Передо мной заявилась ты...”

Большого Тофик вспомнить не мог. К тому же праздное занятие прервал своим появлением энергичный, жилистый Константин Иванович.

Под грустным взором чугунного гения состоялся следующий разговор:

– Есть данные. На тебя, Тофик, пристреливают железо твои братья-мусульмане... По питерскому эпизоду.

– Знаю... – процедил Тофик равнодушно. – Пусть...

– Тогда я пошел, – сказал собеседник. – Извини за внимание. Чувствую, сам отобьешься.

– Не, ты чего? – Тофик удержал его за рукав. – Если вышел на тему, развивай...

– Сначала вопрос: чего ты с наркотой связался? Паскудное же дело...

Тофик пожал плечами.

- Не будь наркотиков, было бы что-нибудь похуже, - заметил со вздохом.

- Вот так, да? Интересная точка зрения. - Константин Иванович замолчал.

- Так и чего чехи? - осторожно полюбопытствовал Тофик.

- "Чего"? Не заплатишь, покрошат они тебя. В справедливом соответствии с "понятиями". Правда за ними, как не юли.

- Есть предложения?

- Есть... - Полковник задумчиво обозрел тонущие в сыром тумане крыши зданий старой Москвы. - Сейчас можно сбить на взлете Ису.

- Как?

- Из ствола.

- Да ты чего, начальник? - усмехнулся Тофик затравленно. - Ты знаешь, какие пойдут разборы? Какая война разгорится? - Он злобно поежился. Водяная взвесь, витавшая в воздухе, покрывала его модную - волосик к волосику - прическу влажным бриллиантовым.

- А не будет никакой войны, - мрачно усмехнулся собеседник. - Все сделаем чисто. Момент тут выдался редкий... У Исы заморочка с залетными сибиряками, с молодняком... Ну, молодник сгоряча "стрелку" ему забил, да только опомнился вовремя, и на "стрелке", чтобы не терять гонора, отъедет от претензий с предложениями сотрудничества... "Стрелка" завтра. Расклад: трое чехов, Иса, двое залетных. Залетные-обмороки в следующем составе: один боец и их вождь Унесенная Крыша. Две машины. Делаем так: твои люди замесят и тех, и других. Милиции в округе не будет, я обеспечиваю чистый горизонт. Далее... - Он закурил, покосившись на высившегося в пасмурном белесом небе поэта. - Гарантирую следующий вывод по следственным мероприятиям: молодник был обкурен, начал палбу, в итоге все погубил. Ну, двое пострадавших скончались в больнице... Усек?

- Что это даст? - спросил Тофик.

- Многое, - ответил полковник. - Кто на место Исы взойдет? Юсуп или Хунахи. Все, у других не выгорит. А они слабые, понимаешь? Иса же все на себе замкнул - деньги, возможности, связи... А их, мелюзгу понтовую, сожрут. Наши братья-славяне. Все рассчитано. А уж то, что не до тебя им будет - точно!

- Твой интерес? - промолвил Тофик, застывшим взором вглядываясь во взвесь заполонившего городское небо дождя.

- Пятьдесят тысяч за все про все...

- Хорошо. А если дело возобновится?

- Питерское? - Полковник в сомнении качнул головой. - Нет. Им с тобой затеваться будет - как ошпарившись кипятком...

- Деньги - после раздачи свинца, - сказал Тофик.

- Пожалуйста, - пожал плечами полковник. - Ты - человек порядочный, я верю... Но тут есть и нюанс, Тофик. Плохой нюанс! - Он поднял палец, указав им в туманную высь.

- Ну? - настороженно спросил Тофик.

- Отирается возле тебя в подручных некто Гриша из Мытищ, - сказал полковник. - Хороший парень, нет?

- Все мы хорошие... — ответил Тофик напряженно.
- Стучит Исе, — вздохнул собеседник.
- Во как! — произнес Тофик обескураженно.
- Да, ты расстроен, понимаю. Доверял человеку, да? Но, чтобы на будущее знал, поясню: осведомитель не тот, кто выспрашивает и вынюхивает. Осведомитель — тот, кому ты сам с упоением все выкладываешь... Ладно, чего тебя про агентурную работу просвещать... В общем, действовать придется с поправкой. Во избежание утечки информации. На дело должны пойти абсолютно надежные люди. Есть такие? Хотя — что я говорю? Относительно надежные...

Вернувшись в офис, Тофик незамедлительно отзвонил Исе. Сказал:

— Расчеты по Питеру — на следующей неделе. А пока — вот что. Предложили грунт. Я взял образец. Посмотри, чтобы не было вкладок, не хочу тебе поперек пути становиться... "Левый" народ предложил, тебе его в случае чего передам, сам разберешься...

"Грунт" означал партию золотого песка. Это был чисто чеченский бизнес, влезать в который не стоило. Бизнес, окропленный кровью сотен сталинских переселенцев с Кавказа, оказавшихся на магаданских приисках. Именно отсюда еще с пятидесятых годов потянулась золотая контрабандная ниточка, питавшая возврат депортированных семей из степей Казахстана, из тундры, тайги и пустынь обратно, под перестук хрущевской оттепели. Она, ниточка, не истончалась, лишь крепла с годами, и ныне магаданским золотом оплачивалось оружие независимой Ичкерии, ее свобода.

Таким образом, жест Тофика был вполне логичен и демонстрировал несомненное уважение к монополистам данного криминального направления.

После Тофик связался со своим родным братом и ближайшим поверенным — Исмаилом, кому раскрыл тайну о стукаче в рядах верноподданных бойцов.

Посоветовавшись, решили так: Исмаил и предатель-Григорий отправятся вечером на квартиру к Исе якобы с деньгами за оплату конфискованного кокаина.

Григорий останется в машине, а Исмаил, поднявшись в квартиру, передаст Исе портфель с пакетиком золотого песка.

Дабы исключить после передачи портфеля какие-либо контакты между предателем и чеченами, Исмаил и Григорий этим же вечером срочно командировались на два дня в Калугу для контроля дел, связанных с реализацией марихуаны.

Перед торжественной передачей портфеля брату, собрав особо доверенных лиц, включавших предателя, Тофик грустно объявил, что выдвинутые Исой претензии абсолютно справедливы, и с ним — хочешь не хочешь — предстоит расплатиться. После чего разродился пространной речью о необходимости мужественно мириться с потерями, поскольку без них не обходится никакой бизнес; о глубокой личной порядочности и умении опять-таки мужественно, отдавать долги и выполнять взятые на себя обязательства.

По окончании политико-воспитательной работы он подтолкнул лежащий на столе портфель в сторону Исмаила.

Открыв портфель, тот важно кивнул, жестом предлагая рассмотреть сидевшему рядом с ним Григорию ровные сотенные пачки. Тофик же, ткнув пальцем в агента противника, распорядился:

— Вдвоем поедете. У тебя, Гриня, лицензия на оружие с собой? Хорошо. Подстрахуешь, деньги немалые... А оттуда — в Калугу. Все! Да, машину возьмете "колхозную", чтобы менты не цеплялись. Вот теперь — все!

"Колхозной" машиной считался "жигуленок" с горбатым багажником, притороченным к крыше. Сотрудники ГАИ на сей вид транспорта реагировали вяло, как рыбаки на верховодную солитерную плотву.

Раздав остальным подчиненным необходимые указания по текущим делам, Тофик покатил в подмосковную Малаховку, где жил на его новой даче прибывшие погостить и развеяться в столице родственники — трое боевиков из Баку.

Троица, пробавлявшаяся заработками в Карабахе и в Чечне, откровенно скучала в излишне цивилизованной по ее понятиям Москве и уже собиралась обратно, готовясь, навестив живших в Азербайджане родителей, отправиться затем пытать счастье на землю Таджикистана, где их брали в боевой отряд оппозиции на высокие валютные ставки.

Гости всерьез докучали своим присутствием высококультурному, способному цитировать Пушкина Тофику, не знавшему, как урезонить их зверскую сущность готовых на постоянную схватку и востокоставшихся по крови плотоядных.

Теперь же он думал, что головорезов ему прислало само провидение: в группировке их никто, кроме верного Исмаила, не знал, а, растаяв в просторах Памирских гор, возвратиться в благостную столицу России они уже навряд ли бы пожелали — здесь было слишком сложно и скучно: цеплялась с бесконечными проверками документов и обысками машины милиция, в пустых дорогах ресторанах царилла зауспокойная тоска, а какого-либо применения себе в группировке, не стремящейся к боевым действиям, они не находили.

Убийцы встретили предложение хозяина поучаствовать в горячем деле с готовностью и восторгом.

Обозначенный в девять тысяч долларов гонорар предметом торга не стал: закисших без дела боевиков интересовали не столько деньги, сколько предстоящая бойня.

Вручив соотечественникам радиостанции и три новеньких "Калашникова", Тофик отбыл домой, из машины связавшись с Калугой: Исмаил сообщил, что в Гришу влит литр водки, он спит, как полено, никому в Москву не звонил и проснется не раньше полудня. Портфель Иса взял. В квартире, помимо Исы, находились двое охранников, но содержимого портфеля они не видели. К тому же охранники — молодые сельские парни, недавно прибывшие из Чечни, дремучие и примитивные, по определению полковника, не могли быть посвящены ни в какие сколь-нибудь серьезные дела и переговоры.

Такая информация Тофика порадовала.

В десять часов утра следующего дня он уже был в офисе, на радиосвязи с боевиками.

“Стрелка” Исы с сибирскими отморозками планировалась на одиннадцать.

Без пяти минут одиннадцать бойцы Тофика, еще с рассветом детально изучившие местность и пути отхода, сообщили, что автомобили чеченов и затетных прибыли.

— Ну, мы пошли! — прозвучало в наушнике.

Тофик изнеможенно откинулся в кресле, покрывшись противным вонючим потом.

“Только бы получилось, только бы не обманул мент...”

Радиостанция запищала сигналом вызова.

Схватив мертвой хваткой плоскую коробочку с цифровым табло и зелено мигающей лампочкой, Тофик выкрикнул в прорезь микрофона выжидательно-нервное:

— Ну?!

— Сделано! — ответил беспечный голос. — Все! Сталь бросили, едем в Малаховку пустыми. Девоч нам обещал, помнишь?

— Будет! — воскликнул Тофик радостно. — Этого добра...

Поздним вечером, приехав из загаженной боевиками дачи в Малаховке в московскую квартиру, он сидел у телевизора, глубоко-мысленно и скорбно кивая в такт словам комментатора об очередной кровавой расправе между представителями преступного мира.

В больницу никого везти не привелось. Все жертвы, включая чеченского авторитета, погибли на месте.

Обозрев зафиксированный камерой кровавый гуляш, Тофик, горестно вздохнув, подсчитал расходы.

“Пятьдесят — менту, девять — ребятам, трешка — оружие и патроны. Пакет с золотишком... Бензин...”

Скривился: дорого!

Затем налил рюмку конька, выпил, задумчиво глядя в черную плоскость экрана выключенного телевизора.

“Пронесет или нет? Должно...”

Весь последующий день он выражал соболезнования членам чеченской общины.

Соболезнования принимались.

Исмаил и Григорий прибыли из Калуги поздним вечером.

Григорий еще должен был пожить месячишко-другой как надежный свидетель передачи денег за кокаин, и потому встретил его Тофик братскими теплыми объятиями.

Отныне претензии преемников Исы, как полагал Тофик, напрочь и категорически могли быть отвергнуты. Он заплатил всю сумму компенсации, а уж куда покойник дел деньги, это, ребята, если неизвестно вам, его соратникам, то уж откуда известно бедному Тофику? Ищите...

Все было прекрасно!

ЧЕЧЕНСКИЙ СЫСК

Известие о смерти Исы Аслая и Джамбика восприняли с горечью: очень жалко было денег, отданных за изувеченный “БМВ”.

Они уже собирались покинуть Берлин, где, отъевшиеся на отменном немецком питании земляки, получившие благодаря прошедшей войне и бараньей наивности гуманных властей статус беженцев, довольно приветливо приняли их, накормив в хороших ре-

сторонах, снабдив беспроцентными ссудами и сведи с людьми, торгующими необходимым для дела оружием.

Вскоре испанский тихоходный паром, несущий в своих недрах отремонтированный немецкий "опель" с голландскими номерами и двух чеченцев с фальшивыми паспортами граждан США, причалил к африканскому берегу острова Тенерифе.

Начиналась операция возмездия.

Как именно операцию осуществить, кавказские мстители отчетливо не представляли, полагаясь на импровизацию по обстоятельствам и пистолеты системы "Макаров" со спиленными номерами.

Сняв одноместный номер и отобедав в ресторане, Аслан усадил коллегу за столик одного из открытых ресторанчиков на самой оживленной улице Плайа де Лас Америкас, дабы тот мог контролировать передвижение толпы, отслеживая в людском потоке появление искомого лица, а сам отправился по многочисленным отелям юга острова, справляясь о мистере Володине – своем приятеле, проводящем отпуск на здешнем побережье.

Портье предьявлялся фотомонтаж, где на фоне нью-йоркских небоскребов виделись стоявшие в обнимку охотник и жертва. Туловище жертвы принадлежало низкорослому, толстому Джамбику, что, как с досадой уяснил Аслан, могло сбить служителей с толку и явиться значительной помехой в идентификации ими разыскиваемого.

На закате третьего дня поисков Аслану наконец-таки повезло: в одном из убогих пансионов его категорически заверили, что интересующее сеньора лицо здесь побывало, причем в компании трех своих попутчиков, прибывших сюда на "мерседесе" с российскими номерами. Гости, аккуратно оплатив проживание, отбыли на ночной паром, направляющийся на соседний остров Фуэртевентура.

Восторга от подобной информации сыщики-мстители не испытали: предстояло нести новые траты, отправляясь в неведомую даль. Кроме того, Канарские острова, представлявшие микроскопическими пятнышками суши, где каждый человек на виду, на практике обернулись территорией с многомиллионным населением, городами и весями, скоростными автострадами и сотнями километров пляжной зоны, где в критической ситуации можно было вполне обрести ночлег.

Ступив на дикую землю Фуэртевентуры, Джамбик, покрутив головой из стороны в сторону и обнаружив вокруг лишь плешивые вулканические холмы и редкие беленые надолбы мельниц с черными конусами крыш, сказал:

– Куда попали, а?! Чечня просто...

– Сравнил! – отозвался Аслан угрюмо. – Где нефть? Оружие где? Певзда не ходят, добычи нет... Где скрыться? Кругом вода. Как жить будешь?

– Да, людям здесь тяжело, – скорбно подтвердил Джамбик.

АЛИХАН

Никаких существенных интересов, а потому и широких оперативных возможностей, у российских спецслужб на Канарах не имелось, и, вылетая на Тенерифе, Алихан рассчитывал исключительно

на собственные силы и опыт. Впрочем, отсутствие поддержки его ничуть не смущало. Он отправлялся в демократическую страну, что означало отсутствие тотального полицейского контроля; местная специфика могла нести в себе определенные трудности чисто технического характера, легко поддающиеся анализу, а исход из любой необходимой акции так или иначе решали навыки и прочие уясненные схемы, составлявшие суть ремесла.

Ликвидация Одинцова им не исключалась, поскольку вполне вероятно и логично мог быть контроль за выполнением задания со стороны внешней контрразведки, и если "жандармерия", прибывшая с материка, всерьез обставит его эксфильтрацию — то бишь уход с территории проведения акции — своими заслонами, он может полатиться головой за неподчинение приказу и двойную игру.

Так что боевая дружба и солидарность — это одно, а цена за высокий порыв к состраданию и благотворительности — другое, тем более что склонности к самопожертвованию Алихан в себе не отмечал.

Одинцова следовало разыскать в любом случае.

Алихан остановился в приличном отеле, выпался и, арендовав машину, поехал в горы, в чащобу длиннохвойных канарских сосен, сверяясь с выданным ему в Москве маршрутным листом.

Лес сменился альпийским ландшафтом с блекло-бирюзовой и желтоватой высокогорной растительностью, похожей на коралловые кусты, чьи обширные поля тянулись к пепельно-серым отвесным склонам щербатых гор.

Вдохнувшись философски, он остановил машину на обочине, под высившимся на склоне коренастым, с узловатой корой деревцем с плоской, словно бы усеченной по горизонтали кроной.

Вытащил из кармана приемное устройство, похожее на автомобильный брелок. Кнопкой включил питание.

Описание тайника и проход к нему были известны, но, чтобы не плутать среди кустов и гигантских комьев лавы, он воспользовался аппаратурой поиска.

Стрелка на цифровом табло качнулась влево, указывая направление.

Неотрывно глядя на нее, он пересек узкое шоссе и двинулся сквозь реликтовые заросли, прислушиваясь к прерывистому попискиванию умной электроники.

По табло побежали концентрические круги, писк слился в протинную пронзительную ноту...

Он стоял над тайником.

Осмотрелся. Разбросал подошвой кроссовки крошку бурой пены, присыпавшую прочный пластиковый чемодан, тщательно собранный им в Москве.

Наступил щекотливый момент.

Кто знает, может, закладчика тайника "вели", и выемку сейчас снимают камеры контрразведки сразу с нескольких углов? Ему, конечно, дадут дойти до машины, погрузить в нее чемодан, а вот что будет потом? Дорогу перегорядят машины, из которых посыпятся полицейские и радостные спецы в штатском?

Нет, все должно пройти без эксцессов. Место тайниковой операции, на его взгляд, выбрано неудачно, однако здешним шпионам

виднее, как ее проводить, и остается лишь надеяться на их компетентность.

Он положил тяжелый чемодан в багажник и, развернувшись, позвонил обратно в отель. Теперь следовало позвонить в Москву, сказать, что "сувенирами" он запасся и дело, мол, за теми, кому они предназначены...

"Аппаратура", находившаяся в чемодане, в любом случае представляла для него немалую ценность. Это был необходимый набор превосходно подобранного инструмента: винтовка с оптикой, "Уга", маленький "Вальтер-ППК", девятимиллиметровая "Беретта", глушители, боезапас, жилет, "жучки", комплект портативных радиостанций, пакет с пластиковой взрывчаткой и яды.

Его не спрашивали, зачем для проведения акции "Л" с невысокой степенью сложности, понадобился столь громоздкий багаж, зная, что вероятны любые ситуации, и исполнитель вправе диктовать условия по снаряжению. Тем более исполнитель его класса, не нуждающийся в комментаторах и наставниках.

Связи ему не дали, но выход на нужного человека, постоянно живущего на острове, имелся. Человек — репатриант из России, один из тысяч "детей войны", работал как партнер российской турфирмы, используя спецслужбу втемную. Родственник его служил в полиции, и по разработанному в Москве плану Алихан должен был выйти на чиновное лицо, способное помочь в розыске Одинцова.

Вечером они встретились в ресторане, и Алихан, сокрушаясь, поведал, будто перед самым отъездом узнал, что на Тенерифе отдыхают его близкие друзья, прибывшие сюда, вероятно, на машине, и как бы замечательно было встретиться с ними на испанской земле... Да вот незадача — где их искать?

Полицейский обещал помочь.

Утром он позвонил Алихану в номер, сказав, что иммиграционная информация на сеньоров Одинцова и Володина власти не раслагают, и потому ему необходимы данные на машину.

Данные Алихан с готовностью предоставил. Затем, положив трубку, вышел на балкончик и уселся со стаканом яблочного сока за белый пластиковый столик, думая при этом:

"Рай, суций рай. И как здесь живут? Сдохнешь от скуки!"

Затем Алихан оделся, вышел в город, без интереса разглядывая витрины лепившихся друг к другу магазинчиков; поплескался в океане и возвратился обратно в гостиницу, не переставая удивляться, как могут приезжающие сюда туристы жить в этой пустопорожней кирване неделями, руководствуясь схемой "отель-пляж-ресторан".

Беспокоило отсутствие каких-либо следов Одинцова, хотя, с другой стороны, к чему бы полковнику было следы оставлять?

Он уже решил включиться в самостоятельный поиск, но вечером вновь позвонил обязательный полицейский, сказав, что искомый "жирседе" паромом переправлен на соседний остров Фуэртевентура.

Алихан искренне поблагодарил информатора. Наконец-то началось хоть какое-то движение, и тягостный застой, подобный лому варкомана, сменялся действием.

Изучение карты малонаселенного острова вселило оптимизм: теоретически требовалось максимум три дня, чтобы обнаружить на нем машину и выйти на беглого полковника.

Сообщив в Москву, что объекты проскользнули мимо фильтров иммиграционных постов и существует необходимость проверки исходных данных по их местоположению, Алихан отбыл в порт.

Утром следующего дня на арендованном серебристом "пежо" он ехал по крутым дорогам Фуэртевентуры, наслаждаясь близостью гор, чьи склоны и долины напоминали родной афганский ландшафт.

Первым делом решено было прочесать квартал за кварталом самый крупный населенный пункт острова — Пуэрто дел Росарио.

Проезжая мимо пирса, он углядел черный "мерседес", мгновенно бросившийся в глаза: островные машины, как правило, отличались однообразной белизной.

Еще не веря в удачу, сладко ударившую в обмершее сердце, он, снизив скорость, приблизился к парковочной площадке, присмотревшись к номерам автомобиля.

Точно! Он нашел! В очередной раз спасибо судьбе!

Капот "мерседеса", теплый от солнца, не парил жаром остывающего двигателя, из чего Алихан сделал заключение: автомобиль стоит здесь достаточно давно.

Оставалось ждать, когда кто-либо подойдет к машине.

Заняв удобное для наблюдения местечко на открытой веранде ресторанчика, Алихан заказал обед и, потягивая из высокого запотевшего стакана ледяную кока-колу, ленивым взором осмотрел зал с картинами местных художников, где фигурировали плешивые горы, щиплющие редкую травку дикие козы, в изобилии водившиеся на острове, и островерхие водонапорные мельницы с сетчатыми лопастями.

Сидеть в ресторане пришлось довольно-таки долго.

Уже в наступающих сумерках Алихан увидел, как в заводь, погасив движок, заплывает, бесшумно взрезая темнеющую воду, катер с пятью мужчинами на борту.

Прижав борт судна к амортизаторам из автомобильных покрышек, укрепленных на сваях пирса, команда принялась выгружать оборудование: акваланги, гидрокостюмы, подводные ружья...

Распоряжения давал седой сутулый старик — жилистый, с уверенными движениями, жестким лицом человека, прошедшего через многие жизненные бури.

А вот и беглый полковник... Явно уставший от морского путешествия, но и явно посвежевший, прибавивший какой-то внутренней силы — это Алихан обостренным своим чутьем уяснил сразу.

Да, тот помятый, затравленный человечек с платформы московского метро куда-то исчез, сейчас Одинцов был прежним — сосредоточенно уверенным, знающим себе цену и — занятым... Определенно занятым! Но чем? Рыбалкой, что ли?..

В одном из рослых, весьма похожих друг на друга парней с тренированными бицепсами и с крепкими шеями узнался заочно знакомый Володин. Второй парень, видимо, был его братом.

Сноровисто зачехлив грубым брезентом катер, последним его покинул подвижный, с курчавой рыжеватой шевелюрой молодой

человек в очках, на лбу которого словно была пропечатана характеристика: "аферист".

Аферист небрежно выкинул на настил пирса увесистый кулан с двумя тунцами и акуленком.

Следуя за "мерседесом", Алихан анализировал увиденное.

Компания собралась здесь не случайно и в море выходила, похоже, не только для глубоководной рыбалки, как это выглядело внешне. Пять здоровых мужиков, конечно же, могли скрываться от всякого рода неприятностей на далеком острове в Атлантике, но назвать данную территорию надежным убежищем нельзя. Значит, перебравшись сюда на машине, беглецы преследовали какую-то цель.

Какую?

Выяснив место проживания компании, Алихан отправился в путь.

Проснувшись в четыре часа ночи, он, собрав необходимое оборудование и прихватив малышку "Вальтер", проследовал к примечной вилле.

Перемахнув через забор, очутился в густом кустарнике, откуда хорошо различался дворик.

В сумерках белел гамак, на темной траве лежал большой пестрый мяч.

Очевидно, помимо взрослых, в доме жили и дети.

Обогнув дом, Алихан обнаружил с тыльной его стороны окрашенную битумом широкую сварную лестницу, ведущую к черному входу на второй этаж. Существование такого сооружения было весьма кстати.

Он вернулся в кусты, продолжая наблюдение.

В девять часов утра на вилле началось движение. На крыльце появилась карга в драном халате, с выглядывавшей из-под него ночной рубашкой, и, разинув пасть, смачно зевнула. А вскоре виллу покинули мореходы, волоча баулы с подводным оборудованием. Ни малейшего оживления на их лицах Алихан не заметил. По всему чувствовалось, что люди отправлялись на тяжкую, но необходимую работу.

За забором послышался шум отъезжающего "мерседеса".

Вновь вышедшая на крыльцо карга выкрикнула в глубину дома:

— Что там у этих бандитов на втором этаже? Они вчера купили какие-то тюфяки... ты видел?

— Они врезали свой замок, мама! — прозвучал горестный ответ.

— Проходимцы! — высказалась карга с чувством и смачно плюнула на газон. Затем, покачав сокрушенно головой, обмотанной несвежим вафельным полотенцем, продолжила: — Пора будить детей, Наум!

— Пусть еще поспят!

— Вот-вот, пусть... — шепнул Алихан, пробираясь к лестнице.

Замок оказался простым, не понадобилось и отмычек: язычок легко отодвинулся вовнутрь под нажимом вставленной в щель пластиковой карточки.

Три небольших комнаты, составлявшие второй этаж, использовались как наспех оборудованные спальни, заставленные матрацами.

На маленькой кухне присутствовала лишь утварь туристическо-походного образца.

Все это – включая диалог старухи с лохматым ее родственником, вероятно, сыном, было немаловажной информацией, хотя главные вопросы, интересовавшие Алихана, оставались безответными.

Осторожно ступая по деревянному скрипучему полу босиком, он установил два “жучка”; затем произвел поверхностный обыск помещения, обнаружив в духовке газовой плиты тротиловые шашки с детонаторами, а под журнальным столиком – прикрепленный липкой лентой к внутренней стороне столешницы – искренне им уважаемый за уникальные боевые качества “Глок-17”.

– В каждой избушке – свои игрушки, – заметил шепотом и, спустившись по лестнице, снова нырнул в цепкий, густой кустарник.

Вернувшись в отель, позавтракал и отправился в сторону пирса.

Черный “мерседес” стоял на прежнем месте. Катера в заливишке не было.

ОДИНЦОВ

Прошлая жизнь казалась ему дурным затянувшимся сном, из чьей вязкой трясины он с трудом выбрался в реальность. В реальность, где все было настоящее: солнце, воздух, небо. То, в чем изначально нуждался человек. Солнце же из того сна позволяло лишь различать предметы без помощи электричества, воздух был тяжел и безвкусен, а неба и вовсе не помнилось – так, серенькая или же чернильная завесь над головой...

И не без горькой усмешки он задумывался над тем, что обозначалось мистиками, как реинкарнация, сравнивая себя нынешнего с неохотно вспоминаемым недавним “я”.

Тот прежний человек был ему попросту неинтересен. Тот был замкнут в круге скучнейших обязанностей, гнусных интриг якобы государственной значимости, стремления выжить, найдя себе местечко в тепленьком навозе привилегий, а он, Сергей Одинцов для настоящего, вдруг осознал неожиданную, но и естественную истину: есть неглупый, здоровый мужик – не молодой, но и не старый, счастливо избегнувший увечий, когда пробуксовавшее колесо российской истории выбросило его в простор мира, в иное бытие, которое, не страшась, надлежало начать с чистого листа.

Поутру они уходили в океан. Прежде Одинцов был знаком с ним как курортный купальщик, даже не подозревая, какую слепую безбрежную мощь таит в себе открытое пространство дикой глубокой воды, равнодушно готовой поглотить чуждых ей человечков с их моторизованными скорлупками и водолазными приспособлениями.

Море не нуждалось в людях. Они были инородны ему. И человеческая любовь и восторг перед синими просторами извечно, как уяснял Одинцов, оставались неразделенными.

Про себя он восхищался стариком, спокойно и уверенно обходившимся с этой неукротимой стихией, некогда едва не погубившей его. Старик, успешно выдержавший атаку времени, негибкий, полный оптимизма и внутренней силы, знал повадки океана,

лах дрессировщик — натуру хищников. И когда у Одинцова, неизменно терявшего направление к берегу в бескрайности водной шири, захватывало дух от осознания всей жути простиравшейся под днищем суденышка бездны, он невольно переводил взгляд на бывшего моряка, равнодушно cedившего указания команде.

Остальная троица, усвоившая в свое время мореходные навыки, также не паниковала перед жестоким водным миром и противодействовала качке и ветрам на удаление слаженно.

Необходимую отмель удалось найти лишь на пятый день упорных поисков.

Когда капроновый трос с грузилом, заменявший эхолот, в очередной раз канув в глубину, внезапно остановил свое скольжение на колесике блока, и бурунчик волны взвихрился на бирке с отметкой "50 м", старик, удовлетворенно крикнув, произнес:

— Вроде она... На самый край вышли, давай лево руля...

— Может, нырнем? — спросил Одинцов.

— Куда? — удивился старик.

— Как куда?

Команда зашлась в хохоте. Старик, цыкнув на развеселившуюся молодежь, пояснил:

— Успеешь. Банку очертить надо. Границы нащупать. Иначе проныряешься. Пока — туда, пока — сюда... Весь керосин на компрессор ухайдокаешь. Акваланг — не жабры. Боезапас. Все поза?

Банку очерчивали два дня, ставя притопленные буйки. Затем, определив ее условный центр, начали готовиться к погружениям.

Первым ушел в глубину Игорь.

Одинцов проводил взглядом черные плавники ласт, растаявшие в сумеречной придонной сини.

— Будем ждать результатов, — вздохнул моторист-Василий, любовно протирая старым дырявым полотенцем лоснящуюся черным затертым пластиком защитную крышку мощного движка.

Потянулись минуты ожидания.

Страховочный трос чертил по воде, меняя углы наклона.

Наконец из воды показалась маска, после на днище катера полетело подводное ружье и адоренный, в светло-коричневых мраморных прожилках, осьминог, грузно шлепнувшийся под ноги Одинцову, инстинктивно отпрыгнувшему в сторону от омерзительных, в белых болячках присосок, щупалец.

Ваобразившись на борт, Игорь беспечно заявил:

— Не слышу выражения благодарности за обеспеченный моими трудами ужин. Аплодисменты, пожалуйста...

— Ты за чем нырял, обормот?! — повысил голос старик. — Ты чего, на рыбалку сюда прикатил?! По турпутевке?!

— Докладываю, — ответил пловец дурашливо. — Я проникал в недра мирового во всех смыслах океана в нелегальных поисках немецкой подводной лодки. — Он неторопливо растирал кончиками пальцев округлый багровый рубец, оставленный врезавшейся в кожу маской. — Намордник менять надо, — добавил с досадой. — Течет, резина старая...

— Сбиваетесь с курса... — недовольным голосом пробурчал старик.

— Да, я возвращаюсь к теме. Итак. На чем мы остановились? На поисках лодки. — Игорь коротко обернулся на рассерженного отца. Затем обескураженно улыбнулся, мотнув коротко стриженной головой. — Какие поиски, все найдено. Лежит наша "немка"! Подними!!! — проорал восторженно, ткнув пальцем себе под ноги.

— Чего?! Сынок, правда?!

— Правда, папая, правда! Твоя причем...

— Ну, рассказывай!

Одинцов переводил ошарашенный взгляд то на океан, то на в-бо.

Сбылось! Неужели — сбылось?!

— Значит, так, — продолжал Игорь устало. — Радоваться, если честно, пока нечему. Лодочка — не подарок. Затонула — во всех смыслах. Вся — в наносах песка. Шнорхель сгнил, но рубка цела, как каменная, хоть бы что ей...

— Ну, так железо-то какое! — вдумчиво и благожелательно поддержал старик. — А потом, кто его знает, почему, но морская вода порой консервант! Вроде все проесть должна, а наоборот!

— Крен на левый борт, — докладывал Игорь. — Дифферент — на корму. Туда не подобраться, полностью улезла в дно. Полазал в справа, дошел до отсека, где сортир с ящиками...

— Ну? — выдохнул Вова.

— Дырища... Метр железа до палубы чистый, без грунта, потом песок, а поверх песка — дыра. С футбольный мяч. Начал копать, она все шире и шире... Вода так обшивку прогрызть не могла. Значит... — Он помедлил. — Или боевое ранение, или...

— Или кто-то на лодочке уже побывал, — вырвалось у Одинцова.

— Все свинчивают до моего заезда, — заметил Василий убежденно. — Золотое правило. Без перспективы исключений из него. Нахожу место под солнцем — солнце заходит!

— Погодите пыль пускать в свежий воздух! — покривился старик. — Заныли, русалки! Дыра, прореха... Дай акваланг!

— Да ты чего, отец... Сорок три метра!

— Я с них всплывал!

— Ша! — бахнул кулаком в борт Вова. — Притихли, не на профсоюзном собрании! Ты, дед, себе бесплатной могилы не ищи. На сорока трех метрах чернешь — и дух из тебя вон... Я нырну! — Он закинул за спину баллоны, принял из рук Игоря ласты.

— А можно я? — вырвалось у Одинцова. — Прошу... Мне надо... А ребята?

— Сорок три метра! — повторил Вова.

— Да замотал ты со своими метрами! — взревел дед.

— Ладно, пусть ныряет чека... — с безразличной покладистостью согласился племянник. — Осваивает мирную специальность.

Натягивая гидрокостюм, Одинцов выслушивал поспешные наставления Игоря:

— Будешь на глубине, дернешь фал один раз: прибыл! Два раза — значит, с давлением в баллонах порядок...

— Три раза, — торопливо перебил Одинцов, уже многократно прошедший экзаменовку, — значит — выхожу наверх. Сучу фалом — спасайте...

— А если потрясешь три раза?

- Запутался, нужен страхующий.

- Верно. Ну, давай! Не спеши, окуни головку, отдышись, маску проверь...

- Понял.

- Смотри, тут, как в разведке, — одну мелочь упустишь, много чего крупного приобретешь...

Маска сидела плотно, как медицинская банка, воздух подавался обильно, и Одинцов, поглядывая на наручный глубиномер, не торопясь устремился в беззвучную, податливую глубину, ощущая, как исподволь растет давящая боль в ушах.

Он выдохнул воздух через нос и сделал несколько глотательных движений. Боль ушла.

В фиолетовом придонном сумраке увиделся черный надолб рубки с пеньками отвалившихся антенн, поникшая труба палубной пушки; ровно затянутый бархатом грязно-зеленых водорослей кордус, увязший в ровных и длинных барханах блеклого, утратившего с глубиной цвет, песка.

Подплыв к крейсеру, он не без волнения коснулся шершавой поверхности изъеденного солями металла — свидетеля иной эпохи, бывшего прикосновения давно ушедших в вечность людей — теперь безмянных...

От рубки проследовал к правому борту, высившемуся над ровным песчаным наносом, углядев отгнивший от корпуса шнорхель.

Следы пребывания Игоря увидел сразу: взрыхленный бархан и — неглубокую лунку, вырытую у канта шва, указывающего на переборку между отсеками.

Вплотную приблизившись маской к черной прорехе, Одинцов ощущал пальцами края отверстия.

Металл ломко истончался на них, но определить происхождение пробойны было сложно; единственное, что вселяло подозрение — ровная вертикаль правого края, словно прорезанная сваркой.

Из дыры пулей выскочила рыбка, ткнувшись в стекло маски, и Одинцов, едва не упустивший от неожиданности загубник, дернулся всем телом назад, на несколько секунд утратив ориентировку в пространстве.

Затем, вернувшись к пробойне, принялся углублять подкоп.

Плотный, словно спрессованный песок с трудом поддавался нарасно скребущим по нему пальцам, клубясь в воде и тут же оседая на прежнее место.

"Артель — напрасный труд", — подумал он и в подтверждение такой мысли услышал сухой щелчок контрольного устройства минимального давления, призывающий к всплытию.

Призыву Одинцов с готовностью подчинился, тем более вдали зелькнул темной могучей торпедой силуэт неизвестной по породе, но явно "стремной" рыбыны.

Взобравшись на катер, поведал компаньонам:

- Песок — как промерзший, не прокопать...

- А что насчет дыры? — поинтересовался Василий.

- О ней и речь... Не повясть... Без землесосного снаряда уныряешь!

- Где ж его взять? — поскреб подбородок самый старший человек на судне. — Землесосный... Таким бы управиться...

– Тротил имеешь в виду? – спросил Вова со значением.

– На него, родимого, вся надежда... Как бы вот только заправить его туда половчей...

– Это – не извольте беспокоиться, – сказал Одинцов. – Мое образование позволяет справиться с поставленной задачей. Тут три основных момента: герметизация взрывчатки, ее грамотная “оплетка” детонирующим шнуром и, главное, уплотнение...

– Что за уплотнение? – спросил Василий.

– Уплотнение, – ответил специалист, – есть метод регулирования и концентрации разрушительной силы взрыва. С подрывной работой незнакомы? Объясняю. Если положишь шашку динамита на асфальт и запалишь ее, вороночка будет так себе... А придави шашку мешком с песочком, первая же машина через крышу без колес в кювет слетит... Ну а песка тут... – Одинцов выразительно раскинул руки.

– Короче, твой фронт работы, – кивнул дед. – Диверсионно-террористический. Ну, запрягай, – обернулся к Василию. – Поехали осьминога шинковать, чего на волне беса качать...

– погодите, – сказал Одинцов. – Я вчера по шоссе ехал, видел рыбацкий поселок с пирсом... А потом на карту взглянул – он же отсюда практически по перпендикуляру приходится... Так чего мы горючку жжем, лишние мили нарезаем? Идем туда, договоримся с народом о парковке... А по шоссе на “мерседесе” – двадцать минут от дома...

– Мысль, – сказал Вова.

И резвые винты “Ямахи”, взбив клокочущую пену, задернули нос катера, устремив его в сторону неразличимого, застланного океанской ширью берега.

– А ты умел плавать, папа, – задумчиво молвил Игорь, ловя растопыренной ладонью секущие капли летящей из-под килля воды. – Тут на катере пока докувыркаешься – чокнешься...

– Это был вопрос желания, – сказал старик.

– Какого? – попросил уточнить Игорь.

– Наверное, желания вернуться сюда на плавсредстве со своими потомками... Еще вопросы есть?

В рыбацкую деревеньку они прибыли как раз к окончанию сиесты.

Пообедать решили в кабачке, располагавшемся на втором этаже старинного двухэтажного строения, громоздко высившегося над однообразными беленькими домишками на круче мощеной булыжником улочки.

Компания осталась дегустировать местные напитки, а Одинцов, поймав такси, покатил в город.

Он хотел побыть один. Хотел разобраться в себе, в той новой жизни, что несла его в неведомое будущее, трепетно и смутно предполагаемое в каких-то неопределенных прогнозах, хотя в одном он уверился прочно: к прошлому уже не вернуться. Нельзя возвращаться. Нельзя, как бы ни было трудно, какие бы препятствия не ожидали его. Он должен идти напролом или же карабкаться из последних сил, но двигаться только вперед; он еще сильный мужик, в как бы не диктовало слабование вернуться на брошенные рубежи, – в московскую обжитую квартирку, к старым друзьям и связям, он

обязан отринуть прежнее существование, чьей основой было усердное выживание, но никак не полноценная жизнь. А полноценная — значит, вольная.

Когда-то он подсчитал, что средняя жизнь человека равна всего лишь четыреста тысячам часов. Всего-то...

Ныне у него оставалось менее половины первоначально отведенного лимита. А контрольное устройство, вшитым сухим щелчком указывающее на минимальный жизненный запас в баллонах, в сухопутном плавании частенько не срабатывает.

А потому следует поднять все паруса!

Конечно, со временем — и весьма скорым, необходимость продолжать бег отпадет, полковник Одинцов сможет спокойно прийти в ту же контору за пенсионным удостоверением, но только подобное — успеется, и на родную землю он возвратится, чтобы лечь в нее...

Пройдясь по набережной, уселся на скамеечку, глядя на пляж, усеянный грибками солнцезащитных зонтов и бронзовыми телами кушальщиков.

Над океаном дрожало золотистое марево. Косые паруса яхт белели на синем горизонте глубокой воды.

Рядом с Одинцовым сидела какая-то женщина, читавшая газету. Не без некоторого удивления он, присмотревшись, уяснил, что газета отечественная, датированная вчерашним числом.

— Простите, вы... из России? — спросил механически, но еще прежде, чем вырвались эти слова, лицо его словно обдало внезапным лихорадочным жаром и, пристально и заворуженно глядя в ее зеленоватые, растерянные от нежданного вопроса глаза, он, обмерев, понял:

“Вот! Она!”

— Да, из России. — Интонация была отчужденной, но и парадоксально доброжелательной. Или так ему показалось?

“Она!”

Его захватило какое-то безошибочное чувство обретения того, к чему подсознательно шел всю жизнь.

Впрочем, такое уже однажды случилось...

Когда-то, в другой жизни. Он ехал в автобусе и увидел женщину. И также пронзительно понял: вот, нашел! И надо обязательно подойти, заговорить, ни в коем случае не дав ей затеряться в толпе за сомкнувшимися на остановке дверьми...

Но в руках Одинцова была какая-то дурацкая авоська, из которой выглядывал мороженный рыбий хвост, он был одет в старое неуклюжее пальто, специально предназначенное для автобусной толпы, а дома его дожидалась законная супруга — с ужином и гостеприимно распахнутым халатиком.

Незнакомка же смотрела на него выжидающе и внимательно. Она тоже понимала: вот он...

А он... отвел глаза в сторону и, когда уже она выходила на остановку, воровато покосился ей вслед, поймав взгляд, в котором с удрученной насмешкой читалось: что же ты...

И эта давняя немая встреча, свиспосланная, конечно же, свыше, долго и мучительно досадно грызла его пустотой своего исхода.

Вторично отвергать благосклонно предоставляемый судьбой шанс он не желал.

– Здесь продают русские газеты? – спросил с вымученной проницательностью, глядя на русую милую челку и нежную кожу щек, покрашенную от настырно дуящего бриза.

– Нет, заехал приятель мужа, привез... Хотите почитать?

– Захватывающие новости об очередных убийствах и о злодеяниях наших коррупционеров? Нет, наверное... – Он покачал головой. – Это что-то вызывает у меня неизменно безответный вопрос: может ли наступить конец света в одной отдельно взятой стране?

Она усмехнулась. Спросила без интереса:

– Отдыхаете здесь?

– Живу... Вроде бы как.

– А вот это действительно новость... – Она изучающе посмотрела на него. – Думала, я здесь одна такая... Из России, имею в виду. Впрочем, я здесь с ребенком и с сестрой мужа... Так что не одна...

– А что же муж?

– Муж... – Неопределенно качнула плечом. – Муж когда-нибудь тоже присоединится, надеюсь. А пока живет в Ленинграде, Питере то есть. Работает...

– Я понял, – сказал Одинцов. – Правильное решение.

– Что вы поняли?

– Что лучше и проще, – кивнул на газету, – заботиться лишь о собственной безопасности и не звонить каждые полчаса домой, справляясь, все ли живы, вернулся ли ребенок с улицы...

Она не ответила, напряженно вглядываясь в океанскую даль, словно пытаясь различить в ней лишь одно ей ведомое.

– Послушайте, – произнес он. – Я... безо всяких, поверьте...

– Вы хотите меня куда-нибудь пригласить, – подсказала она безучастно.

– Да, – подтвердил он. – С искренним уважением ко всем обязательствам вашего брака.

– Врете.

– Знаете... – Он улыбнулся смущенно. – Что, если я возражу вам такой вот фразой: "Я практически вас не обманываю..."

Она рассмеялась.

– Хорошо. Угостите даму мартини?

– Как вы думаете, каким будет ответ? Кстати, меня зовут Сергей.

– Вера... – Она протянула ему тонкую, нежную ладонь.

– А сестру зовут Надеждой? Или Любовью?

– Сестру зовут Леной. Вы... – Она с секунду помедлила. – Какая у вас профессия? Если не секрет, конечно...

– А угадайте, – сказал Одинцов.

– Не могу, потому и спрашиваю.

– Вообще-то родом мы из КРБ, – со вздохом произнес он и, улыбаясь не то чтобы испуг, но явную обескураженность в ее глазах, добавил: – Да вы не бойтесь, это не заразно...

– И вы меня опять практически не обманываете, да?

ИНТРИГИ ГОСПОЖИ ЛУНЦ

Фире Моисеевне потребовалась неделя, чтобы отойти от шока, в котором ее ввергли внезапно нагрянувшие из жуткой страны вар-

маров и бандитов страшные посетители, нагло захватившие половину столь милой ее сердцу испанской недвижимости.

А ведь как славно и безмятежно все начиналось!

Отчаяние сменилось озлоблением: присутствие пятерых оккупантов в ее тяжко завоеванном в жестокой схватке с жизнью жилище становилось нестерпимым.

Шикарная вилла превратилась в коммуналку.

Этот очевидный факт незваных жильцов тем не менее не смущал, и бывшая полновластная хозяйка имения, скрипя стальными корюшками, начинала постигать всю глубину моральных мук российской постреволюционной аристократии, ущемленной в своих жилищных правах плебеями-подселенцами.

Сын Наум также глубоко и обреченно вздыхал, не способный ничего предпринять против наглых захватчиков жилплощади второго этажа, на чьей стороне было число, напористость и, чего греха таить – грубая физическая сила.

Однако, как полагала Фира Моисеевна, какой-то выход из ситуации непременно обязан отыскаться.

В мозгу кроткой дамы поневоле начинали роиться мрачнейшие картины массового отравления интервентов некачественной колбасой, взрыва бензобака их “мерседеса” с помощью химсредства замедленного действия, наконец усечения голов при погружении в сою...

Фира Моисеевна с озабоченностью начала обнаруживать в себе готовность к созданию ряда мысленных образов, способных живо заинтересовать психиатра либо прокурора.

Сын Наум, верный своей основной специальности официанта, подрабатывая в местном итальянском ресторанчике и как-то, вернувшись с работы, обронил, что шеф его, мол, авторитетный на острове человек, способный набить чучела из неугодных ему лиц, в категорию которых ему, Науму, очень не хочется попадать.

Данным высказыванием любимый и единственный отпрыск откликнулся на намеки родительницы о целесообразности выноса из предприятия общепита трофейных продуктов.

Вспомнив прилагательное “авторитетный”, Фира Моисеевна решила лично познакомиться с хозяином заведения, дабы осторожно посоветовать ему на проблемы текущего бытия.

При благоприятном развитии диалога и – в исключительно крайнем случае! – как рассуждала она, за изгнание интервентов итальянцу можно было бы и заплатить тыщонку-другую...

Следуя этакой путаной логике, схожей с наитием игрока в рулетку, Фира Моисеевна, вдев в уши фальшивые бриллианты и отгладив парадное платье из креп-жоржета, начала собираться в ресторан, где как раз нес вахту ее непутевый Наумчик.

Слегка удивленный появлением родительницы, Наум представил ее своему боссу.

Босс – исполненный достоинства и уверенности тридцатилетний итальянец с двухдневной модной щетиной и набриллиненными волосами, учтиво приветствовал престарелую еврейскую маму подчиненного ему человека.

– Я чувствую, – загадочно улыбаясь, произнесла по-английски Фира Моисеевна, – мой мальчик находится в надежных руках...

Далее, влекомая гипнотической инерцией к общению с сильными острова сего, она попросила итальянца, представившегося как сеньор Джованни Оселли, отвлечься на доверительный разговор.

В начавшемся общении перед госпожой Луиц возникла неподдающаяся преодолению высь языкового барьера: уклончиво и витиевато разъяснить на чужом английском языке деликатные нюансы насущной проблемы не удалось, и потому пришлось обойтись каковыми и конкретными терминами, подразумевавшими в иной ситуации явку с повинной и полный "раскол".

Осознав-таки, наконец, свое нечаянное признание в мошенничестве и одновременно недвусмысленный призыв к покровительству такому деянию, госпожа Луиц пустила запоздалую слезу, ударившись в пространные рассуждения о тяготах суровой доли русской женщины, о мировой несправедливости в разделе благ и о своих личных выдающихся заслугах в истории современного человечества, нуждающихся в соответствующем материальном признании.

Собеседник, с завидной выдержкой прослушав монолог дамы, угостившейся в течение беседы тремя порциями двойного джина с тоником, вынес следующее резюме: он, дескать, приступает к процессу напряженного раздумья – каким именно образом помочь подчиненному официанту в лице его мамы, однако сеньоре Луиц, в свою очередь, надлежит запастись терпением в ожидании оказания данной помощи.

Домой Фира Моисеевна вернулась, обнадеженная верой в могущество итальянца и лишь издали, вторым планом, досадуя на свою вынужденную откровенность.

Пятерка негодяев, вернувшаяся из очередного странного плавания по океанским окрестностям, жарила на заднем дворе шашлыки из туца и, гогоча, предавалась обильным пивным возлияниям.

С презрительным прищуром обозрев компанию мерзавцев, Фира Моисеевна подумала, что заготовила для нее наконец-то свои шампурь!

Спала все-таки госпожа Луиц тревожно, чутко, с ощущением некоей совершенной ошибки, занозой сидевшей в подсознании, и из череды бессвязных и воспаленных грез ее вырвал ночной позыв к мочеиспусканию.

Встав с кровати, она с закрытыми глазами нащупала ночной горшок, отметив с похвалой себе предусмотрительность в такого рода удобстве, но, когда позыв удовлетворился, горшок, сомнамбулически переносимый в дальний угол, выскользнул из вялых со сна пальцев, что было расценено Фирой Моисеевной, вынужденной совершить значительный интервал в просмотре сновидений, как дурной знак.

Джованни Оселли – процветающий владелец двух ресторанов и дискотеки, уже десять лет проживал на Фуэртевентуре, приобрел на острове действительно немалое влияние.

Празднично-благостная жизнь курортного архипелага имела свою изнанку, и тайны этой изнанки – теневого пласта криминального бизнеса, были всецело господину Оселли доступны.

На островах, как и повсюду в мире, существовала система, обеспечивающая торжество человеческого порока. Столпами системы были наркотики, проституция и игровой бизнес.

Казино функционировали легально, хотя требовали дорогостоящих лицензий и постоянного, также не дешевого взаимодействия с властями, проституция, загнанная в подполье, успешно в нем обустроилась, без излишней рекламы удовлетворяя курортные страсти, а наркотики, довольно легко поставляемые на острова трудно контролируемые морскими путями, были гораздо дешевле, чем на материке, и Джованни, посмеиваясь, не раз замечал компаньонам, что низкие цены на отраву должным образом соответствуют безналоговому статусу здешнего региона...

Внезапно заявившаяся в ресторан старуха – полнейшая, как он сожгл, дура, изложившая ему на ломаном английском свои необоснованные претензии к пятерым русским парням, вызвала у него снисходительное недоумение.

Руководствуясь полученной информацией, он без труда бы мог отобрать у этой старой курицы все плоды ее случайно удавшейся аферы и депортировать семейство обратно в Россию, тем более и официант, и его странная мама имели всего лишь временные испанские визы, дающие право на пребывание в стране шесть месяцев в году.

Однако завладение чужим имуществом с помощью шантажа и использования связей с иммиграционными чиновниками в намерения Оселли не входило. Жертва, конечно, сама шла в чesавшиеся руки, но он считал пропащим для Бога того охотника, который убивает ищущего у него защиты и помощи зверя.

С другой стороны, влезать в какие-либо разборки с людьми, объективно имевшими права на часть дома, он тоже не хотел.

Во всей этой истории его интересовало иное: что эти пятеро делают на ФуэртеVENTуре?

Переселились сюда? Вряд ли. Эмигранты в подобном составе на этих местах не устраиваются.

Между тем из услышанного следовало, что присутствие данной команды на острове носит характер долговременный.

Каждый день, судя по пояснениям старухи, парни целеустремленно уходят далеко в море с аквалагангами. Зачем? Гарпунить рыбу? Но и заядливые охотники не сподобятся столь регулярно бороздить ветреный океанский простор. Или они пробавлиются подобным промыслом? Опять-таки – едва ли, учитывая, что по крайней мере один из них занимался до сей поры серьезным бизнесом. А так резко стезю не меняют.

Тогда что же? Конкуренты по поставкам наркотиков? Тем более до того они крутились на Тенерифе – главном рынке...

А может... парни ищут затонувшие суда?

К этой внезапной идее Оселли отнесся довольно-таки серьезно. Подобный род занятий воспринимался им, анавшим историю архипелага, не как романтическая блажь, а как довольно-таки реальное дело.

К тому же в сегодняшней газете он прочел, что подводное кладовище – одна из основных статей государственного дохода Кубы.

Здесь, на Канарах, в течение веков шли непрерывные пиратские войны за овладение архипелагом – стратегическим форпостом Атлантики. И десятки испанских, английских, португальских и

французских кораблей, зачастую груженных вечными ценностями – золотом и драгоценными камнями, нашли свой последний приют в глубинах под вулканическими скалами.

С самими кладонскателями Оселли встречаться не довелось, в среде местного населения бытовали разговоры об удачливых вырляльщиках, захватывающе быстро и уверенно разбогатевших...

Кто знает, может, эти русские, поковырявшись в каких-либо архивах, нашли толковую информацию?

Но тогда вступать с ними в конфронтацию, тем более отстаивая интересы какой-то выжившей из ума идиотки, совершенно не следовало.

А следовало срочно поговорить со своим партнером и старшим братом Набилем, имевшим яхту, два катера и десяток головорезов из Англии – родственничков его супруги, занятых той самой подпольной проституцией и распространением среди нелюбящих жизнь существ необходимых им для быстрейшего самоуничтожения снадобий.

МАНЕВРЫ ХИТРОГО ТОФИКА

Получив известие о гибели Исы, Куди Баргулов срочно вылетел из Нью-Йорка в Москву. Дело с расчетами по конфискованному контракту принимало скверный оборот. С поставщиком товара на Колумбии он расплатился, теперь в должниках оказывался Иса, который, в свою очередь, должен был получить деньги с увиливающего от ответственности азербайджанца.

Однако детали московских межгруппировочных переговоров Куди не знал и, прибыв в столицу, немедленно собрал после скорой процедуры похорон наследников усопшего партнера, объявив им о неуплаченном долге.

Требований его никто не опровергал. Занявший место пахана угрюмый, туповатый Юсуп мгновенно связался с Тофиком, но разговора не получилось: азербайджанец с возмущением заявил, будто расплатился с Исой полностью накануне роковой даты разборок с залетными "обмороками" и готов предоставить свидетелей, участвовавших в передаче денег.

– Если же, – добавил тоном человека, абсолютно не сомневающегося в своей правоте, – его хотят "развести" как терпилу-лоха, он, не считаясь ни с чем, готов на священную войну с бесстыжими вымогателями.

Пришлось, поневоле принеся извинения, начинать дознание, кропотливо восстанавливая события последних часов пребывания Исы на поверхности планеты.

Стукач Гриша, околачивающийся в азербайджанской шобле, подтвердил, что имел место сход, предьявы Исы были приняты, после чего он с братом Тофика Исмаилом отвез на квартиру покойного портфель с валютой. Деньги он видел: Тофик продемонстрировал им содержимое кейса в своем кабинете.

Два охранника, несшие в тот вечер боевое дежурство в апартаментах босса, также подтвердили, что хмырь с портфелем уединился с Исой и после краткого с ним общения удалился восвояси – уже без портфеля.

Утром же Иса отправился на "стрелку" с пустыми руками, ничем из дома не взяв.

Обыск квартиры результатов не принес: найденный портфель оказался безнадежно невесомым, а в двух обнаруженных тайниках прятались какая-то мелочь: восемь тысяч долларов, три тысячи немецких марок и золотишко в песке и в изделиях, чей общий вес составил полкилограмма.

Следствие зашло в тупик.

Подозревать Юсупа в нечистой игре Куди не мог: тот не отказывался от финансовых обязательств, единственное – просил беспроцентной отсрочки по выплате.

Были подвергнуты допросу с пристрастием охранники, но и такое мероприятие оказалось напрасным.

Парни истово клялись Аллахом, предками и родителями, что не притрагивались ни к каким деньгам, и просили оружие, дабы самим пустить себе пули в головы, если кто-либо из старших способен усомниться в их честности.

Куди – неплохой психолог, с ледяной безучастностью выслушивая их пламенные клятвы, понимал, что актерствовать столь виртуозно эти два деревенских чурбана не сумели бы, невольно проколовшись при допросе в какой-нибудь естественной реакции. То есть искренность подследственных сомнений не вызывала.

Одно лишь странное совпадение настораживало Куди: привоз денег Иса поздним вечером и его убийство буквально через несколько часов, ранним утром. Это была единственная малюсенькая трещинка в глухой стене, вставшей на пути расследования.

Кроме того, были получены косвенные данные, что "отморозки" автоматическим оружием не располагали, а имевшиеся "топошки" оставили на съемной квартире в точном соответствии с блатными правилами не брать на "стрелку" оружие. В мирных намерениях оппонентов не сомневался и осторожный Иса, поскольку, заподозря он хотя бы тень угрозы, обставил бы свидание с беспредельщиками страховочными заслонами и провел бы его не на улице.

Откуда же тогда вынырнули эти "Калашниковы"?

Происки Тофика? Вполне вероятно. Но – где доказательства? Ушлого азербайджанца, рьяно заботившегося о личной безопасности, а подвал не затащишь, пустыми угрозами не удовлетворишь...

Выход подсказал Юсуп:

– Если Тофик Ису замочил, значит, Исмаил этот тоже кое-что знает. Уверен. А кто Исмаил? Пес бродячий. Накинем на него шейник, к себе привезем, все скажет!

– А если нет? – засомневался Куди.

– У меня один парень хорошую штуку придумал, – вдумчиво ответил Юсуп. – Укладываешь терпилу в ледяную ванну и вставляешь ему паяльник в зад. Какой-то особенный эффект получается, все колются...

– Ответа не боишься?

– Какой такой ответ? – Юсуп осклабился, обозначая тем самым подобие саркастической улыбочки. – Никакого ответа! Мы Исмаилу не сторожа, куда кто пропадает, не знаем; это в милицию обращаться надо, она такие вопросы решает!

– Не решает, – усмешливо качнул головой Куди.

— Тем более! Если она не решает, почему мы должны? В Москве каждый день люди пропадают! Ушел из дома и не вернулся... Саша? И убивают людей каждый день. Вот убили Ису, мы к Тофику ходили с вопросом? Нет! Так если мы Тофика не оскорбляем, зачем ему нас оскорблять нужно?

— Ай, молодец! — хлопнул себя ладонями по коленям Куди. — Ай, настоящий мудрец! Где телефон, давай команду!

Исмаил вышел из кабинета директора подведомственного группировке рынка с мутной, гудевшей, как залетевший в плафон шмель, головой. Он ошалел от четырехчасовой скрупулезной сврки представленной ему "налоговой декларации" за последний месяц деятельности торгового бедлама и предвкушал скорый обменный обед в ресторане землячества с ледяной водочкой, способной растворить взвешенную в мозгах муть сотен цифр, заполонивших сознание подобно таежному гнусу.

Не без удовлетворения оглядел припаркованный на служебной стоянке рынка свой новенький "крайслер", снявший фиолетовым перламутром, и тут же ругнулся, стукнув кулаком в ладонь: переднее колесо машины было безнадежно спущено.

Наклонившись к шине, он всмотрелся в протектор, пытаясь различить в нем какую-либо каверзную железяку, продыривившую баллон, и сильно огорчался предстоящей нудной операции по замене колеса. Однако беда не приходит одна: внезапно он почувствовал, как на голову ему опустилось что-то тяжелое и агрессивно-целенаправленное; узор протектора поплыл перед глазами, а когда зрение удалось сфокусировать, он узрел лишь непроницаемую, пропахшую бензином тряскую тьму какого-то замкнутого пространства, не сразу определенного им, как автомобильный багажник, в котором он лежал в позе эмбриона с завернутыми за спину руками и заклеенным липкой лентой ртом.

Несмотря на боль в травмированной голове, Исмаил, обладавший завидной интуицией, сообразил, что его везут к себе в гости чечены, и, оценивая, каким образом сделано приглашение, мрачно представлял себе дальнейшее гостеприимство суровых хозяев.

— Все по плану, они его взяли! — послышался в трубке голос лейтенанта из наружной службы наблюдения, ведущей чеченскую группу захвата.

- Куда везут?
- В Момино, на базу...
- Доведите до ворот. Чтобы без транзита, а то...
- Само собой.

Полковник Константин Иванович, сладко потянувшись всем телом, высвободился из объятий удобного, с высокой спинкой кожаного кресла и прошелся по кабинету, подбрасывая на ладони обтекаемую, тяжелую трубочку телефона сотовой связи. Затем, подойдя к окну, набрал номер, пусто всматриваясь в дымное пространство города.

- Да? — прозвучал гортанный, резкий голос Тофика.
- Ну, это я, — небрежно сказал полковник. — Есть новости. Плохие.

- Что такое? - встревожился собеседник.
- Чтены свинтили твоего кадра, Исмаила. Везут его в Моинно. Знаешь, где там у них гнездовье?
- Ну, дом там был у Исы...
- И был, и есть. Там Юсуп и этот... дядя американский. Дядя на замену всех и подсадил, кстати.
- Ты же говорил, все будет нормально! - завизгнула трубка.
- А я и говорю...
- Но они же его колотить поведали!
- Не впадай в истерику, дурак! - рявкнул полковник. - Возьми себя в руки! Если не брезгуешь... И скажи "спасибо", что держу ситуацию на контроле! Разнылся! У тебя все козыри на руках! На твоего человека напали! Беспредел устроили! Поднимай караул в ружье и гони туда! Их там всего-то - пятеро дохляков... Закончишь всех, понял? И учти: главный для тебя - американец, от него вся дурь...
- Это же война.
- Не думаю. Ты прав по всем пунктам. Отбивал своего человека, нарвался на вооруженный отпор... Вперед! Слышь, Тофик? Теряешь время, оно сейчас, знаешь, в какой для тебя цене?
- На шум ваши стервятники не слетятся?
- Во-первых, - ответил полковник вдумчиво, - стервятники любят исключительно падаль. Это я насчет конечного результата... Во-вторых, попрошу извиниться.
- Я пошутил...
- Извиниться материально, - добавил полковник. - По пути в Моинно, на досуге, подумай, какая бы цифра могла мне понравиться. Ага?

Сбылись худшие ожидания!

Тофик, мчась в кавалькаде джипов, набитых своей возбужденной ратью, злобно раздумывал о проклятом менте, втянувшем его в кровавую катавасию, чей благоприятный исход прогнозировался весьма неотчетливо.

"Втянул, шайтан, и еще требует благодарности и денег! - скакали воспаленные мысли. - Лучше бы он заплатил эти доллары Исе..."

Но в прошлое не вернешься, а настоящее зависело исключительно от наглого всеведующего легавого и от его, Тофика, собранности, жестокости и отваги.

Мент, впрочем, всякий раз давал информацию не только стратегическую, но и тактическую. Вновь перезвонив Тофику, когда тот усаживался, торопя боевиков, в машину, объяснил, как незаметно пробраться к дому, в какие окна стоит проникнуть и обрисовал схему ухода разрозненными группами с места предстоящей бойни.

Оставив машины в лесу, боевики, преодолев дощатый высокий забор, очутились на поросшем корабельными соснами участке.

Страхивая на ходу глинистые комья, липшие к обуви, и скрываясь за влажными стволами старых деревьев, они приблизились к кирпичному двухэтажному особняку, в котором светились два окна на первом этаже.

Тофик, приняв в дрожащие руки миниатюрный "Кипарис", урылся за серебристой траурной елью, обеспечивая перекрытие будущим жертвам путей к бегству. Себе в напарники он взял предателя Григория, кому загодя был выдан "Калашников" со спиленным бойком.

Тофик решил покончить сегодняшним вечером с несколькими проблемами одновременно.

Тренькнуло разбитое стекло, в гостиную полетела световая граната, залив проемы окон неестественным молочным светом, а затем в особняк сноровисто ринулись бойцы.

Обошлось без перестрелки: обитатели дома трапезничали в гостиной, и разрыв мощного спецсредства ошеломил и ослепил всю команду, напрочь утратившую способность к сопротивлению.

Юсуп, движимый каким-то звериным инстинктом самосохранения, сумел нырнуть под диван, из-под которого его, обмочившись от страха, облепленного клоками сбившейся пыли, довольно таки долго — как забившегося в нору барсука — пришлось извлекать.

Не повезло "американцу", во время прорыва бойцов в особняк подвернувшегося кому-то под горячую руку с кинжалом: зажимая кровавую рану на шее, он безмолвно корчился в агонии посреди гостиной, заставленной изысканной мебелью светлого ореха.

По янтарному паркету растекалась черная блестящая лужа.

Один из боевиков, приподняв за шиворот Юсупа, швырнул его, как тюк с ветошью, под ноги Тофика, чувствующего себя ничуть не лучше своей жертвы.

Пытаясь справиться с ледящей сознание оторопью, Тофик откашлялся, подбирая необходимые слова и отдаленно уясняя, что произнесение длинных фраз выдаст его волнение, не содействующее укреплению авторитета среди подчиненных.

Выдавил на ожесточенном силлом выкрике:

— Ну! Где Исмаил?!

— Он в подвале... Мы с ним ничего... Мы только поговорить... — Юсуп давился словами. Небритая его челюсть лязгала золотом косяков, как конвейерный компостер.

— Зачем напал?! — Тофик пнул врага под дых мысом башмака.

Никакого ответа, кроме утробного всхлипывающего ика утратившего дыхание врага, он, естественно, не получил.

Поморщившись, указал глазами стоявшим рядом соратникам на выход из гостиной, призывая их наведать местное подземелье.

Спустя несколько минут в гостиную, растирая затекшие руки, вошел Исмаил.

Через щели заплывших багровыми вспухлостями глаз уставился на своего спасителя.

После, усмехнувшись по-натурально, врезал что было силы ногой в живот мучителю-Юсупу, едва начавшему обретать способность беспрепятственного дыхания. От повторного удара по старому адресу чеченец, стоявший на коленях, молчаливо ткнулся лбом в пол, одеревенев в этакую молитвенную позу.

— Ису на нас вешают, — бесстрастно сообщил Исмаил присутствующим. — Вили, суки, холодной ванной грозили с паяльником... Если бы воду не отключили, опетушили бы, волки...

У Тофика отлегло от сердца. Значит, выдержал братец; значит, можно выкручивать нгу с серьезными претензиями, списав "американца", не опасаясь мести, на счет врага.

Паскула радиостанция отрывистым зовущим сигналом вызова.

Боец, следивший за внешней стороной забора, сообщал, что в округе царит благолепная тишь, и на соседних госдачах, далеко разнесенных друг от друга обширными площадями привилегированных нарезов земли, признаков переполоха не отмечено.

— Пришли сюда Гришу, — приказал Тофик наблюдателю.

Увидев ступившего в гостиную предателя, навинтил глушитель на пистолет и, чувствуя, что обретает какую-то восхитительную, пьянящую уверенность, произнес в сторону слабо шевельнувшегося Юсупа:

— Что же, начнем с твоих стукачей...

В глазах Григория метнулся затравленный страх, он вздернул автомат, целясь в невозмутимо улыбающегося Тофика, но грозное оружие сподобилось лишь на глухой и жалкий щелчок.

— Твой ход сделан, — доброжелательно резюмировал Тофик, жестом призывая к спокойствию соратников, запоздало вскинувших стволы в сторону отщепенца. — Теперь — мой ход... Не выиграю, опять будешь удачу пытаться, я сираведливый...

Раздался тугой свистающий звук.

Там, где синел выпученный ужасом глаз, появился равнодушный багрово-черный провал.

Григорий, нехотя подогнув колени, осел на труп Куди, в следующий миг грузно перевалившись через него на пол. Дрогнула в судороге кисть руки, и перстень с выпуклым изображением мертвой головы процарапал черту на воценом лаке паркета.

Тофик стесненно кашлянул, стараясь как можно небрежнее обогреть вповалку лежащие тела врагов.

— Продолжим... — Он картинно перевел ствол пистолета на мокрый от пота лоб хозяина дома.

В этот момент молодой худощавый парень, сидевший, как и все остальные пленники, на коленях, со сложенными на затылке руками, резким движением выдернул из-под свитера пистолет и, перекинувшись под ноги охранявшего бойца, сбил его с ног, тут же открыв прицельную пальбу.

Тофика пронзила леденящая сквозная боль в животе, в груди, и, прежде, чем потолок и пол гостиной поплыли в глазах, меняясь местами, словно он совершал "мертвую петлю", с досадой открылось, что в спектакле дешевого устрашения им был допущен глухой и самонадеянный перебор...

Дальнейшие последствия своего позерства остались ему неизвестны.

В особняке же завязалась та тупая, беспощадная бойня, которую он еще недавно с ужасом представлял и которой вот-вот, казалось, избежал, если бы не ее величество случайность — движущая сила человеческого бытия, навсегда завершившегося и для Тофика, и для Куди, и для Юсупа.

Полковник МВД Константин Иванович, оставив экспертов-криминалистов и следователя прокуратуры на месте криминальной

разборки, среди луж крови, стреляных гильз, трупов и испещренной пулями мебели, где специалистам предстояло копать до утра, возвращался из подмосковного Монино в город в угнетенном состоянии духа.

Погибшего азербайджанца ему было все-таки жаль, ибо за первым планом профессиональной логики существовал второй, эмоциональный, в чьей скудности проскальзывала тень отдаленной привязанности к покойному. А может, глодало полковника чувство неизбежности конца каждого, в том числе и его самого, кто знает?

Однако отвлеченные эти рефлексии, вызывающие столь же бессмысленные думы о бренности всех жующих, он оторнул и, внимательно всматриваясь в несущиеся навстречу фары, обратился к привычному прогнозу дальнейшего развития событий.

Место Тофика наверняка займет Исмаил. Парень хваткий, молодой и неопытный.

Выдержит ли он неизбежную теперь войну с чеченами? Надо чтобы выдержал. Надо сохранить пресловутую систему сдержек и противовесов в мире большого криминала.

А потому сразу же после коронации этого сопляка надлежит медленно выйти на него, доказательно объяснив, что без него, Константина Ивановича – тайного советника и покровителя, группировке не выжить.

Однако в глубине души полковник был доволен. Завтра он встретится с заинтересованными коллегами из ФСБ, с кем, согласовав отправляемую за океан справку на банду покойного нового американца Куди Баргулова, обсудит также и внутреннее создавшееся положение.

ИГОРЬ ВОЛОДИН

Этот чекист во время своих отлучек в город времени зря не терял! И когда мы, развивая ежевечернюю традицию, поцеживали виццо в наших апартаментах на втором этаже, выслушивая воспоминания папы об ужасах фашизма, он немало озадачил нас, неожиданно поднявшись из-за стола и объявив, что должен отъехать, ибо в городе у него имеется кое-какое дельце.

Возникшую паузу, с элементами замешательства и недоверия, он разрядил, обратившись ко мне:

– Хочешь, поедем вместе, думаю, не пожалеешь.

Компьютеры в головах присутствующих сработали по единой логической схеме.

– А мы что, удивенные какие-нибудь? – спросил Вова, имея в виду потенциальные остатки компании.

– Там только одна вакансия, – сокрушенно поведал чекист.

– Ага, – сказал Вова. – Вот так вот! Все ясно. А какого хрена приглашается именно он? За какие заслуги? Задабриваем спонсора, да?

– Ты женат.

– О, – Вова присвистнул возмущенно. – Ты бы еще прабабушку вспомнил...

– Я не понял, – в свою очередь, разгневался Василий, выпятив челюсть. – Почему не учтены мои интересы? Тем более у меня такой великий пост образовался, что я хоть жабу готов...

– Хорошо, – сказал чекист. – Тащите жребий, жеребцы. Но учтите: проигравшие серьезно экономят на ресторанном счете.

Вова, прикинув личные финансовые возможности, задумчиво провел ногтем по суточной щетине, издававшей звук пожираемого огня полена. Затем, кивнув в сторону папани, молвил:

– Продолжайте, дядя. Кажется, с вами мне будет все-таки интереснее.

– Счет – ладно, – напирал Василий. – А как насчет гарантий результативности?

– Что у нас насчет гарантий результата по подводной лодке? – парировал Сергей.

– Вот теперь понял, – вдохнул Вася. – Две игры втемную одновременно – перебор. Я – пас.

– Едем, – сказал я, накидывая пиджак.

– Кобелируйте, – равнодушно благословил папани. – Охмуруйте гуршатачок! Посмотрим только, с какими рожами завтра в море войдете.

– Зависть – смертный грех, – заметил я.

– Чему там завидовать? – возразил папа. – Спустишь бабки, потом, как раб будешь трудиться всю ночь над какой-то девкой, а наутро с большой башкой да еще, не приведи случай, с инфекцией в пучину! На пятьдесят метров! Идите-идите, целуйте своих вертхвосток!

– С удовольствием! – оживленно откликнулся на это чекист.

Вова и Василий с лицемерным глубокомыслием, подобно китайским болванчикам, закивали, выражая полнейшее единодушие с личными пассажирами старшего товарища.

– Я, – доверительно продолжил в их сторону папа, воодушевляясь от вынужденной солидарности с компаньонами, – как стал импотентом, так просто гора с плеч!

Дослушивать этот самоуспокоительный бред я не пожелал, выйдя вслед за Сергеем в лиловые субтропические сумерки.

Фира Моисеевна, раскачивающаяся в гамаке, висящем между двух чахлах пальм, свои рыхлые телеса, шишковато выпирающие через сетку, воззрилась на нас, как мурина на острогу.

– О, как вас здесь не любит! – констатировал Сергей, бросив свой взор на ущемленную в правах домовладения аферистку.

До калитки нас провожало глухое нечленораздельное урчание зловонявших в груди Феры Моисеевны негативных эмоций.

А через полчаса мы уже сидели в стенах ресторана, обтнутых кашневым бархатом, с наигранной непринужденностью болтая с вашими дамами – особами весьма привлекательными и острыми на язык.

Сестры были похожи друг на друга: обе высокие, русоволосые, прекрасно сложенные (тут у меня всплыло папашино определение Вовниной супруги) и очаровательно-обаятельные.

Естественно, для усиления заинтересованности в наших персонах затянутых в Серетины сети красоток приходилось разглагольствовать и пыжиться, обещая прогулки на катере (я легко представил себе реакцию Василия), плавание с аквалангом (реакция папани и Вовы) и совместный поход на выставку местных живописцев в культурный центр Ла Олива. (Наверняка мазня, потерянное время на ее глубокомысленное созерцание, однако придумать более ори-

гинальное культмероприятие на данном клочке вулканической суши я не сумел.)

О делах Вериного мужа — полагаю, рискованных, вопросов мы, конечно, не задавали, да и вообще, как я заметил, в любой праздной отечественной компашке, имеющей отношение к коммерческой активности, с недавних пор выспрашивая о том, кто чем занимается, становились откровенно неприличными, поскольку, думается, любой бизнес неизменно имел криминальный оттенок, а все тяготели к благолепному имиджу в глазах окружающих.

Естественно, умолчали и мы о своих подводных изысканиях, хотя военные приключения папани, связанные с островом Фуэртевентура, я описал, вызвав у дам восхищение подвигами родителя. Правда, в итоге Вера не без сарказма спросила:

— Так что, вы осуществляете поход по местам боевой славы фашистских подводников?

Сергей, тут же припомнив пришедшийся к месту анекдот, смеялся галс, замяв скользкую тему.

Танцуя с Леной, я вдруг с уверенностью ощутил, что наша сегодняшняя встреча обязательно получит свое продолжение, далекое от вульгарных определений моего грубияна-папани.

Официант принес на десерт какое-то зеленое желе, а завершающий в сумочке у Веры телефон — черную новость из Питера: час назад застрелили ее муженька-коммерсанта.

Безоблачная атмосфера нашего застолья истаяла, как случайный июльский град.

Вера окаменела лицом, прошептав:

— А ведь я этого ждала...

Мы подавленно молчали. Далекая страна, наша родина, на серых и нищих просторах которой разгуливал, безраздельно властвуя, жирный неуязвимый динозавр криминала, напомнила нам о своем жестоком существовании очередной жертвой — в миллионной череде убитых бандитами, умерших от нужды и бездомья.

Нам, сидевшим здесь, повезло: к нам благоволила судьба, мы сумели изловчиться, ускользнув от зубов и когтей чудовища, но смрад его донесся и сюда, в благословенные Богом дали.

— Ты можешь отвезти меня в аэропорт? — спросила Вера Сергея. — С Тенерифе утром летит чартер в Москву. — Она говорила отрешенно-спокойно, будто там, вдали, умер давно обреченный больной, а только дергающийся уголок губы и потемневшие от боли глаза выдавали ту круговерть чувств, что сейчас владела ей.

— Конечно. — Сергей скомкал лежавшую на коленях крахмальную салфетку, бросив ее на стол.

— И еще, ребята... Присмотрите за Леной и за сыном... Мало ли, что?

Я отозвался сумрачным кивком на ее взгляд, ищущее остановившийся на мне.

Спустя полчаса мы приехали в дом. Ребенок спал, и будить его Вера не стала.

Мы помогли собрать ей вещи, и вскоре она с Сергеем уехала в аэропорт.

Какое-то время мы с Леной молча сидели на кухне. Затем она произнесла задумчиво:

- Наверное, я несу аморальную и циничную чушь, но все-таки есть во всем этом один плюс: она его не любила... Я знаю.

- Почему?

- Потому что он любил только деньги. И сложил голову из-за них, проклятых...

- Да не только в деньгах дело, - сказал я.

- А в чем?

- В той территории, на которой их зарабатываешь. - Я поднялся. Обойдя стол, подошел к ней, обнял хрупкие плечи и поцеловал виски, упавшие на висок. Сказал: - Все. Завтра приеду.

- Оставайся, - неуверенно отозвалась она. - Комнат много, я тебе постелю.

- Мне будет трудно уснуть, зная, что ты где-то рядом, - дипломатично поведал я.

Она посмотрела мне в глаза. Сказала:

- Я об этом пожалею...

- Не думаю, - с лживой уверенностью заявил моими устами стрепенувшийся в глубине порочный соблазнитель.

Уже утром, забываясь в зыбком, истомленном сне, я вспомнил скабрезные разглагольствования папани.

Старый чертяка все-таки в чем-то был прав!

Весь экипаж машины боевой под художественным руководством моего мучителя-родителя прикатил, немилосердно сигналил под окнами, ровно в половине десятого утра.

- У вас тут что, работа? - не открывая глаз, прошептала Леночка, прижимаясь ко мне восхитительно горячим, ароматным телом.

- Да, дьявол ее поберит! - Я с трудом пытался разлепить набухшие веки.

- Какая?

- Ну... работа-то не волк, зато начальник - зверь! - С трудом сохраняя равновесие, я шагнул к окну.

Папани, стоявший у "мерседеса" с распахнутыми настежь дверями, выразительно погрозил мне кулаком.

- Щ-щас, мою бабушку так-растак! - Я скривил ему зверскую рожу. - Без меня не обойдетесь, что ли?!

- Так и поделим все без тебя, - донесся бесстрастный ответ. - Спи, дорогой товарищ. - После папиного голос повысился: - Его благородие только просыпается, а у меня уже вся жопа мокрая от беготни! Всю ночь с бомбой мудрили, герметизировали; кабель с рацья покупали-выбирали...

Я обернулся к Лене. Молвил повинно:

- Должен ехать. Служба!

Она с неохотой раскрыла глаза. Произнесла через вздох:

- Позвольте чисто мужской вопрос: что делаете сегодня вечером?

- И вечером - служба, - ответил я. - На мне ребенок и любимая женщина. Буду с ними занят до следующего утра.

- А утром снова на службу? - Она потянулась. - Ладно. Что в таком случае вы предпочитаете на ужин, любимый мужчина?

- Мы пойдем в ресторан.

- Ну-ну! - сказала она рассудительно. - Не надо излишнего изыска красивых жестов. Источников доходов на острове Фуэрте-

вентура весьма немного. А на помощь извне теперь рассчитывать не приходится. Или вы граф Монте-Кристо?

— Стремлюсь быть таковым, — поведал я. — Но куда не выйдут. Хорошо, согласен: пускаемся в семейное плавание. Дизель — на экономический режим!

Остричь-то я острил, но, когда выходил из дома, не без трепета душевного подумал о той доле правды в каждой шутке, что в количественном своем отношении иной раз невольно над самой шуткой преобладает...

На Леночку, как мне показалось, я произвел впечатление во всех смыслах благоприятное, однако беда всех этих первых впечатлений в том, что им довольно трудно соответствовать в дальнейшем.

— Хорош! — восхищенно сказал папая, обзрев мою деформированную активным образом ночной жизни физиономию. — Герой полотна Пикассо! Матрос с торпедированного сухогруза... Ну, починил разбитое сердце свояченицы покойного?

— Поехали, изуверы, — хрипло откликнулся я. — Дайте воды.

— Чего, уже потек радиатор? — не удержался от пошлой подковырочки братец Вова — клянусь, наверняка глубоко завидовавший мне.

— Слушай, я тебе не подушечка для иглол! — взорвался я.

— Чего ты злишься? Я ж о тебе беспокоюсь... Вот и презервативы тебе купил, черного цвета, специально...

— Почему... черного? — обернулся я на него.

— Ну... в доме траур... Твой такт оценят...

Я беспомощно отмахнулся от негодяя вилой со сна кистью.

Обижаться на братца было бессмысленно. Слышал, что как-то спьяну наткнувшись на процессию, возглавляемую его знакомым, хоронившим жену, Вова, давно не видевший приятеля, удивившись, спросил его: ты что, мол, разве женился? И, услышав скорбное подтверждение, протянул руку, торжественно заверил: "Поздравляю!"

Его прикольчиком с душком черного юмора еще с детства не виделось конца и края.

Память фрагментарно воссоздала из прошлого пластмассовую челюсть вампира, которую Вова одевал, без очереди пролезая за дефицитной некогда водкой в радостное оконце магазина и повергая ужасным оскалом в шок и содрогание пытавшуюся его урезать очередь; рога лосей и горных козлов, презентованных или же внезапно проданных супругам соблазненных им женщин...

Один из рогоносцев, некто Фридман, бывший Вовин начальник — низенький, толстенький, с приплюснутым носиком, добродушно именуемый им "Фрюшей", прознав об измене своей неблаговерной с подчиненным, выкинул подаренные рога с балкона, разбив ими лобовое стекло своей машины, а затем, трясясь от ярости, несправедливо, как полагал Вова, уволил соблазнителя по статье "несоответствие занимаемой должности", за что в ответ был анонимно подписан на ежегодный журнал "Скотоводство и свиноводство в СССР".

— На почту завернем, — сказал Вова сидевшему за рулем Сергею.

— Зачем на почту? — спросил я.

— Кишка его бросила, — едко пояснил папая. — Нашла вариант. Вчера в Москву звонил...

- Н-да, - процедил Вова равнодушно. - Не дождалась замка в Испании, не хватило терпения.

- А на почту-то зачем?

- Увидишь.

Из багажника Вова достал увесистый сверток.

На почте, у стойки, латинскими буквами заполнил текст сопроводительной телеграммы:

"В связи с изменившимся семейным положением и материальными затруднениями высылаю замок по частям".

Затем, попросив у служащего жирный черный фломастер, развернул сверток.

В нем я увидел большой, обтесанный с двух сторон булыжник.

- Из руины какой-то вчера вытащил, - пояснил мне Вова, старательно на булыжнике выводя:

"Деталь № 1".

Я представил Вовкину манекенщицу, волокущую тяжкий подарок из Африки длинной дорогой с почты домой.

- Интересно получится, - кивнул Вова, откликаясь на мои мысли. Денег на свои хохмочки братец никогда не жалел.

В океане нас ждал неприятный сюрприз: в нескольких кабельтовых от банки торчала памятником изящного кораблестроения безымянная яхта с безлюдными палубами.

Сергея ругнулся сквозь зубы. Он уже напялил гидрокостюм и приготовил заряд, чтобы заложить его в указанное папаней место на палубе субмарины.

Василий увязывал фал на горловине мешка с песком, который должен придавить своей массой взрывное устройство, придав необходимую направленность возмущенному детонацией тротилу.

В свидетелях наших манипуляций мы, естественно, не нуждались.

Пришлось, расчехлив спиннинги, прикинуться праздными рыбаками.

Прошел час, затем другой, однако проклятая яхта не удалялась, как вкопанная замерев в штиле - столь редком в этих местах и столь удобном для наших погружений.

- Ладно, - сказал папаня Сергею. - Что мы, нырнуть не имеем права? Имеем. Прилаживай бомбу, а дальше посмотрим...

С неприязнью покосившись на подозрительное судно, Сергей взялся за лямки акваланга.

В пучину потянулся капроновый сигнальный конек и гибкий кабель, приделанный к электродетонатору. Следом, тяжело перевалившись через борт, канул в синь воды грузный мешок.

Подрывник копался у лодки недолго: вскоре его голова, затянута в черную мокрую резину, появилась у кормы катера. Плюхнувшись на лавку и стягивая с ног скользкие ласты, он доложил:

- Готово! Хоть сейчас замыкай...

Я посмотрел в сторону яхты. Нос ее медленно, но целеустремленно разворачивался в сторону нашего катера.

Это нам не понравилось.

- Зря "Глок" не взял, - процедил Сергей, доставая из сумки подводный пистолет. Выдернув плотно притертый к стволу гарпун,

поднял глаза на папаню, мрачно созерцавшему приближающееся судно, источавшее немую, но явную угрозу. Спросил:

— Патроны от мелкашки с собой?

— Там же, в сумке, в кармашке...

— А ствол-то нарезал?

— Да уже неделю как...

Яхта неуклонно скользила навстречу нашей мирной компании. Вскоре мы различили название на ее ухоженном белом борту: "Мэрия".

— Если бы у нас была подлодка, — высказался папаня, — я бы командовал: "Все вниз! Срочное погружение! Дизеля — долой!"

— А я бы наприг комендоров, — откликнулся Вова.

— Хорошо жить в сослагательном наклонении, — накрыв пистолет рубашкой, произнес Сергей. — Только толку вот никакого от этих "Ах бы! Эх бы!"

Борт яхты на грамотно выверенном бейдевинде приблизился к катеру.

Облокотившись на леера, на нас воззрились четверо молодых людей, одетых в дырявые футболки и шорты из джинсовой последней ткани.

От обитателей яхты веяло явным недружелюбием.

— Что ищем, так-растак вашу мать? — донесся до нас неприятливый вопрос на хорошо знакомом мне английском.

— Рыбу удим, — ответил я. — Неужели нельзя?

— Давайте на борт, поговорим, — приказал парень в черных очках, лоб и щеку которого украшали уродливые шрамы. В пасти его, как я заметил, недоставало половины зубов.

— О чем?

— О чем надо! — Парень полез рукой куда-то за спину, вытащив пистолет: большую черную пушку — наверняка сорок пятого калибра. — Ну, будем спорить?

— Не геморрой, так золотуха, — адумчиво произнес папаня, рывая ноздри от злости.

Пистолет агрессора совершал в воздухе плавные дугообразные перемещения, как будто его обладатель использовал данный предмет в качестве веера.

Зато наш боевой чекист оказался куда более конкретен в своих отношениях с огнестрельным оружием, выхватив из-под камуфляжа рубашки папаншину мелкашку и слив три умелых выстрела в один...

Видимо, офицер стрелял по выверенной системе: у человека со шрамом выступили отчетливые красные пятнаки: на плече, бедре и колене.

Черный пистолетик улетел за борт. Оппонент — в глубь палубы.

Однако возрадоваться победе мы не успели: над нашими головами с надсадным тяжелым воем атмосферу прошила пулеметная очередь, а следом за ней отрывисто рывкнул мегафон:

— Бросить оружие!

Пришлось подчиниться.

А спустя несколько минут мы уже послушными цуциками сидели на юте яхты, как провинившиеся школьники-шалопай перед учителем, в чьей роли выступал тучный чернобородый крепныш с

льдисто-голубыми глазами на загорелом до черноты жестком лице прирожденного пирата.

— Ну, и чего вам надо от этой субмарины? — спросил крепыш, глядя, как неискушенные в оказании какой-либо помощи соратники перевязывают жалобно всхлипывающего подранка, напрочь утратившего как спесь, так и всякого рода позы к ней.

— Хотели посмотреть, что там внутри, — честно доложил я.

— А что там, по вашему мнению?

На интонации заданного вопроса я уяснил, что в потрохах подводного корабля дознаватель еще не копался. Уже легче. Но не навмного, поскольку, так или иначе, наши походы в искомый квадрат прибрежных вод не остались без внимания контролирующих местную ситуацию инстанций, обнаруживавших опоясывавшие банку подтопленные буйки и, соответственно, покоящийся на дне крейсера.

— Он, — я указал на отца, — служил на этой лодке.

— Как? Вы же русские...

Я замешкался с ответом, удрученно сознавая, что, судя по всему, эти расторопные ребята располагают о нашей компании достаточной информацией.

— Вы правы, — подтвердил с неохотой. — Русские. Но так уж вышло, что он был в немецком морском экипаже... Погибшем. Теперь же мы хотим вытащить из лодки останки и предать их земле.

— Благородно, — качнул головой — косматой, как задница гималайского медведя, пират. — Только какие там останки? Лодка — сплошное решето, все съела вода и донная нечисть.

— Вы побывали внутри и сами в этом убедились? — спросил я.

— Нет... — Он растерянно замолчал. — Э... а каким образом вы хотели туда пробраться?

Я посмотрел в сторону катера, за время нашего диалога отнесенного в сторону и дрейфовавшего уже метрах в сорока от яхты. Электрощуп, притопленный мешком и обвязанный вокруг станины движка, натянулся черной вибрирующей струной.

— А с кем, простите за любопытство, я имею честь? — спросил я, выгадывая время.

— Действительно, — вступил в разговор Василий, поднимаясь во весь свой рост. — Что за допросы, и кто вы, дьявол вас побери, такие?

К нему тут же шагнул какой-то хмырь в ветхих кроссовках и широкой брезентовой куртке-ветровке. Рывкнул:

— Сидеть, засранец!

Затем хмырь полез корявой пятерней к лицу нашего товарища, и Васе пришлось вывернуть ему руку.

Хмырь заскулил. К нему на подмогу подскочили еще двое, и от безжалостного удара ногой в лоб, исполненного в классической раскладке из техники каратэ, Вася, преодолев закон гравитации, улетел к противоположному борту, потеряв очки и сознание.

Чернобородый, без интереса посмотрев на нашего поверженного товарища, перевел взор на косо уходящий в воду кабель. Пропецил:

— Значит, любопытствуете, кто мы такие? Отвечу. Мы — те, кто может вас скормить обитающим здесь рыбкам с большими и острыми губками... Тем более... — Поднес к глазам волосатую руку с зо-

лотыми часами, — время как раз обеденное... — Затем указал на шнур. — Что это вы прицепили к вашей посудине?

Отпираться было бессмысленно.

— Это кабель питания электродетонатора, — сказал я. — Сейчас он, кажется, лопнет.

— Ага, — сказал бородатый уважительно. — Так вы заложили заряд, чтобы пробить себе ворота в гнилой броне? Молодцы! Сколько же там взрывчатки?

— Ну, около килограмма... — признался я.

— Негусто, — покачал пират бородицей.

— Сколько было...

— Ну, что же, — сказал собеседник. — Идея в принципе верная. Работайте. Прыгай, — кивнул мне на леера. — Осталось ведь только замкнуть цепь, как я понимаю?

— Н-н... да.

— Вот и замыкай. — Он повернулся к своей бригаде, молчаливо выслушивающей наш диалог. — Алан, готовы акваланги! — приказал деловито мастеру каратэ, выведшему из строя бедного Васю.

Впрочем, наш товарищ, уже пришедший в себя, водружал на нос очки, одно из стекол которых густо и непоправимо треснуло.

Исполняя приказ бородатой сволочи, я плюхнулся в воду.

Неторопливым брассом подплывая к катеру, я раздумывал о том, что вот и кончилось наше дивное приключение, а возможно, и жизнь, в которой, как известно, нет счастья.

Мы расслабились, забыв о том, что все и вся в этом жестоком мире находится под прицелом алчных конкурентов, и главный принцип эволюции — создание собственного благополучия за счет угнетения других, слабых.

Слабыми в данной ситуации были мы. А все острова сокровищ — как во времена пиратов и каравелл, так и в эпохи субмарин на атомном ходу, населяли ничуть не изменившиеся в своих устремлениях к обретению золота и мирских благ люди, смертельно опасные друг для друга.

Да и вообще — если ищешь мед, будь готов к тому, что тебя ужалят.

Я выровнял катер, ослабив натяжение шнура; затем обмотал один из оголенных концов вокруг минусовой клеммы аккумулятора, а второй занес, горестно вздохнув, над плюсовым свинцовым надобом.

Сейчас проскочит оранжевая искорка; там, под водой, сработает детонатор, на поверхности океана тихонько булькнет потревоженная вода, и ликующий аквалангист врага ринется к открытому зеву палубного люка...

Проскочила искорка. Правда, голубенькая.

И все.

Океан оставался безмятежно спокойным, палило солнце, а с борты яхты на меня таращились бандитские рожи, словно основные события развивались не в пучине, а именно здесь, на опустевшем катере.

В какой-то момент я подумал, что, вероятно, не сработал заряд, и завертел головой в надежде узреть на спокойной плоскости воды хотя бы намек на некое ее вспучение. Или же не стоило его и ожидать? Глубина изрядная, мешок к тому же...

Внезапно послышался странный, нарастающий гул.

И я, и пиратские рожи уставились невольно на небо, ибо создается впечатление, что сюда летит на бреющем полете атакующий цель бомбардировщик.

В тот же момент я сверзился на дно катера от внезапно ударившей в борт волны, одновременно узрев, как тяжелое судно противника поднимает в небеса вздыбившийся из пучины водяной пенный столб.

Его гигантский литой постамент, грозно утвердивший над океаном парящую яхту, тут же обессиленно рухнул в образовавшуюся в пучине пропасть.

Карабкаюсь, я приподнялся, чувствуя, как сильный боковой крен залит катер из стороны в сторону и наблюдая феерический переворот яхты на бок.

Мачты ее понзились в воду, куда бисером смело и всю публику, и через считанные секунды на поверхности возникло китообразное тудыще с темно-красным плавником-килем, покрытым наростом мелкой ракушки и зеленоватой плесенью водорослей.

После за борт катера ухватилась чья-то жилистая рука, а вслед за ней из воды явилась папанина голова с выпученными глазами и гладко облегающими череп седыми волосами.

Затем, как поплавки после неудачной поклевки, на мелко рябшей глади возникли головы остальных персонажей: экипажа вражеской яхты и милых моему испуганно колошматящему в ребра сердцу друзей.

Все пловцы, словно по команде, устремились именно к нашему главредству, и, вооружившись веслом, мне пришлось произвести селекцию, помогая обрести твердую почву под ногами товарищам и категорически отказывая в месте на катере врагам, напрасно ломающим ногти о клинкер. Тем более что на воде качались выпавшие с яхты бело-красные бублики спасательных кругов и разная плавучая дребедень в количестве, на мой взгляд, вполне достаточном для устойчивого поддержания на плаву потерпевших кораблекрушения.

Косматый пират, выдергивая изо рта свою слипшуюся гриву, мощным рывком подскочив из воды по пояс, проорал мне с тоской:

— Мы ведь хотели только поговорить!.. Пустите на борт!

— С рыбками разговаривай! — ответил ему Вова, хозяйственно подбирая с поверхности оглушенного взрывом тунца с изумленно вылезшими пуговицами глаз.

Папаниа, ошалело обзрев укомплектованный экипаж нашего судна, плюнул в чью-то болтавшуюся за бортом лысину, в свою очередь, выкрикнув:

— Полный вперед! Развиваем узлы!

Вася с искаженным лицом, на котором выпукло различался след удара тренированной в нанесении увечий пятки, резво завел движок, и мы понеслись к берегу, наблюдая за отдаляющимися головами пиратов, занятых поисками подходящих подпорок. Чем-то они напоминали команду ватерполистов, внезапно потерявших из вида мяч и ворота.

— Что произошло? — изумленно вопрошал Серега. — Что это был за трюк?!

Папаня виновато отвел взор.

— Торпеды сдетонировали, — произнес наконец с вымученным безразличием. — Запомнителен я... Точно: не шесть мы их выпустили, а четыре... Да разве в той лихорадке упомнишь — сколько?... Да и остались. В носовых аппаратах. А зарядик ты аккурат над ним уместил... Вот и вышло: кило третила нашего, собственного, и дватонны с гаком — казенного...

— Ну, конечно, я виноват! — с горячностью согласился Серега.

— Вы, дядя, — порекомендовал Вова, — разгребите труху востинаний потщательнее, вдруг в ней еще какая мина обнаружится... Хорошенького, как говорится, понемножку...

— А плохого? — спросил я.

— Вот именно! — поддержал меня Вася, озабоченно ощупывая шишку на лбу. — Что делать будем? Эти местные бандито-хулиганьяхту нам не простят, точно, а на лодочку у них тоже, чувствуется виды...

— Ночью вернемся, — сказал папаня. — Сегодня они навряд ли спнутятся... Берем горючки под завязку для компрессора, фонари и вперед. Теперь там... благодать! Ходи, как по музею. Руки в карманы...

За что я любил родителя — за оптимизм!

КАВКАЗСКИЕ МСТИТЕЛИ

234 “Мерседес” стукача Аслан и Джамбик обнаружили на третий день своего пребывания на острове, однако с проведением акции возмездия возникла заминка.

Во-первых, объект постоянно находился в окружении своих компаньонов, способных и дать отпор, и сообщить властям приметы убийц; во-вторых, Фуэртевентура существенно отличалась от Москвы и Нью-Йорка, где, пожелав жертве спокойной ночи, можно было смело нажать на курок и — гуд бай! — бесследно раствориться в многомиллионном мегаполисе с сотнями ведущих из него дорог.

Но если эти тактические трудности преодолевались расчетом и логикой, то стратегическое препятствие в виде финансовой немоты, внезапно поразившей оперативный бюджет мстителей, оказалось безнадежным для его лобового преодоления.

Наличных долларов оставалось немного, а кредитные карточки обоих партнеров по непонятным причинам утратили свою волшебную дееспособность, причем компьютеры в банкоматах выдавали на дисплеях странную информацию о блокировках их американских счетов.

Аслан позвонил банковскому менеджеру, но от каких-либо комментариев тот уклонился, сказав, что у руководства банка имеются некоторые вопросы к клиентам, которые должны разъясниться исключительно на месте, в Нью-Йорке, где их, несомненно, будут рады увидеть.

Такой ответ служивого человека немало Аслана обеспокоил, и, несмотря на возможный гнев Куди по поводу невыполненного задания, он решил связаться с шефом, заверив его, что дело на мази, и проблема заключается лишь в смешной сумме, основная

часть которой пойдет на дорожные расходы, связанные с возвращением в Америку.

На один из телефонов в офисе грозного главы группировки не отвечал.

Пришлось позвонить в Бруклин домой одному из прихвостней босса некоему Муди Айзиеву, сумевшему законно эмигрировать в Штаты по фальшивым документам еврейского беженца – наиприлизегированной в данном государстве категории переселенцев.

Отныне Муди Айзиев именовался Мордыхаем Айзеншписом.

От ловкого соотечественника Аслан получил ошеломляющую информацию: Куди, уехавший в Москву на разборки по поводу конфискованного кокаина, зарезан, в Нью-Йорке гремит гроза, и группировкой активно занимается ФБР, уже депортировавшее одну часть соратников в Россию, а другую содержа в тяжелейших условиях уголовного “обезьянника” под следствием.

Так что, закончил Муди-Мордыхай скорбно, лавочка лопнула, и над целесообразностью возвращения за океан Аслану и Джамбику стоит крепко подумать.

Съез пополам самую дешевую – десятидолларовую! – пиццу и провакмившись на десерт случайно завалившимися в швах кармана куртки Аслана разрозненными семечками, друзья призадумались над актуальной жилищной проблемой. Аслан угрюмо объявил, что между мрачными сводами сейсмологически опасных подземелий и роскошными излишествами пятизвездочных апартаментов существует промежуточный вариант ночевки на сиденьях “опеля”.

Перед сном побродили по городу, вдосталь наплясавшись и облизывавшись у роскошных гастрономических витрин и ресторанных дверей... После залегли на клейко прилипающие к потным телам дерматиновые ложа.

Проснулись рано, с ломотой в скрюченных от ерзания на некомфортных для сна горбатых подушках.

Разведя на берегу костерчик, вскипятили в консервной банке сытак для растворимого кофе.

Потом отправились в близлежащий отель, невозмутимо пройдя шумным многолюдным холлом мимо портье к бассейну.

Поплавав в вонявшей хлоркой водиче, проследовали в душевую кабинку, приняв восхитительно бесплатный душ и обтершись предвзвездочно похищенными из отеля на Тенерифе полотенцами.

– Значит, так, – закончив с санитарными процедурами, молвил Аслан. – Они опять сегодня на лодке в море поплыли дурью маяться, а после на мельницу придут, где баллоны свои хранят... Там мы их и встретим. Пиф-паф, все дела.

– А если они пустые? – озабоченно рассматривая выскокивший из носу прыщ, выразил сомнение Джамбик.

– Домой к ним поедем, – сказал Аслан. – Там кто? Старуха и фраер. Ну, мелюзга еще... Всех в подвал, дом обшмонаем, все наше будет. И – на самолет, в Германию...

Откопав на помойке два пластиковых пузырька из-под сока с входящими по размеру горлышками, Джамбик, проковыряв ножом в их боковых стенках множество мелких дырочек, получил необходимые для дела одноразовые глушители, приспособив их к

стволам пистолетов. Лишнего шума, что ни говори, следовало избегать.

Спрятав машину с истощенным запасом возмутительно дорогого бензина за холмами дюн, партнеры двинулись к мельнице.

С трудом открыв древнюю дверь на древних гвоздях, они оглянулись.

Верстак с инструментом, стеллажи с банками-склянками, сельскохозяйственный инвентарь.

Из прорех в разъехавшейся кладке вилась дымная клубы дыма. — Вот и засада. Замаскируемся, а потом взрываемся и — пошло! — умехнулись Аслан.

Потянулись долгие минуты ожидания.

Наконец послышался шум подъехавшей к мельнице машины.

Аслан, пружинисто подскочив с пола и затерев подошвой орок в плиту, вжался лицом в жерди, разглядывая сквозь щель появившихся на мельнице персонажей.

Однако в планируемой схеме развития событий случился досадный сбой: подкатившая на "мерседесе" компания сбросила подводное оборудование у входа в мельницу, предоставив разбираться с ним стукачу, должному заодно устранить неисправность одного из аквалангов. Стукач же, как явствовало из оброненной фразы, после выполнения ремонтных работ будет добираться до города на машине некоей Лены, должной захватить за ним.

Партнеры замешкались, не зная, что предпринять, и упустили время, в течение которого морячки шустро попрыгали в "мерседес" и благополучно удалились в безопасные дали.

"Мстители" обменялись задумчивыми взглядами.

Им вспомнились рязанская глубинка с узкоколейкой, люберецкий зоопарк под руководством вооруженного "Калашниковым" Федя, перевернутый на крышу "БМВ" и расчет с покойным Исой...

Володин тем временем неспешно раскладывал на стеллажи подводное оборудование.

Наконец утомленно опустился на табурет,ковыряясь отверткой в отделенном от акваланга механизме. Видок у него был растерянно-встрепаанный, как будто только что он выбрался, получив изрядную нахлобучку, из горяченькой заварухи.

Джамбик в задумчивости поиграл желваками на скулах. Затем решительно перевел предохранитель пистолета в боевую позицию, прочнее уместив пластмассовый пузырек на стволе. Прицелился.

В этот момент дверь мельницы растворилась, и в помещение вошли трое мужчин, одетых в одинаковые белые рубашки и черные брюки.

Палец Джамбика со спускового крючка неохотно переключился на скобу, в задумчивости поглаживая ее овал.

Видок у ворвавшейся на мельницу тройцы был довольно сварный и ничего хорошего господину Володину не сулил.

Вскочив с табурета и ухватив лопату, тот встал в позу оборонящегося мушкетера, промолвив веско:

— Граждане! Если вы хотите раскрасить мне физиономию синими узорами, кои именуются в юриспруденции телесными повреждениями, то я решительно осуждаю ваши намерения, учтите!

Один из вошедших неторопливо поднял на уровень его головы мощный автоматический "Кольт", снабженный длинной, в шероховатых насечках, трубой квалифицированного глушителя.

- Тебя зовут Игорь? - по-английски обратился к стукачу.

- Предположим... - Володин отшвырнул лопату, но тут же рука его потянулась к лежащему на верстаке подводному пистолету.

- Ну-ну, - погрозил ему своим оружием незнакомец. - Ты думаешь, у меня пугач? Нет... - Слегка отведя в сторону от головы собеседника пистолет, он нажал на курок.

Раздался легкий хлопок. Пуля пробила одну из жердей в заслохе, за которым таились кавказские мстители.

Аслан широко раскрытыми глазами вперился в ошеломленного Джамбика, в середине прически которого внезапно образовался рыжий, как у дореволюционного приказчика, пробор.

От пробора поднимался легкий дымок.

Джамбик растерянно ощупал появившуюся на черепе борозду, изумленно и немо ворочая челюстью. Ему казалось, будто по голове его только что проехала электричка.

Между тем на мельнице развивался довольно-таки странный диалог.

- Что с яхтой? - спросил незнакомец, встав на широкую ступень массивной, из красноватого бруса лестницы, ведущей наверх, и теребя разлохмаченный конец пенькового каната, свисающего с вбитого в потолок крюка.

- Утонула, - невозмутимо ответил Володин, вновь усаживаясь на табурет.

- Что?! - Незнакомец, отбросив канат, потерянно обернулся к своим друзьям.

Аслан подтолкнул Джамбика локтем в бок.

Из заднего кармана брюк обладателя "Кольта" выширал соблазнительно объемистый бумажник.

Джамбик, продолжавший с озабоченностью исследовать дрожащей птерней свою борозду, понятиливо и мрачно кивнул.

- Как могла утонуть яхта?

- Подводная мина. Времен войны.

- Та-ак... Что с нашими парнями?

-купаются.

- Они до сих пор в океане?!

Володин безразлично пожал плечами.

- Наверное. Был бы здесь перископ...

- Ты едешь с нами! - проронил человек с пистолетом угрюмо. - Ну, поднимай корму! Живо!

Володин без энтузиазма поднялся с табурета.

Аслан с Джамбиком деловито перемигнулись.

Наведя ствол на стукача, Джамбик плавно повел спусковой крючок.

Щелк...

"Макаров" дал осечку!

Джамбик лихорадочно передернул затвор, повторив попытку прицельного выстрела. Безрезультатно!

Между тем, услышав характерный оружейный звук, тип с "Кольтом" принялся, как заведенный, палить по жердям.

Володин, кувырком перекатившись по полу, ринулся к выходу. Аслан, прижавшись к стене, слепо выстрелил в сторону противника, услышав сдавленный вздох.

Напарники раненого, также оказавшиеся вооруженными камнями-то не снабженными глушителями пукалками, очухавшись, дали дружный огнестрельный ответ в сторону засады.

Пули зацокали по каменным стенам, выбивая каменную крошку и с воем рикошета по непредсказуемым траекториям.

Аслану удалось вывести из строя еще одного врага, но на пятом выстреле заклинило и его оружие.

Не сговариваясь, друзья бросились к оконному проему и, выйдя головами щит, перевалились под стену строения, на газончик, тут заросший кактусами всевозможных модификаций. На один из них, похожий на опущенный многочисленными иголками пуфик, поскользнувшись, присел Джамбик, молниеносно, впрочем, повявшийся на ноги и засеменявший, подпрыгивая и прижимая ладонь к округлому заду, в сторону джун.

Петляя и падая на вязком песке, компаньоны устремились к спасительному "опелю".

Вслед им гремели возмущенные выстрелы.

СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Как и следовало ожидать, стычка в океане обрела свое закономерное продолжение.

Вскоре на виллу примчался очумевший Володин и не успев закончить рассказ о событиях, случившихся на мельнице, во дворе появились два изысканно одетых господина, попросивших через сыночка-официанта принять их.

Одинцов, вогнав в ствол "Глока" патрон, уселся за стол, заняв удобную для стрельбы позицию и положив пистолет на колени.

Василий, прилично умеющий метать нож, сунул себе в рукав куртки кухонный тесак.

Оружие, впрочем, не понадобилось.

Вошедшие, представившиеся как Набил и Джованни Оселли, явились с намерениями достаточно мирными и, весьма учтиво поздоровавшись с враждебно-насупленными обитателями второго этажа, поведали, что возникла необходимость в выяснении отношений.

Оба итальянца были идеально причесаны, выбриты, и от них настолько сильно благоухало дорогими одеколонами, что, казалось, гангстеры были буквально пропитаны парфюмерией.

По лучезарному подобострастию Фиры Моисеевны, с коим она встретила гостей, стало очевидным, что старуха с братьями знакома, и, выяснив, что Джованни — хозяин ресторана, где работает ее сын, Вова, мгновенно выстроив простую цепочку логических умозаключений, вычислил первоисточник нынешних неприятностей.

— Наш геморрой верну ей с процентами! — высказался он.

— С нее, щучьей головы, вся гниль пошла! — поддакнул сердито папая.

С опаской покосившись на рассерженного старика, Джованни, усевшись в кресло, закинул ногу за ногу, продемонстрировав публике белоснежные, в тон искусно выглаженной рубашке, носки.

- Итак, - непринужденно начал он, - начнем с предисловия. Оно таково: наш дальнейший разговор будет иметь смысл, если мы сразу определимся, кто в здешних краях хозяева, а кто - гости...

- Принимается, - сказал Володин.

- В таком случае, - благодарно ему кивнув, продолжил итальянец, - посмотрим, что в течение данного, еще не завершившегося дня, хозяева получили от гостей? Мы с братом, например, имеем следующие убытки: затопленная яхта, три серьезно раненых человека, один из которых буквально чудом не утонул...

- Не принимается, - сказал Володин. - Хулиган на яхте угрожал нам оружием, и его пришлось образумить. Точной серией, не искущей угрозы для его жизни. Далее. То, что под водой сдетонировали торпеды, - вина случая.

- А что относительно двух раненых на мельнице?

- Та же ситуация, - не задумываясь, произнес Володин. - Я криво чиню акваланг, и вдруг - нате: мне снова тычут в нос пистолет. С бандитским, замечу, глушителем.

- А кто стрелял в наших людей? - угрюмо буркнул стоявший у окна Набил.

- Те, кто посчитал это необходимым, - хладнокровно отозвался Игорь.

- Хорошенький ответ...

- Да и вопрос ничего так, подходящий, - усмехнулся своим мыслям Володин.

- Значит, у вас тут целая боевая команда? - прищурился Джованни.

- Значит.

Итальянцы переглянулись.

- Ну ладно, - произнес Джованни с заминкой. - Кто у вас там на втором рубеже обороны, не так уж и трудно прояснить. Суть в том. Вы, - с уважением наклонил голову в сторону Володина-старшего, - служили на этой лодке, так?

- Он не говорит по-английски, - сказал Володин-младший.

- Да понимаю я все, - отмахнулся старик. - На северном флоте во время войны этих англичан-америкашек вволю навидался, общался.

Выслушав перевод ремарки, Джованни с задушевной интонацией поведал:

- У меня мало исходных данных, но, следуя примитивной логике и достаточному, полагаю, жизненному опыту, я понимаю, что очень и очень пожилой человек вряд ли пустится в длительное путешествие, чтобы участвовать в трудной и дорогостоящей работе по изъему из глубин останков немецких подводников. Тем более категорически не являвшихся соратниками русских моряков. Вывод: в лодке есть что-то, представляющее ценность. Что же именно? - Выдержав паузу и не получив ответа, продолжил: - Конечно, мы в состоянии все выяснить самостоятельно. Но! Вудучи людьми осторожными и, поверьте, нежадными, хотим избежать конфликтов с вашей стороной. Потерь достаточно. А все войны, особенно пиратские, на архипелаге давным-давно оттремели. К тому же война не лучшее средство достижения цели. Не скрою также, что для нас весьма нежелательны взрывы каких-либо иных неизвестных тор-

пед и разных там мин... А вы, судя по всему, умеете с ними упрямиться...

— Кроме того, сеньор, — перебил его Вася, — догадываюсь, ваши паренки абсолютно не в курсе, что представляет из себя подводная лодка. И как в ней просто себя похоронить.

— Вы правильно оцениваете свои козыри, — согласился Джованни. — Ко всему замечу, нам неприятны еще и выстрелы из засады. Нет, — энергично качнул головой, — это нам не подходит.

— Что же вам подходит? — вмешался в беседу Одинцов.

— Партнерские отношения, — буркнул Набил, аккуратно потренировав ладонью набриолиненный зачес тронутых сединами волос.

— Вот именно! — Джованни, сблизившись лицом к лицу с Одинцовым, весело подмигнул ему.

В вырезе его распахнутой рубахи болтались переплетенные разнокалиберные цепи.

— Уточните, — попросил Одинцов.

— Повторяю, — сказал итальянец. — В подводных работах вы чувствуете, не новички. Мы предоставим вам любое необходимое оборудование, работайте. Но все то, что будет извлечено из субмарины, разделится пополам. И полагаю, такое предложение должно прозвучать для вас очень заманчиво, нет?

— Естественно — нет, — сказал Одинцов. — Когда грабитель делает вам предложение: деньги или жизнь? — он, что, в состоянии рассчитывать на благодарный восторг со стороны жертвы? Или вы нас за дураков считаете?

— Вас не считают за дураков, — вступил в беседу угрюмый Набил, раскуривая толстенную сигару и судорожно откашливаясь. — Вас просто предлагается разумно взвесить обстоятельства. Далеко не все из них складываются в вашу пользу.

— Хорошо, — утомленно кивнул Володин-младший. — Я лично вижу выхода. Как остальные?

— Пополам, так пополам, — пожал плечами Вова. — Было бы что делить.

— А гарантии? — спросил Василий.

— В океан выходит совместный экипаж, — сказал Джованни. — Без оружия.

— И это — все?

— Ну, спорные моменты согласуем по ходу действий... — Итальянец обернулся к старику. — Теперь. Все-таки хотелось бы услышать о грузе на борту лодки.

— В одном из туалетов стоят ящики, — сказал Игорь. — Их загрузили в Германию. Что в ящиках неизвестно. Возможно, всех нас ожидает величайшее разочарование, господа.

— А возможно, и нет, — парировал Джованни.

— И каков же план? — спросил Одинцов.

— Утром уходите в море, — ответил Набил. — Вы и наши ребята. На двух катерах.

— И еще, — добавил Джованни, сладко потянувшись. — Чтобы нейтрализовать все прошлые обиды, вам придется помочь нам в поднятии яхты. Работы — за наш счет, не беспокойтесь. Видите, какие мы покладистые ребята, а?

— Цены вам нет, волкам, — откликнулся Василий.

- Да уж, куда там с добром деваться! - высказался папаня, уяснивший общий смысл беседы.

Мельком обернувшись на него, Джованни заметил:

- Чистая правда: вы мне глубоко симпатичны. И наше сотрудничество может оказаться весьма долгосрочным. Здесь много чего задается на дне. И даже если с субмариной ничего не выгорит, почему бы не поискать какой-нибудь кораблик подревней?

- Все, что подревней, - на глубине, - сказал Вася. - А цена тяжелого водолазного оборудования...

- Пусть это вас не волнует, - торопливо перебил Джованни.

- Щедрые авансы всегдастораживают, - вздохнул Володин.

- А менястораживает другое, - сказал Набил. - Ваши таинственные друзья.

Ревкни на свою реплику он не дождался.

- Ну, хорошо. - Джованни поднялся. - Встречаемся у причала в десять часов утра.

- Зачем? - возразил Володин. - В одиннадцать часов уже в квадрате... Дорогу вы знаете.

- Можво и так, - согласился Набил.

- Старуху с собой брать? - спросил Вова.

- Какую? Ах, госпожу Фиру? - Джованни тонко улыбнулся. - Зачем? Разве она умеет нырять? Мне почему-то кажется, что количество ее погружений не будет равно количеству всплывтий.

- Именно это мне в ней и нравится, - ответил Вова.

- Ну, что вы! - Итальянец замахал волосатыми руками. - Вся вина бедной, чувствительной женщины заключается лишь в том, что она рассказала мне о своих русских добрых знакомых, усердно выходящих с аквалангами в океан, вот и все. Разве это заслуживает какой-либо мести?

И галантно попрощавшись, гангстеры удалились.

- Накрылся проект, - вздохнул старик. - Дал Бог беззубым су-хари!

- Рано киснуть, - сказал Володин. - Война планы покажет.

- Это верно, - подтвердил Одинцов. - И все-таки данный итог лучше, чем таинственная неизвестность. Что ни говори, а какой-то просвет в тумане образовался...

- Раздела не будет, - обреченно качнул головой Василий. - Все отберут, а нас - на дно.

- Возможно, - поднял на него глаза Одинцов. - И даже очень возможно, что раздела не будет. Я, к примеру, так точно ни с кем не собираюсь делиться. Кроме находящихся в данном помещении лиц. А потому, кому на дно отправляться - время рассудит. Произойдут еще события, которых не хватает в истории человечества... Но вообще у меня принцип: если уж начал этот год, то закончи его... Тротил остался? - обратился он к старику.

- Две шашки...

- Очень хорошо! А что плохо: неизвестно, кто там вертится на периферии всех наших дел. Сегодня эти деятели на руку нам сыграли, но вот что завтра... - Он осекся, пронзительно взглянув на Игоря. - Э, - присвистнул задумчиво, - а не по наши ли это души и головы?.. Ты в Москву звонил? Вообще... кому-нибудь?

- Соломону только... Но он...

— Ага, ты его очень хорошо знаешь!

— Достаточно.

— Да? Тогда получите сюрприз: помнишь акварель неясного философского содержания и — срок за нее?

— Ну.

— Он тебя и заложил. Твой друг Соломон. Я уж помолчу о связи с ним вербовочных контактах...

— О, как! — на выдохе воскликнул дед. — Чего ж раньше молчал!

— Профессия такая, — ответил Одинцов. — А ты?.. — Перевел взгляд на Вову. — Звонил ведь...

— Кишке своей ненаглядной, — подтвердил старик.

— Ну, если вычислили нас, то дело хреново, — заключил контрразведчик. — Тогда спешно выращиваем на затылках глаза. И сегодня же ночью назначаем дежурного. Окна занавесить!

— Да ладно вам, — отмахнулся старик. — Та публика не стоит рублика. Взвесь придонная! С двух метров из-за укрытия, и всего-то вскользь макаронников зацепила, по случаю...

— По случаю и яхта сегодня на небеса взлетела, папа, — молвила Игорь. — Случай случаю рознь.

— Кстати! — глубокомысленно поджал губы Василий. — Мы совершенно забыли о жертве разборки...

— Какой еще жертве? — подозрительно покосился на него Одинцов.

— О пострадавшем мирном прохожем, как пишут в газетах, — пояснил Вася, доставая из пакета за хвост дохлого тунца. — Дело-то к ужину. Или сходим на халиву к итальянцам?

— Мы — люди гордые, — сказал Одинцов. — И воспитанные. Это они без приглашения любят...

ВОЛОДИН

На следующее утро в заданном квадрате Атлантики мы встретились с четырьмя невооруженными пиратами, приплывшими на катере под прежним руководством косматого голубоглазого брюнета, встретившего нас хотя и кривоватой, но, в общем-то, достаточно благожелательной ухмылочкой.

— Рональд, — представился он, поочередно вручив для пожатия свою крепкую, мясистую ручку.

Далее прошло мирное производственное совещание.

Англо-итальянский экипаж предусмотрительно взял в плавание десять запасных баллонов с воздухом, так что нырять мы могли до потери пульса, однако рациональным представилось первое одиночное погружение в целях поверхностного осмотра наверхника адрязг развороченной взрывом субмарины.

Беззастенчиво выдернув из-под рук одного из пловцов мягонькую новенькую маску с широким стеклом, я напялил на себя гидрокостюм и плюхнулся спиной в воду.

Привычная первая боль в ушах; "продув"; взгляд на уползающую стрелку глубиномера; неуклонно темнеющая синь воды и наконец прорыв ко дну — неожиданно светлому, будто вшитавшему в свой песочный настил трудно пробивающееся в глубину солнце.

Взрыв не просто разворотил нос лодки, но и на фут выпростал из грунта ее увязший корпус, благодаря чему, доплыв до знакомой прорехи и тщательно осмотрев ее, я уяснил природу ее возникновения. Это несомненно была разъехавшаяся метина, оставленная глубинной бомбой.

Из данного резюме следовал неутешительный вывод: пробраться в сортир с сокровищами будет непросто; поврежденный отсек намерика задраен, а если кремальер люка заклинен, как сваркой, неизбежной коррозией, то попотеть придется изрядно.

Обогнув затопленную яхту, лежавшую рядом с субмариной, я вернулся к носу лодки. Включив мощный фонарь, также позаимствованный у противника, ставшего временным партнером, просунул в зев носового отсека, едва не пропоров костюм о корявые выступы торчащих во все стороны листов разъехавшейся от взрыва обшивки.

Взору моему предстала мрачнейшая узкая пещера с металлическими сводами, сплошь устланными плотно подогнанными друг к другу герметизирующими трубами электропроводки и систем пневматики.

Только тут до меня дошло, что я нахожусь в большом подводном море, хотя, ощупывая ластами пол бывшего прохода, не наткнулся еще ни на чьи останки — резина цепляла лишь вязкую илстую массу.

Я уже подбирался к центропосту, когда контрольный щелчок известил о необходимости возвращения на поверхность.

Осторожно, дабы не зацепиться за какую-нибудь опасную железяку, я развернулся корпусом в узком тоннельчике, двинувшись обратно, к мутненько высветленной дыре выхода.

Подъем на катер прошел без приключений. Всплытие также показало, что никаких подлянок на водной поверхности не ожидается: папая по-немецки объяснял что-то косматому разбойнику, весьма благосклонно и уважительно ему кивающему.

Видимо, велось повествование о похождениях моего родителя, отмеченных сроком полувековой давности.

Отдышавшись, я доложил обо всем увиденном.

— То есть, — рассудил папа, — отсеки до центропоста не задраены, во вода в них застоялая, так?

— Да, течь в прогнившей обшивке, — подтвердил я. — Но появилась она уже "после того", как говорится. Все шло в три этапа: слезы, потом фильтрация, а после — неукротимое струение. Термины — тебе хорошо знакомы.

— А там, где сортир, течь была "до того"? — уточнил отец.

— Наверняка. Еще в период памятного тебе боя.

— Вы всплывали через кормовой торпедный аппарат? — спросил косматый.

— Да, благослави его Господь...

— Значит, задраенные отсеки надо ожидать за центропостом?

— Значит.

— Мы их раздраим?

— Вода — та же сварка, — сказал я. — Едва ли. Нужна взрывчатка.

Косматый задумался. Потом, пожевав губами, молвил:

— Динамит мы достанем...

Тем временем в глубину устремился один из работничков господ Оселли.

В пучине он пробыл недолго.

В его докладе косматому начальнику прозвучала следующая реплика: мол, коли уж эти русские – профессионалы, то пусть и копаются во всей этой жуте...

От своего посещения погибшей субмарины парень, чувствозалось, вынес впечатления глубоко и бесповоротно отрицательные и повторить визит в недра затопленного крейсера ни малейшего желания не испытывал, любезно предложив мне повторить погружение.

Достигнув со второй попытки центропост, я испытал довольнотаки сильный стресс: ласт сразу же поднял своей длинной упругой плоскостью с мглистого пола зелено-черный человеческий череп.

Ухватившись за перископную стойку, я, остро жалея, что не надел перчаток, отчетливо различал в плотном и ярком свете галогенной лампы фонаря затянутае инеем белесых водорослей стены, кожухи укрепленных на них распределительных щитов и приборов и вздымаемые резиновыми плавниками ласт серо-коричневые фланги и позвоночники...

Оставив грозные находки в покое, я подплыл к двум раскрытым ящикам, стоявшим у стены.

Ящики были пусты.

Едва я осмотрел их, раздался контрольный щелчок, зовущий покинуть субмарины.

Этот щелчок – закономерный и равнодушный, я выслушал с содроганием, ибо теперь предстояло менять акваланг, а при смеве его, как ни ухитрился, но водички глотнуть придется. И какой водички! Ладно бы морской, а то ведь здешней, наполненной гнилостными миазмами...

Ну, нет!

Экономя запас воздуха, я проплыл в следующий за центропостом отсек, с некоторым даже облегчением наткнувшись на глухую переборку.

Осмотр запорного устройства подтвердил палину правоту: раздрать отсек способен был исключительно динамит или же его аналоги.

Акваланг я сменил в экологически чистом пространстве воды, удалившись от протухшей субмарины на добрый десяток метров.

На этом рабочий день завершился.

Вечером всей компанией мы заявили к Лене, а оттуда отправились в ресторан.

Сергею было торжественно сообщено, что Вера, закончив скорбное мероприятие, на днях вылетает обратно.

Джованни принял нашу компанию довольно радушно и, хотя погуляли мы на славу, от оплаты счета наотрез отказался, сказав, что за ударный труд под водой готов каждодневно потчевать нас бесплатными ужинами.

– А если работы затянутся? – спросил Василий, уминая вторую порцию лобстера.

– Сочтемся, – отмахнулся итальянец вальяжно.

Лена, посвященная этим вечером в тайнство нашего предприятия, к сопутствующим ему сложностям отнеслась с невозмущи-

ким пониманием, как и должно было человеку, пережившему период зрелого воровского социалистического благоденствия и гармонично пришедшего ему на смену развитого отчаянного бандитизма.

Убедившись в хладнокровной реакции дамы на непростые обстоятельства нынешних будней, Сергей положил в ее сумочку свой эlegantный "Глок".

— Утром, Игорь, за тобой заедем, — сказал со вздохом. — Прошу об одном: спите чутко и беспокойно, товарищи.

— Я думаю, — успокоила его Леночка, погладив меня по голове, — враг не воспользуется нашим забытием...

Последующие три дня, прошедшие в ожидании взрывчатки, чье отсутствие застопорило все дело, были посвящены подводу понтона под утопленную яхту и возвращению ее — изрядно помятую и облекшую — на океанскую гладь.

С работами мы успели вовремя: глубоко просевшую за ватерлинию яхту подцепил буксировщик, гладь сморщилась упорным волнением, океан нахмурился, срывая испортившееся настроение на нашей посудине, скрипевшей от его увесистых тычков, и, хотя на открытой воде качка переносилась довольно терпимо, куда хуже было у берега, где вздымались зеленые холмы, неистово колотящие в защитные отвалы бетонных чушек, рассекающих своей преградой спрессованные литые валы в пенные клочья.

Очередным утром, покрепче увязав к причалу пережидающий непогоду катер, мы, промокшие насквозь от брызг и водяной пыли, вернулись домой, дабы вкусить второй завтрак и переодеться в сухое.

Встретило нас подозрительное затишье. Вилла была пуста.

Обследовав апартаменты Фиры Моисеевны, мы поняли, что старуха, тщательно собрав вещички, куда-то исчезла со всеми своими отпрысками первого и второго поколений.

Дверь, ведущая на второй этаж, носила на себе приметы грубого и торопливого вала.

Осмотрев свое имущество, мы недосчитались многих полезных предметов из личного состава недавно приобретенной кухонной утвари. Испарилась и наиболее приличная часть нашего гардероба.

— Старая ведьма свинтила в капитальные бега, — заключил Вова, отмечая пропажу своей модной спортивной сумки.

— Нет моего "Поляроида"! — вдруг радостно воскликнул Василий.

— И тебе это, чувствую, нравится? — недовольно обернулся на него Сергей.

— Представь, да.

— Почему же?

— Аппаратик уже содрогался в агонии, — поделился Вася. — И — не знаю, что меня подтолкнуло... но, в общем, в свете всяких там враждебных проносов... Короче, отщипнул я тротильчика с полнотка от шашки и соорудил симпатичную бомбочку. Замыкание — на пуск. Так что у карги будет возможность сделать интересную фотографию...

К вечеру причины таинственного бегства Фиры Моисеевны прояснились: на виллу, где мы подсчитывали убытки по инвентарной

ведомости, пожаловала благообразная супружеская пара пожилые англичан, осведомившихся, где находится бывшая хозяйка проданного им дома.

Я, моментально уяснив уже знакомую схему мошенничества, предъявил гостям документы, свидетельствующие о моем праве на владение вторым этажом строения, попутно поведав им о склонностях госпожи Луиц к определенному рода манипуляциям с недвижимостью.

Побелевший англичанин, потеряв на лестнице сетчатую шляпу, обеспечивающую прекрасную вентиляцию его мигром взопревшей лысине, кинулся в полицейский участок, но, когда слуги закона прибыли на виллу, мы уже давали необходимые пояснения хмурым выслушивающему их толстому усатому германцу, держащему в руках какие-то липовые "папиры" и недоуменно на них таращившиеся.

Объяснив полицейским сложившуюся ситуацию, я предложил начавшим налипать горячиться потерпевшим повременить с вспыхнувшими между ними спорами о вхождении в права владения первым этажом виллы, поскольку пребывал в уверенности, что в наше отсутствие Фира времени зря не теряла, действуя с колоссальной продуктивностью, и — не ошибся: утром состав одураченного интернационала пополнили венгры, поляки и чехи.

Я любезно раздавал всем новоприбывшим предусмотрительно заимствованные у полицейского чиновника карточки из стремительно нессякающей пачки — с адресом и телефоном учреждения, должного ответить на вопросы, kloкотавшие в грудных клетках претендентов на домик у теплого океана, едва ли, замечу, способного вместить всю массу соискателей.

Полицейские в свою очередь сокрушенно замечали обольщенным господам, что уж если Россия — государство с ограниченной ответственностью, то чего изволите ожидать от его отдельных граждан?

Джованни Оселли, оценив маневр старой аферистки, зашелся з жизнерадостным гоготе, высказав предположение, что отныне, кочуя с частой сменой галсов по весям курортных побережий мирового океана и постоянно обогащая свой опыт, Фира Моисеевна в итоге сподобится впарить и бесплатную камеру в исправительном заведении, коли ее угораздит в ней прописаться.

Оселли привез мощнейшую, по его словам, взрывчатку, на вид представлявшую бежевые ровные брусочки, похожие на выцветшие шоколадные батончики.

Умелец-Сергей, уважительно отозвавшись о качестве предоставленного материала, хорошо ему знакомого, тут же принялся за дело, герметизируя бруски в прочных пластиковых коробках из-под видеокассет.

И наконец наступил тот решающий миг, когда я уместил заряд на кремальере задраенной перегородки, скрывающей предполагаемые золотые запасы третьего рейха.

Страшась детонации боеприпасов, валявшихся в центропосте, мы предусмотрительно заякорили катера на самом краю банки, однако опасения оказались напрасными: от взрыва на поверхности воды появилось лишь очерченное мелкой рябью пятнышко.

На последующее погружение пошли трое: Вова, я и – чернородый Рональд, по велею обязанный проконтролировать финальную стадию наших изысканий на таинственной субмарине.

Орудия монтировками, мы раздраили безжалостно изуродованную современной террористической взрывчаткой переборку.

Затем, заинтересованно скучившись в узком пространстве у застывшего сортира, узрели в прожекторном сиянии фонарей четыре стоявших друг на друге ящика...

Я коснулся их зеленых, осклизлых боков из мореного дерева, припомнив вашу компанию у каминя в подмосковных Люберцах, обсуждавшую несбыточные, как тогда казалось, планы по поднятию этих сундуков из недр Атлантики...

Но насладиться сентиментальным ощущением достижения невероятной цели мне помешал Вова, бесцеремонным толчком в бок призванный к активному действию.

Ухватившись за ржавые петли боковых ручек, мы стянули на пол верхний ящик.

Даже под водой была ощутима его волнующая тяжесть.

Вова подцепил язычком монтировки крышку, но она не поддалась: металл лишь выкрошил из бортика деревянный обмылок.

Чернородый, тронув моего нетерпеливого братца за плечо, указал ему на личину запора в ящике, а после ткнул пальцем в сторону выхода.

Мы, выразив бодрым похрюкиванием в загубники свое полнейшее согласие с приказом, подхватили сундук, чья буксировка в узком коридорном проходе оказалась задачей весьма многотрудной и завазной.

Замешкавшись у перископной стойки, я снова обратил взор на странные боеприпасы и два пустых ящика – идентичных тем, что в данный момент нами выволакивались из субмарины.

На них многозначительно кивнул и Владимир, также осознавший, что, вероятно, мы поднимаем наверх опасный и бесполезный груз...

Подобная гипотеза, конечно, не окрыляла.

Попутно я отметил, что на пушистых от ила гильзах не угадывалось окружностей капсюлей, как у патронов для мелкашки.

Мои сомнения относительно содержимого ящиков Рональд воспринял с естественным унынием и опаской, тут же принявшись связываться по рации с Оселли.

Однако приказ, поступивший от итальянцев, был краток и бессердечен: сундуки поднять, вскрытие произвести на берегу.

Оставалось исполнить предписанное, тем более, прогноз погоды обещал скорый шторм, и благодушием временно утихомирившейся стихии следовало продуктивно воспользоваться.

Потребовалось три погружения, прежде чем ящики были подняты и аккуратно сгружены на Васином, естественно, катере.

Все ценные указания осмотрительный Рональд давал нашей команде по мегафону, с беззастенчивой трусостью отделившись на значительное расстояние от просевшего под тяжестью взрывоопасных реликвий носителя.

Из швов ящиков сочилась бурая гнилая водица.

Тяжесть принятого на борт груза была значительной, однако и печально несоответствующей по габаритам контейнеров вез золота.

Реальным трофеем стал найденный мной на центропосте рыцарский фашистский крест с мечами и дубовыми листьями, изрядно траченный водой.

По уверениям папани, крест принадлежал капитану погибшего крейсера.

Братья Оселли, своеобразно оценившие нашу дисциплинированность и дозливость, преподнесли нам сюрприз в виде упреждающего какие-либо отклонения от договоренности мощнейшего полицейского катера, чья избыточная сила движков несла его стремительный корпус, как подпрыгивающую на волнах касатку, грозно мчащуюся наперерез нашей глубоко просевшей в воду посудине.

С полицейского коррумпированного катера последовало распоряжение на ломаном английском, из которого следовало, что нам предстоит двигаться к рыбацкому поселку в качестве головного судна, а конвой полиции и чернобородого будет ориентироваться в своем движении с помощью сильного бинокля на наш кильватер.

Чернобородый Рональд прокаркал в осипший мегафон о необходимости продвижения к берегу на слабом ходу, исключаям траску сундуков с заключенным в них вероятным несчастьем и горем.

Вася, обреченно крикнув, пустил движок.

По дороге к берегу мы не сказали друг другу ни слова, одинаково преисполненные черного пессимизма к содержанию замшелых сундуков.

Кульминационный момент раздела добычи, таивший в себе по всем, так сказать, канонам жанра, каверзы всевозможных столкновений с партнерами-оппонентами, представлялся нам, пусть и лишённым дара ясновидения, весьма далеким от всякого рода романтических изысков.

Нарушивший договоренность с итальянцами Сергей, хотя и проверил наличие патрона в стволе своего красивого "Глока", однако поступок такого рода являлся всего лишь данью привычке, и, судя по выражению физиономии бывшего контрразведчика, он глубоко и справедливо сомневался в сегодняшней востребованности огнестрельного изделия австрийских оружейников.

По пути к берегу Вова, орудуя ножом, усердно пытался расковырять прикипевшую к краям стенок крышку ящика, что оказалось занятием безуспешным.

На берегу капкан захлопнулся: на причале толклась представительная делегация боевой дружины братьев Оселли, также почтивших нас своим присутствием в кругу подчиненных им лиц итальянской национальности.

Встреча нашего экипажа стервятниками мафиозной структуры под мглистым небом, несущим в себе предтечу близкой грозы, отличалась настороженной сухой деловитостью. А так хотелось солнца, шумной толпы, духового оркестра, мелькания женских платочков и чепчиков; щедрой пены шампанского...

— Едем на мельницу? — спросил я.

— Нет, — качнул головой Джованни. — Незачем привлекать внимание местных жителей. Пойдут толки. — Он указал на стоящие у

эра микроавтобусы. — Давайте ко мне домой. Там в подвале все и скроем.

Возражать не приходилось: количественный перевес в силе складывался в пользу хитрого макаронника, тепло прощавшегося с преданными полицейскими.

Те, убедившись в доставке ответственного груза по адресу, удались нести свою дальнейшую правоохранительную вахту.

Тяготясь безысходностью обстоятельств, мы затащили сундуки наши из микроавтобусов.

Из одна особь из банды Оселли по понятным причинам компания нам не составила.

Ясел за руль, неснешно тронувшись в сторону города — в стараях не расстрасти резкими торможениями и ускорениями непредсказуемое по своим реакциям на внешние воздействия карго.

АЛИХАН

Жил Алихан в большом, бестолковом отеле, похожем на раздробленный лабиринт примыкающих друг к другу коттеджиков, раскинутых в густой зелени субтропического парка, прорезанного тропинками, петляющими в зарослях пальм и кактусов аллеями.

Его беспокоила слезка за собой, которую он заметил очень быстро.

Из было двое: молодая супружеская пара. Парень лет тридцати с ослепительным лицом, холодными серыми глазами и маленьким, с тонкими губами ртом, похожим на рыбий. Супруга его была не только моложе.

Национальные признаки семейства отличались весьма необходимой в разведке неопределенностью. Обычный европейский тип лица, близкий к германскому, но — явно не отмеченный славянскими чертами.

Все, как надо...

Парочка, проживавшая в соседнем коттедже, “вела” его виртуально и, вероятно, он прохлопал бы севших ему на хвост жандармов, если бы сумел выявить его, Алихана, присутствие за своей спиной расслабившийся Одинцов, однако чувство постоянной настороженности и стесненное пространство острова, затрудняющее слезку, позволили ему раскусить псевдо-курортников.

Утром во время завтрака, проходя мимо столика с супружеской парой, Алихан как бы нечаянно столкнулся с официантом, уронив склякнувший с подноса стакан апельсинового сока на юбку дамы.

Последовали сокрушенные извинения, принятые довольно-таки благосклонно; затем, попросив обескураженного халдея принести бутылку шампанского, Алихан предложил распить в честь столь удачно начавшегося знакомства по глоточку ледяного вина, прекрасно поднимающего тонус, и завтрак, к большому удовольствию завершившегося метрдотеля, завершился миром и дружбой между постояльцами.

Супруги — Курт и Эльза, учителя из Кельна, проводили по их словам третий день своего отпуска на Фуэртевентуре.

Алихан доверительно признался, что находится на острове довольно давно, скучает в холостом одиночестве среди основной мас-

сы пенсионеров, и, взаимно облегчая начавшийся процесс разработки, пригласил новых знакомых на обед в бразильский ресторан с умопомрачительной, как он заверил, кухней.

Возражений не последовало.

— За всех нас! — заключил многозначительно Курт, и бескровная рыба губы его потянулись к бокалу.

Алихану не без труда удалось доиграть роль праздного бездельника: программа предстоящего дня выдавалась весьма напряженной.

Зайдя к себе в номер, он собрал сумку, заблаговременно готовясь к отъезду из отеля. Затем, проверившись, съездил в горы, вынул из захороненного в скалах тайника чемодан с оружием и спецсредствами.

В два часа дня, как и было договорено, он галантно усаживал свой автомобиль новых знакомых.

Выдающийся в достоинствах своей изысканной кухни рестораник располагался в небольшом городке на севере острова, и, выйдя на узкую дорогу, каждодневно заметаемую песочными наносами с дюн, Алихан тронулся, рассыпаясь в комплиментах очаровательной даме, к давно примеченному песчаному холму, в тени которого должна была завершиться обоюдная игра в разработку.

Свернув с дороги, выключил зажигание, резко выйдя из машины. Наставив на супругов пистолет, произнес:

— Быстро покинуть салон! Малейший люфт — смерти! Приказ не повторяются!

Ни малейшего замешательства на лицах скромных учителей из Кельна он не усмотрел.

Супруги неторопливо покинули автомобиль.

— И зачем все это? — бесстрастно спросил Курт.

— Вперед, — процедил Алихан. — Нам следует объясниться.

— Что за фокусы?.. Какого черта?! — вступила в разговор Эльза. — По-моему, вы — сумасшедший...

— Разберемся, детка... — успокоил ее Алихан.

— Ну, и в чем все-таки дело? — Она вызывающе откинула назад свои пышные волосы, сузив презрительно водянистые зеленоватые глаза.

— Ваше задание, — глухо проронил Алихан.

— Вы ошибаетесь... Принимаете нас за кого-то... — Договорить Курт не успел.

Алихан, даже не удосужившись взглянуть в его сторону, шажал на спуск, выстрелив ему в ногу. Охнув от боли, тот упал в песок.

— Вы действительно психопат! — воскликнула потерянно Эльза и, обернувшись на корчившегося у ее ног партнера, страстно схватившего окровавленными пальцами простреленную конечность, произнесла с укоризной: — Я же говорила, что это — неспроста, что он все вычислил...

— Ваше задание, — отрешенно повторил Алихан.

— Хорошо! Успокойтесь! Мы — коллеги! — возбужденно проговорила Эльза, предчувствуя, видимо, что незадачливое знакомство способно обрести категорически печальный финал, грозящий уже не застиркой апельсиновых пятен, а кровавыми прорехами, при-

чем не только в одежде. — Руководство просило нас проконтролировать операцию по ликвидации этого...

— Кого? — бесстрастно спросил Алихан.

— Ну... полковника...

— Имя?

— Я забыла... — произнесла она плачущим голосом. — Вы мне перевернули все мозги!..

— Его фамилия — Одинцов, — внятно подсказал ей по-русски Курт, постепенно справлявшийся с первым приступом жгучей боли. — Полковник Одинцов. Какие еще вопросы? Прекратите этот азвотизм, Алихан, он может вам очень дорого обойтись!

— Не пугайте меня расходами, — спокойно парировал Алихан, также переходя с английского на русский. — Претензий ко мне не будет. Я выявил подозрительных лиц, осуществлявших за мной наружное наблюдение, а позже — совершивших попытку разработки в установленном контакте. Поскольку лица мужественно и твердо отказались отвечать на мои вопросы, отрицая очевидные факты, я ликвидировал их. Как бы ни было недовольно начальство, к таким делам оно не прицепится. Так что — советую не выпендриваться. Откровенно доложить мне о проделанной работе.

— Э-э... — выдавил Курт задумчиво.

— Хочешь что-то сказать, говори, — подбодрил его Алихан. — Но только то, что я хотел бы услышать.

Внезапно он подумал, что любовь, ненависть, страх не бывают иностранными. У чувств подданства нет.

Нервно сдергивая скользкий целлофан с пачки сигарет, Курт произнес:

— Пока мы установили лишь вас. И спрашивать должен я: выполнено ли задание Центра? Если нет, в чем причина задержки?

— Вы знаете, где живет Одинцов?

— Пока нет. — Курт нервно закурил. — Мы так и будем обмениваться вопросами?

— Да. Кто вас страшует?

— Никто! Срочно окажите ему помощь! — истерически закричала Эльза. И тут же осеклась, наткнувшись на взгляд Алихана — задумчиво-пустой, как будто тот всматривался в нечто беспричинно и глупо ему померещившееся.

— Что вы успели накапать в Москву? — продолжился допрос.

— Час назад мы сообщили, что с вами установлен контакт. — Курт, стиснув зубами фильтр сигареты, раскачивался корпусом, держа на весу сцепленными на лодыжке пальцами простреленную ногу. — Сделав акцент, что контакт произошел по вашей инициативе. Существенная деталь, заметьте!

— Вы полагаете?

— Да! У вас есть еще вопросы?

— Нет, — вздохнул Алихан виновато. — Я отнял у вас и так много времени. К тому же, большей откровенности едва ли добиться. Но и сказанного достаточно.

Первой он застрелил Эльзу.

Затем, сочувственно глядя в округлившиеся глаза Курта, наверняка имевшего оригинальное русское имя, еще раз нажал на курок, отметив, какие же противные и бесцветные у парня губы...

Обыскал трупы.

Выпотрошив на песок содержимое сумочки Эльзы, забрал документы, кредитки, наличные и пластиковую карточку-ключ от номера в отеле.

Вернувшись к машине, вытащил из багажника складную титановую лопатку – любовно отточенную, с изогнутым, весьма повышающим коэффициент полезного действия, черенком, – проверенный инструмент, неизменно входивший в его арсенал.

Имея значительный опыт и сноровку в печальном деле рытья могил, за считанные минуты выкопал яму.

После, усевшись на утрамбованный песок, отстраненно подумал, что вскоре ветры и океан окончательно загладят этот безымянный последний приют двух русских ребят, когда-то избравших для себя и не опасную, в общем-то, профессию, лишь изредка чреватую действительно серьезными накладками...

Взглянул на часы.

Вскоре предстояло двигаться к рыбацкому поселку, у причала которого должен был пришвартоваться катер с возможной добычей.

Однако сначала он заглянул в отель, навестив номер убийцы соглядатаев, откуда вышел с портфельчиком, заключавшим в себя бесшумное оружие и оперативный набор спецсредств.

Устроившись поудобнее на теплом и нежном песочном бархате, через оптический прицел он разглядел стоявшие у причала микроавтобусы и машины, убедившись в правоте своих предположений: гитлеровский подводный аппарат, таившийся в субмарине, наверняка извлечен и следует к берегу.

Спустя полчаса знакомый катер кладовщиков уже швартовался у пристани.

Не без удовлетворения обзрев бережную погрузку четырех непонятных плесневелых сундуков в микроавтобусы, Алихан, упреждая старшего автоколонны по направлению к городу, поехал впереди нее.

У дома Джованни Оселли остановился, расслабленно откинувшись на сиденье и впав в бездумное, схожее с медитацией, отдохновенное перед грядущей схваткой.

Из внезапно потемневшего неба сыпал редкий, холодный дождь. Микроавтобусы заезжали во двор виллы.

Неожиданно в зеркале заднего обзора возник знакомый чешский "опель", приписанный к государству Нидерланды.

Крадучись и будто что-то вынюхивая через решетку радиатора, "опель" проследовал вдоль улицы, остановившись у железной входной калитки, ведущей во дворик, заполненный машинами местной мафии.

Заинтересованно выкручивая шею в сторону дворика, кавказцы вели некий горячий и деловитый разговор.

Алихан весело качнул головой:

"Ну, обормоты..."

Посмотрел на пистолет, лежавший на сиденье пассажира.

Желания убивать не было.

В дом стали заносить ящики.

"Что в них, в этих ящиках? – размышлял Алихан. – Неужели все-таки золото? То, переплавленное нацистами из зубных коронок и обручальных колец узников концлагерей?"

Машины мафии одна за другой выруливали со двора, отъезжая.

Чечены, пригнувшись к приборному щитку, провожали их напряженными взорами.

Алихан еще раз проверил оружие, поправив резиновый жгут, удерживающий на голени "Вальтер"-дублер.

Гранаты, нож, запасные обоймы...

Вроде, порядок.

Час пробил!

ВОЛОДИН

Кавалькада автомобилей въехала во двор виллы.

Нам снова было оказано высокое доверие в производстве разгрузочных работ и перемещении ящиков в подвал, где уже загодя был приготовлен широкий низкий стол, застланный плотным полиэтиленом.

Первый ящик торжественно водрузился на постамент.

— Вскрываюте, да поможет вам дева Мария... — напутствовал Джованни, покидая помещение.

Оглядев капитальные бетонные перекрытия потолка, я взял мощную стамеску и, просунув ее между крышкой и стенкой, с пяти ударов кувалдой разломал проржавевший запор.

Вова дрожащей рукой откинул крышку.

Воору нашему предстала белесо-серая рыхлая масса, похожая на кисель.

Воздух наполнился кислотоватым зловонным запахом.

Я криво усмехнулся. Затем крикнул восторженным голосом в сторону лестницы:

— Сюда, сеньоры Оселли!

Набил, Джованни и часть их приближенной свиты примчались за воя, как коты на запах валерьянки.

Сгрудились вокруг сундука, хищно и недоуменно шевеля носами, вдыхающими специфический аромат загадочной по своей консистенции жижи.

— Что за блевотина? — растерянно спросил Набил.

Вова, гадливо морщась, взял саперную лопатку и опустил ее в изгнившее содержимое сундука.

Лопата, скребя по дну, перемешала жижу, в которой постепенно угадывалась фактура бумаги и расплзшийся бесцветный картон канцелярских папок; удалось даже выудить трапичную ветхую ленточку-завязку.

— Это были документы, — вздохнул папаня. — Может, и стоявшие денег. Но сейчас если их кто и восстановит — так это машина времени...

На лицах итальянцев читалось нескрываемое разочарование.

Содержимое остальных ящиков, вскрытых на глазах мафиози, приспосабливавшихся наконец-то необычайной отваги, обнаружило ту же безнадежную, мерзкую кашу.

На протяжении более чем пятидесяти лет морская вода неторопливо совершила свою разрушительную работу.

— Ну, думаю, нам все-таки крупно повезло, — сказал Василий покинувшему Джованни. — Теперь у нас есть все шансы покинуть данный подвал, сохранив вертикальное положение бранных тел.

Пропустив мимо ушей его сомнительную остроту, Оселли обернулся к чернобородому. Уточнил:

— Больше в лодке ничего не было?

Тот категорически мотнул своей косматой шевелюрой:

— Там одна гниль, джентльмены...

— Вот — единственно ценная находка. — Я вытащил из кармана четверть истлевший рыцарский крест. — Но полагаю, претендовать на этот сувенир вы не будете. А впрочем... возьмите!

Джованни, исследовав трофей, небрежным жестом вернул его. Произнес утомленно:

— Это — жизни! Но так или иначе, мы позабавились... Будет что вспомнить.

Во дворе заворчали моторами машинами: банда разъезжалась.

Вова, Василий и папаня тоже отправились домой. Я и Сергей задержались: нам требовалось потолковать с господами Оселли, бес толково блуждающими вокруг исторических сундуков из ценнейшей мореной древесины.

Присев на пластмассовый раскладной стульчик, я открыл братьям секрет своего неведения тех личностей, что устроили на мельнице перепалку из засады.

— Может, у вас неприятности... — равнодушно предположил Набил. — Все русские имеют эти неприятности... Если их нет сегодня, будут завтра. Странная страна!

— Но как бы там ни было, — продолжил я, — а жизнь, слава Богу, продолжается. С золотом третьего рейха вышла накладочка, извините, но теперь нам придется менять специализацию. И в связи с этим хотелось бы услышать ваш совет. Итак. У меня есть кое-какие деньги. Могли бы вы подсобрать нам в открытии какого-нибудь дела?

— Какого? — без энтузиазма спросил Джованни.

— Вы вот и подскажите....

— Подскажите, как заработать денег? — усмехнулся Набил. — Впрочем, — добавил задумчиво, — существует один проект... Но говорить о нем всерьез можно, если вы располагаете миллионом долларов.

— Увы! — отозвался я.

— Тогда могу предложить вам место сеньора Наума, — сказал Джованни. — Но вас, судя по всему, оно не устроит.

— И последний вопрос, — вступил в беседу Сергей. — Как быть с продлением виз?

— О! — оживился Джованни. — С этим придумаем. Только продление вряд ли вам что-нибудь даст. Мы сделаем вам нормальные европейские паспорта. Пять тысяч долларов каждый, все надежно. Только не попадайте в полицию. По криминалу, имею в виду.

Я молчал, сознавая, что остров с названием Фуэртевентура, конечно же, всего лишь перевалочный пункт в наших дальнейших, покада неясных мыканьях.

— Ну, — поправляя пиджак, предложил Набил, — едем в ресторан, зальем неудачу?

В этот момент на лестнице, ведущей в подвал, прогрохотали чьи-то шаги, и в помещение вторглись, затравленно озираясь, два небритых, помятых типа: один был тощий, с сухим лицом, на кото-

ром блестяли тяжелым и злобным, как у демона, взором глаза прижатого мизантропа, второго же – низкорослого, круглолицего и толстенького, отличала благодушная флегматичность с оттенком этого споминутного испуга.

Вобщем парне я не без удивления признал негодяя Аслана.

Причиной испуга, застывшего на лицах чеченов, видимо, являлся конвоировавший их черноволосый подтянутый человек с аристократичным лицом оперного кабальеро. Впрочем, что-то в этом лице было порочно-отталкивающее.

В движениях кабальеро угадывалась сила и ловкость матерой рыси. Вместо шпаги в руке он держал пистолет. С глушителем.

Бросив через оценивающий прищур короткий взгляд на нашу сторопешную компанию, он произнес по-русски, с легким акцентом, загадочную фразу:

– Все в сборе, прекрасно! – И, обернувшись к своим небритым заповечным, вежливо приказал: – Вы... К стене, встать на колени! Руки за головы!

Памятая парочка нехотя распоряжению повиновалась.

– Ну-с, показывайте ваши несметные сокровища, – обратился вежливо на английском языке к настороженно замершим итальянцам.

– Алихан... – внезапно выдохнул Одинцов, механическим движением потянувшись к втиснутому за пояс джинсов “Глоку”, но незнакомец, крутнув через скобу свою пушку, добродушно рассмеялся:

– Ручки, Сережа... Ты чего? Забыл, с кем имеешь дело?

Если чекист и забыл, то – моментально вспомнил, послушно положив ладони на колени. Констатировал сокрушенно:

– Родина помнит, родина знает...

Мыском кроссовки кабальеро Алихан откинул крышку первого ящика, недовольно поморщившись от едкого специфического запаха. Затем вторую, третью...

– Что за студень? – спросил брезгливо, подступая к четвертому контейнеру.

– Не трудитесь, – остановил я его. – Всюду одно и то же.

– Что именно?

– Полагаю, бывшие документы третьего рейха. Восстановлению не подлежащие.

– Значит, с золотишком – осечка?

Похоже, он был в курсе наших фантазий, разбившихся в ошметки о твердейший гранит реальности.

– Чуда не случилось, – подтвердил я.

– Мне никогда не везло с легким хлебом, – доверительно поведал Алихан. Затем указал пистолетом на сидевшую у стены парочку. – Знакомьтесь, мистер Володин. Ваши убийцы. Несостоявшиеся, как понимаю.

– За что же вы меня хотели разлучить с жизнью? – спросил я у кавказцев, одновременно понимая – за что. – За ваш воюющий кокаин? Неверный ход, ребята. Я вас не закладывал.

– А другого ты и не скажешь, – низким, гортанным голосом произнес Аслан, глядя на меня с испепеляющей ненавистью.

– Скажу и другое, – возразил я. – Причем не оправдываясь, и излагая всего лишь личные принципы. Так вот: осведомительство

терпеть не могу, но в данном случае действия стукача одобряю. Они сорвали гнусный преступный план.

— Он тут и в самом деле ни при чем, — засвидетельствовал Одинцов. — Утверждаю это, как офицер, курировавший операцию. Ты задумчиво прищурившись, указал пальцем на Аслана, — родственничек Куди вроде? Ишь, ведь, добрался до Канарских островов, см. скаренок... Только напрасно. Ты шел по следу подставки. А осведомителя нам не вычислить. Даже я не знаю, кто он таков. Может, кадровый разведчик. А в этом случае ваша месть глупа. Потому что у него своя работа, у вас — своя. Какие тут счета? Правильно, Алихан? Вот ты, чувствую, тоже здесь в служебной командировке. И намереваешься хлопнуть меня. Так?

— Так было несколько минут назад, — сказал кабальеро, имеющий, видимо, самое прямое отношение к секретным карательным ведомствам. — Покуда я не заглянул в эти сундуки с прокисшим дерьмом. Ныне обстоятельства переменялись в вашу пользу, товарищ полковник. Ликвидацию считаю нецелесообразной. Тем более, пришлось бы переколотить и всех присутствующих. Много лишнего шума, а у меня еще на островах дельце...

— Ты решил уйти в автономное плавание? — спросил Одинцов. — Если я правильно понимаю ситуацию...

— Если ты правильно понимаешь ситуацию, — перебил его Алихан, — задерживаться тебе на Канарах не рекомендуется. Как и мне, впрочем. Кстати, вчера я говорил с Москвой. Твой начальник с генеральскими погонами с должности снят. И — переведен в наш террариум. На днях он читал мне нотацию по телефону. Цитировал Хозяина: "решение надо доводить до результата", "пора развязывать гордые узлы"...

— Гордые узлы.

— Они говорят "гордые узлы". Так что — делай выводы. — Убрав пистолет за пояс брюк, он одернул просторную шелковую рубашку. Сказал чеченам:

— Все, бойцы, на выход. Свободны. Или хотите продолжить дискуссию?

Те, шустро поднявшись с колен, бросились вверх по лестнице.

Вслед за ними отправился Алихан. На выходе обернулся, заметив осунувшимся братьям Оселли:

— У вас сегодня тоже большой праздник. День рождения. Отметьте его с помпой. С салютом и плясками. — И, многозначительно качнув головой, удалился.

— Сегодня действительно есть повод для торжества, — подтвердил Одинцов. — Если бы этот человек захотел стереть наши имена из книги жизни... Он стреляет быстрее, чем думает. А думает он быстрее компьютера.

АУТСАЙДЕРЫ

Мчась на "опеле" куда глаза глядят, Аслан и Джамбик уяснили, что чудом выбрались из губительного переплета, отмеченного противостоянием весьма могущественных сил.

Наконец, обретя достаточное самообладание, друзья, свернув к харчевне рыбацкого поселка, запарковали машину и, пройдя на от-

крытую веранду, уселись за столиком, глядя на пену прибоя, выдававшую скрывшийся в ненастной темени океан.

Выбирая в меню самое дешевое блюдо, они вновь и вновь преиспытывались обоюдным пониманием необходимости побыстрее покинуть остров опасных сюрпризов, чему, увы, опять-таки препятствовал неразрешенный вопрос с изысканием финансовых ресурсов.

Боевой дух, толкавший к отважному разбою, начисто испарился после пережитого стресса, сменившись парализующей неуверенностью, и Аслан хмуρο согласился с заискивающим предложением Джамбика попытаться продать верного железного коня, дабы выручить сумму, достаточную для возвращения на материк.

Подозвав толстого, усатого хозяина харчевни, облаченного в фартук санитара, Аслан отчаянными жестами глухонемого попытался объяснить, что им надо найти какой-нибудь авторьнок для грочной продажи замечательного во всех отношениях немецкого автомобиля.

Хозяин, склонив голову набок, как заинтересованная обращенной к ней речью собака, терпеливо отслеживал драматическую жестикуляцию клиента, из которой почему-то вывел, что посетитель хочет заказать на ужин много-много закусок и – фирменное блюдо из стремительной по своим ходовым качествам акулы.

Умозаключения хозяина заведения, впрочем, остались для ченцев тайной, и Аслан весьма озадачился, когда сутулый официант в лоснящейся безрукавке поставил перед ним огромную вазу с горой яблок – так осмыслилось кабатчиком упорно повторяемое клиентом слово “опель”, расцененное в знакомой ему англоязычной версии как “эппл”.

– Куда делся этот дурень? – вертя головой по сторонам в поисках исчезнувшего толстяка, спросил Аслан потянувшегося к преждевременному десерту Джамбика.

– Наверное, пошел смотреть тачку, – вгрызаясь в яблоко, как дворняга в колбасу, предположил оголодавший товарищ.

Дурень, опять появившийся на веранде, при виде азартно ворожающего челюстью Джамбика восторженно поднял в воздух оба больших пальца, пролопотав, что, дескать, “опель” – вери-вери гуд!

– Вроде, понравилось ему... – шепнул Аслан, вновь призывая покупателя автомобиля к столу для обсуждения вопросов ценообразования.

Попросив карандаш, вывел на бумажной салфетке: 1500 и, не успев дописать заветный знак перечеркнутого двумя штрихами латинского “S”, обозначающего доллары, получил бодрым похлопыванием по плечу полнейшее подтверждение в лояльности кабатчика к указанной сумме.

– Си, сеньор, си!

– Амэрикэн долларз! – добавил Джамбик внушительно.

– Си, сеньор американо, си!

Знак “S”, все-таки внесенный Асланом в договор о намерениях, вряд ли что мог сказать провинциальному испанцу, как и большинство его сограждан уверенному, что при наличных расчетах в его стране имеет хождение исключительно местная валюта, а полторы тысячи песет, которыми, как он понял, располагали посетители, плату за ужин вполне покрывали.

– Фрита, – сказал кабатчик, ставя на скатерть поджаренный в кипящем масле картофель, посыпанный зеленью.

Как звучит слово “картофель-фри” по-американски, испанец не знал, произнес лишь половину словосочетания, ложно восприняв Асланом, как намек на бесплатное угощение.

– Фри? – на всякий случай переспросил тот.

– Фри, сеньор, фри!

Затем хозяина заведения, исчезнувшего на кухне, сменил прежний официант с огромным подносом всевозможных закусок.

Глядя на ломящийся от кулинарного изобилия стол, Аслан советовал:

– Дешево тачку отдаем, прогадали...

– Кто знал! – глядя разбегающимися глазами на рябившие яства, механически проронил Джамбик.

Последовавшее за закусками внушительное горячее блюдо навело Аслана на мысль о возможном недопонимании кабатчиком поставленной перед ним задачи.

Обменявшись взглядом с товарищем, также, чувствовалось, заподозрившим неладное, он произнес:

– Не вышло бы лажи, а?

Джамбик, потупив взор, не ответил, обреченно уминая акулий бок.

Аслан, философски шмыгнув носом, подцепил вилкой запеченную в тесте креветку.

После пережитых потрясений, обильно залитых вином, возможные недоразумения с представителями частного общепита представились им в итоге незаслуживающей внимания чепухой.

Сыто откинувшись на стуле, Аслан, не удосужившись изучить принесенный официантом счет, поведал соратнику, что пора бы начать осторожно спускаться к машине.

Однако их продвижению к выходу воспрепятствовал решительно возникший в дверном проходе кабатчик, воинственно выставивший навстречу неплательщикам заслон своего обширного пуза.

Владелец заведения совершал сложенными в щепотку пальцами характерные движения, будто у него невыносимо чесались их кончики.

Без труда уяснив значение этого выразительного международного жеста, Аслан высокомерно заявил:

– Инглиш – си! Испано – ноу андерстэнд!

Кабатчик, по-тараканьи шевеля усами, выразительно кивнув высунувшемуся с кухни официанту, принявшемуся, судя по всему, названивать в полицию, чье вероятное появление Аслан воспринимал с равнодушием, полагая, что за случившийся казус репрессивных мер со стороны властей не последует.

Из кухни между тем доносилась взволнованная речь халдея, горьким лейтмотивом в которой звучало единственное понимаемое кавказцами определение “Американо!” Перед данным словом варьировались различного рода прилагательные резко критического свойства.

Тут надо заметить, что смысловую разницу антонимов на неизвестных языках люди различают безошибочно, и семантическая

противоположность позитивных и негативных определений очевидна не только искусственным лингвистам. Слова "хорошо" и "плохо", произнесенные хотя бы на диалекте дикарей Амазонки, идентифицируются органически-безошибочно.

Вместо ожидаемой полиции в харчевню пожаловали двое испанцев внушительной комплекции, с небритыми лунообразными физиономиями и густыми бровями, притаившие, видимо, хорошо им знакомого бомжующего британца, обитающего на пляже.

Нищих бродяг из Англии на островах хватало.

Бомж, выслушав изложенный в небрежной манере рассказ Аслана, с завистью покосился на стол с объедками, после чего объяснил кабатчику разницу между знаменитой маркой европейского автомобиля и широко распространенным фруктом, а также — между долларами США и скромными испанскими песетами — одинаково, впрочем, отсутствующими у едва стоящих на ногах под тяжким грузом ужина клиентов.

Одуревший от интересной информации владелец заведения, уяснив суть коммерческого предложения представителей странного американского народа, впервые встретившихся на его жизненном пути и мало чем напоминавших знакомых ему голливудских персонажей, выразил желание осмотреть предлагаемый к торгу "опель".

По тайвшемуся в его глазах подозрению чувствовалось, он полагал, что реальная цена автомобиля едва ли покроет номинальную цену воистину королевского ужина.

Оценив свою незаменимость в ответственной миссии переводчика, сообразительный бомж также потребовал оплату предоставляемых интеллектуальных услуг в виде ужина, тыча грязноватым пальцем в заставленный опустевшими блюдами стол.

Через плотно стиснутые зубы кабатчик процедил вынужденное согласие с требованиями меркантильного британца.

Осмотр "опеля" в свете уличного фонаря отличался известной дотошностью.

Далее была совершена пробная поездка, по окончании которой конец оборзевший (характеристика Аслана) владелец харчевни предложил за машину пять сотен долларов, довольно лихо пересчитав в уме песеты в их заокеанский эквивалент.

Аслан выразил возмущенное несогласие с такой наглой оценкой транспортного средства, уже сожравшего целое состояние, но друзья кабатчика отреагировали на его запальчивые выкрики столь насупленным выражением и без того зверских физиономий, что оппоненту поневоле пришлось сбавить обороты.

Сошлись на сумме в восемьсот долларов без учета съеденных деликатесов, уже необратимо вступивших в активный процесс пищеварения.

Хозяин, решительно отобрав у продавцов ключи и документы на машину, сказал, что в восемь часов утра ждет их возле харчевни, откуда предстоит отправиться в полицию для перерегистрации покупки.

Ночь провели на пляже, а утром покатали в департамент автоинспекции — с кабатчиком и с недружелюбными громилами: новый владелец "опеля" явно не испытывал желания остаться наедине с его прежними наездниками.

Оставив Аслана и Джамбика в автомобиле под попечением гримил, кабатчик скрылся в глубь учреждения, где пробыл около получаса, вернувшись оттуда с ответственным полицейским чиновом на чьем округлом животе свисал под тяжестью кобуры с револьвером широкий кожаный ремень.

В одной руке полицейский чин держал ворох каких-то бумаг, а другой – дымящуюся синеватым дымком трубку.

Осмотрев номера “опеля” и сверившись с бумагами, страж порядка на дикарском английском языке сообщил Аслану, что представленные им документы – сплошная липа, номера “опеля” принадлежат иному транспортному средству, давно, судя по компьютеру, снятому с учета и отправленному под пресс, а потому требуется осуществить проверку номеров кузова и двигателя.

Аслан, возбужденный неожиданным ударом судьбы, брызгал слюной, энергично тряся перед носом бесстрастного должностного лица купчей и пытаясь уверить окружающих в своей законопослушности и благонамеренности, а Джамбик задумчиво, как мерины с колодезным воротом, бродил вокруг машины.

Гримили смотрели на него, как автобусные контролеры на слепого и руки случайного патруля безбилетника.

Тем временем равнодушный полицейский попросил занервничавших кавказцев, в чьих сумках, лежавших в багажнике, хранились пистолеты, пройти с документами, удостоверяющими их личности, в недра правоохранительного заведения.

Аслан, прикинув возможность побега, взором попавшего в силки орла посмотрел на виднеющиеся вдалеке горы.

Нет, в них не спастись и не скрыться.

Остров на глазах превращался в ловушку.

Надеясь все-таки на благоприятный исход ситуации и невозмутимо поглядывая на раскрасневшегося кабатчика, расстроенного как срывом выгодной сделки, так и тремя напрасно скормленными бродягам ужинами, друзья покорно отправились вслед за инспектором.

Их завели в один из кабинетов, оставив там под надзором вооруженного человека в униформе.

Через полчаса явился другой полицейский чин, заявивший на отличном английском, что “опель” числится в угоне, и он просит владельцев пройти к машине.

Увидев раскрытый багажник и сгрудившуюся вокруг него правоохранительную рать, Аслан понял, что надо готовиться к худшему.

Почтительно выслушав версию о пистолетах, найденных на пляже и специально привезенных для их торжественной передачи компетентным органам, главный полицейский чин пригласил Аслана и Джамбика в салон подъехавшего автомобиля, снабженного решетками и мигалкой.

Вскоре, пройдя помывочную процедуру, друзья оказались в чистенькой камере с двумя койками, телевизором и благоухающим апельсиновой химней толчком.

После сытного обеда улеглись на крахмальные простыни.

Что-что, но отныне проблемы с кровом и питанием были решены.

К вечеру следующего дня под конвоем трех мордovorотов кавказцы вылетели в Мадрид, где их с нетерпением ожидали представители посольства США.

Представители уже уведомили испанские власти, что американские паспорта задержанных достоверно отражают данные существующих в материальной природе физических лиц, — весьма законопослушных и уважаемых, но! — одинаково, видимо, страдающих раздвоением личности, поскольку в настоящее время находятся внутри Соединенных Штатов и о существовании Канарских островов, будучи несведущими в географии, даже не подозревают.

Из мадридской каталажки Аслана и Джамбика снова отвезли в аэропорт.

На сей раз самолет направлялся в Нью-Йорк.

Конечным пунктом следующего рейса, как уныло предполагали соратники, будет Москва. А может, столица уже независимой Ичкерии. Время покажет. Тем более, грядущему перелету сопутствовал значительный перерыв наземного обслуживания пассажиров в исправительном заведении США.

За подделку федеральных документов чудаковатые американские юристы карали серьезнее, чем за умышленное убийство.

Однако закованные в наручники пленники присутствия духа не теряли, философски размышляя, что жизнь еще впереди, а кошмарный остров в океане, едва не ставший их последним приютом, остался в безвозвратном прошлом.

Из тисков же американской юстиции, склонной к вердиктам зачастую парадоксальным, можно было еще и вывернуться, нашелся бы проворный да говорливый адвокат.

Другое дело — красноречивый юрист стоил кучу долларов, а с деньгами у лиц, находящихся на полном государственном обеспечении, дело обстояло никак.

АЛИХАН

Пока загружался паром, следующий на Tenerife, Алихан из портового зала ожидания позвонил в Москву.

— Ну, это я, — сказал, услышав в трубке знакомый голос руководителя. — Докладываю: дело сделано.

— Все чисто?

— Не совсем... Была одна странность.

— Что такое? — спросили встревоженно.

— Ко мне клеилась настырная немецкая парочка.

— И?..

— На всякий случай я решил вопрос радикально.

— То есть?

— Пошел на увеличение расходного технического материала.

— Вы с ума сошли, это же наши люди... — донесся ошарашенный шепот. — Как вы могли...

— Да? Кто виноват? — беспечно отозвался Алихан. — Надо предупредить! Я не люблю, когда за мной шляется кто-то, помимо моей тени.

В далекой Москве собеседник в немом негодовании шумно выдутил воздух через нос. Произнес с терпеливой злобой:

— Где вы сейчас?

— Отбываю на Tenerife для дальнейшего прохождения...

– На прохождение вам – еще неделя! – прозвучало неприязненное указание. – Перед возвращением позвоните, вас встретят.

– Всенепременно! – глумливо отозвался Алихан.

Вот и все. Три дня он может жить вполне спокойно. Новых инспекторов по его следу не пустят, Москве хватит кадровых потерь.

Алихан с ухмылкой подумал, какой тарарам сейчас происходит в спецслужбе в связи с утратой двух ценнейших, наверняка, негалов, и что думает о нем инициатор контрольной операции.

Прибыв на Tenerife, он немедленно взял напрокат машину и поехал в знакомый отель.

Отославшись, отправился ранним утром по указанному адресу, приступив к привычной процедуре наблюдения за аккуратным двухэтажным коттеджиком, где проживал финансовый агент известного российского депутата.

Доверенный порученец – чахлый молодой человек в круглых очечках, с реденькой блондинистой шевелюрой, сразу же вызвал у него симпатию своим наискромнейшим образом жизни.

Бесцветный тихоня тайлся на острове, как мышка-норушка ни с кем знакомств не водил, продукты покупал в дешевом супермаркете "Сантьяго", девок к себе не таскал, а занимался чем положено, будучи финансовым директором зарегистрированной на острове оффшорной лавочки, куда перекачивалась его шефом, купленным в выборе надежных сотрудников, валюта из государства, остро страдающего от бюджетного дефицита и недоимки налогов.

262
Без какого-либо труда проникнув в дом, Алихан по-хозяйски заварил себе чай и устроился у окна, безучастно ожидая встречи с хозяином, отправившимся на велосипеде за своим кефиром и сляжкой в ближайшую бакалею.

С приобретением провианта тот управился в неполную четверть часа, и, увидев появившуюся под окном белобрысую голову, Алихан встал за дверью, лениво разминая пальцы.

Парень, что-то недовольно бормотавший себе под нос, вошел в гостиную, тут же утратив сознание от удара ребром ладони в основание черепа.

Подхватив обмякшее тело, Алихан уместил его в кресло и, взяв с подоконника недопитый чай, уселся напротив, ожидая, когда жертва придет в себя.

– Ну, – произнес участливо, глядя в разъезжающиеся, испуганные глаза, – будем знакомиться: вас зовут Николаем, а меня – теми большими неприятностями.

Парень оторопело молчал.

Алихан спокойно и рассудительно поведал ему о финансовых махинациях босса, о несправедливо мизерной зарплате, выдаваемой алчным бессовестным жуликом своему ответственному работнику, не должному подставлять под удар за эти гроши свою драгоценную голову, только что испытывшую известное потрясение.

– А потому, – закончил дружелюбно, – вам, Николай, надлежит выписать чек из банковской книжки и отдать кредитные карточки, раскрыв их секретные коды.

– А если я не соглашусь?

– То вам не понравится мой ответ на заданный вами вопрос, – произнес Алихан вежливо.

– Вы что, убьете меня? – нервно ухмыльнулась жертва.

– Думаете, это так сложно? – Алихан печально улыбнулся. – Вам сказать, скольких людей я убил? Впрочем, и сам точно не знаю. Может, тысячу, может, полторы... Хвастаться тут, конечно же, нечем, тем более – я не маньяк и не садист, и речь идет о довольно скучной и противной работе. Замечу: в вашем случае мне хотелось бы от нее уклониться.

– Так ведь не получится, – возразил Николай.

– Почему? Как только пройдет чек, я переведу деньги с одного счета на иной, они обналечатся и затеряются. А карточки у вас нелимитированные, ведь так? Через неделю капитал вашего босса несколько вздувет, но и только. Вы же в свою очередь все ему сумеете объяснить... Признаюсь и в другом: заказчикам этой операции не достанется ни шиша, я все заберу себе. А кто такие заказчики – с удовольствием поведаю вам. Вы, соответственно – господину сенатору. Уверяю, начнутся увлекательные разборки! И нам они будут обоюдно на руку!

– Каким же образом пройдет для меня эта неделя?

– Не беспокойтесь, – сказал Алихан. – Свой кефир и кашку вы будете получать в изобилии. Единственное неудобство – вам придется переселиться в подвал. Телефон будет запараллелен. О кодовых словосочетаниях, указывающих на неприятности, наш хозяин – человек самонадеянный, не позаботился, но если хотя бы малейшим искривлением интонации вы...

– Я понял.

– Вот, собственно, и все. По рукам?

– У меня просто нет выхода.

– Конечно, нет. Теперь о всякого рода меркантильных интересах. Да, я люблю деньги. Почему? Потому что, если переложить все эти теории о загробной и нынешней жизни в аллегорию, то, на мой взгляд, она такова: пока не освобожден столик в хорошем ресторане, пережди время в уютном баре.

– По-моему, вы утешаетесь ложными представлениями, – сумрачно изрек собеседник. – И если вам удобно жить с такой мыслью, вам вообще не надо думать.

– Не стану спорить, тем более, для полемики у нас еще прорва времени, – подмигнул ему Алихан. – А пока будьте любезны... чек!

Конечно же, он лукавил. Все было ложью: и его пространные рассуждения о грехах и необязательном воздаянии за них, и обещания сохранить жизнь жертве. Он сказал правду лишь насчет присвоения им денег.

Несчастный же порученец Николай обязан был умереть. В неукоснительном соответствии с правилами жестокой игры.

Но в последний момент, когда дело было сделано, и Алихан вошел в подвал, где спал в наркотическом забытии на брошенном на цементный пол матрасе узник, правила были изменены: смертельная доза мутиноватой жидкости в шприце тонкой струйкой выплеснулась в воздух.

Подтянув поршнем остаток снадобья к игле, Алихан, тщательно протерев спиртом набухшую от жгута вену пленника, аккуратно сделал ему безопасный укол.

Через сутки, вопреки всем установкам обязательной ликвидации свидетеля, бедолага очухается и — начнется сыр-бор...

Благодарности от Николая Алихан, естественно, не ожидал, но убивать парня категорически не хотел. Почему — он и сам не знал.

В ожидании завершения банковских перетасовок, он плавал в океане, праздно шатался по набережной, усеянной ресторанными, в одном из которых познакомился с компанией молодых англичан: двумя парнями и тремя девушками, прибывшими на Тенерифе на собственной яхте.

На днях ребята собирались покинуть архипелаг, направляясь через Гибралтар к побережью Италии.

Алихан, представившийся беженцем из Афганистана, проживающим ныне в Германии, где занимался частным бизнесом, выразил восхищение перед предстоящим ребятам морским путешествием — предметом его давней мечты. Заметил вскользь, что, если компания примет его в свой состав, он непременно готов вложиться в общий котел.

Его вполне устраивало высадиться в одном из портов европейского побережья, будь то Франция или Италия.

Глупенькая девочка Джейни оказала ему пылкую протекцию: зачислении в состав экипажа, и, погрузив свой чемодан с оружием и спецсредствами на борт яхты, Алихан вскоре смотрел на скрывающийся вдали Тенерифе.

Глядя в бегущую за кормой воду, он, отдохновенно-расслабленный, с неожиданным удовлетворением подумал об оставленном в живых порученце, должным вот-вот поднять запоздалую тревогу.

Чем-то этот паренек его зацепил... И всерьез.

Но чем именно — раздумывать не хотелось. Для этого еще будет время. Ведь впереди — еще наверняка долгая жизнь.

А сейчас стихия океанских ветров и волн принуждала к зачарованному наслаждению их свежей могучей силой, словно вливающейся в него, — растворенного в благодати сияющего солнцем и лазурью пространства.

Пути человеческой мысли зачастую путаны, темны и порочны.

Владелец яхты — двадцатисемилетний Генри Пейн — вежливый и радушный молодой человек с приветливым взглядом и улыбающимся открытым лицом, испытывал к принятому на борт пассажиру настороженную неприязнь.

Он не смог отказать своей двоюродной сестре — истеричкой и взбалмошной Джейни, упорно настаивающей на включении в состав компании ее нового любовничка и грозившей в случае отказа остаться с ним на Тенерифе. Пришлось уступить: за родственницу Генри нес ответственность и бросить ее на острове с каким-то подозрительным азиатом попросту был не в праве.

Азиат действительно внушал опасения: от него исходило темное поле какой-то жуткой угрозы, и Генри, в юности поколобродивший в воровской шайке и чудом избежавший тюрьмы, отчетливо улавливал глубоко и изощренно преступную натуру своего нового знакомого.

Нахождение на судне подобного типа вызывало в нем нарастающее беспокойство.

Улучив момент, он, заранее подобрав отмычку, вскрыл чемодан пассажира.

Если бы в эту минуту Алихан увидел лицо интеллигентного добродушного паренька, он бы миготом утратил овладевшую им эйфорию: в глазах Генри появился стылый свинцовый блеск, а на скулах заходили ожесточенные желваки.

Закрыв чемодан, Генри вышел на палубу, рассеянно и светло улыбувшись облокотившемуся на леера проходимцу, любующемуся на прелестную средиземноморскую синь: яхта уже шла у берегов Франции, держа курс к Ницце.

Девочки беспробудно спали после вчерашней веселой попойки, а опьяняющийся баночным пивом Марлоу — ближайший дружок и звёздный спутник Генри в морских путешествиях, мужественно нес вахту у руля.

Марлоу был пареньком не из нервных и отличался сообразительностью, а потому, выслушав короткий рассказ приятеля о содержимом чемоданчика пассажира, отрывисто произнес:

- Чертов бандит может захватить судно!
- В том-то и дело, — уныло подтвердил Генри.
- Стопорим дизель, берем спиннинги...

Дальнейшие действия мореходов отличались давно выработанной слаженностью и близким к телепатии единомыслием.

На третий заброс блесны Генри радостно вскричал, что подцепил меч-рыбу, и заинтересованный его выкриком Алихан перегнулся через леера, вглядываясь в желтоватую струну лески, уходящую в легкую волну.

Одного толчка сильных рук Марлоу оказалось достаточно, чтобы зазевавшийся попутчик оказался в воде.

- Мне очень жаль, сэр! — помахал Генри рукой изумленно взиравшему на него Алихану, безуспешно скривившему пальцами по гладкому боку яхты.

- Что скажем девочкам? — озабоченно спросил Марлоу.

- Что они проспали порт, в котором сошел пассажир, — пожал плечами, мягко и печально улыбувшись, Генри.

Алихан провожал долгим, исполненным ненавистью взглядом отдаляющееся от него судно, еще не веря, что проклятые сопляки сумели так ловко провести его, сбросив за борт как мешок с камбузными отходами.

Он непростительно и глупо расслабился, позволив себе пренебречь явственно отмеченной им тенью двуличия, время от времени мелькавшей на лице этого благостного англичанина, в ком, тем не менее, не ощущалось ни малейшей способности к откровенному и жесткому насилию.

Он ошибся. Парни наверняка покопались в его багаже, и решительная их отвага продиктовалась самым обычным страхом.

Кому доверился! Отпрыскам лицемернейшей и коварной нации, недаром властвовавшей некогда над всем Востоком!

Скинув с ног кроссовки, он нацупал бумажник в заднем кармане шортов. Там были спасительные кредитки и документы. Спаси-

тельные, увы, для сухопутных передряг. Равно как утраченный чемодан с оружием и шпионскими причиндалами. Но да плевать на деньги и чемодан, лишь бы добраться до берега!

Подлые англичане все же оставили ему шанс. Сумеет ли он только проплыть отделяющие его от суши десять-двенадцать миль?

Весенняя средиземноморская вода была чувствительно холодная. Единственное, что утешало – отсутствие в ней акул. Он был готов утонуть, но только не закончить свою жизнь в пастях прожорливых изворотливых тварей.

Перевернулся на спину, глядя в раскаленное марево дрожащего в вышине солнца.

Плавал он так себе, неважно. И теперь понимал, что отсутствие споровки неумолимо уносит силы при каждом его дилетантском рывке к скрытому за горизонтом берегу.

С внезапным и острым отчаянием, осознавая всю мизерность и случайность этого, в общем-то, пригрезившегося шанса остаться живых, он глядел в качающуюся над головой воздушную бездну, вознося в нее путаную отчаянную молитву.

И вдруг увидел парус...

ИГОРЬ ВОЛОДИН

На нашу компанию снизошла отупелая безмятежность банкротов, исповедующих учение и практику стоиков.

Ни скулежа по поводу скаредной судьбы, не расколовшейся на милостивые подарки, ни вздыханий о напрасно потраченном времени и деньгах ни один из членов нашего экипажа себе не позволял. Напротив, мы полагали, что удачно минули рифы значительных неприятностей, возведенных разноликими и многочисленными врагами, отныне бесследно исчезнувшими.

Впрочем, в ресторан братьев Оселли, утративших к нам хищный материальный интерес, мы захаживали, получая существенные дружеские скидки при оплате счета.

Итальянцы выправили нам необходимые документы, коренным образом облегчившие своей безвизовой первоосновой существование в западном обществе.

Из плебея третьеразрядной страны с сомнительной репутацией – так, по крайней мере, расценивались большинством “золотого миллиарда” затесавшиеся в его сытые ряды бывшие советские граждане, мы трансформировались в джентльменов, допущенных в элитарную прослойку того населения планеты, что каждодневно укрепляло иммиграционные заслоны для чужестранцев, несущих в себе агрессивный груз неблагополучия своих нищих и беспокойных отчизн.

Одинцов, несмотря на риск возобновления преследования, ожидал свою подзадержавшуюся в Петрограде Веру, планируя с ее приездом определить в дальнейших жизненных перспективах. Василий катал на катере туристов и туристок, дифференцируя оплату за предоставляемые им услуги в форме наличных или же, если подворачивались подходящие экземпляры, – натуры, а Вова усердно охмурял местную красавицу – голубоглазую блондинку, ведущую свою родословную от знаменитых канарских гуанчей.

Я же, не находя себе достойного места в трудноблагоденствующем курортном бизнесе, подумывал об отъезде в Америку — там все было знакомо, понятно, и вероятность найти себя в многообразии океанского хаоса, весьма схожего с привычным российским, бесспорно существовала.

Папня решительно возжелал остаться на Фуэртевентуре, — лучше, по его мнению, месту на планете.

Права нашего владения вторым этажом виллы никто не оспаривал, а каждодневные стычки и дразги между претендентами по поводу нижней части строения папанию не задевали.

Потребности старика были предельно скромны, а одиночество ему не грозило: очень скоро он стал полноправным членом в общине живущих на острове немецких пенсионеров.

В один из выходных мы решили выйти в океан на подводную охоту, двинувшись к знакомой банке.

Здесь, в чистой воде окружающего отмель приглубья, имели обыкновение греться на солнышке будущие деликатесы. Заодно хотелось навестить лодку и снять цейсовскую оптику с перископов.

Исследуя заржавевшие крепления и крутясь вокруг стойки на центропосту, я задел ластом один из снарядов и, обмерев в испуге от печальной оплошности, увидел, как, воздевшись над своими замшелыми собратьями, он медленно опускается на их скученный завал.

Забыв о цели погружения, руководимый неясными подозрениями, я, уяснив какую-то неестественную легковесность артиллерийского снаряда, взял его в руки.

И повял: держу полую гильзу. Закупоренную, но со странным отсутствием капсуля.

Я дернул сигнальный конец три раза, оповещая борт о подъеме.

Увидев в моих руках заплесневелый снаряд, друзья-товарищи разродились комментариями, изобилующими ненормативной лексикой.

Мне стоило немалых трудов, хлебая забивавшуюся в рот соленую воду, уговорить принять меня на катер с данным загадочным предметом.

Соскрябав с гильзы зеленовато-серый водяной мох и накипь всевозможных отложений, мы различили утолщение на ее горловине, похожее на завинчивающуюся цилиндрическую крышку с конусообразным притоплением.

Надев плотные резиновые перчатки, Вова поднатужился, пытаясь крышку отвернуть. Я, способствуя его усилиям, соответственно вращал гильзу в обратную сторону.

Довольно быстро мы умаялись, и попытку вскрыть тубус повторил Сергей с Васей.

Прикипевшая резьба неохотно сдвинулась.

Завороженно глядя на постепенно открывающиеся мелкие витки оголенно-свежей, теплой от вращения латуни, мы удалили заглушку.

Я осторожно заглянул в глубину тубуса.

— Что там? — свистящим шепотом спросил папа.

— Привет с того света... — Я тряхнул гильзу, вытащив из нее закопанный в тонкую вощеную бумагу тряпичный рулон.

Рулон составляли два холста.

Мы осторожно развернули первый.

На нас смотрел, улыбаясь из темноты уютного подвальчика, седой за уставленным снадью столом краснолицый весельчак в средневековом камзоле, воздевший в приветственном тосте украшенный вязью кубок.

— И вам не болеть, — сказал Вова извлеченному со дна морского весельчаку.

— Вот вам и золото, — резюмировал внезапно осипшим голосом папаня.

Сергей настороженно оглядел пустыню океана. Проронил:

— Ну и сколько же там этих гильз?

— Двенадцать! — ответил я, готовясь к срочному погружению.

Мчась в "мерседесе" к дому, мы то и дело настороженно оглядывались на заднее стекло машины в закономерной боязни слежки.

Однако обошлось без неприятных накладок: и мафия, и опасные проходимцы-одиночки разочарованно и бесповоротно закрыли для себя тему, связанную с подводными сокровищами и сопутствующим ей устранением конкурентов.

Своим находкам мы были рады, но безоглядному ликование препятствовала та угнетающая мысль, что отныне мы стали обладателями двадцати шести шедевров, считавшихся наверняка утраченными во время войны.

Впрочем, каждого из нас данная мысль угнетала по своему.

— Где искать надежного покупателя? — хмурился, покусывая губы, Вова. — Да и с каталогами надо свериться, узнать, что почем...

— Реализация, — озабоченно втолковывал нам чекист, — самая главная вещь в любой коммерции. Это я к тому, чтобы не только ве прогадать в цене, но и не нарваться на Интерпол или же мафию.

— Картинки могут стоить не только денег, но и жизни, — адумчиво соглашался папаня.

— А как быть с моральным аспектом? — внезапно осведомился Василий. — Ась, господа алчные авантюристы? У нас же в руках общемировые ценности, между прочим! А если официально как-то, а?..

— Официально ты получишь грамоту в поощрение за благородство, — откликнулся папаня. — А может, медальку из золота самоварного. Не майтесь дурью! Моральный аспект! От людей ушло, к людям и придет, чего там базарить! В нужный час все по музеям разместится, а пока, друг, нам надо кушать, усек? И катер твой не морскую водичку предпочитает, а дорогой нефтепродукт!

Прагматические папанины рассуждения, далекие от упадочного идеализма, были приняты за идеологическую первооснову наших дальнейших действий.

В итоге чекист сказал:

— Теперь, братцы, нам предстоит многоэтапная долгосрочная операция. И мне, чувствуя, будет чем заняться.

Вечер и половину ночи провели в пьянстве и в обсуждении механизма превращения уникального художественного собрания в безликую денежную массу.

Проснувшись с тяжелыми головами к полудню, обнаружили отсутствие Василия и нашего "мерседеса". Следуя элементарному умозаключению, заглянули под кровать исчезнувшего партнера, где хранились тубусы. Естественно — тю-тю!

Володька, спавший в той же комнате, что и кидала, лишь сокрушенно вздыхал, разводя руками.

Взяв у Лены машину, я и Серега покатали к причалу, где обнаружился "мерседес" с оставленными в замке зажигания ключами.

Катер Василия, надо полагать, уже давно растаял в дымке голубой.

— Теперь можно сообщить и властям, — сказал я. — Сообразно принципу: не нам, значит — никому!

— Да и вас троих достаточно, — поправил его папаня. — Мне-то зачем? Вдруг откину концы, наживете правовой геморрой.

— Ты случайно не путаешься во временах и наклонениях? — спросил я. — Благодаря интенсивному общению на немецком?

— Понимаешь, — перебил меня Вова, неторопливо запивая бутерброд кока-колой. — Вчера я отметил, что у Васьки забегал взгляд. У него, жулика, он и без того плохо фиксировался... Пошел друг Васи перед сном сортир и душ навестить, вы — поддатые, храпака задаете, а я, покумекав, вытряхнул от греха картинку из гильзы, да и припрятал их. А в гильзы старых газет напихал — уже сколько времени макулатуру на помойку не отнесем...

— Так где картины? — выдохнул я.

— погоди! — поморщившись, отмахнулся Вова. — Ну, залег я, глаза прикрыл, жду. Чего будет. И, блин, прозевал! Уснул-таки! А он, жучара, свинтил! Чисто, с концами. Просыпаюсь — привет!

— А что же, ты, изверг, молчал?! — вытирая испарину со лба, рявкнул Серега.

— Зато сколько восторга! — молвил Вова. — Или — нет? Ну, извините, я хотел, как лучше...

— Еще один приколы, получишь укол! — предупредил я. — Но — не иголкой!

— Да, мы у него в должниках, — двусмысленно произнес Сергей.

Предварительно сфотографировав полотна, мы поспешили воспользоваться весьма уместной Вовиной рекомендацией относительно банковского хранилища.

Вечером заглянули к Лене, узнав, что только что по телефону ей звонил наш сбежавший друг.

Через час звонок прозвучал вновь. Путаясь в междометиях крупного рогатого скота, то есть застенчиво мыча и бляя, Вася выдвинул покаянную версию: дескать, произошло замыкание в мозгу, остро возжелалось вернуть культурные ценности мировому сообществу, но теперь проводка восстановлена и заизолирована, так что — простите, ребята!..

В своем ответе предателю я руководствовался версией, выработанной Сергеем, опасавшимся, что за первой пакостью от Васи способна последовать вторая.

Я сообщил, что отныне картины пребывают в надежном и недоступном месте, далее — категорически отверг возможность проживания под одной крышей с оскорбившим наши лучшие чувства мерзавцем, прибавив, что побег скостил ему половину положенной доли.

Когда сей чудный миг произойдет? Звоните, Вася, пишите письма. Надейтесь.

— И не дай тебе Бог, идиот, начать какие-нибудь хитрожопые игры! — перехватив у меня трубку, веско предупредил изменника чекист. — Тогда гарантирую точный пролет! И — приземление в глубокое дерьмо! Понял?!

Вася, поневоле удовлетворившись иллюзорной надеждой, понял. И с этого момента здорово тратился на звонки, едва ли не ежедневно справляясь о новостях и о нашем драгоценном для него здоровье.

Я неоднократно предлагал простить негодяя, высказывая предположение, что он нарвался на оставленную Фирой Моисеевой мину с вирусом шельмовства, но жесткосердные компаньоны, глубоко уязвленные гнусным поступком нашего бывшего приятеля, апелляциям не принимали.

— Никаких амнистий! — стучал кулаком по столу папа. — Статьи звонковая! Взяли в долю, как человека, а он черной неблагодарностью заплатил!

Жить я переехал к Леночке, куда постепенно подтянулся Сергей, оказавшийся в одиночестве, и теперь мы сутками просиживали у компьютера, чувствуя, что скоро приобретем заочное образование искусствоведов.

Полотна принадлежали кистям известнейших европейских живописцев. Лица же, способные заинтересоваться их приобретением, проживали на американском континенте, куда с разведывательно-ознакомительным визитом мне вскоре предстояло направиться.

А куда мы ожидали задержавшуюся в Питере Веру, от которой уже давно не было никаких вестей.

Что наводило на объективные тягостные размышления.

ОДИНЦОВ

Он увидел этих парней и сразу почувствовал неладное.

Парни стояли, совещаясь, у ворот виллы и воровато поглядывали на окна, у одного из которых, скрытый портьерой, стоял он, Одинцов.

Национальность и род занятий этих коротко стриженных, навязанных субчиков в долгих определениях не нуждались: стандартные российские группировщики.

— Игорь! — Он взял с журнального столика "Глок", прикрытый газеткой. — Зови Лену, у нас гости!

Володин, оторвавшись от компьютера, бросил короткий напряженный взгляд во двор. Вздохнул — с истомленным пониманием ситуации.

— Леночка, — обратился Одинцов к хозяйке дома. — По-моему, сюда направляются нехорошие ребята. По чью душу — неясно. Твоя задача: спокойно прими их. Если спросят, кто в доме, ответь: ты и ребенок. Веди их в гостиную.

Лена, заметно побледнев, молча кивнула. В этот же мигбрякнул колокольчик у входной двери.

— Э, есть кто дома?! — осведомился развязный баритон.

- Да, слушаю вас... - донесся испуганный голос Леночки.

Сергей указал Володину на подсобку, располагавшуюся рядом с входом в гостиную:

- Давай туда!

Прикрыв за собой дверь, они услышали раздавшиеся в коридоре шаги, а затем баритон продолжил довольно вежливо:

- Мы от Веры... Вы ведь Лена, я не ошибаюсь?

- Да, что с ней?

Прогноировав этот вопрос, второй мужской голос - простудно-гнусавый, с одобрением произнес:

- А ничего ведь хижина! Вот же расстарался покойник, а так и воспользовался, за что, спрашивается, башку сложил?

- Простите, да кто вы?

- Мы-то... Друзья сеструхи твоей. В доме кто есть?

- Нет... То есть ребенок...

- Это хорошо. Значит, Ленок, так, - произнес наглый баритон. - Докладываю: очень, понимаешь, Вера о своем спинोगрызике переживает, убивается, я бы сказал, но приехать не может, все дела и дела...

- Какие же дела? - невозмутимо спросила Лена.

- Дела-то? - вздохнул гнусавый. - Покойник подбросил проблем вдовушке, он всему виной. И вкратце ситуация обстоит так: должен он нам деньги. А потому... Сделаешь банковский перевод, это - раз. Два - переоформим хижину. Вот и все.

- И... что дальше?

- А дальше, детка, - довольно рассмеялся баритон, - катись в Питер, к сестренке своей ненаглядной, мы тебя честь по чести проводим, не сомневайся...

- А мудрить надумашь, - гремя угрозой в сиплой интонации добавил другой бандит, - так мудри, дело твое. Но учти: жизнь сестры на себя берешь, такая вот цена всей мудрости... Это ясно?

- Ясно.

- Ну и ладушки. Спокойная ты, погляжу, девка, уживемся.

- Вы здесь собираетесь жить?

Гангстеры зашлись в восторженном гоготе.

- Конечно, дорогая! Готовь, кстати, обед!

Одинцов толкнул локтем Володина: пошли!

Встав в дверях гостиной, произнес, безразлично глядя на подобранных посетителей:

- Не знаю, как насчет обеда, Ленок, но в одном наши гости угадали: им действительно придется тут некоторое время пожить. И ничего не поделаешь. - Вздернул "Глок", направив его в переносицу вставшего подниматься с кресла короткопалого типа с приплюснутым носом и крутым боксерским затылком. Пояснил холодно: - Замри, гнида, котел враз разнесу!

Короткопалый угрюмо переглянулся со своим сотоварищем, рыскавшим по сторонам колючими цепкими глазками загнанного в угол хорька.

Подобного сюрприза визитеры явно не ожидали.

- Пора, думаю, представиться, - произнес Одинцов. - Я - по всем вашим понятиям - мент. Квалифицированный, как пишут в характеристиках, специалист по вопросам организованной пре-

ступности. Вашего шакаля завалил гору. Я не хвастаюсь, а подсказываю вам вывод... Хотя вы тут уже чесали что-то об излишней мудрости, необходимости повторяться нет.

— Ты пожалеешь, волк, — сказал короткопалый, оказавшийся обладателем баритона. Из-под его голых, лишенных ресниц век таращились прозрачные, навывкате, глаза.

— О чем пожалею? — усмехнулся Одинцов. — О ваших загубленных жизнях? Едва ли. Но если хотите их сохранить, выполните команды. Команда номер один: лечь на пол.

Парочка, угрожающе пыхтя, подчинилась приказу, подкрепленному выразительными передвижениями в воздухе не дающего осечек ствола.

— Веревки! — обронил Одинцов в сторону Лены, умело обыскивая арестантов и отбрасывая в сторону швейцарские офицерские ножи и бумажники. Кивнув на ножи, заметил Володину: — Откуда, интелесно, моду переняли? От црушников? Их ведь стандартный причиндал...

— А ты — грамотей, — пропыхтел короткопалый, уткнувшийся носом в ворс ковра.

— И тебя это, чувствую, не радует, — произнес Володин, перетягивая пленникам запястья надежными и грамотными морскими узами.

— Ты где так канаты вязать научился? — поинтересовался у него злобным голосом сиплый. — Ослабь, гад, больно...

— Потерпишь. А за "гада" могу тебе показать, как делать петлю для висельника.

Протянув напарнику "Глок", Одинцов, уцепившись в короткой бобрин сиплого, резким рывком приподнял взывшего от боли бандита на колени.

— Сейчас двигаем в подвал, там сегодня у тебя ночлег, — пояснил миролюбиво. — Ну, подъем!

Бандитов следовало по одиночке подвергнуть жесткой психологической обработке. Технологию обработки полковник знал досконально.

На лестнице гнусавый выказал неподчинение приказу, попытавшись оказать сопротивление конвою, но, получив ошеломляющий удар в печень, мгновенно присмирел.

Припоминая уроки Володина, Сергей, подтянув лодыжки бандита с его завернутыми за спину запястьям, увязал дополнительный "простой штык", обычно применяющийся в морской практике для крепления швартовых.

После, не без удовлетворения оглядев кряхтящий куль, вернулся в гостиную, где, хмуро уставившись на немигающий зрачок пастолета, сидел в коленопреклоненной позе посередине ковра короткопалый.

— Итак, продолжим, — деловито обратился к нему Одинцов. — Ребята вы, думаю, ушлые, сообразительные, а потому — надеюсь на взаимопонимание и логику... Или обольщаюсь?

— Надеяться не вредно, — донесся надменный ответ.

— Ты зря огрызаешься, — укорил его Одинцов. — Мы же теперь партнеры, понимаешь? И у нас общая задача: вернуть сюда Веру.

- Как я ее тебе...

- Ты можешь ее вернуть, - с нажимом произнес Одинцов. - И сейчас, не сходя с места, мы вместе начнем думать, как это осуществить. Более того: плодотворный мыслительный процесс в предложенном направлении в первую очередь необходим тебе самому. И касается он твоих насущных интересов, потому что при отрицательном результате мы закопаем вашу парочку живьем в песок. Это я тебе твердо и конкретно обещаю. Очень твердо и очень конкретно. И своей тяжелой смертью ты загладишь, поверь, все прежние грехи, я уж постараюсь. Но грехов у тебя наверняка много, а потому в деле заглаживания придется оказать тебе помощь в виде имеющегося утюга системы "Филиппс", снабженного отпаривателем. Помнишь такую ракетирскую рекламу: "Изменим жизнь к лучшему"?

- Ребята, - сказал короткопалый неожиданно дрогнувшим голосом, уяснив, видимо, несомненную реальность угроз. - Ребята... но что мы можем? Нам приказали... Ну, мы, ясное дело...

- Это ты потом своим авторитетам заправлять будешь, - перебил его Одинцов. - А пока еще раз предлагаю начать совместный мыслительный процесс. Или - предложение отвергается?

- Не, почему же...

Через два часа, уместив и второго бандита в подвале, Одинцов, Лена и Игорь прослушивали записанный на пленку разговор короткопалого с его боссом в Москве:

- Антон Михайлович, все в полном ажуре! Бабки сняли налом, пока там эти переводы, мура всякая финансовая...

- Как девка?

- Кошелка с пониманием, как шелковая... но только накладочка с хибарой выходит; без этой сучки - и-ну, этой...

- Повятно-повятно.

- В общем, без нее - непротык. И, кстати, там еще часть денег на ней...

- Что предлагаешь?

- А пусть Семен и Гоша ее сопровождают... Но для начала мы ее с сестренкой соединим, она ей в момент все растолкует...

- Думаешь, пройдет?..

- А почему нет? Лена нам тут уже обедик варит-парит... Не, вы, конечно, как знаете...

- Нал, значит... Зарой, ясно? Во избежание...

- Само собой!

- Ладно, ждите звонка. Из дома - никуда!

- Да а куда мы...

Отбой.

Речь короткопалого, как отметил про себя Одинцов, три раза прослушав запись, отличал изряднейший артистизм, удовлетворявший бы самого взыскательного режиссера.

Впрочем, виртуозная естественность сыгранной гангстером роли вполне отвечала столь же естественным причинам снисходешего на него вдохновения.

Следующий звонок раздался через час.

- Леночка, милая, это я... Как вы там?

— Не волнуйся, все в порядке. Слышишь? Все очень хорошо! Плюнь на этот дом, приезжай сюда, без тебя кирпичи не переформируются...

— С тобой точно все в порядке?

— Да, хамство в пределах нормы, терпимо. Только я тебя умоляю: пройди пограничников — и тех и других, безо всяких... ну, ты понимаешь. Им наши головы не нужны... Ты-то как?!

Отбой.

Криминальный босс, перезвонивший на следующий день, повелел короткопалому встретить Веру и ее сопровождение, прилетающих через сутки на Фуэртевентуру местным рейсом с Тенерифе.

Уяснив близость развязки, бандиты уже заискивающе и доверительно советовались с Одинцовым относительно своих перспектив, сетуя на невозможность возвращения в российские пространства, где вынужденный артистизм короткопалого будет оценен аплодисментами весьма определенного рода.

Володин, решивший посвятить братьев Оселли в перипетии малоприятной ситуации, вернувшись из ресторана, несколько утешил узников подземелья, сказав, что за примерное поведение им будет оказано одолжение, которое они оценят завтрашним днем.

Российско-итальянская группа встречающих прибыла в аэропорт за полчаса до приземления самолета.

Вышедшие из стеклянных дверей два внушительных по комплекции и росту типа, сопровождающие Веру, были корректно и умело оттеснены от нее ратью Оселли.

Володин, выступавший в качестве переводчика, настоятельно порекомендовал гостям острова Фуэртевентура избегать резких телодвижений.

Сохраняя степенную невозмутимость, бандиты через испытующий прищур наблюдали, как к ним подводят их изрядно помятых и лишенных какого-либо гонора соратников.

— Кореша, здесь полный антракт... — буркнул вместо приветствия короткопалый.

Вышедший из здания аэропорта полицейский чин, уверенно проследовавший к кучкующимся у автостоянки представителям различных мафий, попросил паспорта у прибывших на остров господ мужского пола.

Затем, уместив документы на крыше одной из машин, щелкнул два раза хромированным штемпелем, изуродовав черными грязными метками сияющие голографией визы.

Вручил паспорта владельцам, пояснив сухо:

— У вас есть сутки, чтобы покинуть территорию стран Содружества. Через час идет рейс на Тенерифе. Советую поспешить. — И, пожав руки хорошо ему, видимо, знакомой итальянской братии, двинулся со своим штемпелем обратно к зданию аэропорта.

— Не, минуточку, давайте разберемся... — вынул один из гостей, но сильный утомленно перебил его:

— Гоша, давай без базара! Тут беспредел...

— Гестапо, твоя кавалерия! — подтвердил короткопалый.

- Вот, - Володин протянул ему паспорта. - С вашими визами куда порядок. У вас есть время перебраться на материк. Оцениваешь? Мы - ребята приличные... Согласен?

- Да уж куда там!.. - скрипнул зубами сильный, убирая паспорт в карман.

- И еще вам бесплатный совет: не задерживайтесь на Тенерифе, там опасные глубины...

- Значит, у ребят все заладилось, - устало произнесла Вера, проводив взглядом уходящих в спальню Игоря и Лену. - Как думаешь, - покосилась на Сергея, - у них это серьезно?

- А у вас? - Он притянул ее к себе.

- Ты... - Она осторожно провела пальцами по его лицу. - Ты... уверен?

- Я так... ждал тебя...

- И я тоже, - выдохнула она. - Сережа, может, я поступаю безправственно...

Из спальни Лены донесся смешок и - невнятный веселый голос Володина.

- Ну ладно. - Она высвободилась из кольца его рук. Открыла холодильник, достала бутылку шампанского. Сказала просто:

- Пошли спать, Серега!

ЭПИЛОГ

На следующей неделе я отбывал в ответственную командировку на восточное побережье Соединенных Штатов.

Провожавший меня в аэропорт Володька внезапно притормозил на питачке в горах, остановив машину на узкой обочине.

- Давай-ка, выйди, - предложил вдумчиво. - Скажи острову "до свидания". Как полагается...

Я вышел на утоптанную площадку над обрывом.

Дул теплый настойчивый ветер. Океан смеялся рассыпанной улыбкой миллионов солнечных бликов.

И вдруг сбоку мелькнула тень.

И прилетел ворон. Одинокий, случайный.

Если я удивился ему, то лишь чуть. Наверное, так должно было случиться.

Я смотрел в живые бусины его глаз, а ворон спокойно приблизился ко мне, будто знал, что мы понимаем друг друга и нужны сейчас здесь, в этот час, в этой жизни.

Я прошел к машине, обнаружив к досаде своей лишь пакетик орешков в кармашке сумки и, не зная, понравится ли они вещей птице или же нет, вновь вернулся к обрыву.

Ворон взял желтый катышек с ладони, покосившись на рассыпанный под его кожистыми ногами арахис, а потом мы просто сидели, глядя на вечное небо и вечную землю...

Впереди же был Тенерифе - праздничный и праздный. А после - очухивающийся от снежной и долгой зимы Нью-Йорк.

И только в сумерках почного салона "Боинга" я вдруг не то понял, не то озадачился:

"А вдруг это был тот ворон?"

Ключ К У С ПЕ Х

Лет десять назад трое ребят – Виталий Нольев, Андрон Тихонов, Игорь Емельяненко – хозяйничали на сцене в ДК Олимпийской деревни. Они старательно подтягивали тросы, наденно утанавливали реневизит, следили за тем, чтобы занавес всегда был на месте и не свалился кому-нибудь на голову в самый неподходящий момент. А тан как ребята слыли умельцами мастерами и начальству нравились, то в их распоряжение выделили маленькую комна-

н) для репетиций. Там они и проводили большую часть свободного времени, потому что слегка "сдвинулись" на любовь и музыку.

Однанды в московской музыкальной камере появился сибиряк Артур Пилевин. И вскоре возник музыкальный коллектив, который назвали весьма незамысловато по тем временам и довольно стильно по нынешним – "Квартет". Ритмично-танцевальный. Виталий Нольде шаманил на барабанах. Фантастический художник Андрон Тихонов проникся звучанием бас-гитары. А Игорь Емельяненко извлекал почти невозможные звуки из гитары. Все вместе они озвучивали те романтично-музыкальные "бредни", которые обильно рондались у композитора, а по совместительству студента дирижерско-хорового факультета Института культуры, Артура Пилевина.

– Я учился недалеко от озера Байкал, – вспоминает Пилевин, – в иркутском училище искусств. Однанды на очередной музыкальный конкурс приехал преподаватель из московского Института культуры, послушал мои произведения и сказал, что я очень талантлив, поэтому мне стоит получить образование в Москве. Пригласив в свой институт, уехал домой и вскоре благополучно забыл о моем существовании. Но я то был доверчивым юношей и, свято поверив в его слова, начал действовать!

Доверчивый юноша Пилевин, оказавшийся в первопрестольной без рубля в кармане, "отмочил" на приемных экзаменах танец, что его с восторгом приняли. Он спел песню "Из-за острова на стрежень...", актерствуя при этом так умело, что все экзаменаторы приемной комиссии, включившись в игру, ощутили себя членами бандитской группировки Стеньки Разина. Когда "разбойничьи страсти" поулеглись, Артур, большой любитель полярных импровизаций, легко сменил тему и "выдал" интеллигентные, сыграв классическую фугу собственного сочинения. Видимо, именно с тех пор Пилевин, уве-

рившись в успехе, стал делать ставку в своей музыке на эмоции с непременным интеллектном...

– Да нет, – отрицает Артур, – музыка – это чисто эмоциональная сфера. Тот, кто делает интеллигентную музыку, – тот проигрывает. Ведь и джаз, и классика, как ни странно, сплошные эмоции. Просто стили разные. Кстати, музыка Моцарта в его времена считалась откровенной попсой...

Действительно, эмоций в музыке Пилевина предостаточно. Все дело в том, что он наделен нежной, чувствительной душой. Именно благодаря ей в ранней музыке Артура так ярко зазвучал юношеский душещипательный романтизм, близкий по духу средневековым бродяжкам-менестрелям. И романтические сентенции в конечном итоге закономерно привели Пилевина к искусному наслению (в более поздних песнях) абсолютно разных по своей эстетике и происхождению музыкальных стилей, что, как известно, является отличительной особенностью джазовых импровизаций. Зато темы остались пренними. Город. Женщина. Мужчина. Любовь. Прощание.

После того, как ансамбль сыгрался, и их совместное творчество стало набирать энергию, группе понадобилась вокалистка, чтобы голосом выразить всю чувственность любви. Ну куда же без нее родимой – вдохновительницы поэтов и музыкантов?! Вскоре певица отыскалась. Однанды в своем студенческом общении Артур отправился за... спичками, а нашел мягкое, чистое, как у голосистых народниц, soprano.

– Арин зашел к нам в комнату, – вспоминает Татьяна Литвиненко, – и спросил, поет ли кто-нибудь из нас. Моя подружка Лильна показала на меня: "У нас Татьяна певица". Это было истинной правдой, я тогда занималась в джазовой студии. Кроме того, я не просто любила петь, мне очень хотелось быть солистной в какой-нибудь группе. Поэтому с радостью отправилась на первую репетицию. Исполнила

песенку "Жил отважный капитан".
Всем понравилось...

Пилевин считает, что Татьяна –
"весьма своеобразная павица, со сво-
им внутренним миром".

29 апреля 1987 года группа зая-
вила о себе, выступив в зале москов-
ского ДН имени Горбунова вместе с
сучеческой "Бригадой С". Этот день и
отмечается с тех пор как день рожде-
ния группы. Но и первый концерт, и по-
следующие не сделали группу популяр-
ной. Она стала "широко известной в уз-
ких кругах". Почему?

Музыка Артура всегда была отме-
чена каким-то вневременным насло-
нием музыкальных "жанров". Не лево
выращенный джаз, не примитивная по-
пса, не ритмичный рок. И данке не син-
тез этих стилей, а что-то новое, свое,
неуловимое, избегающее прямых опре-
делений, трантовок и оценоч.

Первые альбомы группы – "Не забы-
вай меня" (1989) и виниловый диск, вы-
пущенный фирмой "Мелодия" в 1991 го-
ду, "Все земное стало странным".

– Та музыка, – вспоминает Татьяна
Литвиненко, – сплошная романтика. Но-
гда я пела песни "Замерзла" и "Не надо
плакать", то выдумывала себе какие-то
невероятные, абсолютно ненужные и не-
столько трогательные сюжеты, что, да-
же исполняя их во время концерта, не
могла удержаться от слез.

Жизнь, работа и творчество про-
должались. А в "Квартале" постепенно
сменились обитатели.

– Из "старичков" остались Таня, я и
Виталик Нопьев, – говорит Пилевин. –
Из новеньких – Саша Плявиньш, по-
мимо профессиональной игры на бас-
гитаре, он еще пишет музыку. Есть сре-
ди нас очень комфортный музыкант и
удивительный гитарист – Саша Баран-
цев. Он обладает уникальным свойст-
вом вливаться в любую композицию
без проблем. Совершенно загадочным
образом ему также удается нравиться
всем людям без исключения. На трубе
играет Саша Дитновский – красивый
атлет и талантливый музыкант. Макс
Лихачев – тромбонист с очень высокой

энергией. Когда мы были в Архангель-
ске на международном фестивале со-
временного джаза, то его отметили мно-
гие профессионалы. Наш концертный
звукорежиссер – Миша Алеников. С
помощью различных частот, технооб-
работки звука он позволяет людям при-
с нашего концерта перенестись в горы,
в пещеру, на дно моря...

Не так давно в коллектив пришла
вторая вокалистка – Софи Бенджамин
О'Нран... Ее голос, задушевный, высо-
кий, с ласковой хрипотцой, как будто
предназначен для медлительных блю-
зов. Впрочем, это и неудивительно
ведь корни Софи уходят в самую глуди-
ну африканского континента. Ее отец –
врач из Ганы, мама – домохозяйка из
Майнопа.

Девушка окончила майнопское му-
зыкальное училище и по распределе-
нию оказалась в Краснодарском му-
зыкальном театре. Когда там стало неин-
тересно, она отправилась искать удачу
в Москву. Здесь судьба ей улыбнулась.
София познакомилась с Сашей Баран-
цевым и вскоре оказалась обитателем
"Квартала", помогая своим банча-
лом на подпевках, а затем стала соли-
сткой... И спела почти все песни ново-
го альбома "Вход для посторонних", ко-
торый вышел на ТАРА рекордз". Таня
отзывается о Софином участии в колле-
ктиве так: "У меня не было ревности
или злости из-за того, что София соли-
рует. Наоборот, ее ответственное отно-
шение к нашему делу заставляет меня
подтягиваться, больше работать над
своим голосом и петь еще лучше. Тем
более что вскоре мне предстоит очень
интересная работа. Я буду петь дуэтом
с Валерием Меладзе песни, сочинен-
ные Ариком".

Но "Квартал" не был бы "Кварталом",
если бы не подчеркивал свою
преданность романтическим традициям.
"Сада-Янко" и "Моя любовь осталась в
Амстердаме" – лирические песенно-
спевки о прощании с любовью...

– Сонет песни "Моя любовь оста-
лась в Амстердаме," – вспоминает
Арик, – я подсмотрел в одном приме-

дом кафе в Нолленгагене. Сидя за столом и потягивая холодное датское пиво, я краем глаза любовался обаятельно красивой блондинкой, которая сохранилась со своим приятелем. Обернувшись случайно в сторону бара, усел, что не я один наслаждаюсь "приятным моментом". Официант-чигаец с таким же вниманием наблюдал за ссорой влюбленных. А потом мы оба явились свидетелями, как умерла их любовь. Девушка резко отодвинула от себя стул, из которого выплеснулась жидкость на пиджак ее парня, опрокинула стул и скрылась в городском тумане. Собственно, об этом моя песня. Единственное, что в ней пришлось изменить, — это название города. Из-за того, что Амстердам в рифму лучше пошелся...

А вот с песней "Сада-Янко", по словам Артура, совершенно другая история получилась. Она написана на стихи Гумилева и носит отстраненно-мистический характер. Ее стиль — сплошная декламация текста. Пилявин постарался сделать так, чтобы ничто не мешало донести до публики образ, рожденный фантазией Гумилева. Это стихи-ассоциация об увиденном в Париже в 1905 году. Тогда были очень модны японские театры, считавшиеся экзотикой. В одном из них поэт встретил девушку, жену режиссера по имени Сада-Янко. Она танцевала так, что "ее ножки, как беленькие котятки, скользили по паркету..." Героиня поразила Гумилева своим изществом...

На эту песню режиссером Рубеном Туманяном снят клип. Еще одним проектом стал сборник лучших песен, который назывался "The Best". Впрочем, его ждала та же участь, что и первые два альбома. Он прошел почти незамеченным в музыкальном мире.

— Можно было, конечно, потратить деньги на его раскрутку, — говорит Артур, — но я склонен считать, что известность и популярность должны приходиться артистам, певцам и музыкантам естественным путем...

Не исключено, что именно поэтому Пилявин и не стал писать для своего

четвертого альбома "Вход для посторонних" коммерческую музыку на потребу публике, а выплеснул в него все, чем были переполнены его жизнь, душа и чувства. И снова те же темы. Город. Женщина. Мужчина. Любовь. Прощание. Группа как будто заключила негласное соглашение с истинными ценителями блюза. Кстати, именно "Вход для посторонних" был отмечен музыкальными критиками как высокопрофессиональный во всех смыслах.

Главный композитор и сочинитель группы "Квартал" терпеть не может слова "синтез". Он утверждает, что вся его музыка как бы ложится параллельными пластинами. Например, может звучать нельсонский этнос и тут же перебиваться африканским ритмом барабанов "мтуц-мтуц-мтуц". А древняя мелодия нельтов трансформируется блюзовыми распевами вокалистки. Вместе эта параллельность и создает ни на что не похожую, своеобразную и интересную музыку...

Необычное выражение чувства любви, несвойственное для современных людей, явилось основой для философского и глубокого сюжета, который объединяет в одно целое 12 песен нового, еще не вышедшего альбома группы со странным названием "Мир розовых нунал". Любовь вне времени. Вне пола. Вне пространства. Почти библейские основы. Правда, интересно, как об этом можно спеть доступно и понятно даже поклонникам поп-музыки? А альбом обещает быть именно таким — легким и эмоциональным. Впрочем, если повезет и Артур найдет смелого режиссера, то мы его сможем не только услышать, но и увидеть. Потому что неутомимый выдумщик Пилявин хочет выразить свое новое детище не только в музыкальном, но и в танцевальном исполнении. Весь танцевальный и музыкальный материал готов. Осталось только подождать...

АЛЕНА ПИГАРЕВА

Фото на 4-й обл.
ИГОРЯ ЯНОВЛЕВА

ШАХМАТНАЯ

280

ЭПИГРАММА

**Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИНТОРА ЧЕПИННОГО**

Вместе с оригинальными композициями, присланными на VI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр, публикуем итоги прошлогоднего конкурса д в у х о д о в о к. В конкурсе 1996 г. участвовало 196 задач 93 авторов (опубликовано 45). Из конкурса исключены из-за предшественников: №№ 17, 26, 28, 34, 37, 50, 61, 62, 98, 123, 133.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов конкурса.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

103. А. ХИЛЬДЕБРАНД

Швеция

Мат в 2 хода

104. В. МАРКОВИЙ

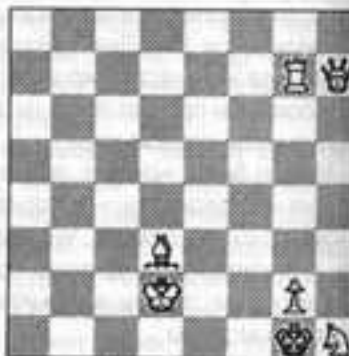
*пос. Ильница,
Украина*

Мат в 2 хода

105. Б. ЖЕЖЕРУН

Полтава, Украина

Мат в 2 хода

6) Лг7 - g6

106. В. ПЫПА

г. Червоная Слобода,
Украина

Мат в 3 хода

107. А. ЯРОСЛАВЦЕВ

Курск

Мат в 3 хода

б) п. a7-g7; в) п. a7-b3

108. Н. ВЕЛНИЙ

Киев, Украина

Мат в 3 хода

109. В. ИВАНОВ

пос. Повнеца,
Карелия

Мат в 4 хода

110. В. АНТИПОВ

Н. ЧИСТЯКОВ

Россия

Мат в 6 ходов

б) a1-b1

111. С. ТНАЧЕНКО

г. Приазовское,
Украина

Мат в 7 ходов

ДВУХХОДОВКА-96
I приз
В. ПИЛЬЧЕНКО

б) $f3-b6$ в) $Ke1-h7$
II-III призы

М. МАРАНДЖИ

б) $Cc5-g5$ а) $Фh8-g8$
II-III призы

В. МЕЛЬНИЧЕНКО

Мат в 2 хода

Специальный приз
А. КУЗОВКОВ

Конкурс двухходовых миниатюр 1996 г. дал превосходные результаты. Достаточно сказать, что в число отмеченных вошли лишь задачи с многократной переменной матов – знан вышней тематической сплоченности.

I приз. В. Пильченко (г. Сухой Яр Свердловской обл.)

а) 1. $Cc5?$ $c3$ 2. $Hd3x$, 1... $d4$
1. $Hpe7?$ $d4$ 2. $Cd6x$, 1... $c3!$
1. $Hg2!$? ($2.Фf4$), $Hpd4$ $Фe3$, 1... $d4!$

1. $Hrg6!$ ∞ ($c3$), $Hpd4$, $d4$ 2. $Фf3$ $Фf4$, $Фf5x$

б) 1. $Cd2!$ ∞ ($c3$), $Hpd4$, $d4$ 2. $Фf4$ $Фe3$, $Фe6x$

в) 1. $Hg5!$ ∞ ($c3$), $Hpd4$, $d4$ 2. $Фb5$ $Фc3$, $Фe4x$

Прекрасная обработка известного механизма с чередованием матов в форме ле Гранд. Здесь автору удалось в решении близнецов осуществить три-вариантную тему Загоруйно. Хороший нюанс – все маты дает белый ферзь!

II-III призы. М. Маранджик (Украина)

а) 1. $e5$ $Hrc6$, $c6$ 2. $Фb5$, $e6x$

б) 1. $Фb7$ $Hrd6$, $Hre8$ 2. $Фb5$ $Фc8x$

в) 1. $Ca6$ $Hrc6$, $c6$ 2. $Фd5$, $Фc8x$

Хорошо скомпонованные близнецы с основными видами перемены игры. Варианты решения близнецов а) и б) представляют произвольную перемену матов, близнецов в) и г) – простую перемену, а близнецов б) и в) – перемену по Рухлису.

II-III призы. В. Мельниченко (Украина)

1. $Cd4?$ ∞ , $d5$ 2. $Фc4$, $Фc5x$, 1... $Hpd5!$

1. $Cd3!$ ∞ , $Hpd5$ 2. $Фb5$, $Фc4x$, 1... $d5!$

1. $Cf5!$ $Hpd5$, $d5$ 2. $Фb5$, $Cd7x$

Добротная трехфазная перемена игры, сцементированная темой Дробров-Сниса. Симпатичен дополнительный лонный след: 1. $b7?$ $d5$ 2. $b8Hx$, 1... $Hpd5!$

Специальный приз. А. Кузовков (Москва)

1... $Hpf5$, $f5$ 2. $Ca6$, $Cf3x$

1. $He6?$ $Hpf5$ 2. $Фf4x$, 1... $f5!$

1. $Hf7?$ $f5$ 2. $He5x$, 1... $Hpf5!$

1. $Hh3!$ $Hpf5$, $f5$ 2. $Фf4$, $Hf2x$

Хорошая реализация в миниатюре темы IV чемпионата мира! Наль, что один из матов решения повторяется в лонном следе.

1-й почетн. отз.
М. МАРАНДЮК

2-й почетн. отз.
В. КОВАЛЕНКО

3-й почетн. отз.
В. ЖЕЛТОНОЖКО

1-й почетный отзыв **М. Марандюк** (Украина)

а) 1. Фh6 Kpg8, Kpe8 2. Ce6, Cb6; б) н. g5-g7 1. Kpd7 g6, g5 2. Ce6, Cb6; в) Kd5-f6 1. Hd7 Kpg6, Kpe7 2. He5, Фf8x. В отличие от призовой задачи этого же автора здесь между решениями трех близнецов нет стройной логичной связи.

2-й почетный отзыв **В. Коваленко** (г. Большой Камень Приморского края)

1. Cd2? Krc4, Kpe4 2. Фb4, Фf4x, 1...f4! 1. Cf4? ∞ Kpe4 2. Фb4, Фе5x, 1...Krc4! 1.b4 ∞ Krc4, 2. Фf4, Фc5x. Замысел приобрел бы большую стройность, если бы первую фазу удалось сделать действительным решением.

3-й почетный отзыв **В. Желтоножко** (Екатеринбург)

1. Krc3? (2. Фb4x) Kpa3 2. Фa5x, 1...Cb5! 1. Cd 1? Cb3, Cd3, Cdb5, Cb5 2. cb, cd, c4, c3x, 1...Ca2! 1. c3 (2. Фb4x) Cb5 2. Cd1x. К сожалению, "центр тяжести" этой симпатичной миниатюры заключен в лонном слове 1. Cd1?, а не в решении.

Похвальный отзыв **В. Дячук** (Украина)

1. Kf4? ∞ 2. He2, He6x, 1...Le8! 1. Kc7? (2. Ke2x) Cb5, Ce4 2. Kb3, Фc5x, 1...O3! 1. Kc5! (2. Ke6x) Le8, Ce4, Cd5 2. Kb3, Фе4, Фf6x

Похвальный отзыв **В. Желтоножко** (Екатеринбург)

1...Kpa5 2. Cd8x; 1. Le5? 2. Cf2x, 1...Kpa7! 1. Le4? Krc5 2. Cf2x, 1...Kpa7! 1. Le8? Kpa7 2. Cf2x, 1...Krc5! 1. Cf2 Krc5, Kpa7, Kpa5 2. Le4, Le8, Le5x

Похвальный отзыв **Л. Лебедев** (Беларусь)

1. Kpd6? (2. Le8x) f4!, 1. Kpf6? (2. Le8x) d4! 1. Ld8? d4 2. Ld4x, 1...f4!, 1. Lf8? f4 2. Lf4x, 1...d4!, 1. Lc5? d4 2. Le5x, 1...f4! 1. He5? d4, f4 2. Фf3, Фd3x, 1...Kpf4! 1. Le8 d4, f4 2. Kpd6, Kpf6x

Специальный почетный отзыв **В. Мельничко** (Украина): Kpb3, Фf2, Kc4, Kc7 - Kpe4, nn. b4, f6. б) Kc4-d4

а) 1...Kpd3 2. Фе3x 1. Фg3! Kpd4, Kpf5 2. Фе3, Kd6x; б) 1. Kcb5? Kpd3, Kpe5 2. Фе2, Фf5x, 1...f5!, 1. Kde6 Kpd3, Kpe5 2. Kc5, Фf4x. Этот блон мог бы претендовать на приз, но

будь у второго близнеца предшественника - **М. Нива**, "Прица", 1995 г.

Специальный похвальный отзыв **Ю. Сушков и Ю. Фокин** (Санкт-Петербург): Kpd2, Фg8, Лf8, Hd1, nf4 - Kpe4, псб.

1. Фg2? Kpd4!, 1. Фc4? Kpf3!, 1. Krc3? (2. Фg2x) Kpf3!, 1. Kpe2? (2. Фc4x) Kpd4!, 1. He3! Kpf3, Kpd4 2. Фg2, Фc4x

В. Чепижный,
международный арбитр

Похвальные отзывы на равных

В. ДЯЧУК

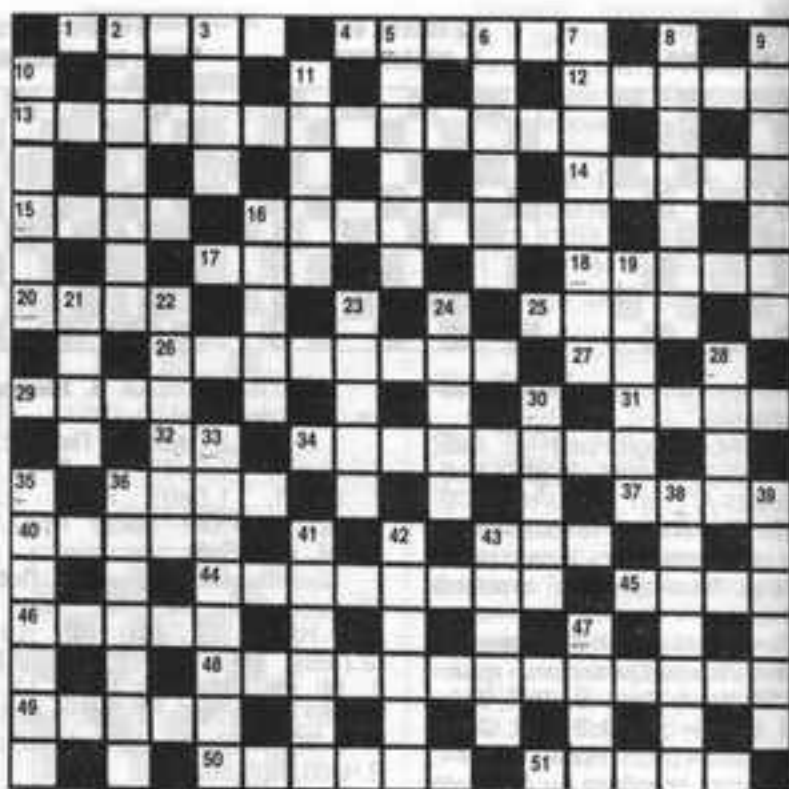

В. ЖЕЛТОНОЖКО

Л. ЛЕБЕДЕВ

По горизонтали.

1. «Срудие, которым берут, хватают, держат, щипят, тнут, отрезают» (В. Даль). 4. Имя поэта Билдердейка, приветствовавшего оккупацию родных Нидерландов Наполеоном. 12. Анаграмма к слову «сетна». 13. Иван Грозный по отношению к Дмитрию Донскому. 14. «Подригательница». 15. Национальное испанское блюдо. 16. Знаменитый американец; семнадцатый ребенок в семье, он прожил семьдесят четыре года. 17. Состязание, тяжба на Руси. 18. Французский государственный деятель, считавший юпрени Вольтеру, что и в средние века прогресс мысли не прекращался. 20. Один из кораблей, в чьи паруса дует ветер романтики. 25. Бельгийский художник, мастер аллегорических композиций. 26. Снальпель из него вдале острее влмазного. 27. Форма китайского стиха, в тысячелетия назад – и просто поэзия. 29. Писатель, напечатавший в 1897 году в «Русском архиве» подделку – окончание пушкинской «Русалки». 31. Важнейшая сфера самореализации личности. 32. Азиатский бын в «обне». 34. Фомеская основа низи. 36. Свадебная картина А. Рязушкина. 37. Человек халающий. 40. Красный командир, не ои снавший славы убийством кронцладтца. 43. На суше не сылают, а на море вздымается сам. 44. Наперсточник по сути. 45. Дом, где все друг другу уши пронюхали. 46. Русская писательница, говорившая в Париже: «Степу тебе на язык». 48. «Вечность» судей. 49. Собачье дело на охоте. 50. Мини-биография. 51. Чертовский холод.

По вертикали.

2. Тюм, чьи сыновья сделали Одну магическое ноше.
3. Феерическое искусство. 5. Шумерская богиня, одна из ипостасей которой – «звезда утреннего восхода». 6. Нинон де ... – куртизанка, чьим первым поклонником был Ришелье. 7. Габардиновое пальто сливок советского общества. 8. «Обычина» в основном тексте сочинения. 9. Первый биограф Ф. Достоевского. 10. Свойство человека, ведущего себя как рубана в бою. 11. Непристойный танец, упоминаемый в пьесе А. Островского «В чужом пиру похмелье». 15. Американский поэт-деревенщик. 18. Одна из трех составляющих Вифлеемской звезды. 21. Название у поморей туши морского зверя, с которого сняли шкуру. 22. Старинное название быка, норовы. 23. Героиня песни «Хуторок». 24. Паломничество в Мекку, один из пяти столпов ислама. 28. Оренда, в которой у Гоголя все лето ездил Чичиков. 30. Заставка в арабских рукописных книгах. 33. Цепочка, в которой превратилась нимфа, чье сердце разбил Герант. 35. Защита, покровительство. 36. Настоянка, ромку которой с дорожки Русанов в пьесе А. Островского «Не в свои сани не садись» просит у Маломальского. 38. Двадцать восьмой президент США. 39. Буддийский храм-монастырь, обычно пещерный. 41. Зверское нападение. 42. Дорогой брат нефрита. 43. Новгородский князь Юрий по происхождению. 47. Речная занюпа.

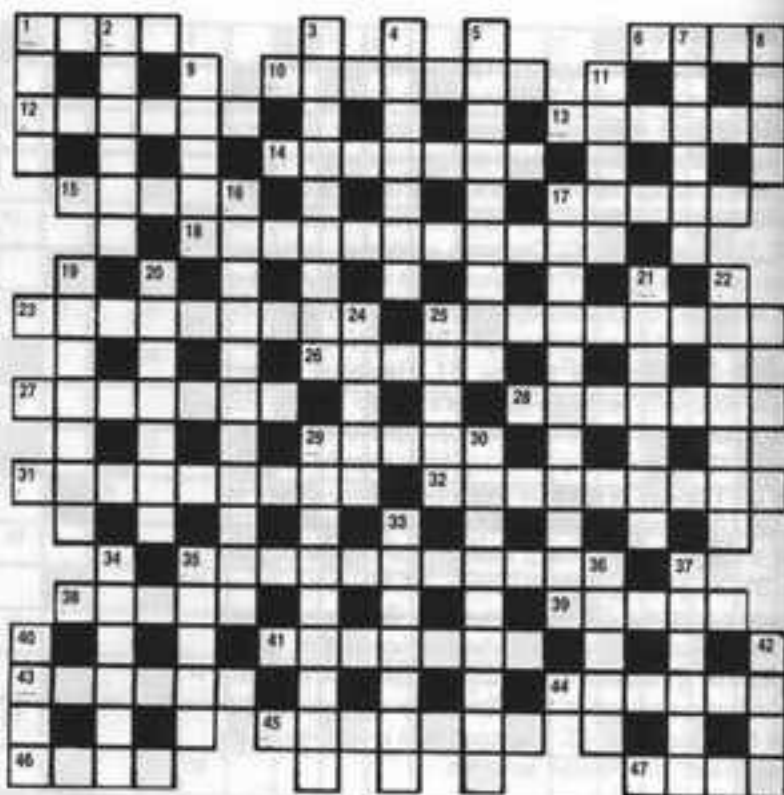
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали.

3. Град. 6. Мышь. 8. Яблоно. 9. Щуча. 12. Раут. 13. Филлида. 14. Палоло. 15. Ванх. 16. Диана. 19. Волк. 21. Наг. 22. Юнг. 24. Орех. 25. Низинь. 28. Номад. 28. Рых. 30. Бренди. 32. Тюрма. 33. Хен. 36. Эпсом. 37. Зыбна. 38. Бизе. 40. Пат. 41. Тик. 42. Уйма. 44. Рабле. 48. Лопь. 50. Хитрец. 51. Пустота. 52. Духи. 53. Нент. 54. Дноуль. 55. Вьюк. 56. Сила.

По вертикали.

1. Обвал. 2. Мономах. 3. «Город». 4. Анула. 5. Чуфа. 6. Малх. 7. Шлифовальщик. 10. Нинс. 11. Байна. 15. Ванька. 17. Ирис. 18. Нюня. 20. Лобби. 21. Нетерпимость. 23. Болос. 27. Идеос. 29. Гарем. 31. Цезарь. 34. Ныта. 35. Уноп. 38. Биагтон. 39. Шурпа. 43. Соте. 45. Бруни. 46. Ехида. 47. ... метля. 48. Лонк. 49. Нанр.

КРОССВОРД
Составил
А. Кимарцев,
Пестово
Новгородской
области

По горизонтали.

1. Настоящий профессионал. 6. Румяна сабли, шлаг. 10. Навязское мушье из баранины, спрятанной в тесто. 12. С чего начинается родина? [суть фразы]. 13. Нухонный механизм. 14. Озорник, сорванец. 15. Ствол плодового дерева. 17. Ренут – терплю, быют – терплю, и за все добром плечу [загадка]. 18. Тук, разренкламированный еще Ю. Либихом. 23. Травя. Настой ее цветов успокаивает сердцебиение. 25. Вдыхание паров в лечебных целях. 26. Намен на будущий концерт, спелтантъ. 27. Имя писательницы де Сталь. 28. Гулянье, зесталь. 29. Твердь. 31. Телеигра «Счастливый случай» по форме. 32. Поведение дьяна при уходе за Солохой в повести Н. Гоголя. 35. Способность глаза менять фокус зрения. 38. «Замолли ... чужих песен», – сказал М. Лермонтов о погибшем А. Пушкине. 39. Слуга в ружейной охоте у дворян. 41. Музыкант оркестра. 43. Напот Ананил Ананиевича. 44. Город на Черном море, самый натамбный в мире. 45. Кондитерское тесто, в котором яиц по весу больше муки. 46. Шпиль. 47. Рыба, лучше всего клюющая в теплую пасмурную погоду.

По вертикали.

1. Эпизод Зюзиана А.Н. Толстого и Л. Толстого. 2. На кандал пальце у тапире. 3. Новелла С. Цвейга. 4. Герой первого советского «говорящего» фильма «Гутевна в козья». 5. Эпоха, донесшая до нас «Дон Кихота» Сервантеса. 7. Самые «музыкальные» бобы. 8. Категория, разряд. 9. Сыщик, настолько «онивленный» литературой, что люди пишут ему до сих пор. 11. «Медицинские» горы. 16. Роман Т. Манна. 17. Обработка стали ради ее упрочения. 18. Уграт доброго имени. 20. Нотный знак, удлиняющий паузу. 21. Русский математик, доказавший неустойчивость грушевидных фигур. 22. Сменная магнитная деталь внешней памяти IBM. 24. Российский черноморский курорт. 25. Похож пахнущее вещество, применяемое в парфюмерии. 28. Философское учение о бытии. 30. Поэт, приятель А. Пушкина, упомянутый им в «Евгении Онегине». 33. Форма ольнего водворота. 34. Римский сатирик-пессимист. 35. Самая нивучная рыба. 36. Одного поля... (такой же непутевый). 37. Самая популярная из писательниц мира. 40. — на манушке (весь внимание). 42. Властелик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали.

1. Пятница. 5. Щербина. 11. Фантомас. 14. Херсон. 16. Санаторий. 17. Рети. 19. Цент. 20. Неф. 21. Ленон. 22. Дей. 23. Сбир. 26. Нью. 27. Нулуша. 28. Понта. 31. Майна. 32. Эвадор. 35. Ваал. 37. Безе. 38. Нир. 39. Ветла. 40. Дед. 41. Улем. 44. Гаев. 45. Белинский. 49. Затмение. 50. Теренция. 51. Юкагиры. 52. Толстяк.

По вертикали.

2. Ягнитын. 3. Наос. 4. Цян. 6. Егер. 7. Блай. 8. Наплейка. 9. Аферист. 10. Светляк. 12. Мат. 13. Сапелна. 14. Холод. 15. Риф. 18. Иерусалим. 19. Центробег. 24. Шутка. 25. Номер. 29. Онулист. 30. Зефуизм. 31. ... Манестик. 33. Редакция. 34. Сенвойя. 36. Пенне. 42. Фен. 43. Чир. 45. Берг. 46. Литр. 47. Нето... 48. Йенс.

Часто натюрморт представляется нам очень простым жанром. Достаточно взять несколько цветков, яблок да одну-две вазы – вот и “благодатная” тема. Но если художник наделен истинным талантом, происходит чудо: из обыденного зрелища, из простой темы рождаются интересные, оригинальные работы. Мир картин молодого московского художника Сергея Лычагина – это таинственные, полные неких-то предчувствий, переходящие один в другой цвета и связанные друг с другом, но сохраняющие при этом свою индивидуальность формы. В каждой картине Сергея есть своеобразная одухотворенность, даже в тех, которые, казалось бы, состоят из случайной комбинации цветовых пятен, чувствуются глубокий смысл.

Свой выбор в живописи Сергей сделал не сразу, пробовал опыты во многих жанрах. В арт-клубе “Светлояр” занимался в секции скульптуры. Но хорошо удавались ему только вазы да барельефы. И счастью, быстро понял, что скульптура не его призвание. Затем увлекся модерном. Этот стиль оказал влияние на художественную манеру Сергея. “Вслед за реализмом модерн в какой-то мере отрывает реальность и одновременно эстетизирует ее, преобразует, а в некоторых случаях – даже деформирует”. Соединение реального и условного, непосредственно увиденного и рожденного фантазией стало главным в мышлении художника. Затем Сергей открыл для себя французских импрессионистов. Появились работы под влиянием Сезанна, Ван Гога, Гогена... Но вторичность в искусстве – неблагоприятное занятие, ибо художник теряет свою индивидуальность, превращаясь в подражателя. Неудовлетворенность и в то же время некая самоутверждения привели Сергея к неожиданным решению. Он поступил на гримерное отделение Театрального художественно-технического училища. Кроме рисунка и живописи, там преподавали искусство грима и пострига – то есть изготовление париков, бороды, усов. Тема его диплома – образ пса в сплетаче “Синяя птица”. Тогда же Сергей “заболел” театром. Разработал для себя особую программу для “духовного и физического роста” – ставил по несколько этюдов в день и серьезно занялся гимнастической гимнастикой. “Стремился к гармонии души и тела”. Любовь к театру привела-таки Сергея на сцену – в учебном театре он сыграл Серино де Бернгерана. “Мне прочили антерсную карьеру. И, может быть, впервые в жизни я всерьез задумался – какой же путь я в состоянии пройти...”

Живопись перевесила. Для продолжения учебы Сергей выбрал художественно-графическое отделение Московского педагогического института. Этот факультет всегда пользовался доброй славой за хорошую реалистическую школу. И именно в институте к Сергею пришел интерес к жанру натюрморта.

Сейчас художник ищет пути к уравновешенности, спокойствию, смело уходя от своих ранних экспрессивных работ. Он освобождает сознание от суетности бытия, стремясь к созерцательности и романтизму, и убежден, что у каждого предмета, к которому принадлежит художник, своя душа, необходимо только вступить в диалог с этой душой. “Есть две реальности – явная и тайная, – говорит Сергей. – Они различны, но неразлучны. Поэтому я ищу гармонию в их отношениях средствами живописи. Предметы многое “рассказывают”. Постепенно, легко, без напряжения, как бы шло меня, раскрывают тайны своего движения... А я только представляю свою версию их жизни...”

Яблоно и цветы

группа

«КВАРТАЛ»

